

Доминик Рише с 3-м поколением январь 1970 года

Лучшая возможность умереть

Что принесет ночь, Жизнь или смерть?

Мой опыт войны 1914 1918 года

Перевод полной немецкой рукописи на русский язык
ДАНЬЕЛОМ LAUTIE

Первая публикация Анжелики Трамиц и Берндта Ульриха.

Копия блокнотов Доминика Ришера была сделана Жан-Клодом FAFFA.

9 оригинальных ноутбуков представлены публике на постоянной выставке в Мемориале Высокого Эльзаса по адресу: 43 rue de Bâle, Danmarie 68210 France.

Право Доминика Ришера на идентификацию в качестве автора этой работы было заявлено им в соответствии с Законом об авторском праве, дизайне и патентах 1988 года.

Право русского переводчика, Даниэля Lautie, быть идентифицированным в качестве переводчика этой работы, было подтверждено им в деле

в соответствии с Законом об авторском праве, дизайне и патентах 1988 года.

Авторское право © Доминик Ричер, 2021.

ZY431M2

ISBN-978-2-9565862-5-8

Доминик Ришерт

Что принесет ночь, Жизнь или смерть?

Мой опыт войны 1914 1918 года

- 1 -13 августа 1914: Милуз
- 2 - 19 августа 1914: Саарбург
- 3 - Август 1914 Июль 1915 : Тул
- 4 - октябрь 1914 - Дуай
- 5 - апрель 1915: Цвинин Берг
- 6 - май 1915 года: Остгализен

Там я увидел первых русских

Доминик Ричертс Кригсрайз 1914 - 1918 гг.

Примечание на карте

В книге названо большое количество мест, и со времени написания книги многие из них поменяли свои названия.

Содержание

Лучшая возможность умереть.....	3
Мой опыт войны 1914 1918 года	5
Уроки крестьянского солдата о гуманности,.....	14
Мой опыт войны 1914 1918 года	21
Номер 1 на карте.....	24
Битва при Мюлузе.....	25
Номер 2 на карте.....	28
20 августа 1914 года.....	34
21.08.1914 - Битва под Лоркеном	35
22, 23 и 24 августа 1914 года.....	36
25 августа 1914 года - перерастание в мятеж.	37
Лесной бой под Тьявиль-сюр-Мёрт.....	40
27 августа 1914 года.....	44
Нападение на Мениль Англемон.....	46
Номер 3 на карте.....	46

Путешествие в северную Францию.....	61
Номер 4 на карте.....	61
нападение на деревню Вильгельм.	66
Живанши-ле-ла-Басе.	75
Ужасная ночь борьбы с индусами 22 -11 - 1914 гг. ..	77
ИЗГНАНИЕ РУССКИХ ИЗ АВСТРИИ	98
Там я увидел первых русских.	101
Назад на фронт: в снегу Карпат март 1915 г.	101
Там я увидел первых русских.	101
Драки и штаммы в Карпатах	106
9 апреля 1915 года - завоевание звининской горы..	111
Номер 5 на карте.....	111
начало большого наступления в мае 1915 года.....	117
Номер 6 на карте.....	117
26 мая 1915 года	129
27 мая 1945 года	134

Переход и борьба на днестре.	140
Второй переход Днестра Июнь 1915 г.	148
Дальнейший курс наступления.	152
Номер 7 на карте.	152
Бои под Злотой липой ½ июля 1915 г.	160
Двое напали на Р. Золотая Липа. 2 июля 1915 г.	165
Марш в Российскую Польшу	175
Бои в русской Польше в конце июля 1915 г.	179
Нападение на рубешов 30 июля 1915 г.	182
Хелмовая битва (русский поляк) августа 1915 г.	185
Битва при Володаве в начале августа 1915 г.	189
В военном госпитале в Лемберге.	198
Поездка в Германию	199
В доме отдыха в Всхова.	204
Конец сентября и октябрь 1915 г.	204
В резервном батальоне 41-го пехотного полка	206

На смене пулемётной компании в Балтийске.....	213
на северном фронте России в январе 1916 года.	218
С ротой мв, пехотным полком 44.....	219
Мой первый праздник в конце октября 1916 года. .	235
Сзади спереди	241
Номер 8 на карте.....	241
Со 2 -01- по 14 -02- 1917 года северные русские	248
Государственный переворот против позиции	254
России в январе 1917 года.	254
38 градусный холод января 1917 года.....	257
Назад на позицию - конец января 1917 г.	258
На позиции с полком 332.....	265
Голод.....	267
Движение войск после фронта Рига.	282
Наступательная река Западная Двина в Икшкиле ..	285
- 2 сентября 1917 года.	285

Номер 9 на карточке.....	285
Мой второй отпуск.....	294
Перемирие с Россией!.....	305
Жизнь в Рига.....	305
Наступление против большевистской оккупации ..	322
Прибалтийские провинции Лифляндии и Эстонии	322
Номер 10 на карте.....	322
Путешествия из России во Францию	343
24 апреля 1918 года, -.....	353
Нападение Виллера-Бретонна.....	353
25 апреля 1918 года.....	365
8 мая 1918 года - День спорта дивизии.	381
Номер 11 на карте.....	381
Потом мы пошли на фронт.....	386
Назад вперёд	399
В пулеметном гнезде сова мая 1918 года.....	399

Начало июня 1918 года - снова в отпуске.....	405
Испанский грипп - в Меце - начало июля 1918 г.	416
Спасены, все дальше и дальше от фронта.	422
Подготовка к дезертирству.....	433
Ночь с 23 на 24 июля 1918 года. - Дезертирство.....	435
Спасён! Все дальше и дальше от фронта.....	446
24 июля - 3 августа 1918 г. - Жизнь во Флавиныи...	453
Жизнь в Форт Бурглемонте.....	456
В эльзасском лагере для военнопленных.....	461
На ферме Poissyat, недалеко от Saint-Haix (Луар)...	465
Ende der erwählung!	474
Список городов, которые пересекает Доминик Ришерт	474

Уроки крестьянского солдата о гуманности,

преподнесенные немецким историком:

В 1987 году молодой немецкий историк Бернд Ульрих сделал удивительное открытие в Федеральном военном архиве во Фрайбурге. Молодой немецкий историк Бернд Ульрих в поисках писем, отправленных солдатами Первой мировой войны своим семьям, сделал удивительное открытие: рукопись, состоящая из более чем трехсот печатных страниц, описывает повседневную жизнь немецкого солдата на фронте. Автор текста - "Доминик Ришер, фермер из Сен-Ульриха в Эльзасе". Сначала мы скептически относились к подлинности рукописи, но вскоре были очарованы ее лапидарным стилем, сильно отличавшимся от других военных рассказов и мемуаров. Доминик Ришер действительно отказался от всего "героизма". С самого начала войны он не проявлял особого энтузиазма к походу на фронт. Ему потребовалось бы четыре года, чтобы осуществить свой все еще неудачный план "дезертирства". Его нежелание идти на войну было тем более достойным восхищения, что пацифизм не был обычным явлением в войсках. Многие немецкие солдаты, особенно крестьяне, были убеждены, что, опустошая далекие земли, они защищают свою родину от разрушения. Для Доминика Ршера, его маленькой родины, значение имела только его деревня Сундгау, которая тогда находилась на франко-германской границе и была поставлена на линию фронта на время войны с

1914 по 1918 год. Доминик Ришер хотел только одного: чтобы война закончилась, чтобы он мог вернуться домой. Всегда вдали от фигур героев-солдат,

В своих мемуарах Ришер не стремился к роли, уверенности как боец, влюбленный в славу и храбрость. Таким образом, он способен подробно описать именно те ужасы, которые он пережил, страх, которые сопровождали его в бою, но и вызвать, не без гордости, стратегии, которые он придумал, чтобы избежать сражений он считал бесполезным. Никаких абстрактных мотивов, только человеческое оправдание: я не хочу убивать, потому что не хочу, чтобы меня убили. В противоположных окопах, он видел - за несколькими исключениями - никаких врагов, чтобы убить, но люди, отцы, крестьяне, бедные дьяволы, как он. Человеческие чувства Доминика Ришера искренни, бездумны, иногда немного двусмысленны. Он боится того, чего не знает. Без колебаний, он меняет свой тон, чтобы адаптироваться к оппонентам, которых он обнаруживает. Залив, отделяющий его от английских колонистов - "черных" и "индейцев", как он их называет, - больше, чем у русских. Что касается англичан, уже чуть менее "иностранных", то они не так хорошо знакомы, как французы. Все, что Ришер исследует - страны и народы - в манере странствующего этнолога 19 века: он задает вопросы и записывает это. Таким образом, читатель найдет в аккаунте Доминика Ришера больше, чем предполагал автор. Его язык и поведение развиваются очень естественно, когда он становится унтер-офицером. Он

относится к своим подчиненным как к товарищам, продолжает называть их по имени, беспокоится об их проблемах, но проявляет чувство ответственности и интересуется новыми предметами, такими как оружие. Поэтому данный текст ни в коем случае не является классическим "военным дневником", хотя автор детально описывает боевые сцены. После первоначального изучения рукописи возник вопрос о том, существует ли рассказчик на самом деле или он просто литературная фигура, созданная автором, который объединил в инсценированной постановке военные сцены, пережитые другими., сделанной правдоподобной путем написания от первого лица сингулярно, с точными местами и датами? Этот вопрос заслуживает того, чтобы его задать, потому что литературные качества текста настолько сильны и нетипичны. Необходимо было провести небольшое расследование. Вот как мы отправились по стопам солдата Доминика Ришера. Первая зацепка - имя на обложке рукописи, указывающее на то, что текст был отправлен из Парижа во Фрибург-ан-Бризгау неким Жан-Клодом Фаффа. В 1987 году в Париже не жил ни один человек с таким именем. Тупик. Вторая зацепка", - в своей рукописи Ришерт говорит о компаньоне из военного госпиталя, в семье которого он провел свой первый отпуск. Небольшой немецкий поселок на Зиге больше не существует, вероятно, прикрепленный к другой коммуне. Но некоторые указания автора (количество километров пешком между станцией и этой небольшой деревней) позволили после картографических исследований и составления телефонного справочника найти сына этого друга. Он

сказал нам имя деревни Доминика Ришера, Сен-Ульрих, в Сундгау, на южной окраине Эльзаса, недалеко от Швейцарии и территории Бельфорта. Две семьи из этой деревни носили отчество Ришера, которое также очень распространено в Эльзасе. Это были два сына Доминика, Ульрих и Марсель. Была налажена богатая переписка. Доминика Ришера, как мы и предполагали, больше не было в живых. Он умер в 1977 году в возрасте восьмидесяти четырех лет и работал на земле до преклонного возраста. Родившийся в 1893 году, он поступил в школу примерно в 1900 году, только чтобы оставить ее, несмотря на хорошие результаты через семь лет, так как его родители нуждались в нем на ферме. Вызванный в армию в 1913 году, он вернулся через пять лет и, возобновив работу в поле, сразу же начал писать - на немецком языке - свои мемуары, работая в месяцы относительного бездействия зимой. Доминик Ришер женился на Адель Кайзер, дочери мельника, в 1922 году. Доходы были слишком низкими, чтобы прокормить небольшую семью, и Доминик Ришерт был вынужден работать в лесу, чтобы пополнить бюджет. Несмотря на всю суровость своей жизни, бывший солдат оставался жизнерадостным, отзывчивым и внимательным. Он любил рисовать, рисовать и петь в хоре. И он много читал", книги, которые ссылались на его собственный опыт, рассказы о путешествиях, романы. Его любимые книги были - это удивительно? - А l'Ouest rien de nouveau" Эриха Марии Ремарка и "Les Croix de bois" Ролана Дорджелеса в его немецком переводе 1930 года. Вторая мировая война, после Первой, оказала

сильное влияние на Доминика Ришера. Эльзас, будучи присоединенным к Рейху, ветеран не хотел, чтобы прошлые драмы поймали его сыновей. В 1941 году немецкая гражданская, а затем и военная служба, стала обязательной для молодых эльзатийцев. Немецкие оккупационные силы угрожали депортировать родителей тех, кто уклонился от этой обязанности, но ветеран Доминик Ришерт не хотел, чтобы его сыновья испытали те же кошмары, что и он, поэтому он подтолкнул их к контрабандному провозу в Швейцарию. Это было смелое решение, даже самопожертвование, потому что Ричерты были арестованы полицией и депортированы в Германию, приговорены к каторжным работам на ферме в Пфальце до тех пор, пока они не были спасены союзными войсками в 1945 году. Это то, что сыновья Ришера написали нам в письменной форме, пригласив нас приехать и на месте познакомиться с миром их отца. Семья сохранила оригинальные рукописные тетради, восьмиквартальные, наполненные плотным почерком, немецкой каллиграфией Sutterlinschrift. Это не одна из тех оборванных и исправленных рукописей невоспитанных писателей. Немногие слова добавляются или вычеркиваются, запинаятся или повторяются. Доминик Ришерт знал наизусть то, что должен был написать. На месте мы узнали, что солдат-писатель тоже был выдающимся рассказчиком. Каждое воскресенье днем, за столиком завсегдаев кафе в соседней деревне Мертцен, он встречался с друзьями и родственниками, молодыми и старыми. Когда он начал говорить, столы замолчали, стулья сдвинулись ближе друг к другу, и люди внимательно

слушали. После того, как он закончил писать свои тетради, Доминик Ришерт положил их в ящик на чердаке дома. Они были заново открыты задолго после последней войны, во время весенней уборки. Одна из тетрадей была съедена мышами. Уступив настойчивому давлению своих сыновей, Доминик Ришер приступил к реконструкции недостающих пассажей. В то же время молодой студент, друг семьи, Жан-Клод Фаффа, загадочный отправитель рукописи, начал печатать текст, убежденный, что эти тетради, представляющие наибольший интерес, нужны читателям. Но все усилия найти издателя были напрасны. Кроме одного. Генрих Белль, которому была адресована рукопись, подтвердил качество текста и сказал, что готов передать его в архив. Это было сделано во Фрайбурге. Именно там мы обнаружили рукопись и начали готовить издание. В то же время семья Рише приступила к переводу тетрадей на французский язык, который был доверен зятю Ульриха Ришера, Марку Шублину. Таким образом, эти две инициативы позволили, с разницей в несколько лет, опубликовать мемуары Доминика Ришера на немецком, а затем и на французском языках - двух языках выражения автора и двух стран, которые были наиболее противопоставлены в Европе в течение его жизни. Убедившись в реальном существовании автора рукописи и реальности его воспоминаний, мы хотели проверить достоверность мириады военных сведений, предоставленных Домиником Ришером: даты операций, подробности боевых действий, задействованные части, упомянутые люди и места и т.д. В немецких военных архивах Потсдама мы нашли,

чудесным образом пережившие бомбардировки 1945 года, дневник марша 112-го пехотного полка страны Баден, где Доминик Ришер отслужил в начале войны. Противостояние двух документов было поразительным", все совпадало в мельчайших деталях, датах, местах, именах... Опираясь на тщательно записанные события, отражения Доминика Ришера приобрели, таким образом, несравненную плотность, точность и силу убеждения. Рассказчик никогда не позволял себе быть впечатленным драматическим весом обстоятельств. В центре своих наблюдений он всегда пытается обнаружить проблески надежды: зная, как показать жалость и солидарность во времена, которые ставят под сомнение обязанности человечества, оставаясь верным себе, он дает слово обратно всем своим братьям по оружию, победивших или побежденных, которые замолчали после войны, неспособных даже признать для себя тщеславие их жертвы, или ужас войны. Несмотря на то, что он оказался на стороне победителей, благодаря опасностям истории - Эльзас снова стал французом в 1918 году - Доминик Ришерт был убежден, что, будучи солдатом в первой "современной мясницкой лавке" 20-го века, он всегда был на стороне проигравших, тех, кто был приговорен к смерти. Он передает нам вселенскую истину человека, который понимает только в мелочах то, что с ним происходит, но способен оставаться верным вечным требованиям уважения к человеческому достоинству. Доминик Ришерт мог бы сделать свой собственный девиз храброго солдата Хвейка: "Я верю

в Бога, который позволяет пушкам расти, а также в пшеницу, в которую их бросают". »

Мой опыт войны 1914 1918 года

В возрасте 20 лет я был призван в армию 16 октября 1913 года и направлен в 1-ю роту 112-го пехотного полка, который находился в гарнизоне в Мюлузе (Эльзас). Примерно через полгода мы завербовали солдат, которые были обучены на учениях, распространенных в немецкой армии, чтобы стать воинственными солдатами. В середине июля 1914 года наш полк прибыл в Хойберг, на границу между Баденом и Вюртембергом, для более широкой боевой подготовки. Иногда за нами гонялись как можно более жестоко и шлифовали.

Утром 29 июля 1914 г. у нас была бригадная учения, а днем - резкая стрельба из полевой артиллерии. Так как нам разрешили смотреть, я тоже поехал туда, потому что считал, что, возможно, у меня больше никогда в жизни не будет такой возможности. Полевая стрельба была очень интересной. Я стоял за орудиями и видел, как разрывались осколки и как гранаты воздействовали на установленные цели. Мы, солдаты, не имели ни малейшего представления о надвигающейся войне. 30 июля 1914 года мы рано легли спать, очень устали от службы. Примерно в 10 часов вечера дверь внезапно открылась, и сержант роты отдал приказ встать немедленно, так как начало войны было неизбежным. Мы подъехали из сна, никто не смог сказать ни слова в первый момент из внезапности. Война, где, с кем? Конечно, вскоре все согласились, что это, вероятно, опять пойдет против

Франции. Потом один из нас начал петь песню "Германия, Германия превыше всего". Почти все упали, и вскоре песня зазвучала в ночи из сотен солдатских глоток. Я совсем не интересовался пением, потому что сразу подумал, что ничто не может быть застрелено на войне. Это была крайне неприятная перспектива. Я также беспокоился, когда думал о своих родственниках и своей родине, которая была близко к границе и поэтому находилась в опасности быть уничтоженной.

Теперь мы собрали вещи в спешке, и все же на №8 отправились на станцию Hausen, которая находится в Донаутале. Поскольку для нас не было поезда, мы вернулись в лагерь до следующего вечера, только чтобы вернуться в наш гарнизонный город Мюлуз в переполненном поезде, переполненном, как селедка соли в бочке. Мы прибыли в 6 часов утра, 1 августа 1914 года, и прошли в казармы. К полудню должно было быть пора спать, но уже в 9 часов я проснулся с несколькими другими товарищами. Мы получили в камеру военное снаряжение, все совершенно новое от головы до ног, затем каждый из нас получил по 120 патронов под напряжением. После этого нам пришлось пойти в арсенал, где заточили наши боковины.

Потом мои отец и сестра снова пришли ко мне, чтобы принести деньги и попрощаться. Теперь приказ о том, что никому из гражданских лиц не разрешается входить в казармы. Затем мне разрешили поговорить с моими родственниками за воротами барака. Это было трудное прощание, так как они не знали, увидимся ли мы снова. Все трое плакали. Пока мы

продолжали, мой отец предупреждал меня, чтобы я всегда был очень осторожен, и чтобы я никогда ни в чем не был добровольцем. В этом назидание не было необходимости, потому что моя любовь к моей стране была не столь велика, и мысль о смерти так называемой героической смерти наполнила меня ужасом.

3 августа французский самолет облетел город на большой высоте. Все солдаты ударились в воздух. В любой момент мы думали, что он разобьется, но он кружил тихо. Многие мирные жители собрались на привокзальной площади, чтобы посмотреть. Внезапно один из мирных жителей закричал: "Бум! ("Бомба!")" Толпа гражданских разбегалась, крича и исчезла в участке и окружающих зданиях. Я сам прыгнул в участок и ждал, пока бомба взорвется. Все молчаливо. Поэтому я отважился выйти из-под крыши, посмотрел на высоту и увидел спускающийся предмет и что-то трепетающее. Уверен, что это была не бомба, я думал. На самом деле это был красивый букет цветов, скрепленный красно-бело-голубой ленточкой. Приветствие из Франции эльзасскому народу..

4 августа из Мюлуза в Баден отправились два поезда, заполненные немецкими чиновниками. Говорилось, что идет война не только между Германией и Францией, но и между Германией, Австрией, Венгрией и Турцией, с одной стороны, и Францией, Россией, Бельгией, Англией и Сербией - с другой. 5 августа я шел с небольшим отрядом в Эксбрюкке. Мы пролежали 2 дня на так называемом Колберге к северу от деревни. 7 августа я увидел первых французов, они патрулировали через

кукурузные поля. Мы стреляли друг в друга, но жертв с обеих сторон не было. Свист пуль поначалу сильно расстроил меня. На рассвете мы прошли маршем по мосту через Рейн. Мы оставались там два дня, до 9 августа. Там собралось несколько солдатских полков.

Номер 1 на карте

Утром 9 августа пришло время готовиться! "Теперь мы снова перешли мост через Рейн и вошли в великий Хардтский лес. В течение дня мы лежали в Хардтском лесу. Все унтер-офицеры должны были идти к капитану и получать приказы. Затем командир каждой группы отдал приказ своей группе: Французы заняли линию Хабшайм - Ришайм - остров Наполеона - Балдерс-Хайм и так далее. Мы должны атаковать к вечеру и отвезти их обратно. Наш полк имеет задачу штурмовать деревню Хабшайм, Риксхайм и виноградники между ними. Внезапно весь смех и юмор был взорван, ибо никто не думал, что доживет до сегодняшнего вечера, а боевого энтузиазма и смелости так мало было видно в патриотических сочинениях, что их так похвалили. Теперь пришло время маршировать. На обочине дороги лежал первый мертвец, французский драгун, которому в грудь вонзили копьё. Ужасное зрелище: кровоточащая грудь, застекленные глаза, открытый рот и когтистые руки. Бесполезно, что все прошло мимо..

Рядом с нашими стрельбищами лежало 6 погибших немецких пехотинцев. Теперь мы должны были разойтись по лесу. Перед нами на опушке леса стоят ангары самолетов на парадной площадке в Хабшайме. Поэтому нам пришлось проехать по открытой

парадной площадке шириной 1200 метров. Я подумал: французы нас взорвут, как только мы пойдем вперед. "Подпрыгивай! Вперёд марш! "...комендант закричал. Один сержант остановился. Я не знаю, была ли это трусость или он испугался и упал в обморок.

Битва при Мюлузе

Пули проносились над нами, шипели сквозь листья или хлопали в деревья. С бьющимся сердцем мы все прилепились к лесному полу" Вторая линия, подпрыгивай! Марш!" Мы встали и выпрыгнули из леса. Немедленно пули шипели вокруг наших ушей. За первой линией уже был один погибший и тяжело раненый. Слегка раненые бежали между нами, обратно в защитный лес. Наша артиллерия обстреляла шрапнелью виноградники между Риксхаймом и Хабшаймом. Жужжание снарядов было для нас новым. Треск, дребезжание и шипение принесли нам немалый ажиотаж. Внезапно она бросилась близко над нами: две французские гранаты взорвались едва на 20 м позади нас. Когда я шла пешком, я огляделась вокруг, и когда я увидела дым и куски травы, летящие вокруг, я подумала: "Если бы один из них пролетел между моими ногами, о, дорогой!

Как часто в мирное время мы использовали холостые для нападения на эти кусты; но в то время враг был отмечен красными флагами. Сегодня, к сожалению, все было очень, очень по-другому. Дзень, пуля попала в траву вдоль меня. На 30 см левее, и это было со мной. -Прыгай! Марш!" Все поспешило вперед, и тут же мы попали в большие неприятности. Снова некоторые из них упали на землю, иногда с

ужасным криком. "По местам, начинаем огонь! 1-я, 3-я, 5-я, 7-я, 9-я группы прыгают! 2-я, 4-я, 6-я, 8-я и 10-я группы ведут быстрый огонь. Это были первые французы, которых я видел во время нападения. В кустах я видел только двоих погибших..

Сейчас, когда мы двигались по открытому полю в сторону Хабшайма, мы снова получили сильный огонь со станции и с виноградников. Но лишь немногие из них были ранены. Когда мы штурмовали станцию ура, французы уже снова уступили дорогу. Теперь мы пошли на штурм на виноградниках. Вначале к нам бушевал сильный пожар, но когда мы вскоре поднялись, французы бежали в виноградники и исчезли. Французская позиция состояла "только" из рва глубиной около 50 см, за ним находилась куча белого хлеба и бочка красного вина. Оба скоро потерялись в наших желудках. Даже величайший патриот нашел французский белый хлеб лучше, чем наш хлеб компромисса.

Теперь нам пришлось атаковать Риксхайма с фланга. Ночь пошла. Мы нашли молодого и страстного француза среди виноградных лоз. Мы видели, что ему выстрелили в бедро. Человек из Аннхайма в Бадене хотел забить его до смерти, и мне и моему товарищу Кетгереру из Мюлуза было трудно удержать монстра подальше. Так как мы сразу же должны были двигаться дальше, мы оставили француза лежать там.

Когда мы штурмовали Ришайм с ликованием, французам пришлось отступить, чтобы не попасть в плен. Несмотря на это, во время обыска в домах все еще находились заключенные, которые прятались в

страхе. Большинство солдат были сумасшедшими и хотели видеть французов повсюду в темноте. Повсюду пули шипели и свистели, так что нигде не было ни одного безопасного места от его логова. Некоторые дома загорелись и осветили окрестности. Раненых обеих сторон подобрали, мертвых оставили лежать.

Так как мы все были мокрыми от пота, мы чувствовали прохладу ночи некомфортно и сильно тосковали по нашим соломенным мешкам в казармах. Но уставшие, мы вскоре заснули. Мы были напуганы выстрелами и пулями, свистившими над нами. "Что случилось?" кричали все сразу в темноте. По мере того, как в наших спинах вспыхивали выстрелы недалеко от деревни Ришайм, их число увеличивалось, и даже пулемет начинал дребезжать, было сказано: "...французы у нас за спиной". Произошла неопишуемая путаница. Крики тех, кого ударили, были пронзительными. Офицеры приказали нам выстроиться в линию, лечь и вести интенсивный огонь по местам, где раздавались выстрелы.

На несколько минут все пошло наперекосяк. Внезапно они сказали: "Это немцы". "Прекратить огонь! "Мы должны были петь "Deutschland, Deutschland über alles", чтобы солдаты под Рихгеймом слышали, что мы немцы. Господи Иисусе, это было пение. У нас было столько же жертв от немецких пуль, сколько от французских.

На следующее утро мы отправились на остров Наполеон. Везде, где кто-то видел одиноких мертвецов, немцев и французов, лежащих вокруг, ужасное зрелище. Мы прошли маршем до Саусхейма,

повернули назад, тем же маршрутом обратно в Мюлуз, куда вошли в 10 часов вечера под звуки полковой музыки. Жители были спокойны, и я думал, что могу прочесть на многих лицах, что наше возвращение было нежелательным. В следующие 2 дня мы взяли тревожные каюты в казармах и могли отдохнуть. Большинство из них хотели совершить бог знает какие героические поступки и застрелили огромное количество французов. Особенно те, кто больше всего боялся во время битвы, открывали рот.

Номер 2 на карте

12 августа мы маршировали в направлении Бадена. На следующий день нас погрузили в поезд и отвезли во Фрайбург. Во Фрайбурге мы получили в основном шоколад, сигары, сигареты и фрукты. Распространялись всевозможные слухи: на Северную Францию, Бельгию, Сербию, Россию и так далее. Однако все изменилось, потому что недалеко от Страсбурга мы снова пересекли Рейн. Это было прекрасное, ясное летнее утро, а из окон открывался прекрасный вид на Эльзасскую равнину. Мы оставались в высокой боевой готовности, даже сапоги снимать не разрешалось. Так что, похоже, здесь тоже что-то происходи

К вечеру мы продолжили движение в направлении Саарбурга. На одном уровне приходилось рыть траншеи, настоящую буровую вышку, с маленькими лопатами твердый, сухой глинистый грунт можно было обрабатывать только с большим усилием. Ночью над районом разразилась сильная гроза, она стала темной, и проливной дождь выпал. Ни у кого

больше не было сухой нити на его теле. Вода собралась в наших сапогах таким образом, что мы могли их опорожнить. Мы присели или стояли на корточках в полях .

Мы вышли из церкви и в конце деревни пришли в дом, парадная дверь которого была заперта. Гусары разбили лагерь в сарае. Мы пожали дверную ручку, никто не пришел. Наконец, кто-то спросил: "Кто снаружи? "Три эльзасских солдата", - сказал я, - хотели бы занять четвертаки. Мы в мире, когда можем спать на земле. "Дверь открылась". Мы должны были пойти на кухню. "Боже мой, ты мокрая!" жаловалась женщина, делала нам горячее молоко без спроса и давала нам хлеб и масло, которыми мы наслаждались. Дружелюбная женщина сказала нам, что у нее была только одна свободная кровать. Потом все трое разделись догола и заползли в постель. Хорошая женщина держала нашу мокрую одежду и сушила ее на плите. Когда мы проснулись на следующее утро, все солдаты исчезли из деревни. Женщина принесла нам сухую одежду, и мы все равно должны были позавтракать. Каждый из нас хотел дать женщине 1 Марк за ее усилия: 53 Пфенниг, но она ничего не хотела. С благодарностью мы взяли отпуск. Теперь мы отправились на поиски нашей компании, которую встретили на возвышенности, где накануне вечером мы прорыли траншею.

Аккумуляторы были установлены скрытно. Вскоре всем нам стало ясно, что здесь мы должны остановить французов. Несколько дней прошло без происшествий. 18 августа в нас пролетели французские гранаты; те, которые попали в пол болота

рядом с нами, не взорвались, в то время как другие взорвались с громким шумом на твердых сельскохозяйственных землях. 19. August 1914 – schlacht bei saarburg

В ночь с 18 на 19 августа французы оккупировали деревни перед нашими линиями и земли между ними. Рано утром был отдан приказ о всеобщем нападении на французов. С одним ударом весь смех и юмор исчез. У всех лиц было одинаковое серьезное, напряженное выражение. Что принесет этот день? Не думаю, что кто-нибудь думал об отечестве или о какой-нибудь другой патриотической мистификации. Озабоченность собственной жизнью отодвинула все остальное на задний план.

Не успела она исчезнуть за первыми домами, как в деревне началась большая перестрелка. Вся компания была уничтожена, за исключением четырех человек. Внезапно началась немецкая артиллерийская стрельба, и французы ответили. Битва началась. Несколько французских гранат попали близко к окопу, так что люди бросились на секунды на пол окопа. Теперь мы вышли на дорогу и ползли - в основном на четвереньках - вперед по рву. Слишком рано французская артиллерия нашла нас. Внезапно раздался жужжание, над нами раздалась молния, лопнула шрапнель, но никто не пострадал. Ссст-бам-бам. Крики то тут, то там, мой второй фронтмен кричал, падал на землю, катился и звал на помощь. Это расстраивало.

"Вперёд, марш!" В окопах все движется вперед, но французские пули быстрее и потери накапливаются. "Батальон" слева, роты в четырех шагах друг от друга,

роясь в рядах винтовок. Всего через две минуты батальон шел пешком. Французская пехота, о которой мы ничего не видели, теперь открыла по нам интенсивный огонь. Опять были жертвы. С бегом и волнением наши сердца горели. Французы должны были уступить место нашему превосходству. Некоторые заключенные остались в наших руках. В конце железнодорожной набережной нам пришлось лечь под укрытие и перевести дыхание. Везде можно было услышать гром орудий, разрыв и треск снарядов, шум пехоты и пулеметов. Еще один батальон подошел сзади. "1-й батальон 112-го пехотного полка, под прикрытием, движется налево"! "Мы вошли в дупло, добрались до леса и обошли его примерно на километр, чтобы напасть на деревню со стороны, которую храбро защищали французы.

Поскольку луга вообще не предлагали укрытия, у нас не было выбора, кроме как искать укрытие в ручье за набережной. Мы простояли в воде почти 2 часа, прижавшись к набережной, в то время как осколки разорвали в клочья старейшин и ивы над нашими головами. Трещащий пехотный огонь с грохотом встал навстречу нам. Это невозможно было продолжать.

Дрожащий, уютно устроившийся недалеко от земли, лежал там, ожидая смерти в любой момент. Потом я услышал ужасные взрывы на возвышенности, немного поднял голову и посмотрел вверх. Там плавали огромные черные облака дыма, новые облака дыма поднимались в воздух, вокруг летали комки земли. Немецкая пешая артиллерия держала высоту под сильным огнем. Теперь мы можем взять высоту и

деревню с небольшим количеством жертв. В выкопанном подвале на стройплощадке мы искали укрытие от французской артиллерии. Рядом со мной лежал резервист из Бадена, отец двоих детей. Он вытащил сигару и, зажгнув ее, сказал мне: "Кто знает, может быть, она последняя". Не успел он произнести эти слова, как над нами прорвалась шрапнель.

Заноза проткнула ремешок для переноски Торнистера на груди и проникла в его сердце. Резервист издал крик, подпрыгнул и упал замертво. Два других солдата и наш капитан были ранены. Мы оставались в подвале до наступления ночи. Мы должны были провести там ночь. Я скоро заснул. Внезапно раздались крики и стрельба. "Сформируйте три строки немедленно! Первое, второе колено, третье место! Немедленно открыть быстрый огонь вперед! . В мгновение ока образовались линии, и французская контратака была встречена ужасным стремительным огнем. Тем не менее, местами они доходили до немецких линий, где в темноте сражались со своими штыками.

.Я не мог долго спать. Стуны, крики о помощи и стоны раненых ушли очень далеко в мое сердце. Наконец-то я снова заснул. В 2 часа ночи на полевую кухню наконец-то поступила еда: горячий кофе и хлеб. Потом я заполз в овсянку и проснулся только тогда, когда солнце озарило мое лицо. Я встал. Какое зрелище! Мертвые и раненые французы лежали перед нами так далеко, как мог видеть глаз. Убитые немцы все еще лежали там, раненых уже забрали. Я пошел к следующим раненым французам и дал им чашку кофе.

Как эти бедные люди отблагодарили! Подъехали немецкие машины скорой помощи и увезли раненых французов. Некоторые из мертвых ужасно смотрели на них, другие лежали на их лицах, третьи - на спинах. Кровь, сжатые руки, застекленные глаза, искаженные лица. Многие из них держали в руках винтовки, а у других руки были полны земли или травы, которые они разрывали в агонии. Я увидел много солдат, стоявших вместе в одном месте, я пошел туда и появилась ужасная картина. Немецкий и французский солдаты лежали на коленях друг против друга. Каждый проткнул другого своим штыком и утонул вместе.

Приказ был зачитан корпусом: вчера французы были атакованы в 100 км на Дононе и, несмотря на мужественное сопротивление, были отбиты, так что заключенные попали к нам в руки, оружие было захвачено в плен.

Теперь был зачитан приказ корпуса: Потери оцениваются в 45 000 человек с каждой стороны. Наши солдаты заслуживают полной похвалы за их мужество и героизм, и пусть они будут уверены в горячей благодарности своей родины, и так далее, и так далее.

Мужество, героизм, интересно, есть ли такая вещь. Я почти сомневаюсь в этом, потому что в огне я не видел ничего, кроме страха, страха и отчаяния, написанных на каждом лице. Никакого мужества, храбрости и тому подобного, потому что на самом деле это только ужасная дисциплина, принуждение, которое толкает солдата вперед и на смерть.

20 августа 1914 года

Потом мне пришлось ехать в Бюль с сержантом и 10 человек, чтобы достать патроны для замены того, который был уволен. Рядом с деревней был полевой крест. Граната оторвала ствол креста на высоте колена Спасителя, а также крестовую балку. Спаситель стоял там невредимым с протянутыми руками. Разрушительная картина, без слов.

Примерно в 10 утра было: "Все готово, поехали!" "...и французы снова приближались в нескольких строчках. Домовая ферма во Франции, поместье, которое вскоре сгорело дотла. Никто не думал его тушить. Далеко впереди я увидел лошадь с висячей головой, стоящую в овсяном поле.

Из жалости я всадил ему пулю в голову. Мертвая, она рухнула. На несколько шагов дальше я наступил на что-то мягкое в овсе. Это была оторванная рука с куском рубашки, все еще висящим на ней. Недалеко оттуда, рядом с отверстием в раковине, лежит разорванное тело французского пехотинца или, по крайней мере, владельца разорванной руки.

Но теперь все началось с шрапнели, которая почти вся взорвалась над нами. У тебя даже не было времени броситься на землю. Наш майор по имени Мюллер привел нам пример великого бесстрашия. Выкурив сигару, он прошел между нами, не обращая внимания на разрывы шрапнели, туда-сюда, побуждая нас не бояться. Через несколько минут его сбила французская артиллерия. Лишь немногим стрелкам удалось сбежать.

21.08.1914 - Битва под Лоркеном

Рано утром мы снова отправились в долину деревни Lösungen. Лейтенант Фогель, ворчливый, плохо выглядящий, хриплый человек, после ранения нашего капитана в одиночку вел роту в Льошунген. Когда мы прибыли в деревню, патрули отправились вперед и сообщили: "На холме слева от деревни, почти в нашем тылу, отступает французская пехота". "Мы побежали в деревню и заняли рыночный сад, окруженный прочной стеной. Французы, которые неожиданно пришли к нам на расстояние 400 метров, были внезапно поглощены страшным огнем. Многие упали, другие бросились и открыли огонь. Но они не могли навредить нам, так как мы были покрыты стеной. Некоторые из них держали приклады винтовки высоко, а затем все больше и больше, в знак того, что они хотят сдаться. Мы перестали стрелять.

Несколько французов вскочили, чтобы сбежать. Их застрелили. Французы перестали стрелять. Потом, внезапно, сзади, жужжащий звук. Бум! Над нами взорвалась большая шрапнель. Лейтенант Вогель закричал: "Мотор!" Когда некоторые солдаты колебались, он сбил четверых из них, двое были мертвы, двое ранены".

Мой хороший друг Сэнд был одним из раненых. (Лейтенант Вогель был застрелен собственными солдатами два месяца спустя на севере Франции). 21 августа 1914 г. в правой голени был застрелен 23-летний рабочий сахарного завода Сэнд. Родился в 1871 году, старший гражданский почтовый служащий, не был расстрелян в конце 1914 года: через два дня

после боя его отправили в Бельгию, где он оставался до 1917 года.

22, 23 и 24 августа 1914 года

Ранняя утренняя тревога, выпивка кофе, марш вперед. Черт, я думал, что теперь каждый день нужно искать смерть. С каким нежеланием я продолжал.

Мы достигли французской границы после нескольких километров марша. Немецкий пограничный пост с орлом был разрушен французами. Я подумал, что, возможно, когда мы пересекли границу, мы должны кричать "ура", но без единого слова мы ухватились за это. Все задавались вопросом, не пересекут ли они границу задом наперёд.

Утреннее приветствие принес французский самолет, который сбросил две бомбы. Но никто не пострадал. Полевая кухня не пришла, голод начался. Впереди нас лежит деревня. Мы надеялись найти там немного еды, но нам не позволили войти в нее и подошли к ней близко. Мы вырвали желтую репку на плантациях, мимо деревьев трясли мира-колокольчики. Но голод - это лучший повар, мы должны чаще испытывать его. Следуй за этой едой: Диарея и как! Больше половины команд пострадали от этого. Многие из них из-за этого заболели и предпочли бы зайти в военный госпиталь, чем долгое время играть героя в поле. От батальонного хирурга каплю опиума на кусок сахара и марш к врагу! О, как нам нравилось, когда нас тащили через двор барака! И кровати! Ах вы, мешки соломы, как мы теперь рады,

что можем растянуть наши конечности сухие и теплые на вас! Вперёд, о нет отдыха, без отдыха.

В полдень мы остановились в деревне. Началась настоящая охота на курицу. Кроликов брали из ящиков и конюшен, вино из подвалов, бекон и ветчину из камина. Я искала гнезда яиц и выпила 6-8 яиц. Потом я зашёл в дом. Ряды молочных горшков. Я протянул руку и поймал горшок, наполненный сладкими сливками. Как это было на вкус, так сладко и прохладно! В самой красивой выпивке я увидел пожилую женщину, стоящую за дверью салона, бледную и дрожащую. Несмотря на то, что я не совершал преступления, мне было стыдно забирать сливки без лишних церемоний. Эта женщина была единственным гражданским лицом, которого я видел в деревне. Либо жители либо укрылись в страхе, либо сбежали. Бах-бах, снова началось с фронта. Именно французский арьергард предложил легкое сопротивление. Пока мы продолжали, мы видели несколько павших немцев, лежащих вокруг. Мы пошли дальше и провели ночь в большом горном лесу. По беспокойству и волнению офицеров можно было сказать, что что-то готовилось к следующему дню.

25 августа 1914 года - перерастание в мятеж.

Ранним утром немецкие батареи начали стрелять без перерыва. Вон там можно было услышать удар от снарядов. Мы были готовы маршировать в лесу и ждали. Командиры роты выпустили. Моя компания была на второй линии огня. "Вперёд, марш!" "Все начало двигаться. Через дерево пробился свет, и лес

остановился там. Не раньше, чем на краю леса появилась первая линия, французская пехота открыла стремительный огонь. Сам лес был покрыт гранатами и шрапнелью французской артиллерией. Вещи умирали между нами и над нами, бегали туда-сюда, как сумасшедшие. Рядом со мной оторвалась рука одного солдата, у другого половина шеи была порезана. Он упал, булькнул несколько раз, кровь выстрелила у него изо рта. Он был мертв. Удар ели посередине упал на землю, никто не знал, где спрятаться. "Вторая линия вперед!" На краю леса я увидел глубокую долину, пересеченную рекой, дорогой и железной дорогой. Деревня и холмы за рекой были заняты французами. Вы могли видеть только несколько из них, они лежали прикрытыми. Везде были видны облака дыма от немецких снарядов. Примерно в 2-х метрах перед нами находился автодорожный мост через реку. По мере того, как мы продолжали продвигаться вперед, все они прижимались к мосту, и французы покрыли его градом шрапнели, пехоты и пулеметного огня. Груды нападавших упали на землю. Невозможно было думать о переходе. Я лежал, дрожа на открытом лугу рядом с дорогой у реки. Я не осмеливался двигаться, я думал, что мой последний час настал, и если я хотел умереть, то не хотел. Я молился Богу о помощи, так можно молиться только в самой большой опасности жизни. Это была страшная, дрожащая молитва от всего сердца, пылкий, мучительный крик вверх. Насколько такая молитва в наибольшей нужде отличается от других молитв, которые обычно состоят только из привычной, часто бездумной поговорки.

Вперед, к шторму через реку! Все прыгнуло в реку, не задумываясь, чтобы укрыться за набережной с другой стороны. Несколько мужчин были поражены осколками в воде и смыты. Никто им не помогал, каждому приходилось иметь дело с самим собой. На окраине деревни было подожжено несколько домов; вынужденные жарой французы были вынуждены отступить от защиты окраины деревни местами. Теперь нам пришлось начать штыковую атаку, и французам пришлось уступить дорогу. Заключенные были взяты. Промокшие, измотанные, мы искали укрытие за домами, чтобы немного отдохнуть. Постепенно стрельба полностью прекратилась. К вечеру нам пришлось атаковать лесистый холм слева от деревни. Мы вернулись в Тьявиль-сюр-Мёрт, чтобы переночевать. Это была штормовая ночь. В результате крушения подожженных домов, несмотря на всю усталость, спать не удалось. Многие животные все еще были привязаны к горящей конюшне и рычали в страхе перед смертью. Ужасно! Наконец-то я заснул. После полуночи я услышал в сарае крик: "Пусть группа лицемеров немедленно спустится! Мы спустились вниз, мокрая одежда прилипла к нашим телам. Восемь из нас, вместе с офицером, отвечающим за подчиненного, должны были взять на себя караульную службу в нескольких сотнях метров от деревни. Там мы стояли или склонялись под проливным дождем, смотрели и слушали в темную ночь. Наконец-то на востоке взошла заря. Что принесет новый день?"

Лесной бой под Тьявиль-сюр-Мёрт.

Когда стало светло, мы ждали облегчения, но никто не пришел. В нескольких шагах от нас стоял маленький домик, который мы даже не заметили в темноте. Рядом с ним в живой изгороди лежал мертвый немецкий пехотинец, полностью промокший под дождем. Во дворе маленького дома лежали два мертвых французских пехотинца. Рядом с одним из них был бумажник. Я взял его. В нем было два 20-франковых золота. Но у меня больше не было смысла тратить деньги и я их выбросил. Наверное, один из французов хотел отдать свои деньги, чтобы его пощадили. Стреляли в лесу. Черт, это опять они! Драконы, отступающие из леса на полном скакуне, сказали нашему бригадному генералу генерал-майору Стангеру, что они встречаются с французами. Затем генерал отдал командирам рот приказ, который нельзя было установить из невоенного досье и который был зачитан каждой роте: "Сегодня заключенных нет". Раненые и пойманные французы будут убиты. "Большинство солдат были жестокими и молчаливыми, в то время как другие радовались этому одиозному приказу, который противоречил международному праву". "Разойтись, марш! "Не было выстрелов. Бах, бах, бах, они ушли. Патроны подошли к нам и попали в деревья. Рано утром прибыли новобранцы. Те солдаты, которые еще не слышали свист пули, испугались лиц. Французские бойцы и альпийские пехотинцы, несмотря на храброе сопротивление, первыми сдались. Раненые французы остались лежать там и упали в наши руки. К моему ужасу, среди нас были такие чудовища, которые

штыками резали или расстреливали бедных беззащитных раненых, умоляя о пощаде. Унтер-офицер моей роты по имени Ширк, капитулянт, в переводе на современный язык, был солдатом старшего возраста, который был зачислен в немецкую армию дольше срока своей законной службы, с усмешкой выстрелил в ягодицы лежащему в крови французу, затем приставил к храму несчастного ствол винтовки, умоляя о пощаде в смертельной агонии, и нажал на курок. Бедняга страдал. Но я никогда не смогу забыть это лицо, искаженное смертельным страхом. Через несколько шагов в лесу в канаве лежал еще один раненый, молодой и красивый мужчина. Сержант Ширк побежал к нему, я побежал за ним. Ширк пытался заколоть его, я парировал удар и кричал в величайшем восторге: "Если тронешь его - умри! "Он посмотрел на меня в недоумении, и не доверяя моему угрожающему отношению, он рычал немного и следовал за другими солдатами. Я бросил свою винтовку на землю и опустился на колени рядом с раненым. Он начал плакать, схватил меня за руки и поцеловал их. Так как я вообще не могла говорить по-французски, я сказала, указывая на себя: "Эльзасский товарищ! "...и сказал ему, что я хочу перевязать его. У него не было бинта. Оба его теленка были пробиты выстрелами из винтовки. Я снял его походку, разрезал карманным ножом красные брюки и перевязал раны аптечкой. Затем я остался лежать рядом с ним, отчасти из жалости, отчасти из-за крышки, которая была у меня в канаве. Я немного поднял голову и больше не мог видеть войска впереди. Непрерывно пули шипят через лес. Рядом были кусты черники, полные спелых

ягод, которые я собирал и ел, это была первая еда примерно за 30 часов.

Потом я услышал шаги позади себя. Это был ротный сержант Пенквитт, очень опасный мучитель в казарме, который заикался несколько раз каждый раз, когда начинал говорить. Подняв пистолет, он закричал на меня: "Будь ты проклят, хочешь идти вперед? Я взял свою винтовку и ушел. Через несколько шагов я встал за деревом, чтобы посмотреть, не хочет ли он навредить раненому. Моим решением было немедленно выкрикнуть его, если он захочет убить француза. Он посмотрел на него и продолжил. Теперь я быстро бежал перед ним через толстые кусты брэмбла. В них лежало 6-8 французов, все на их лицах. Они больше не могли бежать, потому что перед ними были немецкие линии. Я дотронулся до одного из них своим штыком и сказал: "Товарищ... Он смотрел на меня в страхе. Я имел в виду, чтобы он лежал неподвижно, на что он ответил "да" жадным кивком головы. Мертвые и тяжело раненые лежали разбросанные по лесу. Дребезжание и стук не хотели заканчиваться. Слегка раненый пробежал мимо меня. Я прокрался на линию боя, всегда искал прикрытие. С радостью это продолжалось, потери накапливались ужасно. Я стоял с сапожником за буквым деревом, который не обеспечивал достаточного прикрытия для обоих. Шумахер хотел прыгнуть за ель примерно в 5 метрах отсюда, умер на лице и не пошевелил ни одной конечностью. Французы, отступая, поднялись по склону с другой стороны. Многие из них были сбиты, как зайцы. Некоторые из них скатились вниз по склону. Когда мы пересекли ущелье, мы внезапно

получили страшный костер с холма, засаженного молодыми елями. Некоторые сбежали. Майор Мюллер закричал, размахивая мечом: "Вперед, дети, и тут же рухнул замертво. Я не нашел времени осмотреться. Большинство наших раненых остались лежать там. Дальше я слышал, как мое имя звонило два или три раза. Парамедики оставили его там и убежали. Немедленно я позвал сюда трех товарищей. Офицеры остановили всех бегущих назад солдат и заставили их сформировать линию, чтобы отбить французов. Вчетвером нам разрешили отвезти раненого на перевязочную станцию. и он был очень слаб от потери крови. С тех пор, как снова начался дождь, я искал и нашел пустое место на кухне. Боже, как это было в этом доме! Кровь, стон, стон, молитва! . (Через три месяца Шнур скончался в военном госпитале в Страсбурге.) : ранен 26 августа 1914 года выстрелом в бедро, скончался 2 декабря 1914 , ампутации конечностей и отравления крови. Мой сосед по комнате Вётье, бывший смешной ганноверянин, только что вышел из леса. Он прислонился к винтовке во время ходьбы. "Что случилось, Вётье?" Я закричал. "Обе бедра прострелены!" он ответил. "Вот станция первой помощи, - сказал я, - но он был так взволнован и напуган, что не хотел, чтобы его остановили . .

Поскольку я не ел ничего, кроме нескольких черничных ягод в течение примерно 30 часов и более, мой голод разгорался. Там лежал мертвый француз. Я расстегнул рюкзак и вытащил банку мяса и пачку сигарет. В нескольких шагах отсюда лежал мертвый немец. Я расстегнул его рюкзак и заменил

выброшенный. Внутри была железная часть и чистая рубашка. Я тут же снял свою грязную потную рубашку и надел чистую. Потом я съел коробку француза с невероятной жадностью. Медленно спускался вечер. Мои товарищи Гау-терат и Кеттерер тоже были там. Они были умнее меня и спрятались в кустах, как только началась драка. Мы провели ночь на склоне горы под роем дождя. Тупые, мертвецки уставшие, полуотчаявшиеся, мы сидели

27 августа 1914 года

Утром патруль в составе лейтенанта и 8 человек должен был вывезти тело майора Мюллера из леса. Вскоре мы услышали выстрелы с того направления, куда они шли. Никто не вернулся. Как рассказали нам солдаты, майор Мюллер также выстрелил из своего пистолета в двух раненых французов. Хорошо, что его судьба достигла его. Пропал сержант Шик, а также 22-летний мясник, который, согласно бревну, был тяжело ранен в этом бою, как и сержант-револьвер, который также застрелил раненого.

Сейчас я пошел в Тьявиль-сюр-Мёрт за водой для кухонной посуды для приготовления кофе. Рядом с дорогой находилась батарея 76-го полевого артиллерийского полка.

Около полудня мы вернулись через Мерте и прошли около 5 км вниз по долине до небольшого городка Баккара, который был завоеван немцами за 2 дня до этого. Битва, должно быть, была особенно жаркой в Баккаре с моста Мерте. Деловой район на западном берегу реки был полностью сожжен, церковная башня была полна ям. Мы должны были

поставить палатки в городском саду и могли отдохнуть там 2 дня. Рядом с нашими палатками находилась братская могила, в которой отдыхали более 70 французов. Рядом с ним был похоронен баварский майор. Все еще найденные цыплята, кролики и свиньи были украдены и зарезаны, несмотря на протесты различных жителей. Вино, которое еще можно было приобрести, также было украдено из подвалов, и повсюду были замечены пьяные солдаты. Рота пополнилась свежими солдатами из Германии.

Потом она снова пошла вперед, сначала вверх по направлению к Менилю. Слева и справа от дороги лежало огромное количество рюкзаков, винтовок, барабана и труб, выброшенных французами. Далее вверх мы шли через лес, в кустах повсюду лежали мертвые немецкие и французские альпийские пехотинцы. Они уже начинали разлагаться и издавали ужасный запах. На холме за лесом мы вырыли траншеи. Поскольку было жарко, мой сержант послал меня с несколькими блюдами в поисках воды. Я нашла такое в канаве в пустоте позади нас. Я сразу же выпил три-четыре чашки и наполнил кухонную утварь. Мне показалось, что вода имеет гнилой, отвратительный вкус после того, как я выпил ее, я думал, что виноват медленный поток. Рядом с ивовым кустом я увидел мертвого француза, который уже начал разлагаться. Его лоб, разорванный осколком ракушки, смотрел в сторону воды и был покрыт личинками и маленькими червячками. Я выпил воду, просачивающуюся сквозь мертвеца! Меня охватило ужасное отвращение, так что меня вырвало несколько раз. Я опорожнил

кухонную утварь и наполнил ее чистой водой, теперь еще три дня в траншее. За исключением нескольких шрапнелей, сброшенных к нам, все оставалось спокойным. В пустоте перед нами находилась полугоревшая деревня Менил, далее назад деревня Англемон, справа деревня Сен-Барбе

Нападение на Мениль Англемон Номер 3 на карте

Около 10 часов утра офицеры и посыльные бегали вокруг и немедленно принесли приказ о нападении. Шесть линий винтовок были сформированы. "Вперёд марш!" "Все начало двигаться. Наша артиллерия начала обстрел двух деревень. Мы пробыли в окопах три дня. Мы уже были близки к Менилу без единого выстрела со стороны французов. Мы вошли в деревню. Деревня была пуста. Ужасная вонь заставила нас бежать через деревню. Во многих домах скот в конюшнях сгорел до тла и теперь разлагается в летнюю жару. Теперь мы пошли в направлении Англемон. Перед нами много волов, коров и телят бегали туда-сюда. Много скота лежало мертвым на земле. Он съел слишком много молодого клевера на клеверных полях и умер от вздутия. Другой скот был убит пулями. Приблизившись к деревне Англемон, мы внезапно попали под удар французской артиллерии тяжелой шрапнелью. Начался и пехотный огонь. Французы храбро защищались, но уступили место нашему превосходству. *weichen*.

Прямо у одного из первых домов на тачке сидел раненый француз. Солдат из моей роты пытался застрелить его. На мой решительный протест он

отказался. Санитар пришел перевязать рану. Французская артиллерия сосредоточила огонь на деревне. Я прыгнул за высокий, выложенный кирпичом амбарный фронтон, где уже укрывалось довольно много солдат. Внезапно над нами раздался взрыв, кирпичи упали, несколько солдат были сбиты с ног. Граната прошла через крышу и разорвала стену, разорвав большое отверстие в стене. Нигде больше не было никого, кто был бы в безопасности.

Нас едва было видно перед деревней, когда французы начали стрелять как сумасшедшие. Гранаты бьют со всех сторон. Шрапнель рассеяла их свинцовый дождь с воздуха. Рев, шипение, крушение, дым, летучие комки земли и люди, которые были ранены. Граната попала примерно в 3 метра передо мной справа, я невольно наклонился и держал левую руку перед лицом. Меня сбил дым и комки земли. Заноза выбила прикладную часть моей винтовки. Мои два соседа лежали мертвыми на земле. Я сам чудесным образом остался невредим, и быстро поднял винтовку упавшего человека и прыгнул в неглубокое отверстие. Я хотел остаться внутри, потому что был очень напуган. "Ну, Ришерт, продолжай". "Это был унтер-офицер из моей роты. Что мне было делать? Я должна была пойти с ним. Мы бросились в борозды полей. Пуля от пехотной винтовки разорвала глубокую канавку в дереве моей винтовки, прямо под рукой. Из-за постоянно растущего пожара и потерь было невозможно идти дальше. Я бросился в борозду в земле, где уже лежало несколько человек. К счастью для нас у нас все-таки был небольшой покров.

Рядом со мной был гренадер из полка Баден Гренадер. Я вытащил свою лопату, чтобы похоронить себя. Земля была твердой и сухой, я смог выкопать яму только с наибольшей трудностью, лежа. Солдат, лежащий рядом со мной, сказал, что он может лучше копать в борозде за полем, потому что там было картофельное поле, и обработанная почва была не такой твердой, как здесь, на клеверном поле. "Оставайся здесь и не показывайся!" Я сказал. "Всякий раз, когда что-то мелькает, французы стучат, потому что в поле больше никто не виден. . Пинг-понг. Было произведено более 20 выстрелов. Пули шипят на меня. Солдат упал на лицо и не двигался. Я видел только его ноги. Его верхняя часть тела была в борозде с другой стороны.

Резервист Берг соскользнул рядом со мной. "Я свернулся в нору и кивнул, пока снаряд не ударил меня поблизости". "Ришерт, иди и посмотри, что делает гренадер!" сказал Берг. Гренадер стоял на коленях в борозде спиной ко мне, держал голову вниз и держал лопату в руках, но не двигался. "Эй, товарищ!" Я кричала, ползла к нему и трясла его. Потом он упал на бок и застонал. Пехотная пуля пробила голову над ухом. Мозг торчал в виде карандаша примерно на три сантиметра. Я обернул его голову повязкой, но я знал, что больше ничего не могу сделать. Постепенно стон превращался в погремушку, которая становилась все слабее и слабее. Примерно через 2 часа он был мертв. Мы лежали там, пока не стемнело.

Потом пришел приказ : "Снимайте все, собирайте в Англемон!" Все пытались добраться до деревни как

можно быстрее. Раненые попросили о помощи: "Ради Бога, не оставляйте меня здесь лежать, у меня дома жена и дети! "Одних забрали, других оставили лежать. Я слышал крик командира моей роты. "1-я рота, 112-й пехотный полк, собратсья здесь! " снова закричал командир роты. Ни слова не было сказано. Все помнят своих павших товарищей. Деревня была полностью очищена.

Около полуночи меня отправили патрулировать с другим человеком и сержантом, чтобы выяснить, не был ли Англемон снова оккупирован французами. Ночь была темной. Осторожно ползя вперед в канаве, мы слышали приближающиеся шаги. Мы прижались к набережной дороги. Французский патруль из 8 человек медленно проехал мимо нас по улице, едва на 1 метр впереди, но не заметил нас. В деревне можно было слышать, как говорят по-французски. Это дало нам уверенность в том, что французы снова оккупировали деревню. Через некоторое время 6 французов побежали обратно в сторону деревни (задыхаясь, немецкие выстрелы). Двое пропали без вести. Мы вернулись и сообщили. О сне не могло быть и речи той ночью. К утру мы могли бы наконец-то получить еду с полевой кухни.

Когда французы увидели нашу гробницу на следующее утро, они прислали гранаты. Одним из первых был прямой удар, который разорвал троих мужчин на части. Мы остались там на несколько дней. Немецкая батарея полевой артиллерии, которая проехала сзади под прикрытием, через несколько минут была обстреляна французской артиллерией. Это было ужасное зрелище. Вскоре мы вошли в

батарею, где зловоние было невыносимым. Похоже, никто не думал о том, чтобы похоронить их.

Однажды ночью французы попытались напасть на наш ров, но были отвергнуты. На следующий день мой товарищ Райн Камилл из Хагенбаха упал и осколком разбил ему голову. Роджер Альфонс из Сеппуа получил серьезную травму ноги. Французы отступили в лес. Однажды вечером пришел приказ: "В атаку! "Мой сосед Урс сказал: "Ришерт, я не вернусь домой, я чувствую это". Я пытался отговорить его, но он настаивал. Две тонкие линии огня, это все, что мы сделали. Я был в ярости. Какой смысл позволять нескольким людям стрелять в нас до смерти без всякой цели! Были произведены одиночные выстрелы. Дзинь, пули свистнули нам в уши. Мой сосед упал на землю, молча и мертвый. "крикнул сержант Лис-Экке, бросил винтовку и пожал руку. Согласно бревенчатому ранению, полученному 10 сентября 1914 года Шуфой, с левой руки был отстрелен палец. Так-так-так, там пулемет грохнулся. "Ложись, копайся! "Все было на земле и начало копать. Моего товарища Утса и еще двух человек отправили в рощу старейшин и ив около 300 метров впереди нас, чтобы посмотреть, не осталось ли там французов. Медленно затонул вечер.

Патруль все еще не вернулся. Командир роты поручил нам найти этих троих. Мы были очень напуганы, но нам пришлось уйти. 10 сентября 1914 года в 7 часов утра он наткнулся на солдат в патруле. Ему выстрелили в живот. Мы вернулись и доложили командиру роты.

Тем временем стало темно, люди лазили по бороздам и дырам в ракушках, некоторые упали на землю. Но мы знали направление после нашего окопа. Несколько раз солдаты, идущие передо мной, вдруг начали бежать. Что с ними не так? Я думал, что иду дальше, но вскоре сам начал ходить. Ужасный запах трупов попал мне в нос. "Задержи дыхание! Беги!" Запах исходил от трупов, которые уже начали разлагаться. В темноте не было видно. Мы, наконец, добрались до канавы и заняли ее. Наконец-то мы достигли нашего рва и заняли его.

Чувство безопасности натолкнулось на нас, почти все солдаты пробормотали: "Какой вздор! "Пусть несколько человек застрелят до смерти, а потом вернуться обратно без цели!" - "Все там?" спросил командир роты. "Да, сэр!" - "Компания возвращается со всеми своими вещами и собирается в церкви Менила"! "Что это значит? Солдаты спрашивали себя. Мы сложили ранцы, взяли винтовки, вылезли в канаву и пролезли сквозь темноту Мениль . Бедный товарищ Утс, теперь ты лежишь мертвый в этих кустах, но за тобой стоит война, почти счастливее, чем я был, я думал. Когда мы приехали в Мениль , там было полно солдат. Повсюду один и тот же вопрос: "Что происходит? "Компании собираются! ..и остановился в лесу над Бакаратом. В лесу вокруг нас кричали водители артиллерии, водили лошадей. "1-я рота пехотного полка 112" формирует арьергардию! "Поэтому мы были уверены, что территория, которая стоила жизни тысячам бедных солдат, была очищена". Когда все было готово, мы тоже ушли. Мысль о том, чтобы остаться позади и дожидаться прибытия

французов, чтобы сдать, кружилась у меня в голове. Но проклятая дисциплина удерживала меня от этого. А может быть, французы застрелят или заколют меня, из ярости, когда увидят их ограбленные и разрушенные деревни. Так что я продолжал идти. Когда мы пересекли мост Мерте в Баккаре, некоторые пионеры готовились взорвать его. Не успели мы покинуть это место, как огромный взрыв взорвал мост.

Мы прошли около 20 км назад и, наконец, прибыли в деревню, где остановились выпить кофе и хлеба. Несколько часов отдыха. Там была построена траншея. Мы с нетерпением ждали, чтобы остаться здесь. На дальнем расстоянии перед нами мы слышали бум, бум французской артиллерии. Так что они все-таки не заметили нашего отступления и открыли огонь по нашим пустым траншеям. Мы сидели и ждали. Что теперь? Вперед или назад? Сзади мы слышали, как к нам шли войска. Это был запасной полк, который освободил нас.

Мы шли назад, всю ночь, а утром на рассвете пересекли франко-лотарингскую границу в Аврикур. В деревне разместили в сараях. 6 дней мы шли по всей Лотарингии через Моранж, Ремилли, в Вионвиль. От Мец мы снова слышали вдалеке пушечный гром, и к вечеру мы были очень близко к нему. Бррр, гусиные кочки сбегают нам в спину, ужас будущего. Утро было недружелюбным, дождливым и туманным. Мы шли около часа, когда нам сказали: "Рассредоточились - туман исчез, солнце вышло. Впереди нас был лес в 400 метрах от нас. Туда мы и направлялись. Дзинь-дзинь, шипение оттуда вокруг наших ушей. "Вперёд, вперёд, в шторм!" плакали

офицеры. Мы побежали в лес, нырнули и побежали вперед, одинокие падали. Цзин, цзин, цзин, шрапнель, и как хорошо направлено. Ёбанные пистолеты 75-го года! Французы отступили. Мы оккупировали лес. В узком овраге между двумя лесами, битва продолжалась. Говорили, что доктор Батайлоне упал.

Огонь французов ослаб и полностью прекратился. Мы пошли вперед и заняли лес. Французы ушли. Был вечер, и нам пришлось похоронить мертвых французов, лежавших в лесу. Все они были старыми солдатами, около 40 лет. Бедные люди, почти все из них - отцы семей. С лучшей волей в мире, вы не могли выкопать правильную могилу; 30 см земли. Мы накрыли её землёй. Печальная работа закончилась. Никто не смотрел, чтобы увидеть имена или другие опознавательные знаки.

Мы провели ночь в еловой роще. Холодный ветер дул, лил дождь, мы промокли, мы были очень холодны. За что? Для кого? Меня охватила импотентная ярость. Ничего из этого не помогло. Скрежет зубы, близкий к отчаянию, я сел на еловые веточки, которые наклонился и смотрел в ночь, думая о доме, о моих родственниках и о своей постели. Невероятная тоска по дому, и мои любимые пришли ко мне. Мне пришлось заплакать. Я когда-нибудь увижу тебя снова? Едва ли - конец войны, едва ли думаешь, когда. В голове промелькнула мысль: есть ли у меня дом, живы ли мои родители? Или где они? С начала войны я получил оттуда письмо, датированное началом августа. Что там могло случиться с тех пор! Так близко к границе! Может быть, все было расстреляно, сожжено, родственники

сбежали. Куда они сбежали? Меня ужасно мучила эта неуверенность. Теперь мера страданий была полной, и в дополнение к неопределенности своего будущего я беспокоился о своих родственниках и о своем доме. Я больше не мог думать о сне. Я встал, ходил туда-сюда перед лесом, бил меня по рукам, чтобы получить что-то вроде этого теплого. Наконец-то рассвет. Как бы хорошо подошла чашка горячего кофе! Ни полевой кухни, ничего.

Теперь мы отправились в деревню Флири, которая лежала перед нами. Так начался мясной промысел кроликов и цыплят. Всё забрали, как будто хозяев вообще не было. Кто-то почти не видел людей, почти все было спрятано, когда мы приехали. Я пошел в сарай, чтобы подоить немного молока от коровы. С усилием и страданиями я вытащил, может быть, поллитра. Тем временем некоторые солдаты вывели в сарай кур и кроликов, и дверь открылась, а в сарай, испугавшись, вошел старый крестьянин. Увидев пустые ящики с кроликами и курятник, он зажал руки над головой и сказал: "Мон Дьё, мон Дьё"! Человек нашел время, чтобы приготовить что-нибудь. Одни готовили кроликов, другие ощипывали цыплят, третьи грабили пасеку, переворачивали корзины и выжимали мед из боковых стволов, раздавив кучу пчёл. Другие трясли сливы с деревьев. У меня там тоже есть несколько пригоршней. После этого я вырвал в саду несколько картофельных многолетников, взял картошку, почистил ее, положил в варочную посуду, добавил немного воды и соли, и теперь пришло время готовить. Так как я очень любил мед, я также взял немного и положил его в крышку кухонной посуды.

Когда у меня была моя вода, пришел приказ: "Приготовьтесь".

Следующий "Ел или не ел, никто не спрашивал об этом. Я налил горячую воду, оставил картофель, надеясь при следующей возможности закончить приготовление, накрыл крышкой кухонную утварь и отправился в деревню, на встречу с французами. Мы проехали деревню Эсси. Не успели мы покинуть деревню, как снова начались танцы. Французская шрапнель взлетела, к счастью, над нами в начале. Вскоре мы получили слабый пехотный огонь из леса перед нами, а теперь пострадали несколько человек. Наша артиллерия открыла огонь по лесу. Французская пехота отступила. Мы оккупировали лес. Лес был пересечен узкой луговой долиной шириной около 200 метров. Через него была довольно высокая железнодорожная насыпь, которую мы занимали. Внезапно из леса напротив мы получили сильный пехотный огонь; стоявший рядом со мной резервист Калт получил удар и разбился о железнодорожную насыпь. Некоторым другим постигла та же участь. Теперь мы выстрелили через рельсы в лес. Мы не видели французов. Но вскоре их огонь стал настолько сильным, что никто не осмелился поднять и толкнуть его голову. После сильной бомбардировки нашей артиллерии французский огонь прекратился.

Примерно через час был отдан приказ о том, что помощник офицера Бон, 32-летний профессор-стажер, который в 1908 году добровольно занимался этим вопросом в течение года, должен был обыскать лес с четырьмя мужчинами; к сожалению, я был достаточно несчастлив, чтобы быть назначенным в этот патруль.

С встревоженным сердцем, мы вошли в лес, каждый момент рискуя быть пораженными пулей. Мы осторожно прошли через низкий, густой лес, а затем вышли на прямую тропинку, где можно было увидеть край леса с другой стороны. Мы не видели никаких следов французов. Всё ещё бегая по кустам, мы продвинулись по снегу. Вдруг я увидел что-то красное, примерно в 20 метрах впереди нас в кустах. Я готовился стрелять. Поскольку красное не двигалось, мы осторожно шли в сторону ямы, там был пожилой француз, чья нога была полностью оторвана от колена, и чей пень был завернут в рубашку. Бедняга уже был желтым из-за потери крови и очень слабым. Я встал на колени рядом с ним, положил рюкзак под голову и дал ему воды . Он сказал "Спасибо" и указал на пальцах, что у него дома трое детей. Бедняга забрал меня надолго, но мне пришлось оставить его после того, как я указал на него и сказал: "Немецкая больница". "Он бледно улыбнулся и покачал головой, как будто это не обсуждалось. Медленно мы подскользнулись на край леса с другой стороны. Офицер Бон отправил меня обратно с другим человеком и сказал, что лес свободен. Проходя мимо раненого, я увидел, что он держит в руке чётки и молится. Одной рукой он указал на язык, чтобы показать, что он хочет пить. Я дал ему остаток воды из моей столовой. Когда мы проезжали мимо с компанией, примерно через полчаса, он лежал мертвый, все еще держа в руке чётки.

Теперь мы заняли опушку леса, я стоял у входа в проход и смотрел на холмистую местность перед нами. Там я увидел француза на расстоянии около 500

метров. Когда он заметил меня, он лег; сразу же я увидел, Я видел, как поднялся ствол его винтовки., пуля хлопнула в землю. Теперь я заполз в кусты и попытался выкопать яму для укрытия. Земля, однако, состояла из такой сети корней, что это было невозможно. Поскольку нас вообще не прикрывали, вскоре были убитые и раненые. Мой сосед по комнате, Мюндигер, получил пулю через артерию в левом плече, так что кровь выстрелила, как будто из трубки в передней части рукава. Мальчику, тогда 23 года, выстрелили в плечо. Я быстро перевязал ему руку и перевязал рану.

Чтобы выбраться из огня, я привел его обратно с другим товарищем. Теперь тяжелая артиллерия тульских крепостей прислала нам крупнокалиберные гранаты, бросив их в нас и вновь взорвавшиеся в лесу со страшной катастрофой. Когда мы подошли к железнодорожной набережной, где с утра еще лежали наши мертвые, я хотел добраться до села Эссей по железной дороге. Но раненый настоял на том, чтобы пойти по близлежащей дороге. Я не хотел ему противоречить, поэтому мы пошли вдоль железнодорожной набережной к дороге. Не успели мы сделать несколько шагов назад, как под ужасным шумом один из больших снарядов лопнул на треке. Земля, осколки, камни и куски железнодорожного полотна бросились нам на голову, и мы были полностью окутаны дымом и пылью. К счастью, никто не пострадал. Если бы раненый раньше последовал моему совету и прошел по тропе, все трое из нас были бы разорваны на части. Раненый, который ранее несколько раз падал от слабости, теперь мог ходить

так, что я едва мог за ним идти. Но потом он снова рухнул на лугах. Вчера вечером мы добрались до деревни Эсси, где отвезли раненого к врачу.

Так как мне больше не хотелось идти на фронт, я решил провести ночь в деревне. Я пошел к женщине и попросил у нее картошку. Когда я их купил, я дал ей две пятачки. То, как она смотрела на меня! Она никогда раньше не видела, чтобы немецкие солдаты ей что-то платили. Они забрали то, что хотели, и забрали это. Я разжег костер во дворе и приготовил картошку. Затем женщина принесла мне еще литр молока. Когда я хотел заплатить, она не взяла деньги, а указала мне, что я должен пить только тихо. Так как я был очень голоден, он был очень вкусным. После этого я ложился на соломинку в сарае, чтобы провести ночь. Мне было приятно спать спокойно, сухо и тепло.

Ночью меня разбудил шум войск, возвращающихся на дорогу. Я встал и спросил, что это за войска. Это был мой батальон. Я быстро надел свою стаю и присоединился к ним. Примерно в 1 км за деревней они остановились на высоте, сформировали линию и начали рыть траншею. Это была тяжелая работа, потому что ничего не было видно и на глубине около 30 см наткнулся на твердый известняк. К утру мы были на глубине 1 метра. Наш окоп прошел через кусок виноградной лозы. Я ел из наполовину созревшего винограда. Последствиями были боль в животе и диарея. Половина отрядов теперь была допущена в лес дальше позади, это были последние дни сентября 1914 года.

Около полудня была разслана почта, и я получил первое письмо с моей родины, которая была

оккупирована французами с начала войны. Как я была счастлива читать, что мои родственники все еще здоровы и дома. Так как моя родная деревня находилась всего в 8 км за линией фронта, я всегда боялся, что жители оставили то же самое.

На следующий вечер нам пришлось вернуться в канаву. Ночью французы совершили нападение; не видя его, они выстрелили в ночь. Так как было сказано, что они были близко к нашим позициям, наша артиллерия также вела огонь очень короткое время. Постепенно стрельба прекратилась. Когда рассвело утро и застава из 4 человек, которая лежала примерно в 50 метрах перед нами в коротком отрезке траншеи, не вернулась, меня послали вперед с другим мужчиной, чтобы посмотреть, что происходит. Мы ползли туда. Все четверо лежали мертвы, некоторые с винтовками все еще в отключке. Они были ранены немецкой артиллерией, которая стреляла слишком коротко, что показало их раны на затылке и на спине. Согласно журналу, 22-летний сигарист С. около Эсси был убит в результате потертости живота 27 сентября 1914 года. Мы оставили их там, заползли обратно и доложили. В течение дня половина команд оставалась в окопе, вторая половина вернулась, чтобы построить укрытия для резервистов. Так как днем было жарко, мы работали в брюках и рубашке. Вскоре над нами кружил французский самолет, который обнаружил нас в белых рубашках. Он снова прилетел, и вскоре никто о нем больше не думал. Но внезапно он поспешил, и около 8 снарядов попали в нас и сильно ударили рядом с нами. Сразу же раздался страшный крик скорби, как и многие другие. Большинство из них сбежали во всех

направлениях. Я сам нырнул как можно глубже в яму, которую выкопал. Один из панцирей лопнул на куче земли надо мной, которую я сам выкопал. Другой ударил по винтовкам, собранным сбоку, раздавив целый ряд. Теперь я бежал через кусты так быстро, как мои ноги могли нести меня, руки были вытянуты перед моим лицом.

Вскоре я пришел на железнодорожную набережную, где спрятался в проходе, в котором уже приседали товарищи. После того, как стрельба прекратилась, мы подошли к месту работы. Там лежали полностью разорванные тела некоторых товарищей и несколько тяжело раненых. Мой хороший товарищ по имени Крамер разорвал ему живот, так что его кишечник вывихнулся. Он умолял и умолял меня застрелить его, так как он больше не мог терпеть боль. Подошел батальонный врач и перевязал командиру роты, которому оторвало ногу посреди тельца. Затем он осмотрел Крамера, выпрямил кишки, зашил и отдал нам приказ отнести раненого обратно. Мы сделали носилки из столбов, надели на него пальто и палатки, аккуратно подняли на него раненого и увезли его обратно, куда его сразу же отвезли в машине скорой помощи. Через два месяца он написал мне, что полностью выздоровел, так как его кишечник не пострадал, а только кожа и жир живота были разорваны. На следующую ночь была моя очередь за едой. Мы шли по лесной тропинке. Вдруг пехотный шар порвал латунный лист на шлеме, на котором крепится верхняя часть шлема, через два, 2 см глубже, и это было бы со мной. В последнюю ночь сентября мы были освобождены

другими войсками и прошли 35 км обратно в Мец. На рассвете мы приехали туда и разместились в пригороде Лонгевилля в кинозале. Мы проспали три часа, потом была чистка винтовки, потом переключка винтовок. Я предпочел комфортный день, сел в трамвай и поехал в город. У меня было большое желание хорошо пообедать, так как мне отвратительно было вечное однообразие полевой кухни. Он был вкусным, так что я пообедал в трех разных тавернах. После этого я пошла в пекарню, где ела пирог. Затем я посетил город, особенно красивый собор, купил квант шоколада и колбасы, а вечером вернулся в компанию. Сержант ворчал на меня. Ну, где ты был сегодня? "Я смотрел Метц", я ответил ему очень спокойно. В течение дня пришли сменные войска из Германии, чтобы заполнить большие пробелы. Был также Август Зангер из Струхта. Поскольку в прошлом мы уже были хорошими друзьями, эта встреча нас очень порадовала. Мы направились прямо к сержанту с просьбой о том, чтобы нас поместили в одну группу, что и произошло.

Путешествие в северную Францию Номер 4 на карте

2 октября 1914 года нас погрузили и отвезли на поезде по Мозелю в Трир. Приятное путешествие через внутренние районы страны в Ахен, через Бельгию, Льеж, Брюссель и Монс на север Франции. Бельгия - очень красивая, богатая страна с большой промышленностью и множеством шахт. Сад пересекают многие железные дороги и каналы. Там я видел первые ветряные мельницы. Население

смотрело на нас недружелюбно, что неудивительно. Нас перевезли в город Дуай, который только что эвакуировали французы. Командир нашего полка выступил во дворе казармы с речью, в которой сказал, что для нас закончилась самая страшная война; теперь перед нами будут только англичане и чернокожие. Из Дуаи мы прошли через красивый, богатый район. Угольные шахты, сахарные заводы, города, деревни, рабочие колонии - одно за другим. Проселочные дороги почти всю дорогу были заасфальтированы камнями. В районе Ришбур мы впервые столкнулись с англичанами. В грязной канаве нам пришлось подкрадываться к ним. На подъездной дорожке в поле нам пришлось перепрыгнуть через вход, чтобы добраться до рва с другой стороны. Вскоре англичане заметили нас. Всем, кто делал прыжок, посылали град пуль. Вскоре несколько мертвецов лежали на проезжей части. Последние пять упали. Теперь моя очередь. Так как это была бы несомненная смерть, я отказался, несмотря на плач моего начальства. Сержант дал мне прямой приказ совершить прыжок. Я хладнокровно сказал ему, что он должен показать мне, как это делается, но ему не хватило смелости сделать это. Так что мы не спали до наступления ночи.

На следующее утро на рассвете мы напали на Ришбур, и англичане истекли кровью. Но мы не поймали ни одного заключенного среди их раненых. Почти во всех домах мы могли сесть за стол, англичане готовили для нас. Свинья, приготовленная в большом котле, который мы распределили между нами.

Повсюду в полях лежат немецкие кавалеристы с лошадьми, убитыми в патрульных боях. К вечеру мы сформировали линию перед деревней и выкопали себя в окопы, которые занимали от 1 до 4 человек. Около полуночи Зангер, 18-летний доброволец, и меня отправили на аванпосты. Мы приседали в канаве рядом с полевой тропой. Я смотрел прямо, два других налево и направо. Внезапно мы услышали ходьбу слева. Вскоре в темноте появились три цифры. Каждый из нас целился в одного из них. Два молодых воина хотели стрелять сразу, и мне было трудно их остановить, потому что я не знал, немецкий это или английский. Я подбежал к ним на высоте около 30 футов. С винтовкой, всегда готовой к стрельбе, я закричал: "Стоять! Пароль!" Но они сразу же дали правильный слоган. Слева от нас были 3 человека из моей компании, которые заняли пост прослушивания, получили облегчение и потерялись в темноте. Вскоре после этого мы тоже почувствовали облегчение. После того, как я немного поспал в своей окопной яме, десятеро внезапно вернулись с сообщением: "Англичане идут!" Сработал гневный взрыв. Наши молодые солдаты влюбились в свои боеприпасы так быстро, как только могли. Я выстрелил пятью выстрелами. Но так как я не видел никаких признаков англичан, и не слышал о них, я сохранил свои боеприпасы. Утром был отправлен патруль на поиски погибших англичан. Но что они нашли? Две мертвые коровы и теленок. Эта атака, конечно, была легко отражена.

Тогда все должны были показать свои амуниции, а те, у кого их не осталось, получили хорошую ругань

от своего начальства. Теперь половина траншейного экипажа была вытащена и отправлена на помощь 114-му полку. Наше положение было очень ослаблено этим. Кроме того, многие другие отправились бы в деревню в поисках еды. Внезапно английская артиллерия начала интенсивный огонь по нам. Раковины и шрапнель взорвались в большом количестве. Смерть и разрушение были разбросаны по округе. Вскоре перед нами появились английские пехотные ряды, идущие на нас в прыжках. Мы взяли их под сильный огонь. ...но их было слишком много для нас, и мы отступили. Некоторые из нас упали прежде, чем смогли добраться до своих домов. В дренажной канаве, засаженной пнями ивы, мы вернулись на пробежку, в то время как над нами продолжала лопаться английская шрапнель. Некоторые из нас упали, не успев добраться до домов, побегом обратно. Шрапнель ударила по верхней части гнилого ивнячьего пня над моей головой. Взрыв и шок заставили меня лететь в грязную канаву после лайнера, но я тут же поднялся снова, чтобы выйти с опасной линии огня. Англичане оккупировали деревню, но не предприняли никаких попыток преследовать нас дальше. Мы снова выкопали себя и столкнулись с врагом на несколько дней. Нужно было быть очень осторожным, потому что "Томми", как мы называли англичан, были хорошими кадрами. Где бы кто-нибудь из нас не появился, он уже что-то потерял.

Потом мы почувствовали облегчение и приехали на 3 дня в деревню Дуврин с миром. Убой кроликов, цыплят и свиней снова начался немедленно. Напротив нас, через дорогу был большой винный и

ликероводочный магазин. Офицеры поставили перед ним охрану, чтобы не дать войти мужчинам. И, конечно, чтобы все было сохранено для них. Мы видели, что охранник часто заходил в подвал. В конце концов, он был настолько пьян, что утонул у ворот и заснул.

На третий день в полдень пришло время снова уйти. Сначала мы пошли в церковь, где собрался весь 112-й пехотный полк. Капеллан произнес короткую речь и дал нам общее отпущение грехов. Потом все повторилось. Мы прошли мимо нескольких деревень, покинутых жителями. Потом мы пришли к каналу, мост через него был разрушен. Так как рядом был груженный угольный корабль, то концы корабля коснулись берегов, и мы легко могли пересечь канал, мы прошли маршем, а ночью остановились на сахарном свекловичном поле, чтобы провести там ночь. Никто из нас не подозревал, что это будет последняя ночь их жизни для многих из нас.

Поскольку ночь была довольно холодной, мы были рады, когда ушли к утру. Вскоре из темноты появились ряды домов. Мы были в маленьком городке Ла Бассет и слышали, как солдаты работали на крышах домов. Тогда голос из Данкеля спросил: "Что это за полк? Какая компания? "112-й" - Зангеры с вами?" Когда он ответил утвердительно, он прибежал, и два брата лежали друг у друга на руках. Какое воссоединение! Мы плакали все трое, потому что долгое время никто не получал сообщения из дома. Чарльз провожал нас до дальнего конца города, где попрощался с нами.

нападение на деревню Вильгельм.

Пришлось формировать линии винтовок в темноте на поле. Теперь мы двигались вперед. Когда утро стало серым, мы увидели дома и фруктовые деревья, стоящие перед нами. Это была деревня Виолайн. Мы надели штыки на винтовки и побежали в деревню. Наши молодые солдаты кричали "Ура", как они узнали на парадной площадке, вместо того, чтобы молчать. Крики предупредили англичан в деревне. Вскоре мы услышали отдельные выстрелы, а через минуту нас выстрелили из всех окон, дверей, живых изгородей и стен. Одна из первых пуль попала в моего соседа в живот. Ужасным криком он упал на землю. Зангер Август повернулся за мной и позвонил: "Никл, ты ранен?" "В тот же момент три пули пронзили его стаю, о нет, чтобы навредить ему. Так быстро, как только смогли, мы побежали за терновым щитом. Все уклонилось за живой изгородью, которую англичане теперь взяли под сильный огонь, и несколько наших товарищей вскоре перестали двигаться. Вместе с новыми линиями винтовок мы прорвались через живую изгородь и штурмовали сады по направлению к домам, нанеся удар по многим из них. Мы перепрыгнули между домами на улицу и смогли поймать еще одного англичанина, который пытался перелезть через стену церковного двора, протянувшуюся вдоль улицы. Из-за того, что вокруг нас шипели пули, мы были вынуждены искать укрытие между домами. Англичанин думал, что мы застрелим его, но мы дали ему понять, что мы ничего с ним не сделаем, чему он был очень рад и хотел отдать нам свои деньги. Но мы не приняли его.

Входящий лейтенант заставил нас двигаться дальше. В деревне внизу на дороге стоял английский вагончик с боеприпасами, под которым лежал англичанин, стрелявший в приближающихся немцев с другой стороны деревни. Я ударила его штыком в спину. Он осмотрелся. Он был очень напуган при виде нас. Но вместо того, чтобы сдаться, он выпрыгнул из-под тележки с другой стороны и попытался убежать. Мы кричали "Стоп!", а он продолжал бежать.

Полк собрался в деревне, и теперь они отправились в штурм по английскому окопу примерно в 300 м за деревней. Нас встретил ужасный пулемёт и пехотный огонь. Гранаты и шрапнель лопнули между нами и над нами. Несмотря на большие потери, мы штурмовали траншею. Некоторые англичане подняли руки вверх, многие сбежали. Но почти все они были сбиты на плоском, незакрытом поле. Чтобы выйти из артиллерийского огня, мы с Зангером взяли раненого и оттащили его обратно в деревню, где отвезли к врачам. Затем мы спрятались в подвале, где жители дома навалились всякой еды. В одном углу стояли женщина и девушка лет 20, которые нас очень боялись. Мы дали им знаки, чтобы показать, что им не нужно бояться нас. Мы прожили 3 дня очень комфортно вместе. Мы сделали плиту в подвале, трубу в подвале, а теперь две женщины приготовили курицу и кроликов, которых мы привезли в деревню вечером. Деревня постоянно находилась под пристальным артиллерийским обстрелом. Наш дом получил несколько попаданий, и однажды кирпичи спустились по лестнице в подвал. На третий день

вечером по стопам винного погреба спустились по лестнице. Это был лейтенант, адъютант полка. "Вы, проклятые увольняющиеся, хотите убраться отсюда! Он кричал на нас. Мы собрали вещи. Девушка по имени Селин КоПин дала нам несколько медалей Богоматери.

На улице было около 60 человек, все они прятались в подвалах. Адъютант полка привел нас к командиру полка, который дал нам сердечную проповедь о наказании, но оставил нас совершенно равнодушными. Тем временем наш полк продвинулся примерно на 5 км и удерживал деревню Rue du vert. Мы узнали, что день Виолайн обошелся нашей компании более чем в 100 человек: Более 2/3 акций. Наш новый командир роты выступил с речью, которую я до сих пор точно помню, а именно: "Я обер-лейтенант Нордманн, я взял на себя руководство 112. Я прошу, чтобы каждый мужчина выполнял свой долг. Дьявол забирает того, кто не забирает! Свободен!" Норманд родился в 1885 году и прослужил в армии девять лет. На следующее утро, пока было еще темно, нас разделили на группы, после чего мы отправились на укрытие после фермы примерно за 200 м "до" деревни. Оттуда мы должны были прыгнуть группами по 8 человек каждый по полю к каким-нибудь ивнякам и похоронить себя там. Мы не знали, где лежат англичане. Первая группа прыгнула, и вскоре начался взрыв. Мы сразу же увидели, что трое мужчин упали. Остальные бегали за кучей пшеницы по полю. Теперь вторая группа должна была прыгнуть, к которой мы с Зангером тоже были приписаны. Я не могу описать никому, какие чувства я начал испытывать. Но

ужасное должно быть. Не было никаких разговоров. Быстрая молитва и мы ушли. Не успели мы заметить, как вокруг нас начал шипеть рой пчел. Человек, стоявший передо мной, подбросил руки вверх и упал на спину. Еще один упал ему на лицо. Быстро мне захотелось прыгнуть за кучу пшеницы. Потом я увидел, что ни один человек из первой группы не остался в живых, кроме сержанта Лунэга

Теперь мы бросились на землю и прижали взгляд к мягкой почве. Вся бригада английских канавокопателей направила на нас огонь. Все вокруг нас попали пули, так что земля плеснула на нас. Английский пулемёт запущен. Пуля проносилась над нами, одна за другой лежала мертвая. Я думал, что мой последний час настал, я думал о своих близких дома и молился. Зангер, лежащий рядом со мной, сказал: "Мы не можем здесь лежать", немного выпрямился и примерно в 50 метрах перед нами увидел полевою дорожку с канавами с обеих сторон. Одним прыжком мы подпрыгнули и врезались в траншею, которая спасала нас. Несмотря на то, что англичане открыли по нам шумный огонь, мы чудесным образом прибыли целыми и невредимыми. После этого подскочил и сержант Крецер, руководитель нашей группы. Так как ров в этот момент был очень плоским, мы ползли по животам к некоторым окопам, оставленным англичанами. Во время этого предварительного заплыва капрал Крейцер был ранен в почки и сказал. "Приветствую..."

Мы с Зангером были единственными выжившими в нашей группе. Так как компания, которая осталась вдалеке, видела нашу судьбу, никто не осмеливался

войти в поле. И поэтому мы вдвоем целый день оставались одни в окопах. Англичане заняли село артиллерийским огнем весь день, в то время как ни один снаряд не подошел к нам. Когда мы собирались уходить в компанию ночью, компания пришла утром, чтобы занять те должности, которые нам были назначены. Экипажи были поражены тем, что нашли нас обоих еще живыми.

Теперь мы должны были сформировать линию и поднять окоп для винтовки. Все работали так быстро, как только могли, чтобы попасть на землю, потому что постоянно отдельные английские пехотные пули свистели сквозь тьму. Сейчас шел дождь, я повесил на плечи английскую резиновую палатку. Когда канава была достаточно глубокой, я взял два снопа из пшеничной кучи для меня и Зангера, чтобы спать дальше. По дороге я дважды наткнулся на мертвецов. Когда я некоторое время спал в канаве, я проснулся холодным. Я чувствовал, что лежу продольно в воде, собранной от тревожного дождя в канаве.

А вот и сержант Хатт. Зангер, мне и двум другим мужчинам пришлось похоронить сержанта Кретцера. Сержант Хатт также не пережил войны; он был ранен в марте 1915 года и умер в возрасте 23 лет три месяца спустя. Мы долго искали в темной ночи, пока не нашли тело. Теперь мы соскребли лопатами липкое, мокрое поле, завернули мертвеца в палатку, которую мы взяли из мешка, положили его в могилу, глубина которой не достигала и 30 сантиметров, и закрепили. Когда мы думали, что закончили, Зангер почувствовал руками, что Кретцер повсюду покрыт землей. Затем кончики сапог и нос выглянули на землю, которые

затем были прикрыты. Теперь Зангер взял боковой пистолет мертвеца, пропустил его через кожаную оболочку и положил в виде креста на голову могилы.

Не успели мы вернуться в канаву, как приказ был выполнен тихо. Затем мы прошли через низину, покрытую тростником мужского размера. Дождь шел непрерывно. Теперь пришел приказ: "Стойте! Копайте!". "Теперь мы с Зангером быстро выкопали яму. Утром я внимательно посмотрел на англичан и увидел их траншею примерно в 150 метрах впереди нас.

Когда англичане увидели перед собой кучи земли, они ненадолго сошли с ума. Они отступили, и я увидел, что один из молодых солдат, который занял яму рядом с нами с двумя другими, внимательно посмотрел на англичан. Я быстро поправил его за то, что он сделал. Но любопытство было слишком велико. Через некоторое время он захотел посмотреть еще раз. Его голова едва была видна, когда он упал замертво, попал в лоб. Они хотели положить тело позади него на поле, потому что в яме не было достаточно места. Один из них поднялся слишком высоко и получил сапог сзади. Он упал замертво в яму, а тело другого упало на него. Ну... в яме было двое мертвых и один живой. Англичане стреляли в нас из шрапнели, но никто не пострадал. Было очень скучно сидеть в дыре весь день вот так. Мы лежали в поле свеклы. Чтобы скоротать время, я положил свой боковой пистолет на ружье, зарезал шведскую репку и вытащил ее в отверстие. Потом я засунул свой боковой пистолет в репку снизу, надел на него шлем и проехал всю штуку по крышке. Англичане подумали, что это голова, и

вскоре они выстрелили в нее забавным образом. Вскоре репа и шлем были перфорированы, как сито. На следующую ночь мы закончили непрерывную траншею. Утром 3-й батальон прибыл для усиления окопа и приказа атаковать английские позиции. Это безумное предприятие. Офицеры вытащили револьверы и изгнали нас из окопа. Не успели мы заметить, как англичане начали стрелять в нас. Многие из нас упали на землю. Остальные повернулись и побежали обратно в канаву. Тяжело раненые оставались лежать, некоторые стонали и плакали до позднего вечера, пока тоже не умерли. Тем не менее, два дня спустя, когда прибыло новое подкрепление, они снова атаковали. Несмотря на большие потери, мы добрались до английской траншеи. Но попасть внутрь было невозможно, потому что англичане противостояли человеку и расстреляли нас. Не оставалось ничего, кроме как добраться до нашего окопа как можно быстрее. Поле между двумя траншеями было усеяно мертвыми и ранеными, последним не удалось помочь. Мы с Зангером снова благополучно уехали. В последующие дни мы спокойно оставались напротив друг друга. Поскольку часто шел дождь, а дождевая вода собиралась в окопах, ситуация была настолько грязной, что вскоре переехать было невозможно. Внезапно было сказано, что английский окоп занят черными и индейцами. И англичане, и французы использовали колониальные войска. И мы видели тюрбан здесь и там, их головные уборы. Так как мы не доверяли им хорошо, половина из нас была вынуждена стоять на страже ночью. Однажды темной

ночью один из индейцев внезапно прыгнул в нашу канаву и поднял руки вверх. Никто не слышал, как он пришел. Он всегда указывал на англичан и отрубал рукой шею. Привезли годичного мальчика, который понимал английский язык, и, поскольку индеец также мог говорить по-английски, оба могли общаться. Индеец сказал, что он и его товарищи ненавидели англичан, они все хотели прийти к нам и бороться против англичан. Мы поверили ему ипустили его, как он и сказал, к товарищам. Мы прослушали ночь, чтобы узнать, придут ли они еще. Вскоре издевательство оттуда показало нам, что чернокожий над нами посмеялся. Ночью наша тяжелая артиллерия хотела обстрелять вражеский окоп, но снаряды были слишком короткими. Первый лопнул посреди нашей траншеи. Трое солдат были разорваны на части, а их части тела были брошены высоко в воздух. Индейцы смеялись и кричали от радости, когда видели это. Вторая граната взорвалась в нескольких метрах за окопом. Теперь настало время Железного креста для тех, кто добровольно возвращается в деревню и сообщает по телефону батарею, что стрельба была слишком короткой. Только один человек вызвался добровольцем, рядовой Химмельхан, который заполз обратно в дренажную канаву, которая не была достаточно глубокой, чтобы покрыть его. Не успел он сдвинуться на 50 ярдов назад, как индейцы обнаружили его... Прозвучало несколько выстрелов. Мы видели, как грязь плескалась рядом с ним. Вскоре он спокойно лежал там. Вечером, когда мы затащили его в канаву, мы заметили, что он был изрешечен двумя пулями. Мы положили его в зернохранилище за

нашей канавой и прикрыли его. Однажды утром после дождливой ночи пропало шесть пистолетов. Индейцы протасили их через амбразуры с фронта и бежали, не заметив окопной стражи. Мы пробыли в окопах около 15 дней, не успокоившись. Так как часто шел дождь, в них была такая грязь и грязь, что мы застряли и застряли повсюду. Нигде нет сухого места, где можно было бы прилечь или сесть! И ты постоянно мокрая на коже. Ноги никогда не согревались. Многие солдаты страдали от простуды, кашля, охриплости и т.д. Ночи никогда не заканчивались. Короче говоря, это была жизнь в отчаянии. Каждый день из-за шрапнели погибало несколько человек, особенно опасен был носитель пищи ночью, так как район был абсолютно ровным, и английские охранники с винтовками и пулеметами разбросали территорию за нашей могилой. Однажды ночью Эссенхоллер из нашей группы пропал. Мы ждали до утра! Когда он все еще не пришел, некоторые мужчины пошли искать его. Вскоре они нашли его лежащим мертвым в поле. Посуда для приготовления пищи лежит рядом с ним, наполовину пустая. На следующую ночь, как бедняга, он умер. Он пошел в деревню и попытался проскользнуть вдоль стены во ров. В этот момент к нему прислонилась винтовка со штыком. Когда он соскользнул в окоп, то же самое проникло в его тело снизу до шеи. Он издал ужасный крик и был мертв.

Вдруг она сказала: "Нам стало легче". И действительно, на следующую ночь 122-й пехотный полк занял окоп, и мы маршировали назад. Это было приятное, свободное чувство для нас, когда мы были

вне досягаемости. Потом мы остановились, принесли еду с полевой кухни.

На поле боя Виолейнов до сих пор лежат тела англичан, павших 3 недели назад. Мы видели, как несколько ворон сидели на них и ели их еду. Все умершие немцы были похоронены. Но на что это было похоже? Ты не можешь представить, как это выглядело, если не видел. Жителей больше не было. Все дома и комнаты были в беспорядке. Одежда, шляпы, фотографии, словом: все, что было в комнатах, лежало повсюду. Ты мог видеть много аморальных картинок и писаний, лежащих вокруг. Большая часть мебели была разбита и использована в качестве топлива. В шляпном магазине я хотел получить шапку с ушными раковинами, чтобы потом защитить себя от холода в канаве. В магазине была та же самая картина: кепки, шляпы, соломенные шляпы, верхние шляпы. Все лежало на земле на высоте около полутора метров, а над ней шли солдаты в грязных сапогах.

Живанши-ле-ла-Басе.

Рядом с домом был магазин стеклянной и фарфоровой посуды, где все лежало по кусочкам на полу, я не видел ничего, что было бы целым, кроме нескольких коньячных бокалов в углу. В магазине одежды солдаты рвут полоски из рулонов ткани, чтобы сделать оберточные кляпы. Нас было восемь человек в комнате рядом с церковью. В ту ночь нас разбудил ужасный грохот. Дом дрожал, как землетрясение. Так как все сохраняли спокойствие, мы снова заснули. Утром мы увидели причину

грохота. Шпиль, в прошлом получивший несколько попаданий артиллерии, рухнул. Мы пробыли в Ла Бассе 3 дня и использовали это время, чтобы высушить одежду и убрать часть грязи. Потом мы вернулись в окопы. Сейчас мы были примерно на 1 км дальше к северу, чем раньше. Перед нами были села Фе-штюбер и Живанши-ле-ла-Бассе. Перед нами опять стояли индейцы, напротив них было около 80 метров. Вскоре у нас были убитые и раненые, все они попали под амбразуры. В атаке должен был постоянно быть индеец, который стрелял в нас при каждом движении. Мы с Зангером приложили все усилия, чтобы найти этого парня. Но мы не смогли узнать его местонахождение. Однажды ночью выпал снег. Через английские амбразуры мы могли видеть снег на задней стенке траншеи. Как только индеец теперь смотрел сквозь амбразуры, белое снежное пятно исчезло. Так что вскоре мы обнаружили положение индийского стрелка. Я толкнул винтовку в амбразуру, прицелился и выстрелил, но не попал, потому что снег брызнул недалеко. А теперь Зангер застрял в ожидании. Вскоре там снова исчезло белое пятно, и индеец снова наблюдал. Зангер выстрелил, индеец был ранен. Теперь у нас было немного больше покоя. Приказ пришел штурмовать индийский окоп. Наши пионеры вырыли зигзагообразные траншеи - рядом с индийской позицией. Однажды ночью мне приказали 8 человек прикрыть пионеров, работающих впереди. Мы стояли примерно в 20 футах позади них, стреляли наготове и слушали в темную ночь. Ничего не видно и не слышно. Внезапно по ночам раздались два страшных крика от наших пионеров. Мы быстро

выстрелили во тьму, а потом прыгнули к пионерам. Но оба лежали на берегах сока, один мертв, другой тяжело ранен. Оба были зарезаны индейцами, приближающимися к дороге.

21 ноября мы завоевали индийский окоп. Ручные гранаты, которые я увидел там впервые в использовании, были брошены в индейскую траншею. Потом мы перепрыгнули и отвезли индейцев обратно в окоп. В мешочной канаве, ведущей в уборную, нам удалось поймать более 60 коричневых парней. Наш молодой лейтенант, пробывший в поле всего несколько дней, вылез из канавы и закричал индейцам: "Руки вверх! "Руки вверх! Но несколько выстрелов прозвучало, и лейтенант упал головой в канаву. Моя компания, которая была заполнена новыми экипажами до 240 человек, потеряла только трех мертвецов и лейтенанта. В канаве лежало несколько мертвых индейцев, старшие носили длинные волосы, младшие - короткие. Все они были одеты совершенно по-новому и, вероятно, пробыли в окопах лишь недолгое время. Кроме того, в канаве валялось много новых, шерстяных одеял, а также всевозможной их еды, имя которой я не мог назвать. Мы взяли английские бойницы и построили их с другой стороны, спереди за индейцами, которые заняли еще один окоп около 200 м назад. Где бы ни появился тюрбан, они стучали по нему, и вскоре никто не осмелился поднять ему голову.

Ужасная ночь борьбы с индусами 22 -11 - 1914 гг.

Ночью нас обстреляли из пехоты, но, к счастью, жертв было мало, так как мы все лежали на земле в

канаве. Некоторые из них были похоронены, некоторые из них смогли освободиться, некоторые мы должны были освободить своими лопатами. Поскольку мы опасались контратаки, половина из нас должна была стоять на страже. Мы с Зангером, пока один из нас стоял, другой спал, завернутый в несколько индийских одеял. С 4 до 6 утра была моя очередь. Так как я не доверял индейцам, я заглянул в ночь. Вдруг мне показалось, что я услышал шум спереди. Мой форпост, находившийся всего в 2 метрах от меня, спросил, слышал ли я что-нибудь. В ответ на мой утвердительный ответ мы разблокировали наши винтовки, приготовились к стрельбе и попытались проникнуть во тьму своими глазами. Примерно полчаса ничего не было видно и не было слышно, и мы уже успокоились. Внезапно громкий сигнал свистка проник в тишину ночи. В тот же момент перед нами треснул залп, и индейцы подошли к нам со страшными криками. Мы были совершенно удивлены, и многие из нас потеряли свое присутствие духа. Я быстро выстрелил из 5 патронов, положил штык на винтовку и встал у передней стены гробницы. Зангер вздрогнул от сна и, в возбуждении, сначала не мог найти свою винтовку. Когда она у него была, он стоял рядом со мной. Индейцы стреляли в окоп сверху, но когда мы прижались к стене окопа, их пули пролетели над нами. Они не могли видеть нас в темном окопе, но мы могли видеть их сразу же, как они поднялись к небу.

Мы всегда стреляли в небо, и никто из индейцев не осмеливался войти в канаву. Вскоре, однако, страшный крик сказал нам, что индейцы вошли в окоп

около 30 м рядом с нами. Теперь возникла путаница. Толпа оттолкнула нас от сидений и столкнула так, что я с трудом доставал свой патронный мешок, чтобы перезарядить винтовку. Волнение и темнота некоторые из нас выстрелили в голову собственным товарищам. После того, как индейцы завоевали часть нашей траншеи, многие из них вылезли из нее сзади, побежали по ней и выстрелили обратно в наш окоп. Теперь мы были в настоящем аду. С фронта, сзади и сбоку индейцы стреляли в окоп. Всё теперь давило на то, чтобы траншея вошла в наше старое положение. Те, кого ударили, упали и были забиты до смерти. Все кричало в замешательстве. Перед рвом были ужасные хлопоты, все хотели быть первыми. Но вход был настолько узким, что только один за другим можно было войти. Наконец-то нам с Зангером удалось попасть в окоп. Не успели мы вернуться примерно на 10 метров назад, как не могли идти дальше, как немногие мужчины в старом положении захотели прийти нам на помощь. Вскоре мы оказались в ловушке, так как команды позади нас хотели отомстить любой ценой. Потом раздался звонок: "Спасайся, кто может! "Мы с Зангером выбросили винтовки в канаву и побежали обратно через поле". Несколько раз мне приходилось пригибаться к земле, чтобы не быть замеченным индейцами. Вскоре я потерял из виду Зангела. Вдруг я услышала, как он кричал о помощи низким голосом. Я быстро прыгнул в сторону и вскоре увидел две фигуры, борющиеся друг с другом в темноте. Вскоре я узнал индейца по его большому тюрбану и сделал его неспособным

сражаться. Так быстро, как только смогли, мы наткнулись на нашу старую позицию.

Зангер хотел быстро зарядить винтовку, но патрон не поместился в оружейный отсек. При более внимательном осмотре он увидел, что у него в руках винтовка индейца, которая, конечно же, не помещалась в раму нашего патрона. Снова и снова, отдельные мужчины возвращались. Стрельба продолжалась спереди. А теперь рассвет разгорается. Сейчас мы стреляли в индейцев, появившихся в поле, которые вскоре все исчезли в канаве. Внезапно их стало видно на несколько метров впереди в канаве. Теперь мы забаррикадировались в окопе с мешками с песком и обрели покой. Мы были очень уставшими и измотанными, и наши нервы были полностью расшатаны. И в каком мы состоянии! Грязные с головы до ног, мои брюки были разорваны от колена до верха, мой рюкзак со всеми моими вещами исчез, потому что у меня не было времени повесить его, когда индейцы напали. Я также потерял шлем, карманы картриджей были пусты. Зангер и остальные были примерно в таком же состоянии. Примерно в полдень пришел наш эльзасский лейтенант Хуслер, хороший начальник, и записал всех, кто еще был в компании. Он собрал вместе 24 человека, так что 90 процентов компании исчезло. Ужасно! Как я слышал позже, из 4-й роты осталось всего 16 человек.

На следующую ночь мы были освобождены другим полком и вернулись в окопы. В некоторых местах мы с трудом продвигались вперед и часто опускались в грязь до колен. Мы были рады, когда у нас была трудная дорога под ногами, мы шли в Ла Бассе и

ждали там утра. С полевой кухни у нас есть кофе и сухой хлеб. Бедный завтрак. Мы думали, что заслуживаем лучшего. Когда мы поели, мы пошли дальше. Больше не было разговоров о порядке и дисциплине марша. Все пошли, как он хотел. Теперь командир батальона отдал приказ петь. Обычный ропот был ответом, но пение, никто не пел. Мы также проехали деревню Курьер. Несколько лет назад в результате несчастного случая на шахте погибло 1400 шахтеров. Авария произошла в 1906 году.

В небольшом городке Бомон сегодня, Мы с Зангером присоединились к пожилой паре. Когда мы вошли, женщина была одна. При виде нас она зажала руки над головой, потому что, наверное, никогда раньше не видела таких грязных, оборванных солдат. И мы были небриты. Она позвала нас на задний двор, дала нам теплую воду, мыло и щетки. После того, как мы немного помылись, она подарила нам пару гражданских брюк, пиджак, чулки и тапочки. Как хорошо, что у нас наконец-то снова высохли ноги! Женщина была очень добра к нам, хотя мы даже не могли общаться в устной форме. Она дала нам горячий кофе, бренди и хлеб со сливочным маслом.

После этого я отправился со своими тряпками к сержанту роты с просьбой о новой одежде. После того, как он их проверил, он дал мне справку, чтобы я оделся в офисе одежды. Там у меня новые брюки, юбка, ботинки и кепка. Потом я выбежала постричься и побриться. Потом я вернулся в свою каюту. Эта женщина меня совсем не знала. Мы провели вечер в гостиной. Теперь он вернулся домой. Он, казалось, совсем недоволен нами и смотрел на нас с самым

недружелюбным выражением в мире. Потом я сказал, указывая на нас, "Эльзасиенс", но он не поверил. Мы показали ему нашу платежную книжку, в которой был написан наш домашний адрес. Теперь он стал более дружелюбным. Потом я дал ему несколько сигар. Потом его сопротивление было сломано, и он даже принёс бутылку вина. Так как мы оба уже были очень уставшими, мы сказали, что хотим спать. Мы были бы счастливы с полной соломинкой, но нам пришлось подняться по лестнице, и женщина показала нам хорошую кровать в дружеской комнате. Какая радость для меня спать в постели! Я провела всего одну ночь в одной кровати за почти четыре месяца. Вскоре мы заснули, но я снова проснулся, и мне было невозможно оставить ноги неподвижными. Я думал, что у меня сотни муравьев в ногах, которые были холодными и влажными в течение нескольких недель, а теперь очень теплыми. Вскоре, однако, пот такого рода кончился с моих ног, так что простыня стала полностью мокрой в тот момент. Теперь я могу заснуть. Мы пробыли в этой семье 14 дней, и с каждым днем становились все лучше и лучше. Мы ели вместе, и многие кролики были убиты. Взамен мы привезли семье новые рубашки, трусы, туфли на шнурках, много сигар и табака и так далее. В то время все было в изобилии.

У нас было очень мало обслуживания, в основном почтальоны. Однажды я стоял в почетном карауле вместе с принцем Гогенцоллерном, который жил в замке. Эти птицы могут выдержать войну! Их сундуки были полны украшений, хотя они никогда не слышали свист пуль, они ели и пили во время полета и

охотились за девочками. Им платили высокое жалованье, а рядовому солдату - 53 пфеннига за то, что он жил как собака. Когда мы были на посту охранника моста. Охранная комната была в общественном доме. Я никогда раньше не верил, что женщины могут опуститься так низко в моральном плане. В этой области многие девушки и женщины затонули очень низко морально. Вскоре больницы были заполнены сексуально больными солдатами.

Затем мы получили новые команды по замене из Германии, в том числе много волонтеров в возрасте до 20 лет. Теперь снова было: "Марш на фронт!" И с сожалением мы попрощались с нашими добрыми хозяевами. Затем мы переехали в лучшее место, с французами примерно в 800 м от нас. Сразу за французской позицией была деревня Вермелл. Дальше был город Бетюн. Хотя этот город находился под обстрелом немецкой артиллерии, они продолжали работать на минах, это видно по дыму. Сейчас мы были 3 дня на фронте в окопах, 3 дня в резерве в рабочей колонии на 1 км позади фронта, а затем 3 дня в мире на 5 км дальше назад. Так что около 3 недель прошло без каких-либо инцидентов, о которых стоит упомянуть. Несколько раз мы получали сильный артиллерийский огонь, и всегда были потери. Когда мы были в резерве, нам приходилось работать всю ночь, рыть траншеи и позиции. Так как территория полностью освобождена от леса, мы не смогли построить ни одного укрытия из-за недостатка древесины. И поэтому мы всегда жили в открытых траншеях, подверженных суровым погодным условиям. Наше положение было близко к угольной

шахте Fosse Shaft 8, где была построена колония рабочих, все красивые и симпатичные маленькие домики. Там было много угля, чтобы разжечь костер. Но дерева не хватало, поэтому сначала они вытащили деревянные ставни, затем вытащили из домов двери, мебель, полы и кровельные панели, чтобы разжечь пожар. Французы увидели это вскоре, и они не дали никому отдохнуть, пока дымовая труба не была скреплена под их артиллерийским зовом.

Теперь французы начали строить ров против нас, ночью. Я был приписан к артиллерии еще с двумя людьми, чтобы обучаться на захваченной бельгийской пушке меньшего калибра. За три дня мы были обучены. Артиллеристы вывели орудие на позицию в гравийной яме, примерно в 200 метрах позади пехотного окопа: ствол смотрел на газон и был прикрыт от взгляда. На следующий день мы должны были открыть огонь по французскому окопу. Первый выстрел был прямо рядом с ним. Патрон, старая система, не был заряжен бездымным порошком, и когда мы стреляли, огромное облако дыма предало наше положение. Не успели мы сделать второй выстрел, который попал во французский окоп, как к нам бросилась французская граната, попавшая примерно в 100 метров позади нас. Теперь одна граната последовала за другой. Мы бежали в гравийную яму вниз и стояли за высокой, крутой стеной. Вскоре наша пушка получила несколько попаданий и была брошена в яму, где была разбита на куски. Ночью мы остались в яме, а потом отправились к своим, чтобы возобновить пехоту. Таким образом, наша артиллерийская работа должна была начаться.

При этом наша деятельность в качестве артиллеристов нашла быстрый конец. Теофил Вальтер фон Штрут пришел с новыми сменными войсками, а Джозеф из деревни Мерзен попал под мое командование. Теперь наступило Рождество, первая ночь войны. Наша компания отпраздновала это в Vendin-le-Vieil. ...куда пришло много подарков любви. Поскольку я, Зангер и Готерат из Менглатта больше не были связаны с родиной и поэтому не могли получить никаких посылок, командир роты дал нам дополнительные подарки любви. Мы с Зангером также получили большую коробку с хорошими и полезными вещами из богатой фабричной кантины в Мангейме, которая хотела сделать нас, бездомных солдат, счастливыми. Мы едва ли сможем унести наши вещи в нашу каюту сразу. У нас был целый стол, полный шоколада, сладостей, конфет, сигар, сигарет, колбасы, масляных сардин, трубок, брекетов, шарфов, перчаток и так далее. Я раздавала шоколад и конфеты детям, которых встретила на улице. Вскоре они все узнали меня, и там, где я показал себя, они побежали и попросили сладостей. Но я мог дать только до тех пор, пока поставки продолжались.

Вскоре приказ об отступлении пришел после Lorettohöhe, который находился примерно в 12 км от нас. На марше мы также прошли через город Ленц. Ночью мы прошли через деревни Лушес, Аблен и Сен-Назарет, все три из которых были обстреляны из французской артиллерии. Мы выкопали себя в кустах на склоне холма, над нами лежат руины часовни Нотр-Дам-де-Лоретта. На вершине лежат французские траншеи, занятые альпийскими истребителями. Так

как наша позиция была носовой, то вскоре мы получили тяжелый артиллерийский огонь со стороны. Большие снаряды поразили нас со всех сторон. Окоп, занятый 4-мя мужчинами, получил прямое попадание, разорванные тела несчастных заемщиков были разбросаны по всем сторонам. Сбежать было невозможно, потому что там, где только один из нас показал себя, его сразу же сбили альпийские охотники. Там я также потерял хорошего товарища по имени Сэнд.

Однажды ночью выпал снег, и мне пришлось пойти патрулировать холм с четырьмя мужчинами во главе с сержантом Хаттом. У нас были белые рубашки над униформой, чтобы нас не так хорошо видели в снегу. То, что мы должны были там искать, я пока не знаю, это была чистая ерунда. Вскоре нас заметили, и несколько пуль пролетели вокруг наших ушей. Одному человеку выстрелили в грудь. Мы бежали так быстро, как только могли, вниз к нашей позиции. Сержант Хатт сообщил об обмане и через несколько дней получил Железный крест.

Через три дня наша компания спокойно вошла в так называемый причальный замок, большое здание, окруженное со всех сторон ручьем

Никому не разрешалось появляться, потому что это было в пределах досягаемости огня французской пехоты. Однажды французская артиллерия взяла здание под такой сильный огонь, что мы все бежали в сильный сводчатый подвал. Это было ужасно. Гром и рычание над нами от падающих балок и обломков стен, вход в подвал был перекрыт. С большим усилием мы смогли выйти, а вечером один за другим выползли.

Пехотный полк был слева от нас. Пехотный полк был слева от нас. Резервист Эмиль Шварцен из моей родной деревни был в роте этого полка. Я решил немедленно поехать к нему, надеясь узнать что-нибудь новое из дома, так как уже несколько месяцев не получал от него никаких новостей. Я поехал в деревню Сен-Назер, где встретил солдат Третьего Рейха. Компания была на вершине. Они сказали мне, как туда добраться, и я пошла их искать. Вскоре я подошел к окопу, который привел к позиции. Когда снег растаял, по траншее стекала масса грязной воды. Несмотря ни на что, я залатал дорогу в темную ночь и, наконец, прибыл на пост. Я попросил охранника, где мой товарищ. Он не мог дать мне никакой информации. Я спросил у одного из них, кто показал мне группу, где был мой товарищ. Я пошел туда, и когда я задал свой вопрос, они дали мне только уклончивые ответы, которые я не мог понять. Я попрощалась и снова ушла. Потом кто-то пришел за мной, эльзасец, и спросил, хороший ли я товарищ Эмиля. Когда я ответила утвердительно, он сказал мне, что Эмиль был дезертирован 2 дня назад.

Теперь я вернулся в свою компанию и должен был помочь похоронить нескольких мертвецов. Печальная работа, тем более, что никогда не знаешь, как скоро наступит наша очередь. Мы пробыли в Лоретт-Тохе около 10 дней. Потом пришел приказ вернуться в Венден-ле-Вайль в наши старые покои. Я сам ехал впереди в багажном вагоне, потому что у меня была болячка на одну ногу. Поскольку дорога возле Суче постоянно подвергалась артиллерийскому обстрелу ночью, мы скакали на это расстояние и проезжали его

счастливо. Прибыв в Vendin le Vieil, я тут же разжег костер, чтобы согреть комнату и приготовил кофе для своих товарищей. На следующий вечер, раздавая почту, я получил письмо от родителей. Не зная, дома ли они еще, я быстро порвал письмо и прочитал его: "Сент-Улриш", что... Дорогой сын! Мы все здоровы и все еще дома... "Дальше я не продвинулся. Слезы радости и тоски выстрелили мне в глаза, и я больше не мог читать. Стыдно плакать перед товарищами, я вышел на улицу. Вскоре я снова успокоился и смог закончить письмо. В нем были только хорошие вещи, и теперь я был уверен в судьбе своих родственников. Несколько дней мы оставались в Вэндин-ле-Вайль, а затем вынуждены были идти в район, откуда постоянно гром пушек ревел. Ночью мы прибыли в деревню Аучи, которая была почти полностью расстреляна.

Через ров, который был частично прострелен вместе, мы достигли передней позиции. На рассвете наша артиллерия и минометы начали страшно стрелять по занятому англичанами окопу. Мы должны были идти в штурм. Не успели мы покинуть свои позиции, как англичане приняли нас с быстрым обстрелом. Несмотря на большие потери, мы покорили две английские траншеи, лежащие близко друг к другу. Англичане, которые хотели вернуться в окоп, были почти все сбиты. Мы должны были взять третью английскую траншею. Но в этом окопе англичане противостояли человеку и сбили нас. Вскоре перед окопом лежала целая серия убитых и раненых, а остальная часть роты так и не сбежала обратно во 2-й английский окоп. Именно здесь упал

Вальтер Теофил из Струхта. Это было ужасное зрелище, повсюду были убитые и раненые, немцы и англичане, кровь стекала от ран. Когда вы смотрели в окопы, вы не видели ничего, кроме ног с подстилками и когтями рук, стоявших высоко. Дно этих траншей было полностью покрыто мертвыми англичанами.

Теперь мы должны были похоронить мертвых, лежащих на позициях. Мы сняли немного земли со стены рва сзади, положили мертвых и накрыли их землей. Поскольку в канаве не было других мест, эти маленькие холмы служили в качестве мест. Теперь снова начался дождь. Вскоре канавы наполнились водой и грязью, и вскоре мы снова стали такими грязными, что во всей этой грязи не было видно ничего. Мне нужно было принести боеприпасы; везде, куда бы я ни посмотрел, я видел кончики ботинок, зажатые руки, волосы, склеенные грязью, смотрящие из земли. Это было ужасное зрелище, которое чуть не довело меня до отчаяния. Я был настолько отвратителен, что больше ничего не хотел от жизни. Бои там продолжались с октября, а павшие тогда еще лежали в поле между окопами. Их невозможно было похоронить. Немного справа от моего амбразура лежал немецкий солдат, его голова была обращена ко мне. Шлем упал с его головы, когда он упал, кожа с волосами соскользнула вниз в результате гниения, и оболочка его мозга, обесцвеченная дождем и солнцем, была видна в более грубой части одной руки. В одной руке он все еще держал ржавую винтовку со штыком, плоть уже сгнила с его пальцев, а лодыжки смотрели вперед. Особенно ночью было довольно жутко видеть белый череп передо мной. Тело было пробито, как

сито, постоянно присутствующими пулями, особенно ночью.ледующей ночью, 26 января 1915 года, мы пришли примерно на 400 м дальше вправо, за так называемым бампером. Мы лежали на железнодорожной набережной и стреляли через рельсы в английские окопы. Вскоре их артиллерия взяла нас под обстрел. Теперь мы нырнули за железнодорожную насыпь. Либо гранаты разорвались на верхушке железнодорожного кузова, либо полетели в открытое поле прямо над нами. В ночь после того, как мы снова приехали на 200 м налево. Неподдалеку от нашей канавы было несколько кучи кирпичей, так как там был кирпичный завод, который был прострелен до основания. Когда стемнело, англичане забрались сзади на кучи кирпичей, и там, где они увидели одного из нас в канаве, они сбили его с ног. Однажды вечером Зангер, я и наш товарищ встали головой в канаву и рассказали нам кое-что. Мы с Зангером стояли за защитой, пока Купф прислонился к дну канавы. Вдруг из кучи кирпичей вышел взрыв, земля обрызгала голову товарища, и он сам упал на землю, проткнув ему лоб.Его забрали, но он умер в машине скорой помощи по дороге домой. 29 января 1915 года 24-летний рядовой К. скончался от ранения в голову 31 января 1915 года.

Из 280 человек, ушедших в поле вместе с ротой, осталось только 5, которые без перерыва участвовали в войне. Кроме того, несколько сотен человек были потеряны в подразделениях, которые присоединились к компании в качестве замены в ходе кампании. Во время нападения, которое мы должны были совершить на заранее подготовленный английский

окоп, Зангер был ранен в лоб ручной гранатой и вернулся. Согласно бревну, 22-летний каменщик З. был ранен шрапнелью от гранаты в правый глаз 1 февраля 1915 года недалеко от Ашы. Вскоре он написал мне, что находится в военном госпитале в Дуае. В компании нас называли только "двумя голубками". Теперь, когда его нет, я был еще больше недоволен и нашел способ спасти свою ужасную жизнь.

Другой мой товарищ, человек из Бадена по имени Бенц, также участвовал в этой истории, и мы обсуждали, что делать. Вдруг Бенц сказал: "У меня получилось", вытащил свои вставные зубы из рта и пнул их в грязь своим ботинком. "Я позвоню с расстройством желудка и вернусь в La Resort", - сказал он. Потом я вспомнил, что у меня во рту было несколько гнилых зубов. Хотя у меня вообще не было зубной боли, я обернул голову грязным носовым платком, пошел к командиру роты и доложил о болезни; я больше не мог терпеть зубную боль. Вскоре Бенц тоже пришел со своей ложью. Командир роты сказал, что не может отправить нас обратно. Он получил приказ держать всех солдат, которые были только разумно пригодны для борьбы на фронте окопа, так как всегда был страх нападения со стороны англичан. Несмотря на нашу просьбу, он отказался дать нам справку. И без справки от командира роты мы не ушли далеко. Мы вернулись на свои места. Англичане продолжали стрелять маленькими минами в наши окопы. Пришлось расчищать английскую траншею, которая была дальше всех вперед, потому что она находилась всего в 16 метрах от английского

окопа, и англичане продолжали бросать в нее ручные гранаты. Мы с Бенцем решили вернуться без сертификата. Мы повесили наши ранцы на спину, взяли винтовки и подкрались к заднему бегу траншеи. В грязи лежало несколько мертвецов, которые упали, доставая патроны. Мы прошли над ними, и примерно на 400 м назад мы подошли к концу траншеи, которая вела к улице. Когда мы хотели повернуть за угол, там стоял полевой жандарм и требовал наши удостоверения личности. Несмотря на все разговоры, он не пропустил нас и не отправил обратно в компанию впереди. Мы вернулись в окоп; после того, как мы прорыли около 50 м, мы выбрались из окопа и пошли за несколько домов, чтобы выиграть улицу дальше. Англичане, которые нас видели, стреляли в нас, к счастью, не ударив нас. Мы спросили о докторе батальона, который был в подвале. Так как у нас не было сертификата, он сказал: "Drückeberger!"...и прогнал нас в подвал. Мы пошли к полковому врачу, который тоже жил в подвале. Когда мы вошли, он спросил: "Ну, где же он?" Я сказал, что у меня сильно болит зуб". Он посмотрел мне в рот и, увидев мои плохие зубы, сразу же написал мне квитанцию о приеме в военный госпиталь, стоматологическую станцию в Дуае. Моему товарищу Бенцу повезло так же, и мы оба ушли. Мы были счастливы, что какое-то время сбежали из жалкой жизни в окопах. В Бомон мы сели в поезд и поехали в город Дуай. Приехав туда, я сразу же поехал в больницу. Немедленно были удалены 2 зуба. А также в следующие 3 дня мне удалили 2 зуба. Это была не маленькая боль, потому что это случилось без инъекций.

Так как нам разрешили выйти, я также посетил еще один военный госпиталь, который находился в другом военном госпитале. Его рана на лбу вскоре зажила. Когда мы попрощались, никто из нас не думал, что мы не увидимся снова в течение двух лет. Через 3 дня меня отпустили из стоматологического отделения, и я должен был явиться в казарму кирасира. Согласно основному списку полка 112, Д.Р. находился в военном госпитале 18 дней, с 8 по 26 февраля 1915 года. Там все освобожденные из военных госпиталей снова прошли медицинский осмотр и были отправлены либо на фронт, либо в Германию. Врач поставил мне диагноз "тяжелый катар", вызванный простудой, и меня отправили обратно в запасной батальон 112-го пехотного полка, который находился в Донауэшингене/Бадене. Как я был счастлив полностью уйти с фронта! И все же это было не совсем правильно для меня, так как мне пришлось надолго уйти от товарища. Я поехал прямо на станцию в Дуае и поехал на поезде баварской больницы через Бельгию в Ахен. Там мы должны были выйти, перекусить, а потом я поехал на пассажирском поезде в Кёльн. Там я остался на один день, посетил город и Рейн. Затем я села на экспресс-поезд и поехала 1-го класса через красивую долину Рейна. Джентльмен, находившийся в том же купе, объяснил и показал мне самые приятные моменты. Так могучий Нидервальденкмаль, крепость Эренбрейтштайн, расположенная на вершине горы, Ло-Райфельсен, устье Мозель в Рейн, Блюхере Денкмаль недалеко от Кауба и др. Это была хорошая и интересная поездка, несмотря на то, что была зима. На мой взгляд, долина Рейна от Майнца до

Кельна - один из самых красивых районов. Я села на экспресс до Оффенбурга, Баден, куда прибыла ночью, а так как последний поезд Кинзигтальбана до Донауэшингена уже уехал, я осталась на ночь на станции Оффенбург. На следующее утро я поехал первым поездом в Донауэшинген и доложил о замене батальона, который находился в Бара-кене. Вскоре я встретил нескольких своих товарищей по роте, которые были ранены, и теперь я жду их освобождения. Наш активный капитан тоже был там и был среди них некоторое время. На следующий день я позвонил больным и был переведен в Карлскранкенхаус. Там о нас заботились католические сестры, которые были очень дружелюбны и добры к нам. Мне там очень понравилось, и у меня было желание остаться там надолго. Только слишком рано слава должна была закончиться, потому что после 5-дневного пребывания орден пришел: Все эльзатийцы 112-го запасного батальона должны отправиться во Фрайбург, чтобы присоединиться к запасному батальону 113-го пехотного полка. Поэтому мне пришлось попрощаться с хорошими сестрами. Мы ездили во Фрайбург с Гёллентальбаном. По дороге эльзатийцы ругали пруссаков, и один из них услышал выражения, которые звучали не очень патриотично. Во Фрайбурге нас привезли на фабрику. Мешок соломы, лежащий на полу, служил кроватью на ночь. Я опять позвонил и сказал, что заболел. Несколько молодых врачей выслушали меня, и в результате мне пришлось вернуться на дежурство. Всего я пробыл во Фрайбурге около 7 дней. Однажды вечером после

работы мы, несколько эльзатийцев, сели вместе. Все они были молодыми солдатами, которые никогда не были в поле. Они сказали мне рассказать им о моем военном опыте. Среди прочего, я рассказал им о событиях 26 августа, о приказе генерала Штенгера не брать французских пленных и все паковать в мешки, о том, что я своими глазами видел, как мешкают раненых французов и так далее. Однажды в зал зашел работник компании и закричал: "РиЧерт должен прийти в офис - я понятия не имел, зачем. Я скоро узнал. Сержант роты сказал мне: "Ну, ты можешь рассказать несколько хороших историй. Что ты только что сказал командам? "Я сказал, что рассказал им о своем военном опыте". Затем он огрызнулся на меня: "Что, вы хотите утверждать, что немецкий генерал отдал приказ убивать раненых французов? "Герр Фельдвებель, приказ действительно был отдан 26 августа 1914 года как приказ бригады, а генерал Штенгер был командиром бригады". "Сержант закричал: "Возьми свои слова назад, или увидишь! "Я ответил: "Я не могу опровергнуть свое заявление, потому что оно основано на правде. "Суу, проваливай, остальное найдётся! "мать роты кричала на солдатский язык для старшего сержанта. На следующий день состоялся тренировочный марш в Шварцвальдские горы с рюкзаком, набитым боевыми патронами. Компания была сформирована. Потом меня перезвонили в офис. Там меня ждал строгий капитан роты. Его глаза сверкали, как у раздраженного дикого зверя. "Ты низкорослый, жалкий, обычный скот! Вы утверждаете, что немецкий генерал отдал приказ убивать вражеских

жертв. Не так ли? "Он принял меня. Я встал, посмотрел ему в глаза и ответил: "Да, капитан!" Гневно, он подошел ко мне и закричал: "Ты проклятый предатель нашей родины! Ты также осмеливаешься делать мне заявления. Свинья, верблюд, носорог!" А теперь последовали имена всех диких зверей и еще нескольких прирученных зверей, и конец этой литании был такой: "Иди к черту, небесный пёс, проклятый!" Я повернулся и пошел в компанию. Мы ушли.

Пока мы шли по горной дороге, капитан, который ехал позади компании до тех пор, вышел вперед рядом с компанией. Вскоре я понял, что он меня ищет. Увидев меня, он сказал: "Ну, ты, болван, иди прямо перед ним". "Ну, распакуй свою стаю!" Я сделал это, но ничего не пропало". Так что он сказал: "Я тебя уже достану", и уехал после компании. Я снова собрал свои вещи и должен был бежать в гору в быстром темпе, чтобы догнать компанию.

На следующее утро, когда мне пришлось выстраиваться в очередь, сержант прогнал меня из конечности в каюту. Никто там не заботился обо мне, и я не знал, что это на самом деле значит. На следующий день в зал вошёл сержант с двумя мужчинами и попросил меня. Я ответил. "Пойдем со мной!" "Да, - сказал я, - сразу же. Я просто хочу, чтобы меня привязали". "Тебе это не нужно", - сказал он, - "Ты арестованный офицер". Я совсем не удивилась и пошла дальше. Мы прошли несколько улиц, два солдата с винтовками направо и налево, сержант позади меня. Многие прохожие останавливались и смотрели на нас. И я слышал несколько раз

вполголоса: "Шпион". "Поэтому мы вошли в казармы пехотного полка 113. Нам пришлось долго ждать в коридоре. Потом я услышал, как одна из комнат кричала: "Впустите его! Там сидел майор со своим клерком. Майор посмотрел на меня и собрал сверху вниз. Я стоял на месте и без колебаний смотрел ему в глаза. Теперь допрос начался. Имя, компания, дом, родители, служил ли мой отец в немецкой армии и так далее. Я ответил на все вопросы. "Теперь давайте перейдем к делу", - говорит он. "Вы сделали чудовищное заявление по поводу приказа вашего бригадного генерала Стенгера. Как ты до этого додумался? Расскажи мне, как это случилось. "Я рассказал майору, что на самом деле произошло, и назвал имена нескольких товарищей, которые все еще находились в компании в качестве свидетелей. Клерку никогда не приходилось ничего записывать. Затем майор написал записку, отдал ее сопровождавшему меня сержанту и велел передать ее роте. Тогда майор сказал мне: "Ты можешь идти! «

Теперь мы вернулись в компанию. Там вскоре было сказано: "Ришерт вернулся на службу. Конечно, я был там, хотя еще не чувствовал себя хорошо. Во время медицинского осмотра меня поставили на первое место, а когда врач захотел меня осмотреть, я услышала, как сержант, стоящий рядом со мной, сказал: "Это Ришерт! Так что я получил свое наказание, потому что я бы скорее отправился в тюрьму, чем обратно в поле. Но что я мог сделать? Как и тысячи других, я был просто безвольным орудием немецкого милитаризма. Теперь мы были одеты совершенно по-новому, а так как на следующее утро

мы должны были ехать на поезд в 5 часов, нам дали отпуск до 11 часов ночи. Теперь мы пошли в таверны. Так как я не общался с родственниками, мой бумажник был в плохом состоянии. У меня было целых 5 марок. Половина была переделана в пиво. Молодые солдаты пели шумные песни и говорили о том, как они хотят избить врага. Я думал: "Просто подожди, скоро ты перестанешь быть в хорошем настроении". Утром я пошла на железную дорогу. Мы, 1200 человек, наполовину эльзатийцы, наполовину Баден, отправились в Карлсруэ, где получили винтовки в казармах. Потом мы снова проехали через город на поезде, настроение среди нас, эльзатийцев, было нехорошее. Когда женщина спросила: "Куда вы все собрались?" "...человек из Мюлуза ответил: "Иди к черту, Боже... «

ИЗГНАНИЕ РУССКИХ ИЗ АВСТРИИ

На вокзале великий князь Баденский выступил с речью, чтобы ободрить нас. Он сказал, что мы приезжаем в Карпаты, и что мы вместе с нашими австрийскими товарищами должны вскоре изгнать русских из Австрии. Я подумал про себя: он может говорить! Потом продолжалось, мы ехали в вагонах 3-го класса, 6 человек в одном отсеке. Из Карлсруэ мы отправились в Мангейм, Хайдельберг, через красивую долину Некар, Вюртемберг. В баварском городе Вюрцбурге у нас есть кофе, колбаса, масло и хлеб. Затем мы проехали через заснеженную Франконскую Юру, через Фихтельгебирге через Хоф в Саксонию, через Хемниц, Фрайберг в Дрезден. Путешествие было очень интересным. Я сидел у окна, наблюдал за

проходящими участками и курил одну сигарету за другой. В Дрездене наш поезд остановился до утра. Потом мы продолжили, и когда я проснулся, мы уже были в австрийской Чехии. Вдоль долины Эльбы мы отправились в Прагу, столицу Чехии. Там у нас опять есть что-нибудь поесть. Жители Праги смотрели на нас враждебно, потому что чешцы - не друзья ни австрийцев, ни немцев. Затем мы проехали мимо прекрасного города Брно в австрийскую столицу Вену. Там мы снова поели. После этого нам пришлось выстроиться в очередь на 2 конечности, играла австрийская полковая музыка, и австрийская великая княгиня со своей свитой раздавала нам фотографии со своими фотографиями. Я получал от этого мало удовольствия, потому что ненавидел бы эти церемонии. Из Вены мы продолжили путь по прекрасному Дунаю через Братиславу в Будапешт, столицу Венгрии. Дунайская долина между Веной и Будапештом очень красива и интересна. Множество пароходов оживило могущественную реку, и повсюду население радовало нас и кричало: "Слава и победа! "Когда поезд останавливался, мы часто получали подарки любви, особенно курительный материал". Из Будапешта мы проехали 2 дня по великой венгерской равнине. За эти два дня я не видел холма высотой 10 метров. Все как на столешнице. И везде одна и та же картина: деревни, изолированные усадьбы, все коттеджи побелены,

покрытый соломой или черепицей, и плавающее дерево нитки хорошо. Для разнообразия часто пилили ветряные мельницы. Несколько раз я видел стаи оленей до 10 кусков, лежащих в полях. Большая река,

Тиса, имела высокий уровень воды, и территория была затоплена. В городе Дебрецин мы снова получили еду: супер-пирог, жареное мясо и картофель с соусом. Но наслаждаться чем-либо было практически невозможно, потому что все было слишком сильно приправлено красным перцем - 50 самыми популярными перцами в Венгрии. Он горел у нас во рту и в горле, как огонь. Потом мы отправились в город Токай. Там все было покрыто виноградными лозами, насколько вы могли видеть. Там растет знаменитое токайское вино. Пока мы ехали дальше, я видел, как вдалеке появляются заснеженные Карпатские горы. В Венгрии мы видели очень много, очень красивых коричневых девушек. Женщины носили красочный лиф, короткую юбку и гусарские сапоги, доходившие до колени послали нам много поцелуев, которые мы естественно вернули. Когда поезд шел медленно, приходили массы цыганских детей и умоляли о хлебе. Часто их немного выбрасывали, и нам нравилось видеть, как они поцарапались. По ходу поезда я видел, как вдалеке появляются заснеженные Карпатские горы. Мы также видели крупный рогатый скот и свиней по-другому: у взрослого скота были огромные рога с пролетом не менее 15 сантиметров. Мы видели там свиней, которые были покрыты шерстью, как наши овцы. Теперь мы добрались до города Мункаков, который лежит у подножия Карпат. Мы должны были уйти оттуда. Мы были очень жесткими и уставшими от сидения так долго, потому что поездка на поезде заняла 7 дней и ночей. Когда наши молодые солдаты увидели высокие, заснеженные горы, уставившись на

холод, большая часть их энтузиазма уже исчезла. С тоской я думал о своих близких дома, сейчас более чем в 3600 км от нас. Я задавался вопросом, увижу ли я их снова или найду свою могилу в великом горном хребте перед собой? Следующую ночь мы провели в массовке. На следующее утро мы снова сели в поезд и проехали около 8 км в горы в деревню Волоц.

Там я увидел первых русских.

Назад на фронт: в снегу Карпат март 1915 г.

Деревня состояла из нескольких бедных хижин. Там мы вышли и пришли в казармы, чтобы провести следующую ночь. Так как не было плиты для отопления, мы уже в первую ночь сильно замерзли. Деревня Волокс состояла из нескольких бедных хижин. Стены состояли из сосновых стволов, уложенных друг на друга. Между ними был мох, а щели были покрыты глиной. Крыши были сделаны из соломы. Я бы никогда не поверил, что такие жилища можно найти в Европе. Я никогда не видел ни одного жителя. На следующее утро мы уехали. Мы маршировали на одном из них. зигзагообразно поднимаясь на высокую гору.

Там я увидел первых русских.

Это были заключенные, работающие на дороге, все сильные, большие люди. Их пальто было цвета глины.

На голове у них были высокие меховые шапки, ноги были зажаты в высокие сапоги, доходившие до колен. Пока они поднимались дальше, начался сильный снег, так что на 50 метров было невозможно разглядеть. Вскоре мы выглядели как снеговики. Наконец-то дорога пошла вниз. Снег прекратился, мы увидели около 20 несчастных домов, стоящих глубоко под нами. Деревня называлась Верецкий. Один солдат сказал: "Умри, это все еще вопрос! - Мы прошли маршем и вскоре добрались до другой, не менее жалкой деревни. На ней была табличка с именем "Тоже Верецкий". Солдат сказал: "Неужели для нас больше нет спасения? А вот и он: Так умрите я." Несмотря на всю серьезность ситуации, над которой мы смеялись. Мы жили в Со Вереки. Я пошел с другим товарищем на австрийскую полевую кухню и попросил у повара что-нибудь теплое. Повар, хотя и не понимал ни слова немецкого в многонациональном государстве Австро-Венгрия только меньшинство немцев; даже в австрийской части двойной монархии он составлял всего около 36 процентов, давал каждому из нас по чашечке очень хорошего чая с ромом. Мы поблагодарили и отправились в хижину, которая была приписана нам. Но хижина была настолько полна солдат, что мы не могли найти в ней ни одного свободного места. В соседних хижинах та же самая картина.

Теперь я спросил одного из австрийских солдат, приезжающих сюда, не знает ли он о жилье для нас обоих. Он сказал, что мы должны идти только по его стопам. Через четверть часа мы подходили к хижине, которая стояла за небольшим еловым лесом. Так как

мы не хотели ночевать на улице в снегу, мы отправились туда и вскоре добрались до места назначения. Я открыл дверь и оказался в комнате, которую не мог назвать. Это была гостиная, конюшня и зал заседаний. Я был поражен, как и мой товарищ. В углу перед нами стояли две коровы; их вода переливалась через глиняный пол к входной двери. Двое полуголых детей присели, поцарапали пропитанную водой грязь и изготовили маленькие круглые шарики, похожие на наш Klickerle на юге Германии для игровых мячей, мраморных шариков. Рядом с коровами стояла коза, привязанная к столбу, забитому в землю. Ни кровати, ни даже стола. На стене были грабли, которые, вероятно, служили спальным местом для четырех австрийских солдат, играющих в карты на скамейке запасных. Под полкой я заметил, что у семьи был тайник с картошкой. Но как плохо они были одеты! Под каретой я заметил семейные запасы картофеля. Но как плохо они были одеты! Мужчина носил порванные сапоги, рубашку над брюками, как это было принято во всем регионе, дубленку на плечах, а женщина носила такое же пальто.

Ни солдаты, ни жители хижины не могли говорить ни слова по-немецки, и они дали нам знаки, чтобы мы поняли, что нужно занять место. Теперь я повесил свой рюкзак и поставил его рядом с мощной плитой, которая служила источником тепла, приготовления пищи и выпечки и, вероятно, заняла четверть всей комнаты. Я посмотрел вверх мм и увидел около 10 кур, спокойно сидящих на палочках, прибитых к балкам, и, если что-то давило на них, они с комфортом

спускались в гостиную. Мы сварили кофе в духовке и съели кусок хлеба.

Так как мы устали от марша, мы сказали, что хотим спать. Мы ложимся на него и покрываемся одеялами. Каждому солдату давали шерстяное одеяло, чтобы защитить себя от холода. Когда стемнело, человек взял длинную сосновую стружку из плиты, засунул ее между двух стволов пихты в стену и поджег. Это было освещение. Затем двое австрийцев легли с нами; двое других взяли горсть соломы и положили ее на пол. Это было их спальное место. Теперь мне было любопытно, где будет спать семья. Скоро эта загадка будет решена. Женщина забралась на плиту, мужчина передал ей двоих детей, а затем сам забрался наверх. Все ложились и покрывали себя овчинами. Вскоре все мирно спали вместе: мы 2 немца, 4 австрийца, 4 русинца. Но что-то проснулось, и опасный враг: вошь.

Теперь мы добрались до нашего отряда, который уже ушел. Теперь мы накопили вдалеке перед собой Бам-бам-бам - артиллерийский огонь на фронте. С тем нежеланием, с которым я шел, я никогда не смогу никому описать. Что нас там ждало? Снег, холод, лежание на улице ночью, опасность для наших жизней. Теперь мы прошли мимо нескольких казарм, которые использовались как полевые госпитали. Первая казарма была полна раненых и полужамороженных солдат, половина немцев и половина австрийцев. Они были почти все серовато-желтые на лице и очень подавлены. Ты мог видеть, что они через многое прошли. Теперь я доложил врачу. Он сурово спросил меня, чего я на самом деле хочу. Я сказала ему, что я страдаю от катара и что я очень

слаба. Потом он засмеялся мне в лицо и сказал: "Ну, моя дорогая, наверное, ты уже была в поле и сыта по горло. Тебе лучше уйти и вернуться в свой отдел. "Что мне было делать? Я шел за ними и добрался до войск на их следующем месте отдыха. Мы снова маршировали весь день, в гору, вниз. На скользкой дороге один из них часто соскальзывал. Целые караваны саней проезжали мимо нас на фронт, нагруженные боеприпасами и едой. Они вернулись пустыми. Отдельные сани возвращали раненых. К вечеру мы снова добрались до какого-то барака, где мы должны провести ночь. Видно было, что вдоль дороги стояла деревня. Дома были сожжены дотла, только большие печи и камины еще стояли. На заснеженных склонах гор видны колючая проволока, торчащая из снега. Я также видел несколько штыков. Теперь я спросил у немецкоговорящего австрийца, который принадлежал к Баракенвахе, что это на самом деле значит. Он сказал мне, что в этот момент они сильно боролись. Русские продвинулись настолько далеко, что после тяжелых боев вынуждены были отступить. Под снегом еще оставалось много ворота. Теперь храбрость молодых солдат, закончилась. На следующее утро они снова пошли. Теперь мы поднялись на высокую гору. На вершине хребта мы отдохнули. В этот момент была венгерско-галисийская граница. Вид сверху был чудесный. Вокруг заснеженных гор и каньонов, а на склонах часто встречаются красивые еловые леса. С передней стороны пушечный гром ревел над отчетливо слышимым. Теперь все пошло на спад в зигзагах. В глубоком овраге мы увидели пушку с лежащей

крышкой. Один за другим мы шли по такой тропе, которая вела по очереди вокруг горы. Наконец-то мы добрались до деревни Тухолька. Сейчас прибыли ротные сержанты 41-го и 43-го пехотных полков, а нас приписали к ротам. Я поступил на службу в 7-ю роту 41-го пехотного полка вместе с 50 товарищами. Мой адрес: Мушкетер Ришерт, 7-я рота 41-го пехотного полка, 1-я бригада, 1-я дивизия, 1-й армейский корпус "Кайзерлих-Дойче Зюдармее".

Драки и штабмы в Карпатах

Ночью мы вышли на фронт под руководством сержантов. В течение дня этот маршрут не мог быть пройден, так как находился в пределах дальности стрельбы российской артиллерии. Теперь мы добрались до деревни Орава, которая состояла из около 20 хижин и церкви. Церковь была покрыта листом, а башня имела форму купола. Крест на вершине имел 3 крестовых балки, нижняя - диагональ, знак греко-католической религии. Деревня была расположена на

Подножие горы длиной около 8 км, высотой 1200 м, которая имела форму крыши и была очень крутой местами. Гора называлась Звинин. Позиция русских была на вершине. Немцы выкопали на глубине около 200 м на склоне, около 1000 м над дном долины. Высота снега в среднем составляла около 70 см, а в пустотах и оврагах - несколько метров, так что движение по склону было невозможно, так как россияне смогли прочесать склон с помощью винтовки и пулемета с нескольких выступающих точек.

Теперь мы пришли в нашу компанию. Мужчины состояли в основном из восточных пруссаков, которые говорили на трудном для понимания диалекте, и некоторых немецких поляков. Около 10% жителей Пруссии принадлежали к дискриминируемому национальному меньшинству поляков. Они рассказали нам, как ужасно здесь страдает от холода, и что никто из нас не должен осмеливаться поднимать головы над снегом, потому что русские, сибирские снайперы, сбивают любого, кто покажется. Потом я увидел немца примерно в 30 метрах впереди, выходящего из канавы, чтобы спуститься вниз с горы. Там, наверху, несколько выстрелов. Человек бросил руки в воздух и упал в снег. Он был первым мертвым из наших замен, сильным, самоуверенным. Мальчик, который во время поездки на поезде, наверное, сто раз спел аллею сказку: "Аист, он утконос, он приносит маленьких детей". Но он здесь только летом. Кто заботится о вещах зимой? "Теперь бедная негодяйка спела". Я слышала, как он сказал, что собирается взять несколько тощих сосновых веток вниз по холму, чтобы сделать кофе.

Тогда восточные пруссаки рассказали нам, что они уже совершили несколько нападений на российские позиции, но каждый раз отбивались с большими потерями. Их мертвые все еще лежали на вершине и были занесены снегом. Я поднял голову на мгновение и увидел несколько жестких рук и штыков, торчащих из снега. Я также видел много возвышенностей в снегу, под которыми лежали тела павших. Еду можно было приносить только ночью. Так как ни одна полевая кухня не могла прийти сюда, они готовили в

маленьких переносных чайниках вниз по долине. До сих пор, когда завтрак с едой поднялся на 1000 м, еда остыла, как и кофе. И так, у тебя есть что-то теплое только каждый третий день. Когда пришла моя очередь за едой, я съел порцию прямо внизу. Хлеб был настолько заморожен, что с трудом можно было отрезать кусок карманным ножом. Я положил отрезанный кусок хлеба на грудь между юбкой и нижней курткой, чтобы он оттаял. Почти все они страдали от болей в теле и диареи в результате простудных заболеваний. У большинства была кровь в стуле. Оно было в отчаянии, и выхода не было; нам угрожали смертью, ранениями, замерзанием конечностей или тюремным заключением. Среди солдат было невероятное уныние, и только страшное принуждение заставило нас вынести это. Особенно горькие холодные ночи не закончились бы. Спать не приходило в голову, ибо все топталось от одной ноги к другой и билось руками, чтобы согреться. Иногда русские внезапно выстрелили несколько залпов сверху. Большинство из нас держали руки над снегом в надежде, что мы можем получить травму и вернуться в больницу. В особенно холодные ночи часто замораживали ноги, кончики носов и уши нескольких Сольдата. Однажды утром были найдены два прослушивающих поста, замерзших до смерти в снегу. Однажды началась ужасная метель. Снег был сделан не из хлопьев, а из замороженных булавок. Вскоре ров был взорван, и нам пришлось постоянно выбрасывать снег лопатами. Холод проник в наш костный мозг и ногу, и в шквале не было видно 30 шагов. Это длилось 2 полных дня. Движение в

обратном направлении было полностью бесперебойным, и теперь у нас есть немного. дней очень мало, чтобы поесть. Три дня у нас вообще не было хлеба, только австрийские каменные пирожные. Затем, в течение нескольких дней, только 8 человек получили хлеб в магазине по 3 фунта в день. Мы были очень голодны в те дни, и еще холоднее.

Однажды нам дали сало на хлеб. Руководитель нашей группы, сержант Уилл, сырой восточнопрусский, сделал половину его в жестяную банку для себя. Вторую половину он хотел раздать восьмерым. Поэтому я сказал ему, что такое невозможно, сало нужно разделить на девять равных частей. Когда он ворчал на меня, я так разозлилась, что сказала ему, что думаю. С того часа сержант шиканул меня, когда мог.

Поскольку я был бессилен против него, я был еще более опозорен, и я решил поранить себя, чтобы уйти отсюда. Для этого я связал маленькую доску перед своей рукой. Доска должна была поймать пороховые рога и пороховую слизь, чтобы врач не увидел, что существо было доставлено с близкого расстояния. В подходящий момент я хотел совершить поступок. Я прислонил заряженную винтовку к колену, держал руку с маленькой доской, завязанной перед стволом примерно на 20 см, схватил курок большим пальцем правой руки, сжимал зубы и, тем не менее, не стрелял, потому что в последний момент мне не хватило смелости. Нас всех мучили вши, а кукушка не знала, откуда они все взялись. Так как раздеться на холоде было невозможно, вши смогли гнездиться и расплодиться не стесняясь в одежде. Если я поцарапал

в передней части груди до нижней части руки, то, когда я их вытаскивал, на руке висели, по крайней мере, четверо.

С каждым днем компания становилась слабее, так как часто были раненые и многие тяжело болели. Однажды ночью нас подкрепил батальон 43-го полка. Утром пришёл приказ о наступлении. Я подумал: наши лидеры сумасшедшие, атакующие вместе с нами полумертвых, измученных солдат! В 10 утра мы начали рыть траншеи. До этого нам приходилось рыть временные окопы лопатой, откуда и происходило нападение. Не успели мы выйти на улицу, как она начала стучать сверху. По высокому снегу можно было очень сильно продвинуться. Немедленно кто-то упал и попал в снег. Легко раненый сделал разворот и побежал обратно в канаву. Потом, как будто по команде, все побежали обратно в канаву. Мертвые и тяжело раненые оставались лежать, а некоторые из них плакали до вечера, пока не умерли.

На следующую ночь мы, наконец, почувствовали облегчение и спустились в деревню Орава. Мы пробыли там 16 дней, не испытывая облегчения. Как же мы были счастливы, что смогли вытянуться, как однажды в теплой комнате, на сухом полу и заснуть! На следующий день мы получили зарплату. Мы получили за каждый день 1 Марка пособие, таким образом, 1,53 Марка в день. После 3 дней отдыха мы вернулись в исходное положение, после 3 дней отдыха снова 3 дня отдыха и так далее. Потом, однажды, случилось внезапное оттепель, и над горами дул прохладный ветер. Снег начал таять, и в окопах образовалось невероятное количество грязи.

Пришлось углублять ров, потому что чем больше таял снег, тем ниже он становился. По мере того, как снег таял, падавшие также появлялись между позициями, и многие лежали в разных позициях.

**9 апреля 1915 года - завоевание звининской горы.
Номер 5 на карте**

Утром мы вернулись на позиции до рассвета. Мы получили два батальона пехотной дивизии 43 в качестве подкрепления. До того, как мы поднялись, нам не приказали нападать, но мы подозревали это. Когда мы добрались до вершины, нам пришлось выкопать знаки выхода. В точке 8 мы начали. "Гора должна быть взята любой ценой". Таков был приказ. Не успели мы копать, как на вершине появились русские и встретили нас быстрым огнем. Тем не менее, все бежало и взбиралось на вершину. Пока мы бежали, мы стреляли из своих винтовок в видимые головы русских. Это беспокоило их, и они уже не так точно прицелились. Я нырнул за земляной насыпь на мгновение. Глядя в сторону, я увидел, что немцы атаковали всю дорогу вверх по холму. В местах, где они уже достигли вершины. Были такие крики и стрельба, что нельзя было различить команды или что-то еще. Внезапно русский пулемет начал атаковать нас с фланга. Многие из них были ранены и упали между погибшими, которые упали во время предыдущих нападений. В особенно крутых местах киллеры скатывались с горы на расстояние. В конце концов, мы прибыли бездыханными перед российской позицией. Некоторые русские все еще хотели защищаться и были заколоты штыками. Остальные в страхе держали

руки вверх или бежали вниз с горы. Российские позиции не были сильно заняты, так как многие россияне были заняты приготовлением своего завтрака в убежищах, расположенных на склоне за своим постом. Мы поднялись на край горы и увидели, что вниз по склону все кишит русскими, бегущими вниз по склону. Теперь они были сбиты массами. Так как северный склон горы был совершенно голый, они нигде не нашли укрытия. Это убийство было ужасным наблюдением. Лишь немногие добрались до подножия горы живыми. Некоторые скатились с горы от 300 до 400 метров. В разных местах еще оставалось много снега, который сдувал ветер. Русские погрузились в него до самых трупов и не смогли быстро продвинуться вперед, так что почти все были расстреляны и ранены.

Теперь мы начали искать еду в приютах. Я отодвинул палатку, которая была повешена перед входом в убежище, и вошел внутрь, но сразу же отскочил, потому что в ней было восемь русских, у которых не хватило смелости бежать. Они тут же подняли руки. Они сразу же подняли руки. Двое из них хотели отдать мне свои деньги, чтобы я не причинил им вреда. На самом деле, я был рад, что они не причинили мне вреда. Я заставил их понять, что они должны уйти. Их встретили другие солдаты и привели на вершину горы, где уже собралось несколько сотен заключенных. Наверное, я был в продуктовом приюте одной российской компании, потому что там был большой кусок говядины, одна сторона копченого бекона, несколько тюков сливочного масла и много сахарных булочек в

круглых рулонах. Я быстро положить мешки хлеба и все мои карманы полны булочек, вырезать сторону бекона в два с моим карманным ножом и привязал большой кусок под крышкой моего рюкзака, так что концы обеих сторон были видны. Потом я расстегнул посуду и набил ее маслом. В конце концов, я взял несколько горстек сахара из мешка и наполнил им каждое пустое место в карманах. Тем временем в землянку вошли другие солдаты, и через несколько минут она была расчищена. Многие солдаты находили только хлеб и другие мелкие вещи. Когда они увидели, что мой бекон торчит с обеих сторон рюкзака, некоторые из них взяли карманный нож и отрезали куски. Вскоре остался только кусок, который был под крышкой рюкзака. Это было еще десять фунтов, и я подарил его своему хорошему другу, человеку из Бадена по имени Губерт Виланд, который до войны изучал богословие, вырезал из него хороший кусок, а также маленькие кусочки для нескольких эльзасских товарищей.

Теперь пришел приказ, что все должно собраться на вершине горы. Раненых, которые были перевязаны, немцев и русских, теперь разместили в палатках и доставили в Ораву пленных русских. Отряд русских должен был помочь нам выкопать большие ямы, в которых были похоронены как погибшие, так и павшие во время урагана. Последний уже имел ужасный вид. Мы должны были собрать все наше мужество, чтобы помочь донести их сюда. Теперь мы остались на российской позиции. Ночью снова начались сильные снегопады, а утром горы, овраги и леса снова были завернуты в белое одеяло. Перед нами

были две горы в форме домов, с узкой стороной, обращенной к нам. Через ущелье между ними мы увидели некоторые из бедных хижин в долине и на заднем плане 3 или 4 горные вершины, одна из которых выше другой. Патрульные были посланы в горы, расположенные напротив нас, чтобы проверить, были ли они очищены русскими. Вскоре они помахали оттуда, чтобы сообщить, что русские ушли. Теперь мы спустились по северному склону Звинина; там, где мы смотрели, лежали мертвые русские. В ручье у подножия горы у подножия горы лежало много мертвых в воде, несколько из них все еще прислонялись к краю. Это была грустная картина. Русские были гораздо лучше оснащены против холода, чем мы. Они носили толстые шерстяные пальто с капюшонами, высокие меховые шапки на голове, ноги были в основном в войлочных сапогах, а брюки и жилеты были выложены хлопковой ватой.

Теперь мы отправились в ущелье между двумя горами и ждали ночи. Ночью мы поднялись на гору справа и вырыли траншею на полпути вверх. Это была холодная ночь. Один из моих товарищей, Бруннинг, из Мюльхаузена также очень расстроен, попросил меня пустить ему пулю в руку. Он хотел положить руку на пень дерева. Я сказала ему, что не могу этого сделать. Я сказала ему, что не могу этого сделать. Он хотел положить руку на пень. Я сказала ему, что не могу этого сделать. Утром, когда взошло солнце, и мы на милю вокруг ничего не видели русских, мы сели за канаву на ранцы, и все ели то, что у них было. Внезапный жужжание в воздухе и в то же время страшный шум. Грязь, снег, дым, все кружилось

вокруг. Большая русская граната попала менее чем в 30 футах от нашего рва. Быстро мы все прыгнули в окоп. Второй пришел. Двое мужчин были убиты. Третий снаряд взорвался прямо за окопом, четвертый в середине, примерно в 20 футах от меня. Я выпрыгнул из канавы и побежал по склону в невысокую у, состоящую в основном из кустов орешника. Вскоре в канаве не было никого, кроме людей, которых я встретил. Через некоторое время съемка прекратилась. Теперь мы осторожно вернулись в канаву, чтобы позаботиться о раненых. Вскоре двое мужчин привезли Брюнинга; бледный, как смерть, он пошевелился, вытянул руки и задыхался от дыхания. На нем не было видно никаких повреждений. Внезапно кровь выстрелила из его рта и носа. Он упал, и после нескольких подёргиваний был мёртв. Давление воздуха, вызванное разрывом гранаты рядом с ним, разорвало его легкие. Семь мертвых все еще лежали в канаве, некоторые из них были разорваны до неузнаваемости. Мы поместили их всех в одну из больших дыр, вызванных гранатным снарядом, и засыпали их землей. Затем мы закрепили две палочки в виде креста с ивами и положили их на могилу. Мы оставались в этой канаве еще два дня, и огня больше не было, потому что никто не осмеливался появиться. Третьей ночью мы покинули гору, пересекли узкую долину и вырылись за ее пределами. Русские лежали напротив нас на длинной горе выше нашей. В течение дня нам приходилось постоянно садиться или ложиться, потому что русские могли толкать нас в канаву сверху. Склон перед нами был покрыт высокими кустами. Однажды вечером,

когда стемнело, я стоял на страже, но не обращал внимания и общался со своими товарищами. Внезапно перед нами на краю канавы встал русский, с ружьем в руках. Я думал, что придет еще много других, поэтому я повернул свою винтовку против него. Затем он поднял руки вверх и прыгнул в канаву навстречу нам. Он был дезертиром, который сыт по горло войной. Мы дали ему си-гаретту. Как ему повезло, что он нашел безопасность в своей жизни! В тот же вечер мы получили свежие замены из Германии. Сержант, который также присоединился к нашей роте, был убит той ночью. Мы были в таком положении около трех недель. Мы каждый день получали артиллерийский огонь от русских, иначе ничего особенного не происходило.

2 мая мы услышали приглушенный гул орудий вдалеке. Это был прорыв немецкой армии через русские позиции под Горлице-Тарновым. 4 мая был мой день рождения, мне было 22 года. Во второй половине дня русские начали обстреливать наш окоп шрапнелью. Мы уложили доски над траншеей и покрыли верхушку землей, чтобы защитить себя от осколков. Нас было пятеро. Вдруг жужжание, молния, взрыв, я получил удар по голове и оказался без сознания. Когда я пришел в себя, все крутилось вокруг и вокруг. Я лежал в могиле, наполовину покрытый кусками дерева и земли. У меня была огромная шишка на голове, и я соскрёб кожу с лица под правым глазом. Один из четырёх товарищей лежал мёртвым в канаве. Другой прислонился к стене рва, повесил голову вперед и тихо стонал. Когда я смотрел, то заметил, что он получил взрывное устройство в спину. Я кричал

для парамедиков, но никто не пришел, потому что все нырнули в какой-то угол канавы. Когда через некоторое время я снова осмотрел его, он был мертв. Я не видел следов двух других, они, наверное, сбежали. Позже я узнал, что мой добрый товарищ Вейланд, который носил очки, был слегка ранен. Разбитые комками земли линзы застряли у него под глазами.

**начало большого наступления в мае 1915 года
Номер 6 на карте**

5 мая 1915 г. мы оставили свои позиции и пошли на восток в маленькой долине за фронтом. Место кишело свежеприбывшими австрийскими войсками. Говорили, что российский фронт придется прорвать там. Русские также имели свое положение здесь, вдоль хребта горы. Мы боялись нападения, но на этот раз нам повезло больше; мы остались в резерве. Мы лежали в укрытии против Сихта в еловом лесу. 7 мая утром начались танцы. Некоторые австрийские горные батареи стреляли по российским позициям? Вскоре немецко-австрийская пехота продвинулась к штурму. Пехота и пулеметный огонь были ужасны. Между ними можно было услышать звук шрапнели и ракушек. Мы видели, что многие из тех, кто был ранен, остались позади немцев и австрийцев, которые поднимались на холм. Тем не менее, они достигли вершины, и вскоре с горы были спущены большие колонны русских заключенных. Но борьба продолжалась, что свидетельствует о том, что на японской стороне горы русские все еще сопротивлялись. Теперь было сказано: "Падай,

вперед... Мы собрались на краю леса; внезапно русская тяжелая граната попала в середину стопки солдат, убив и ранив более 40 человек. Мы все сбежали друг от друга в страхе. Пришло больше снарядов, но они все пролетели над нами. Нам пришлось перегруппироваться и подняться на гору; между немецкой колонной и вершиной было много убитых и раненых на нашей стороне. Раненые попросили о помощи. Но мы должны были продолжать. Немецкие медики и врачи с помощью русских заключенных пытались перевязать раненых и забрать их.

На русской позиции было много погибших русских, почти у всех были ножевые ранения. Разбросанные по всему склону холма в тылу холма были также павшими русскими, а в промежутке между ними находились несколько немцев. В какой-то момент я увидел полную русскую линию стрелков, лежащих мертвыми. Одни до сих пор держали в руках лопату, чтобы выкопать себя, другие лежали там, их винтовки все еще были наготове. Вероятно, их подстригли из пулемета. За их положением стоял настоящий беспорядок, нигде не было видно туалета. Так что ты едва ли сможешь пройти, не наступив на человеческие экскременты.

Мы добрались до войск, которых нужно было преследовать только на высоте следующей горы. Русские также построили там сильную резервную позицию, но больше нет времени на сопротивление. Теперь преследование началось. Весь день мы шли в гору, вниз позади русских. Снова и снова, индивидуально или небольшими группами, русские

приходили к нам добровольно, чтобы сдать. Думаю, им тоже надоела война.

Когда было жарко, мы утоляли жажду у чистой родниковой воды, которой было много. Еда была бедной, потому что все ждали только около фунта мясных консервов и мешка сухофруктов. На него нельзя нападать, пока командир роты не прикажет. Мы провели ночь на вершине горы, голодные. На рассвете мы снова продолжили. До этого нам разрешили съесть полбанки мяса и немного сухариков.

Около полудня около 20 человек, включая меня, были отправлены на гору перед нами, чтобы осмотреться. Не успели первые мужчины добраться до вершины горы, как они сразу же начали стрелять и кричать, чтобы мы быстро подошли. С вершины горы я увидел глубокое ущелье под нами. Там было полно русских, которые были в отступлении. Сейчас мы сбили то, что выходило из наших винтовок, и несколько русских упали на землю. Потом все выбросили винтовки и держали руки в воздухе. Так как мы не хотели показывать свою слабость, мы оставались прикрытыми и ждали прибытия батальона. Русские должны были собраться и вернуться. Там было более 700 человек. Теперь мы поднялись на следующую покрытую гору. Много стволов пихты лежало на земле, нижние - гнилые, верхние - твердые, без коры. Почти невозможно было проехать местами. Горы здесь были очень дикими и разорванными на части. Нигде нет ни тропы, ни пешеходного моста, не говоря уже о человеческом жилище. Из-за тяжелого подъема и спуска и недостатка пищи мы стали очень

уставать и слабеть, но, тем не менее, продолжили до наступления ночи. Теперь мы съели остатки еды и спали в лесу. На следующее утро мы снова пошли вперед с голодным желудком; мы спускались по склону горы, когда внезапно получили сильный пехотный огонь с горы напротив нас. К счастью, было несколько больших камней, за которыми мы нашли укрытие.

Вероятно, именно русский арьергард должен был прикрыть отступление их армии. Вскоре было много выстрелов из немецких дивизий, и русские отступили. После того, как мы поднялись на гору, где раньше были русские, мы увидели, к нашему приятному удивлению, красивую долину, которую пересекала железная дорога, дорога и маленькая речка. Некоторые небольшие деревни и одиночные фермы лежали в долине. Вдалеке можно было видеть, как русские уходят невооруженным глазом. Дорога была, насколько можно было видеть, покрыта их колоннами. Сейчас мы спустились в долину и, следуя по дороге, вскоре приехали в маленький городок Сколе. Поскольку мы очень сильно страдали от голода, мы отправились на поиски пищи. Вскоре был обнаружен источник. На обочине дороги стояли две казармы, наполненные русским хлебом и лососевой рыбой. Теперь они были взяты штурмом. У входов была невероятная толпа. Вскоре везде можно было увидеть солдат, сидящих и лежащих, с большим куском рыбы и русским хлебом, храбро жевавших его. Мы провели следующую ночь в Сколе. Утром мы продолжили движение по дороге. В какой-то момент дорога пересекла реку. Мы сняли обувь, промокли до бедер.

Человек из Бадена по имени Майер снял штаны и вышел сухим из воды. Он смеялся над нами. Когда мы добрались до другого берега, Майер увидел, что только он забыл свой рюкзак и оставил его там. Теперь он должен был вернуться назад, поскользнуться на гладком камне и поддержать воду продольно. Мокрый, как мышь, он вернулся со своим рюкзаком. Ему не нужно было беспокоиться о насмешках. На следующее утро мы вскоре столкнулись с препятствиями, продолжая наш марш. Русские срубили огромные деревья на холме и бросили их через дорогу.. Они должны были быть очищены от нас.

В результате неравномерного питания я, как и многие другие, страдал острой диареей. Дисциплина среди восточных пруссаков была настолько велика, что, несмотря на невзгоды и страдания, мне пришлось просить своего начальства уйти. Я попросил разрешения у командира взвода, сержанта Уилла. Так как он все еще ненавидел меня, он послал меня к командиру роты и сказал мне пойти спросить его. Но этот ездил во главе батальона. Я снова попросил разрешения у сержанта Уилла. А так как ждать было невозможно, то я покинул колонию, поставил на обочине дороги ворота, винтовку и загон и поехал в кусты рядом с дорогой. В тот же момент колонна была вынуждена остановиться, потому что на дороге опять были препятствия. Командир нашей роты, ужасно грубый человек, приехал в свою роту с фронта и, увидев мои вещи, лежащие на обочине дороги, жужжал: "Чьи это вещи? Я закричал из кустов: "Я, мушкетер Ришерт! «- - » А теперь иди сюда! ". Я

навела порядок в одежде, пошла туда и стояла перед ним. "Вы просили разрешения уйти?" "Да, сержант Уилл, я ответил. - "Капрал Уилл, иди сюда", - сказал лейтенант. "Этот человек спрашивал твоего разрешения уйти?" "Капрал Уилл, который увидел здесь возможность стереть меня с лица земли, солгал: "Нет, лейтенант! "Ты наглый, жалкий негодяй! "...лейтенант накричал на меня. "Я наказываю тебя пятью днями строгого заключения за ложь вышестоящему офицеру! "Я собирался сказать первому лейтенанту, что когда я попросил у капрала Уилла разрешения уйти, там должно было быть как минимум 20 человек". Я едва открыл рот, когда он поднял руку хлыстом и закричал: "Заткнись! "Я почти лопнула от ярости, но я была бессильна. Это было самое суровое наказание, которое я получил за почти два года военной службы. Я был так расстроен в течение нескольких дней, что служил только с большим нежеланием.

Поскольку не было времени на демонтаж и не было мест содержания под стражей, наказанные были привязаны к дереву или колесу вагона где-нибудь с помощью веревок. Двухчасовое содержание под стражей каждый раз вызывало один день содержания под стражей. Поэтому меня должны были связать на 10 часов, что в то время было военным наказанием, распространенным во всех европейских армиях. Приятный вид, особенно когда я думал обо всем, что мне пришлось пережить и вынести для этих пруссаков. Письмо из дома принесло мне большое утешение от новости о том, что мои близкие были

здоровы, все было здорово, и они могли оставаться дома, несмотря на близость фронта.

Идя дальше, мы вышли в горы и увидели перед собой огромную Галикийскую равнину. Все было зеленым и цветущим, и мы были очень счастливы, что наконец-то страшные горы остались позади. Глядя на широкую равнину, все думали, что если найдут где-нибудь там свою могилу. К сожалению, для большинства из нас так и было. Мы проехали несколько деревень, не встретив ни одного русского. Строительство домов было немного лучше, чем в Карпатах. Крестьяне ходили с рубашками на брюках, а женщины здесь тоже были нечистыми. Они смотрели на нас с изумлением *blikken*, потому что мы, вероятно, были первыми немцами, которые увидели их. Мы не смогли поговорить с ними, потому что там говорят по-польски. Однажды я зашла в дом, чтобы купить яйца. Я показал женщине шесть пальцев и кудахтал как курица. Женщина притворялась, что не понимает меня. Потом я нарисовал яйцо карандашом на побеленной стене в гостиной. Ничто ничему не помогло. Она просто не понимает меня. Ничего не помогло, она просто не хотела меня понимать. В крайнем случае я показал ей свое портфолио, из которого взял банкноту. Это помогло. Женщина достала корзину из угла и дала мне шесть яиц. Она попросила "1 куронну", то есть 1 австрийскую корону, которая стоила 80 пфеннигов.

На следующий день мы постоянно слышали слева от нас пушечный гром, из которого мы поняли, что русские хотят остановить наше наступление. Могучие облака дыма поднимались в воздух, деревни горели.

Ночью небо над этой местностью было кроваво-красным. На следующий день мы снова продолжили. Мы были измотаны от всей этой беготни и жаждали отдохнуть. Внезапно выстрелы ударили передо мной. Кавалерийский патруль вернулся с сообщением о том, что они столкнулись с более мелкими российскими дивизиями. Теперь, похоже, скоро все снова станет серьезным. Около 20 человек были отправлены вперед с лейтенантом, чтобы обыскать лес перед нами. Но мы не нашли ни одного русского. С другой стороны леса мы увидели деревню. Некоторые дома были покрыты кирпичом, другие - оловом и гонтовой черепицей. Вдоль края леса находился овраг глубиной около 5 метров. Мы прилегли на край оврага и посмотрели на деревню. Но нигде не было русского. Внезапно в натянутом скакуне вокруг изгиба ущелья появился русский. Мы сразу же ударили его своими винтовками. Он бросил копье, поднял обе руки и прыгнул, не держась за поводья. Мы все должны были восхититься этим конным подвигом. Мы сказали русскому остаться с нами, и он, похоже, был вполне доволен этим. Потом из деревни приехал фермер, который хотел работать на полях. Мы кричали: "Пандже, Москали? "Это было что-то вроде: "Сэр, остались ли русские? "Человек ответил простым английским: "Нет, последние ушли полчаса назад. "Он рассказал нам, что вчера вечером в деревне было полно русских, и как бы он ни понимал, они пытались защищаться в этом районе. Для нас это был неприятный репортаж. Деревня называлась Бергерсдорф и была населена только немцами. После того, как лейтенант послал несколько человек в

батальон с рапортом, мы отправились в деревню, где нас радостно встретили жители. Так как мы все были очень измотаны и имели плохую внешность, люди снисходили к нам и давали нам еду: молоко, хлеб и все остальное, что у них было. батальона нам пришлось построить траншею на другой стороне деревни, посреди картофельного поля. капусту и картофель и принесли эту еду к нам в окоп. Сельчане зарезали свинью за счет общины, приготовили . Как вкусно! Это снова было чем-то отличным от вечной монотонности полевой кухни. "Завтра - день отдыха!" было сказано.

Мы спали в сарае. Утром две дочери хозяина дома принесли нам вареное молоко. Это были две симпатичные, очень дружелюбные девушки, и я часто разговаривал с ними в течение дня. Во второй половине дня ко мне подошел сержант и сказал, чтобы через полчаса меня привязали к яблоне, стоящей во дворе. Мне пришлось самому достать веревку. Я мог бы разбить на куски весь мир своей яростью. Примерно через полчаса я взял свой вязаный цепной шнур для чистки ствола из рюкзака и захотел доложить об этом младшему офицеру. Потом по деревне бегали курьеры компании и кричали: "Немедленно все готовьте, мы идем! "Хотя мы и подозревали, что вскоре произойдет столкновение с русскими, я с облегчением воспользовался тем, что на этот раз мне удалось избежать стыда за то, что меня связали.

Мы прошли несколько километров через лес на другую сторону леса. Там мы остановились на ночь. Ночью мы постоянно слышали перед собой пехотный

огонь. К нам пролетели одиночные пули. Это была очень приятная, мягкая майская ночь, и спать на улице было совсем неплохо. К утру нам пришлось пройти через большую территорию, полностью заросшую вереском. Австрийские войска подняли там могилу, которую мы сейчас оккупировали. На рассвете я увидел, что перед нами, примерно в 800 метрах от нас, стоял лес, покрытый молодыми елями, который полукругом граничил с вересковой рощей. Справа от нас внезапно раздался сильный пехотный огонь. Там уже шла битва. Днем мы спокойно лежали в канаве. Вечером командир роты сказал унтер-офицерам, чтобы они пришли в себя, и что патруль из двух человек - по возможности активных, которые до сих пор принимали участие во всей кампании - должен идти вперед, чтобы выяснить, где находится позиция русских. Мой сержант сообщил, что такой человек был в его группе. Поэтому меня и человека из Бадена по имени Бреннайзен отправили вперед. Мы прошли мимо прослушивающих постов впереди, и я спросил, знают ли они пароль, а не то, что они будут стрелять в нас, когда мы вернемся. В тот день паролем или паролем была Хелена. Мы осторожно прокрались, снова легли и слушали ночь. И так это продолжалось и продолжалось, медленно. Чтобы определить направление, у меня был компас со светящимся наконечником. Бреннейсен хотел пойти дальше, но я заставил его лечь рядом со мной в вереск и сказал: "Человек, помни, что у тебя есть мужество". Что ты можешь найти здесь, впереди? "По крайней мере, смерть!" Он ответил тихо: "Но мы должны доложить, где лежат русские!" "Позволь мне это сделать. Я

прослежу, чтобы русские были там. "Тогда мы просто будем лежать здесь тихо. Вдруг мы услышали шелест вереска слева от нас и сразу же после этого мягкий шепот. Мы тихо положили винтовки на землю, и я прошептал себе в ухо, что мы не должны стрелять, если это возможно. Потом рядом с нами появились восемь русских. Осторожно проглядывая, они проехали всего 20 шагов впереди нас, но не увидели нас. Мы затаили дыхание, но не смогли успокоить наши сердца. Отдыхая тихо, мы слушали ночь. Потом мы услышали четкий стук в лесу, затем звук топоров. Больше не было сомнений в том, что русские строили проволоку на краю леса перед своим положением. Примерно через два часа мы осторожно вернулись назад, и вскоре "Halt Wer da?" эхо пришло к нам. Мы сказали: "Хелен".

Осторожно, мы вернулись примерно через 2 часа. Вскоре мы услышали "Стоп"! Кто там? "на пост прослушивания. Мы сказали "Хелен" и могли пройти. Как только мы добрались до канавы, мы ушли!

Командир роты лежал в углу и спал. Я разбудил его и сказал: "Патрулируйте назад!" Он встал и спросил: "Ну, что нового впереди?" Я сказал ему: "Мы подкрались к краю леса перед нами. Мы чуть не столкнулись с русским патрулем из 8 человек, но они нас не заметили. Мы ложились и слушали, как русские рубили деревья, затачивали столбы и забивали их в землю. Мы также слышали хруст рулонов проволоки, как признак того, что россияне строили проволочное препятствие перед своим положением. Мы подкрались так близко к русским, что услышали, как они говорили ясно. На обратном пути я прошел

расстояние от нашего положения до края леса, около 800 метров". В последней части доклада я солгал командиру роты в надежде, что он даст мне пять дней отпуска. Когда я доложил, он похлопал нас обоих по спине и сказал: "Вы лихо расстреляли патруль. Я очень доволен тобой. Как тебя зовут? Мы назвали свои имена. "Ришерт? Рохе? Разве ты не тот человек, которого я наказал пятью днями строгого заключения? Да, лейтенант, - ответил я, - за лихую казнь патруля, вы больше не наказаны". Я достиг того, чего хотел. Ночью оберлейтенант вызвал командиров отряда к себе домой и приказал им сообщить всем солдатам в роте о той храбрости, с которой я и Бреннайзен проводили патрулирование. С той ночи я очень понравился Оберлейтенанту. Иначе он был очень опасным, грубым человеком и опасался в компании. Однажды я увидел, как он ударил солдата, пожилого человека, по лицу, так что он истек кровью из носа. В другой раз я слышал, как он разглагольствовал о раненых, стонавших от боли, "детских головах" и "трусливых тряпках". К утру мы вышли из канавы, направились прямо через вереск к лесу. Прямо на краю леса находилась домик лесника, состоящий из жилого дома и конюшни. Рядом с домом и в его окрестностях лежало много немецких солдат, павших накануне в стычке с русскими. Мы оставались в лесу весь день. Русский патруль из 6 человек бежал к нам и должен был сдаться. Это были сильные ребята, вероятно, из юго-восточной Сибири, потому что они были желто-коричневые, у них были слегка изогнутые глаза и торчащие скулы (монгольская раса).

26 мая 1915 года

В полночь пришёл приказ тихо продвигаться по лесу, пока мы не разожгли огонь. Тогда ложись и похорони их. Ночь была темной, и иногда ты бьешься о деревья. Когда мы проехали 50 около 300 метров, прямо перед нами раздалась вспышка молнии, и в нас выстрелили. Мы бы ложились, строили линии и копали. Это была нелегкая работа в поле темной ночью, в почве, покрытой корнями. Наконец-то я сделала дыру, легла и уснула. Всегда было неприятно лежать в такой прохладной дыре, похожей на могилу, тем более, что всегда приходилось ожидать смерти. Когда я проснулся, было уже светло. Затем пришел приказ, который всегда наполнял меня ужасом: "Готовься, посади боковую ветвь, вперед!" "Мы надеваем наши ранцы, надеваем штыки на винтовку, кладем пять патронов в камеру и один в ствол". Со страхом и трепетом мы шли вперед, осторожно подглядывали вперед, но ничего не могли видеть. Потом мы наткнулись на проволоку, которая передавалась только от дерева к дереву. Мы можем легко перейти. Лес здесь состоял в основном из больших буков и дубов, земля была покрыта низкими кустами ежевики. Как бы я не заглядывал вперед, я ничего не видел в русской позиции. Внезапно залп разбился едва на 50 метров впереди нас. Пулеметы дребезжали, короче говоря, это был нон-стоп стук. Эффект этого пожара был ужасен из-за короткого расстояния. Самый первый залп привел около половины из нас на землю, мертвых или раненых. Невредимые тоже бросились вниз, и все старались копать как можно быстрее. Но многие были поражены

во время этой работы. Потом почти все замерло, и русские практически перестали стрелять. Страшно было слышать стоны и стоны бедных раненых. Я тоже бросился на землю во время первого залпа и заполз за могучий ствол дуба. Человек из Бадена, который лежал около 3 метров в сторону меня, получил выстрел по диагонали в левую щеку. Он подполз ко мне за дубом, встал, взял стеклянное зеркало и посмотрел на свою рану. "Это несерьезно, - сказал он мне, - выстрел дома". "Так мы называли незначительные раны.

Внезапно он посмотрел жестко перед ним, бросил руки в воздух, пошатываясь. Кровь выстрелила у него изо рта и носа, и он упал на спину напротив меня, разбрызгивая на меня свою кровь. Я выкатил его из себя; я не мог сказать, получил ли он еще один выстрел или упал в результате раны на лице, так как с трудом осмеливался двигаться. Я заметил, что несколько пуль шипнули в меня со стороны чуть выше меня. Я немного поднял голову и увидел, что русская позиция наклоняется. Теперь я видел, как умно она была построена. Ров был покрыт досками, на которых лежала земля, снова покрытая листьями. Русские также посадили кустарники на вершине, чтобы сделать положение почти полностью незаметным. Их амбразуры были лишь маленькими круглыми отверстиями прямо над лесной подстилкой. Теперь пуля пробила крышку моего хэверсэка и прошла прямо через мой мешок для белья. Я думал, что в любой момент меня пронзит пуля, и назвал святых больше, чем на небесах. Я увидел, что больше не могу лежать за дубом, вытащил рюкзак из спины, немного

поднял голову, и увидел небольшой отпечаток около 3 м справа от меня, около 20 см в глубину, о длине человека. Я полз, прижатый плоско к земле, очень медленно после полой, осторожно избегая тряски низких кустов ежевики. Я вытащил свой рюкзак за ремешок. В депрессии были мокрые, гнилые листья и грязь. Теперь я лежу на боку и выскребаю его руками из ямы, затем вынимаю лопату и выкапываюсь глубже, лежа. Я бросился на землю под ежевичные кусты, и пули уже свистели прямо надо мной. Вскоре я был так глубоко, что был полностью покрыт. Теперь я спокойно лежу во влажной дыре. С правой стороны мертвец вытянул ноги до дырки. Я узнал его по обуви; это был рядовой Цинк, который вместо сапог всегда носил туфли на шнуровке и водяные башмаки. Слева поляк от боли катился туда-сюда, издавая ужасные плачущие звуки. У него был комок живота в первом залпе. Затем, когда он гнил от боли на земле, крестовой выстрел отбил 4 пальца правой руки, еще одна пуля разбила ему подбородок. Было ужасно видеть, как 50 делают что-то. Несмотря на страшные раны, жалкий человек стонал и стонал примерно до 3 часов дня, пока смерть не освободила его от боли. Слегка раненый приполз сзади на фронт; я подумал, что он сумасшедший. Потом я увидел, что он хочет взять свой рюкзак, который он снял, прежде чем ползти обратно после травмы. В тот момент, когда он потянулся за рюкзаком, пуля попала ему в лоб. Он утонул и не пошевелился.

Теперь я весь день лежал в норе, совсем один. Я не знал, живы они или мертвы. Это было очень страшно, потому что я боялся, что русские придут и проткнут

меня ножом. Однако, к счастью, они остались в канаве. Теперь я был очень голоден, я взял свою порцию и съел все. Я подумал, что ночью я вернусь и заберу порцию из сумки мертвеца. Я думал, что этот день никогда не закончится. К вечеру я услышал голос, кричащий наполовину громко: "Хоп, хоп, никого не осталось?" "Голос пришел в десяти футах от меня справа. Я мягко ответил: "Да, я здесь". "Мы начали вставать на колени и рыть маленькую траншею к нашему соединению, и в течение часа мы были вместе". Мне было намного комфортнее снова быть с человеком. Мало-помалу другие стали замечать, и все они пытались наладить соединение, выкапывая небольшие траншеи.

Так как начальство не должно было быть услышано и замечено, я решил уйти в ночное время. Пока я собирался уклониться, за нами шелестел в сухих листьях. Мы получили пехотный полк 222 для подкрепления. Как можно тише мы прорыли маленькие канавы глубже. Но мы часто уклонялись от работы, потому что русские нас забирали на работу и весело стучали. Наконец-то траншея была закончена. С помощью сухих ветвей, которые я сломал, я сделал амбразуру в куче земли, которая была брошена вперед, так что я мог стрелять в укрытие, если что-то случится.

Из моей группы, состоящей из 8 человек и одного унтер-офицера, только Петерсен и Нидерфельманн, 2 вестфальца, которые присоединились к полку совсем недавно, и я остался. Другая половина, включая меня, сидела или лежала во влажной, холодной канаве и спала. Внезапно началась стрельба, и было сказано:

"Русские идут! "Я быстро вскочил, протолкнул свою винтовку через амбразуру и выстрелил в темноту, ничего не видя". Даже русские, которые, вероятно, думали, что мы собираемся напасть, выстрелили из пушек. Они также бросали ручные гранаты, которые разрывались с громким шумом прямо перед тем, как мы добрались до траншеи. Петерсен, который не сделал амбразуру, теперь выстрелил над кучей земли. Вдруг я увидел, что он больше не стоит рядом со мной. Повернувшись, я увидел его фигуру, падающую в канаве. Я закричал: "Петерсен, чувак, ты кривой!" И продолжал стучать. Поскольку Петерсен не встал, я подумал, что он боится стрелять из-за того, что пули шипят над нами. Я ударил его рукой по голове, попросил выстрелить еще раз. К моему ужасу, моя рука прилипла к его кровоточащей голове. Я протянул руку в карман и вытащил фонарик. Петерсен сидел мертвый в канаве; пуля прошла через его лоб, и кровь стекала по его лицу и груди. Когда через некоторое время стрельба прекратилась, я и Нидерфельманн вытащили из канавы мертвого Петерсена и уложили его на лесную подстилку за канавой. Так как ночь была спокойной, я сел на дно канавы, чтобы поспать. Нидерфельманн сказал: "Я лягу на лесной пол за канавой. У меня достаточно укрытия от земляной стены. "Потом он зажег свою трубу и ложился рядом с мертвым Петерсеном. На рассвете Нидерфельманн все еще спал с трубкой во рту. Я хотел его разбудить и сказал, чтобы он сейчас же пришел в канаву, возможно, русские его все-таки увидят. Несмотря на мои крики и тряску, он не двигался. Когда я посмотрел поближе, то узнал, что он мертв. Пуля, которая

пробила верхнюю часть кургана, попала в него сбоку и в сердце. Не почувствовав ни малейшей боли, он умер во сне. Теперь все его страдания остались позади, и я чуть не позавидовала ему.

Из моей группы меня оставили в покое. Я был очень подавлен ужасными событиями, которые только что пережил.

27 мая 1945 года

Когда она стала светлой, мы увидели большую табличку перед русской позицией. На нем было написано по-немецки: "Глупые немецкие свиньи, Италия теперь тоже едет с нами!" Это было на следующий день после того, как итальянцы вступили в войну. Так как после обеда было очень жарко и никто не пил с ними, мы очень хотели пить. Потом я увидел, что солдаты справа от нас получили по чашке воды. Они сказали, что примерно в 100 метрах справа до нашей канавы достигло углубление, в которое можно было возвращаться засыпанным и забирать воду из колодца рядом с домом лесника. Теперь я взял с собой несколько кухонных принадлежностей. Перед домиком лесника лежало несколько тяжело раненых, подверженных жаркому солнцу. Бедные люди очень долго. Парамедики были заняты, унося их одного за другим на носилках. Потом я услышала мягкий, слабый голос, называющий мое имя. Я оглянулся вокруг и узнал капрала Уилла, моего бывшего врага, по чьей вине меня невинно арестовывали в течение пяти дней. "Судья, ради Бога, дайте мне воды!" Он стонал. Я пошел к колодцу. Это был глубокий вытяжной колодец, и устройство для вытягивания

воды в него было уничтожено. Поэтому я взял длинную проволоку, которая лежала рядом с ней и уже была использована для подтягивания воды, привязал к ней кухонную принадлежность, опустил ее в колодец и выгасил снова, наполненный водой. Вода была очень непривлекательна и имела неприятный вкус. Вероятно, русские помыли там свою кухонную утварь и опустошили воду обратно в колодец. Я пошел к Уиллу, встал на колени рядом с ним, поднял голову рукой и дал ему что-нибудь выпить. Он выпил по крайней мере литр этой плохой воды. Теперь я видел, что он получил ранение в грудь. "Спасибо, Ришерт! Он сказал слабо, и я выпрямил ему голову. Я ни слова не мог сказать ему вслух. Теперь я наполнил свою кухонную утварь и вернулся в канаву, прикрытую впадиной. Все хотели воды. Но я отдал его только тем солдатам, которые заняли окоп слева и справа от меня.

На следующее утро пришёл приказ, что всё, что принадлежит 41-му полку, должно отступить через пустоту и собраться в доме лесника. Теперь мы оставили ров и мертвых лошадей в лесу, которые еще не были похоронены. Мы собрали компанию из 30 человек, 126 из которых остались. Мы вернулись примерно на 2 км назад и пришли в маленькую деревню, где нас ждала полевая кухня. Русский кавалерист, которого мы поймали недалеко от Бергерсдорфа и который должен был помочь с полевой кухней, не мог не улыбнуться, когда увидел нашу расплавленную компанию. Нам дали еду, и сказали, что сегодня день отдыха. После еды была переключка. Это было очень грустно; сержант иногда зачитывал от 6 до 10 имен, и никто никогда не отвечал.

Те из нас, кто остался, сообщили сержанту то, что знали о судьбе оставшихся: мертвых или раненых. Те, о ком никто не знал, были зарегистрированы как пропавшие без вести. За 30 дней я получил 46 марок и еще 20 марок в награбленных деньгах от русских пушек и пулеметов, которые мы захватили ранее.

Я устроился поудобнее, снял сапоги и чулки, вымыл ноги, руки и голову, взял волну соломы из сарая и лег на солнце. Но я не мог стоять на месте, потому что вши мучили меня и ужасно кусали. Теперь я снял рубашку и охота началась. Существовало два типа размеров: большой и очень маленький, как красная точка; они были самыми опасными. Потом я снова легла и уснула. К вечеру пришел заказ: "Немедленно готовься, стройся! "Спокойствие закончилось. Мы ушли, приехали в маленькую деревню ночью и провели ночь в сарае. На следующее утро была полевая служба. Мы получили всеобщее отпущение грехов, верный знак того, что на горизонте еще одна битва. В течение нескольких часов звучала правительственная музыка, а во второй половине дня наша рота получила более 100 сменных солдат из Германии, всех молодых солдат, которые еще не были в полевых условиях. Ночью мы вернулись спать в сарай. В полночь мы проснулись. Почта прибыла. Я взял карточку, взял фонарик и почитал: "От имени вашего бывшего военного приятеля Августа Зангера, я пишу, чтобы сообщить вам, что он был ранен гранатой в Лоретто Хайтс и сейчас лежит до смерти раненым в этом госпитале. Медсестра Так ; Резервля-Зарет Шладерн и Зиг (Рейнланд)". Я был опустошен новостями. Кроме моих родственников, Август был

моим самым дорогим человеком в мире после нашей встречи на Западном фронте. Я не скоро нашла такого хорошего, верного товарища.

Посреди ночи мы мычали. Перед нами, на значительном расстоянии, мы слышали пушечный гром. Время от времени мы слышали, как стреляли из очень тяжелой пушки. Через несколько километров мы проехали австрийскую 30-сантиметровую пушку, мощные снаряды были заряжены краном. Выстрел с очень близкого расстояния разбился так, что чуть не упал на землю. На рассвете мы прибыли в деревню, где было готово к стрельбе много немецких батарей. Перед деревней нам пришлось занять впадину на пшеничном поле. Внезапно треснул страшный залп артиллерии из немецких батарей и начался барабанный бой. Произошла ужасная авария и крики в воздухе. С фронта, взрывы снарядов звучали сзади. Вскоре в ответ пришла русская шрапнель, несколько человек были ранены. Мы были прикованы к земле с ранцами на голове. Молодые солдаты, которые крестились здесь, дрожали, как листья. Пришёл приказ. Огонь русской артиллерии прекратился. Прибыв на Höhe, мы увидели русскую позицию на расстоянии около 600 м по краю леса. Мы продвинулись к линии огня. Русская позиция была почти незаметна в дыму умирающих раковин и шрапнели. Внезапно он ожил на русской позиции. Сначала один за другим, потом все больше и больше, и, наконец, толпами, русские пехотинцы выстраивались в линию, поднимая руки вверх. Все они яростно дрожали в результате страшного артиллерийского огня, который им пришлось

пережить. Теперь наша артиллерия переместила огонь в лес, и мы без потерь прибыли на российские позиции. Земля вокруг рва была сожжена снарядами, а на позиции лежали разорванные русские солдаты.

Потом пришел приказ: "Пехотинца остается в резерве!" Другие батальоны пошли вперед, и вскоре мы слышали тяжелый пехотный огонь с фронта, который медленно удалялся. Теперь нам пришлось отойти назад и дойти до края леса с другой стороны, который растянулся по склону. Стрыйская равнина раскинулась перед нами. Вся территория была разбросана предыдущими немецкими и австрийскими линиями стрелков. Между ними были замечены колонны русских заключенных. Везде были видны осколки и разрывы снарядов. На заднем плане лежал город Стрый. В результате обстрела там разгорелось несколько пожаров, и на небо поднялись огромные облака дыма. Справа от Стрый русские оказали сопротивление. Покинув город, они заняли деревню, которую также храбро защищали. Артиллеристы теперь поворачивают направо и налево, чтобы поймать русских с фланга. Наш полк теперь должен был заполнить образовавшийся пробел; они предприняли прямые действия против города. С некоторых заводов нас обстреляли из огнестрельного оружия. Некоторые батареи теперь взяли заводы под огонь, и русские отступили. Мне пришлось идти с патрулем из 8 человек, чтобы проверить, очистили ли русские город. Австрийско-чешский гусарский патруль проезжал мимо нас в город. Вскоре прозвучало несколько выстрелов. Незадолго до нас был сбит гусар и врезался головой в улицу. город был

свободен от них. Жители принесли нам маленькие булочки, сигареты и так далее. Передо мной стоял старый иудей и сказал: "Мы молились Богу Справедливому, чтобы Он дал немцам победу". "Купите, мой милостивый немецкий джентльмен, хороший, очень хороший русский табак, дешево, дешево". "Я сказала ему, что почти не курила. Но он все равно долго следовал за мной, всегда мучил меня, чтобы купить его табак. Эти галицкие и польские евреи доставляли нам неудобства всякий раз, когда мы приезжали в какой-нибудь город.

Теперь мы надеялись хотя бы на один день отдохнуть в Строе. К сожалению, напрасно, потому что когда полк прибыл, мы сразу же одолжили город и пошли налево, где разбили лагерь на обочине дороги. Рядом с нами подошла немецкая батарея полевой артиллерии и открыла огонь по отступающим русским. Сразу же одна из первых гранат разорвалась в дуле ствола. Два стрелка были убиты осколками.

Следующую ночь мы провели в канаве. На следующее утро мы снова пошли вперед. Мы прошли через лесной массив. Мы шли по хорошей дороге; так как было очень жарко и нигде не было капли воды, мы страдали от страшной жажды. Наконец-то мы пришли к колодцу, который крепко стоял у дороги в одинокой местности. Все поспешило утолить его жажду. Но какое разочарование мы испытали! Вода была затоплена смолой, которую русские бросили в колодец. Кроме того, две кости мертвой лошади смотрели на воду. Несмотря на то, что мы маршировали весь день, мы не видели ни одного русского. Теперь мы вернулись в плодородный район,

забитый деревнями. Дальше, впереди нас, я увидел маленький городок. Я взял карту, на которой была точно обозначена местность (я взял карту у мертвого сержанта), и узнал, что это, должно быть, маленький город Журавно, расположенный на реке Днестр. Днестр протекал с запада на восток, а поскольку мы шли с юга на север, то река была для нас опасным препятствием. Поэтому следовало ожидать, что русские откажут нам в переправе. Ночью мы оккупировали город. Ходили слухи, что на следующее утро переправа через реку должна была быть вынуждена

Переход и борьба на днестре.

Днестр шириной около 100 м пересекал в Зурауно деревянный мост, который сожгли русские. По другую сторону реки были луга шириной около 200 м. Потом был длинный, крутой скальный курган высотой около 80 м; русские прорыли там три траншеи: одну на вершине, другую на склоне, ворвавшуюся в скалы, и третью - у подножия кургана.

Прикрытый за живой изгородью, я наблюдал за русской позицией со стаканом сержанта. Мне казалось невозможным, чтобы этот отрывок был сделан без огромных потерь. Так как у меня не было абсолютно никакого желания утонуть или как-то иначе пострадать от долгожданной героической смерти, я решил уклониться. С товарищем, Райнландером по имени Нольте, я улизнул из компании. Мы вдвоем спрятались за домом в куче деревянных волн и ждали

того, что должно было прийти. Утром, около 8 часов утра, немецкая артиллерия внезапно начала заливать русский окоп снарядами и шрапнелью всех калибров. Я оглянулся за угол дома и увидел, что скалистый холм, занятый русскими, похож на вулкан. Повсюду мелькала молния, и облака дыма выстрелили в воздух. Вскоре весь холм был окутан черным гранатовым дымом. Какой-то русский осколок, прорвавшийся рядом со мной, заставил меня покинуть наблюдательный пост и укрыться за домом. Через час или около того звук стрельбы смешался с громом пушки, который сказал нам, что пехота начала свою атаку. Поскольку русская артиллерия постоянно вела огонь по маленькому городку Зуравно, я не осмеливался покидать защитный дом и наблюдать за ходом битвы. Примерно через час огонь утих и целые колонны русских пленных были отведены назад. Мы оба пробыли в городе весь день и купили немного еды у тех немногих жителей, которые остались дома. Немецкие войска, должно быть, продвинулись далеко в тот день, потому что к вечеру гром канонов был только слабо слышен. Мы провели ночь с еврейской семьей и спали на кухне.

На следующее утро мы оба отправились в путь, чтобы снова найти нашу компанию, потому что были очень удивлены, как товарищи сбежали во время нападения. Немецкие пионеры снова построили мост через Днестр, достаточно прочный, чтобы выдержать любую нагрузку. Прямо через реку на лугах валялись мертвые немецкие пехотинцы. Они просто были заняты их похоронами. Обычно их помещали в окопы, вырытые предыдущей пехотой и покрытые землей.

"Что ты думаешь, Ришерг, - сказал мне мой товарищ, - если бы мы не трусили, мы могли бы быть в этом замешаны!" С моста дорога вела через луга через глубокий разрез в скалистом холме перед нами. Справа от дороги лежало около десяти мертвых немцев; некоторые из них ужасно исказили свое видение и все еще держали в жестких руках горсть травы или земли, которую они выкорчевали или выскребли в смертельной борьбе. Я думал, что узнал товарища своей компании в одном из павших. Чтобы удостовериться, я пошел к нему, вытащил из кармана платежную книжку и обнаружил, что ошибся. Когда я снова наклонился, чтобы положить книгу обратно в его карман, я увидел, что его одежда кишела вшами, которые улетели из мертвого холодного тела и грелись на солнце, сидя на своей одежде. То же самое можно было наблюдать, когда все упавшие лежали там. Мы продолжили. В русских позициях, построенных на скалистом холме, он тоже выглядел ужасно. Русские солдаты, разорванные на части гранитом, лежат вокруг, разорванные кусты, обломанные куски скалы и комки земли покрывают землю. Я также видел отверстия в полу одной из комнат, вероятно, от обстрела австрийских 30-сантиметровых моторизованных орудий. Мы прошли несколько километров вперед. Затем, на объездной дороге, мы увидели небольшой отряд из примерно 30 человек, шедший навстречу нам, во главе с лейтенантом. "Эй, подождите! "...он позвонил нам. Мы остановились. Лейтенант спросил, откуда и куда. Мы сказали ему, что покинули нашу компанию и собираемся вернуться в ту же компанию. "Я видел это раньше", он ворчал на

нас. "Вы такая же большая кучка проклятых увольняющихся, как и эта кучка здесь! "Мы должны были присоединиться к колонне, и мы ушли". В тот вечер лейтенант доставил нас в компанию, которая копала траншею на краю леса. Я думал, что мы получим хорошую ругань, но на этот раз нам относительно повезло. Мы провели ночь в окопе. В течение двух часов мне приходилось выделяться на фоне других двух мужчин. От товарищей я узнал, что в бою на Днестре компания потеряла около 30 человек. На рассвете я увидел деревню в 300 метрах впереди нас. Так как окоп был слабо занят, для его укрепления нам дали австрийских охотников. Некоторых мужчин отправили обратно за кофе и хлебом на полевую кухню. Мы были заняты сразу после их возвращения, пили кофе и ели хлеб, когда вдруг начался очень сильный российский артиллерийский обстрел. Их целью был наш окоп, и они хорошо стреляли. Мы были совершенно застигнуты врасплох, сбросили кухонную утварь, схватили винтовки, а затем легли на дно траншеи.

Несколько человек были похоронены снарядами, которые попали недалеко от окопа. Без особых повреждений они снова освободились от земли. Австрийский охотник, который лежал рядом со мной, встал, чтобы посмотреть вперед. Не успел он головой над окопом, как закричал: "Русские идут! "Все подскочило. Я сразу же увидел, как несколько русских линий винтовок приближались к нам на бегу. Мы открыли быстрый огонь, трещащий по ним. Я видел, как несколько из них упали. Но появились новые линии огня. Мы столкнулись с подавляющей силой.

Русская артиллерия теперь прикрыла наш окоп тяжелым шрапнельным огнем. У многих из нас уже не хватило смелости стрелять и нырнуть в окоп. Другие были ранены. Также был ранен австрийский боец, стоявший рядом со мной. Он получил полный груз шрапнели в голову и грудь и был немедленно убит. Русские, которые всегда торопились к нам, готовые прыгнуть, уже подошли достаточно близко. Потом я увидел, как некоторые из нас уже вылезли из окопа в тыл и искали спасения, спасаясь бегством. Русские послали за нами много пуль, но с несколькими прыжками мы были прикрыты кустами и исчезли из их поля зрения. К счастью для нас, это было в лесу, так что мы были прикрыты пехотными пулями, которые теперь шипели сквозь кроны деревьев. Шрапнель, пули которой упали в лес, была для нас более опасной. Оглядываясь вокруг, я заметил, что вся команда канавы следила за нами. Раненых, которые не могли больше ходить, забрали в русский плен. Мы проехали батарею полевой артиллерии за лесом. Командир батареи кричал, что происходит. "Русские прорвались!" мы ответили. После чего он выставил батарею на всеобщее обозрение и снова начал стрелять. За нами полностью прекратился инфант-крик, как признак того, что русские не преследовали нас напрямую, в то время как справа от нас продолжался бой. Из деревни к нам доносился непрерывный грохот пехоты и пулеметов. Немного дальше назад, в Зурауно, мы выиграли дорогу, которая вела несколько километров назад по Днестровскому мосту. Вскоре вся дорога изобиловала возвращающейся немецкой пехотой. Теперь

российская артиллерия вышла на дорогу под обстрелом, и мы были вынуждены вернуться через поля.

Итак, уставший, задыхавшийся и вспотевший, я снова добрался до скалистого холма на Днестре, где у русских были свои старые позиции. Мой план состоял в том, чтобы как можно быстрее пересечь Днестровский мост и переправиться через реку между мной и русскими. Но Солдат думает, а офицер рулит! Несколько офицеров остановили нас и отдали приказ остановиться и собраться. Я притворился, что не слышу, потому что я бы с удовольствием перешел мост в безопасное место. Однако, когда офицер накричал на меня с поднятым пистолетом, чтобы я остановился, у меня не было другого выбора, кроме как присоединиться к собранному отряду. Со всей поспешностью мы должны были сформировать линию обороны и покопаться в ней. Мы должны были задержать русских, если они доберутся так далеко, до тех пор, пока последний из нас не пройдет мост. "Мы должны пожертвовать собой ради наших товарищей, если это необходимо!" "заказ был громким. Рядом со мной лежал баварец, который сказал: "Таинство Божье". "Для нас все идет не так!" Перед нами был лес примерно в 500 метрах. Оттуда отступали войска, которые также были вынуждены отступить справа от нас. Несколько солдат несут на спинах раненых товарищей. Я также видел венгерского солдата, который поднял тяжело раненого немецкого пехотинца на лошадь, чтобы спасти его от захвата в плен.

Примерно через час только несколько человек, в основном легко раненых, вышли из леса и прошли мимо нас. Они сказали, что русская пехота недалеко. Никаких следов русских до сих пор нет. Внезапно он ожил перед нами на краю леса. Прозвучали выстрелы, и пули жутко свистели вокруг наших ушей. Русские вышли из леса, всегда стреляли в нас. Мы ответили на то, что вышло из пистолетов. Потом пришел приказ: "Назад, марш! "Никому нельзя было сказать дважды. Как можно быстрее все выскакивали из своих отверстий, чтобы укрыться за склоном. Солдат, бегущий передо мной, упал на его лицо с громким криком, но никто не нашел время, чтобы искать его, а тем более помочь ему. Все думали только о том, чтобы добраться до спасительного берега через мост. Итак, мы поднялись, сползли и прыгнули с крутого склона и как можно быстрее перебрались через луга после моста. Мост был наполовину разорван Гранатеном, но почти все мы благополучно переправились через него. Когда русские пехотинцы достигли вершины скалистого холма, мы уже были в укрытии за людьми Зурауно. Теперь мост взорвали наши пионеры. Ночью мы покинули город и отправились в деревню примерно на 5 км назад. Многие беженцы из Зурауно сопровождали нас, неся с собой самые необходимые вещи. Перед деревней мы нашли нашу фирменную кухню, чтобы утолить голод.

Из Германии прибыли новые команды по замене, которые теперь были распределены в компанию. После этого были зачитаны статьи войны, каждая из которых заканчивалась: "Будет наказана тюремным заключением". Наказан смертью. "Ничего, кроме как

наказать и наказать снова. Эти статьи о войне были зачитаны только для того, чтобы показать солдату его нерешительность и бессилие перед начальством. После этого мы пошли по грунтовой дороге перед деревней, сформировали линию огня с одним человеком между ними и похоронили себя. Потом мы ложимся во влажные дыры, чтобы поспать. Несколько солдат хотели пойти в деревню за соломой. Но командир роты запретил им это делать. Несмотря на мягкую летнюю ночь, мне стало холодно, я все еще был в потной рубашке. Мне нечего было менять. На следующий день мы остановились в том же месте. Среди солдат ходили слухи, что русских заманивают на этот берег. Немецкие самолеты и артиллерия должны были уничтожить переправу в спинах русских, которые мы должны были атаковать и захватить. Но русские были слишком умны, чтобы попасть в ловушку; только небольшие подразделения переправлялись через реку. Основная сила вновь заняла три позиции одна над другой на скалистом холме на другом берегу реки. Несколько русских заключенных были взяты нашими патрулями, пробирающимися по двору. Они принадлежали гвардейскому полку. Они все были очень высокими, крепко сложенными мужчинами, так что мы выглядели для них почти как мальчики. За исключением нескольких выстрелов из винтовок, которыми обменивались патрули, в течение дня все было тихо. К вечеру наша артиллерия взяла Зурауно под обстрел. Вскоре несколько колонн дыма показали нам, что начались пожары. Ночью город был огненным морем. Ужасно красивое зрелище. Небо

было широко кроваво-красным. Ночью и на следующий день мы остались на одном и том же месте.

Второй переход Днестра Июнь 1915 г..

Номер 6 на карте

С наступлением ночи пришел приказ: "Немедленно готовьтесь! "Менее чем через десять минут наш батальон был в пути, готовый к движению. Боеприпасы были быстро пополнены. Каждому из нас также дали консервную банку мяса и мешок с сухарями на случай, если мы потеряем контакт с полевой кухней. "Вперёд, марш!" И мы ушли. Пять километров до Зуравно вскоре были покрыты. Почти весь город был сожжен. Огонь все еще тлел под обломками, распространяя неприятный запах горелого. Мы дошли до берега Днестра и выкопали себя в огороде, примыкающем к реке. Там он ожил перед нами на реке. Мы мало что видели, но услышали громкий стук и греблю. Наши пионеры построили 2 пешеходных моста через реку, соединили прочные доски со скобами и проволокой. С обеих сторон они загоняли сваи в банк и соединяли понтон проволокой, чтобы предотвратить его слишком сильное раскачивание. В полночь начался переход. Чтобы не перегружать качающийся пешеходный мост, нам разрешалось переходить от человека к человеку только с 4-ступенчатым зазором. Сейчас еще шел дождь, и стало так темно, что едва можно было разглядеть очертания человека впереди. С каждым шагом мы должны были чувствовать ногами, чтобы не

подойти к пешеходному мосту и не упасть в реку. В середине пешеходный мост был опущен в воду на наш вес, так что он наткнулся на наши ботинки. Все вздохнули с облегчением, когда снова нашли под ногами твердую почву на другом берегу реки. Сержант стоял там и сказал каждому из них двигаться вправо и сформировать линию. Теперь мы ложимся на речной гравий и ждем дальнейших распоряжений. Русские, занимавшие ровно те же посты на скалистом холме, что и при первой переправе, всю ночь стучались в сторону реки. Но их пули почти все пролетели над нами. Поскольку луг, по которому мы шли, был всего около 200 м в ширину между рекой и русской позицией, русские вскоре заметили нас и выстрелили в нас одним выстрелом. Я тут же бросился на землю, чтобы выкопать себя лопатой. В темноте я даже не мог видеть своего соседа. Потом я услышала, как мои Намужчины тихо кричали: "Ришерт, иди сюда, давай похороним себя вместе! - Это мой друг, Райнеландер, позвонил мне. Не успел я сделать три шага, как упал в дыру во тьме. Я схватился за руки и обнаружил, что это была окопная яма, вероятно, от первого пересечения. Теперь я позвонил Райнлэндеру. С тех пор, как русские начали интенсивно стрелять, мы оба были рады, что у нас есть прикрытие в яме. Крик и последующий стон сказали нам, что рядом с нами был ранен мужчина. От человека к человеку теперь передавался приказ: "Парамедики налево! - Вскоре мимо нас прошли двое. Им больше не нужно было перевязывать молодого человека, так как он уже умер. Это был молодой волонтер из Восточной Пруссии. Теперь он пережил страдания.

Огонь русских угасал. Мы сделали дыру больше и чтобы мы могли спать . Это оказалось правильным, потому что на следующее утро несколько человек были ранены в ногу из окопов, расположенных на вершине крутого холма. На рассвете русские увидели перед собой столько свай земли, что стали их расплющивать. Также наша груда земли получила несколько попаданий, так что свободная земля разбрызгалась. Мы оба хорошо прикрыты, чтобы они не могли навредить нам.

Когда русская артиллерия начала стрелять, было уже более неудобно. Три Лорейн вырыли яму рядом с нами. Граната попала в их нору и выкинула их разорванные тела на луг. Ужасное зрелище. Наша артиллерия в наших спинах заживает спокойно. Около 8 часов утра позади нас раздался пушечный выстрел, знак открытия шторма, чтобы расстрелять российские позиции до шторма. Ужасный шум внезапно разорвал воздух на части. Рев заставил землю дрожать. Лежа на земле, мы могли отчетливо чувствовать воздействие тяжелых снарядов. Как оно шипело и мчалось над нами! Все, что мы могли слышать о маленьких калибрах, - это "ching-bum", запуск, полет и удар за несколько секунд. Средние калибры можно было распознать в полете по чуть более длинному ч-ш-ш, а тяжелые снаряды устремлялись к нам с громким ч-ш-ш. Я немного поднял голову, чтобы посмотреть на ужасный дисплей. Весь каменистый холм выглядел как огнедышащая гора; снаряды били везде, бросая кусты, землю и куски камней вокруг. Различные осколки и комки земли подлетели к нам. Везде, где я видел головы наших пехотинцев,

торчащих из дыр, глядя на ужас. Некоторые стояли прямо, предлагая русской пехоте хорошую мишень. Но русские, наверное, все лежали на дне траншеи в смертельном страхе, потому что они были беззащитны перед градом железа, который обрушивался на них. Между ударяющими снарядами к нам с поднятыми руками подошла целая бригада марширующих траншей. Они почти все бледнели, как смерть, и яростно трепещали от ужасов, которые пережили. Они должны были собраться вместе и лечь на луга за нашими лунками, чтобы лучше защитить себя от русских ракушек, которые в отдельных случаях все еще торопились к нам. оккупация верхнего русского окопа искала своего спасения, спасаясь бегством. Теперь была занята только средняя траншея, протянувшаяся вдоль склона.

Затем пришел приказ, что один из них должен позвонить другому: "Приготовься, возьми пистолет".. Как всегда, я положил небольшую лопату в ручку с ручкой спереди для защиты. Немецкая артиллерия продвинула огонь дальше. "Вперёд, вперёд, вперёд! Все вываливалось из своих ям, и на бегу, с ликующей толпой, все бросалось в русские окопы. Но основную работу проделала наша артиллерия, сопротивления было очень мало, в нижнем окопе лежали только убитые и раненые. Несколько выстрелов было произведено из средней траншеи; одна пуля разбила колено нашему первому лейтенанту. Человек, который когда-то ругал раненых скулящих, "детских голов" и "трусливых тряпок", теперь кричал и плакал, как одержимый. С лучшей волей в мире я не мог жалеть его. Теперь мы поднялись по крутому склону.

Некоторые русские из средней канавы хотели бежать и взбирались наверх так быстро, как только могли. Но их сбили, как кроликов, и врезались обратно в окоп. Когда мы пришли к рву, все живые люди держались за руки. Их отправили на луга, к тем, кто уже был захвачен в плен. На вершине некоторые из них спустились вниз, чтобы сдаться. Они легко сбежали! Но они предпочли попасть в плен, чем больше участвовать в войне. Через рваные кусты и отверстия мы добрались до вершины, где собрался полк. Сверху мы видели, как захваченные русские только что переправились через реку задом наперёд. В любом случае, они были счастливее нас, потому что за ними стояло убийство.

Дальнейший курс наступления.

Номер 7 на карте

2-й батальон теперь медленно двигался в линиях стрельбы. Впереди были отправлены отдельные патрули. 1-й и 3-й батальоны следовали сзади. Слева и справа от нас, другие полки взяли на себя инициативу. Весь день мы не встретили сопротивления. Там и там русские выходили из кустов, где прятались и сдавались. Мы провели ночь в деревне, куда нас отбросили русские во время нашего последнего наступления. В последующие три дня мы вообще не видели русских. Согласно карте, мы приблизились к маленькому городку Рохатин.

Однажды утром, на холме, засаженном пшеницей, мы получили приказ занять водяную мельницу, расположенную в долине внизу. Примерно в 2 км слева от нас был маленький городок Рохатин. В линиях стрельбы мы подошли к мельнице. Шрапнель подскочила, и тут же появились раненые. Теперь все искали Деска. Я прыгнул с несколькими другими товарищами в лесной сарай на поиски. Русская батарея направила огонь на завод. Четыре шрапнели ворвались вместе. Они все лопаются вокруг и над мельницей. Деревянные, покрытые соломой здания предлагали нам маленькое укрытие. Четверо мужчин были ранены осколками, разорвавшимися над сараем, в том числе мой друг, Райнеландер, получивший пулю в бедро сверху. Я разрезал ему брюки и обернул вокруг раны две повязки. Затем, с помощью товарища, я отнес его в гостиную, где было больше укрытия. Комната была полна солдатами, лежащими на ранцах вдоль стен. На всех их лицах было выражено тревожное напряжение, так как никто не мог знать, на кого направлен следующий артиллерийский залп. Теперь две шрапнели, которые лопнули в воздухе, и две гранаты, которые погибли при ударе о землю, всегда летали вместе. Солдат по имени Шпигель, который лежал в переднем углу гостиной, встал, прошел через коридор к двери. В тот же момент граната в переднем углу дома погибла, прорвав большое отверстие в стене. Осколки, куски дерева и солдатское зеркало ранца подлетели к потолку. Вся комната была заполнена вонючим пороховым дымом. Зеркала, рюкзаки и кухонная утварь были полностью порваны и измельчены. Когда последний посмотрел

на его вещи, когда он вошел, он стал смертельно бледным, и когда один из солдат заметил, что он обязан своей жизнью счастливому стечению обстоятельств, он ответил: "У меня дома есть мать, которая каждый день молится за меня. В тот же момент, четыре пули влетели снова. Один лопнул во дворе, другие мельнице мешали. Мы все были очень расстроены. Внезапно, ужасный шум. Я прыгнул в разбитое окно и выглянул. Потом я увидел могучее облако дыма, поднимающееся за сараем, травяной покров, комки земли, летящие вокруг. Приблизился второй. Она пролетела над мельницей и взорвалась в пруду над мельницей. Вода была подброшена в воздух. Ни в одном месте никто не был в безопасности. Затем поступил приказ: "Немедленно очистите мельницу! "Теперь мы должны идти по маленькому ручью, укрытому ольхами и ивняками, в деревню в нескольких сотнях метров внизу. Русские бомбили мельницу до вечера, пока она не загорелась, хотя там не осталось ни одного из нас. Я спал на соломе. Перед рассветом прошли в деревню около 3 км справа от нас.

На свободном месте в деревне было много картонных коробок. Там русская пехота получила боеприпасы. Я пошел в хижину, чтобы купить яиц. Мне повезло, потому что я мог получить полдюжины. Так как молоко еще было, присутствующая женщина должна была приготовить мне литр, конечно, за плату. Сразу же после этого я увидел, как некоторые из наших пехотинцев бежали обратно. Я позвонил в окно, спросил, что происходит. Они сами ничего не знали и продолжали бежать. Я быстро выпил молоко

и положил остальные яйца в мешок с хлебом. По мере того, как все больше и больше солдат возвращалось, я присоединялся к ним. Я не знал, что происходит.

Теперь мы прошли через долину луга к ручью. На высохшей кровати из ручья мы снова заняли место. Через некоторое время там была вся компания. Некоторые мужчины пропали без вести. Они, должно быть, были убиты или ранены в деревне. Около полудня мы видели русских на краю деревни. Когда мы начали стрелять в них, они исчезли за домами. Во второй половине дня мы услышали интенсивный артиллерийский обстрел справа от нас. Вскоре то же самое было прервано погремушкой пехоты и пулеметов. К вечеру нам сказали, что наш там прорвался через русский фронт. Мы провели ночь в сухом русле реки. Не увидев следов полевой кухни, мы продолжили с голодным желудком. Мне самому повезло, потому что у меня в мешке с хлебом было еще 3 яйца! которые были вкусными. Через несколько километров мы поднялись обратно в широкую, плоскую долину, которая была покрыта тростником метровой высоты посреди долины, шириной около 500 метров. По эту сторону долины с этой стороны стояли отдельные . Когда мы приблизились к первым, вверх и над нами прорвало несколько шрапнелей. Я прыгнул за ствол ивы, другие солдаты побежали за дома. Шрапнель быстро оторвала несколько ветвей ивы, за которыми я стоял, так что я чувствовал себя очень нечисто. Затем я услышал приказ: "2-й взвод должен прыгать один за другим за домами слева! Когда первые перепрыгнули, они получили пехотный огонь с другой стороны долины. Я резко оглянулся и

обнаружил на фронте пшеничного поля длинную земляную стену, русскую пехотную позицию, которая мягко поднималась над тростником. Я решил остаться за сундуком ивы и похоронить себя здесь. Не успел я выкопать несколько лопат, как наш сержант, увидев меня стоящим за домом, закричал мне: "Ришерт, ты хочешь как можно быстрее добраться до своего взвода!" Я бежал так быстро, как только мог, через поля к двум домам. Вскоре пули свистели у меня в ушах. Пуля попала в землю прямо передо мной, так что я невольно прыгнул в воздух. Я сам благополучно добрался за домами. Мы были вынуждены похоронить себя там, так как пули русских шипели сквозь деревянные стены и низкие соломенные крыши. Мы лежали в дырах, пока не стемнело. Мы были очень жаждой по мере того, как солнце сгорало весь день. Не в 100 метрах перед нами протекал ручей. Но поскольку забор воды был связан с опасностью для жизни, ни у кого не хватило смелости сделать это. Мы лежали в дырах, пока не стемнело.

Ночью пришлось сделать пешеходный мост через ручей, выйти за его пределы в тростнике и копать примерно за 200 м до позиции русской пехоты. Это было легче сказать, чем сделать. *On s'arrêtait de creuser dès que l'eau apparaissait.* Я зарезал много шайб. Несмотря на все, что я заснул. Я проснулся сегодня утром, чувствуя себя холодным. Я сидел в воде. Са почти все солдаты чувствовали то же самое. Русские перекрыли ручей внизу и поставили нас под воду. Всю ночь из русского окопа стреляли из индивидуальной винтовки. Когда утром стало светло, я услышал крик товарища: "Русские машут, они хотят сдаться". "Я

поднял голову и помочился над камышами. Точно, я видел, как русские размахивали фуражками и белыми шарфами. Но так как мы не доверяли этой истории, некоторые люди были посланы вперед. Когда они вышли перед русским постом, русские, их было около 20, поднялись в окоп и сдались.

Затем было послано несколько патрулей, чтобы выяснить, есть ли еще русские поблизости. Меня самого отправили с двумя мужчинами в деревню примерно в 1 км направо, чтобы посмотреть, свободна ли она от русских. Осторожно, наклонившись, мы прошли через пшеничные поля в сторону деревни. Мы были полностью пропитаны росой, свисающей с акров и стеблей. Мы прилегли на край пшеничного поля и искали деревню, которая находилась всего в 200 метрах от нас. Дымовая роза из некоторых дымоходов. Мы не видели русских. Как только смогли, мы подбежали к соседнему дому и заглянули за угол дома по грязной деревенской улице. Никаких следов русских. Входная дверь открылась, вышла женщина. Два деревянных контейнера с водой висели на палочке, которую она носила на плече. Прислонившись к фронтовой стене, она увидела нас только тогда, когда хотела поднять воду. Она ужасно испугалась, закричала, как будто уже висела на наших штыках, бросила все и навязчиво побежала к входной двери, которую тут же заперла. Теперь я обошел дом до задней двери, потому что нам понравилось узнать у женщины, остались ли в деревне русские. Когда я просто положил руку на ручку, дверь открылась. Женщина, очевидно, хотела сбежать через заднюю дверь с маленьким ребенком на руках. Увидев меня,

она в ужасе упала на колени и прижала ко мне своего ребенка. Она сказала что-то на своем языке, возможно, чтобы пощадить ее ради ребенка. Чтобы успокоить ее, я похлопал ее по плечу, погладил ребенка и сделал крестный знак, чтобы она увидела, что я такой же католик, как и она. Потом я указал на свой пистолет нее и покачал головой, чтобы показать ей, что я не причину ей вреда. Как она была счастлива сейчас. Она рассказала мне много вещей, которых я не понимал. Я мычал, чтобы позвать двух своих товарищей. Она дала нам вареное молоко, масло и хлеб. Как нам понравилось! Я спросил: "Москали?" "...и указал на деревню через окно. Затем она пошла к часам в гостиной, где указала на 12 часов и помахала рукой. Теперь мы знали, что русские покинули деревню в полночь.

Теперь я пошел за дом, взобрался на кучу земли, лежащую там, надел шлем на штык и помахал компанией, чтобы приехать сюда. Мы вместе вошли в деревню. Там мы остановились, собрали винтовки и дождались полевой кухни. Девушки и женщины приходили со всех сторон и приносили вареное молоко, хлеб и другую пищу. Они также прикрепили цветы к нашим винтовкам и шлемам. Мы были очень удивлены, потому что в противном случае мы видели мало дружелюбных лиц в галицких селах, когда мы прибыли. Затем мы узнали, что русские изнасиловали несколько женщин и девушек в деревне перед отъездом. Поэтому они увидели в нас своих освободителей. Наконец-то появилась полевая кухня. Они приготовили хороший рис, говядину и несколько цыплят.

Во второй половине дня мы получили замену, в основном, лотаринцам. Их забрали с западного фронта, потому что некоторые лотаринцы дезертировали. Там были и восточные пруссаки. А также теолог Хуберт Виланд, который 4 мая получил легкое ранение в Карпатах и в настоящее время выписан из военного госпиталя в свою воинскую часть. Мы оба были рады видеть его снова, потому что он встретил лишь нескольких своих бывших товарищей в компании. Большинство из них упало, было ранено или заболело. Когда компании были перегруппированы, мы попросили сержанта назначить нас в ту же группу, что и он. В группу входили молодой учитель и богатый ученик, сын владельца усадьбы, оба из Восточной Пруссии. Мы вчетвером вскоре стали очень хорошими товарищами. Группу возглавлял сержант Хиллер из Лотарингии. Мы снова ушли на рассвете. Вечером мы остановились в лесу, где остановились на два дня. Там мы могли бы действительно отдохнуть некоторое время.

30 июня утром мы снова продолжили. Мы наткнулись на более слабые российские департаменты, которые немедленно ушли. Несколько их раненых попали в наш плен. Утром 1 июля 1915 года мы заняли высоту. Нам было запрещено показываться на вершине холма. Мне было очень любопытно узнать, что происходит перед нами, поэтому я заполз наверх, положил за багажник могучего граба, стоявшего там, взял свой бокал и посмотрел на местность перед собой. Прямо под мной лежала долина, пересеченная удлинённой

деревней, ручей и железная дорога. Вдоль склона с другой стороны долины проходила также железнодорожная ветка, которая разветвлялась от первой примерно на 500 м дальше влево и вела в боковую долину. Я взял свою визитку. Вскоре я узнал, где я. Деревня перед нами называлась Ливтира Корна, ручей Злота Липа. По другую сторону склона простирались овсяные поля, а между ними располагались склоны, покрытые кустарниками. Там я обнаружил кое-что, что наполнило меня ужасом: свежеприподнятая земляная стена, частично покрытая кустами, русская позиция. Конечно, было что штурмовать снова, лучшая возможность умереть. Я отшатнулся и рассказал товарищам о своем открытии. Все они - особенно молодые солдаты, которые еще не были в бою - были очень подавлены. В газетах и книгах не было ни следа мужества или храбрости, о которых можно было бы прочитать ежедневно.

Бои под Злотой липой ½ июля 1915 г.

Во второй половине дня 1 июля пришел заказ на подготовку. Мы должны были прокрасться в долину, прикрыть ее по возможности и собраться за высокой насыпью железной дороги. К счастью для нас, в долину протянулась пустота, покрытая густыми кустами. Через него мы смогли пробраться за железнодорожную насыпь, невидимую русскими. Компании, которые должны были занять набережную слева от нас, не могли добраться туда так хорошо, как мы, потому что им приходилось спускаться по склону, покрытому открытыми полями. Все бегали, как им нравится. Когда на вершине появились первые,

русские сразу же открыли по ним огонь из живой винтовки. Вскоре весь склон был усеян солдатами, стремительными темпами спускающимися вниз. Мы могли ясно видеть воздействие пехотных снарядов на русских, потому что облако пыли росло каждый раз, когда мы попадали в них. Тем не менее, только около 10 мужчин из 3 компаний остались ранеными. Теперь русские покрыли железнодорожную насыпь осколочным огнем, и Вир был вынужден выкапывать ямы на набережной для лучшего укрытия. Мы с Вейланд теперь пишем открытки для дома. Но у нас больше не было возможности сдать их на полевую кухню в тот день. К вечеру нам пришлось прокладывать путь вверх за железнодорожной насыпью, которая простиралась с другой стороны склона. Здесь нам тоже повезло: кусты, протянувшиеся вдоль небольшого ручья, ведущего к набережной, покрыли нас, и мы добрались туда без потерь. Когда солнце уже исчезло с горизонта, я подумал, что мы проведем ночь за железнодорожной насыпью, и что нападение произойдет только на следующее утро. Однако, я должен был измениться. Позади нас громко раздались артиллерийские снаряды, над нами пронеслись снаряды и взорвались на позиции русских. Множество взрывчатых веществ пронеслось к нам. -Готовьтесь двигаться! "выкрикнул командир нашего полка с задней железнодорожной набережной. Как это слово заставило меня содрогнуться! Всем известно, что для некоторых это был смертный приговор. Больше всего я боялся пули в живот, потому что бедные, жалкие люди обычно прожили еще 1-3 дня, прежде чем они вздохнули в

последний раз под самой страшной болью. "Развернуть боковое устройство! Вперед марш к буре! Все шло вверх. На расстоянии мы были покрыты кустами. Но когда мы прорвались через защитные кусты, нас принял грохочущий быстрый огонь. Кричит то тут, то там. Солдат, бегущий передо мной, вдруг бросает руки в воздух, шатаясь назад. Я пытался поймать его своими руками, но он чуть не затащил меня на землю. Крики раненых были ужасны. Слегка раненые бежали так быстро, как только могли, за защитной железнодорожной насыпью. Но, несмотря на все, что произошло. Дребезжание криков пехоты смешалось с дребезгом русских пулеметов. Шрапнель разорвалась над нашими головами. Я был так взволнован, что вскоре не понял, что делаю. Поспешно, задыхаясь, мы прибыли на русскую позицию. Русские теперь вылезли из канавы и побежали вверх по холму в сторону близлежащего леса. Но большинство из них были сбиты до того, как они добрались до леса. Мы пошли еще дальше к краю леса, где мы прилегли, чтобы перевести дух.

Медленно утихший вечер, стрельба почти полностью прекратилась. Над нами пролетело всего несколько немецких гранат, которые взорвались в лесу. Внезапно из левого выступающего куска леса выстрелил пехотный огонь. Дзинь-дзинь, пули шипят над нами. К нам подошел многоголосый Ура-крик; в темноте я еще видел, как русские подходили к нам из леса со срубленными штыками. Поскольку они напали на нас с фланга, большинство из нас не могли стрелять сразу, . Некоторые из нас отступили. После того, как я сделал несколько выстрелов, я прокрался обратно.

Русские легли, и обе стороны стреляли друг в друга с близкого расстояния. Покрытый за набережной, я ждал, когда что-нибудь случится. В то же время это стало ночью, но вы могли ясно видеть свое окружение. Несколько солдат проскользнули мимо меня и исчезли. Взрыв все еще продолжался, но становился слабее. Потом я услышал шаги перед собой; один солдат проскользнул вниз по берегу, где он остался сидеть рядом со мной, стоня. "Вы ранены, товарищ?" "Я спросил. На что я получил стонущий ответ: "Да, у меня так болит рука и грудь. "Я засветил фонарик и увидел, что у него на шее глубокая борозда, из которой текла кровь". "Ничего серьезного, - сказал я, - ссадина на шее". "Я ничего не чувствую на своей шее". ...только в правой руке и груди." После того, как я перевязал ему шею аптечкой, я хотел вести его вниз по холму. У него не было сил ходить. Только тогда я заметил, что его правая рука прихрамывала. . Потом я увидел пулевое отверстие в его правой верхней руке. Рука была проколота, и пуля вошла в грудь между ребрами. В тот же момент несколько солдат снова прошли мимо нас. Я позвонил им, чтобы они помогли мне унести раненого. Но все продолжали бежать. Через несколько минут пришел еще один и сразу же согласился мне помочь. Мы положили раненого на мою винтовку, один из нас держал ствол, а другой - приклад. Раненый задел синяки на шею, и мы спустились вниз по склону.

Но мы не ушли далеко. На крутой набережной мы оба начали скользить, так что упали на землю вместе с раненым. Я сказал солдату нести мою винтовку и рюкзак; с его помощью я взял раненого на спину и

носил его столько, сколько мог. Потом мы по очереди. Тогда мы добрались до деревни. Я спросил фельдшера, который шел к нам и которого я узнал по белой повязке на руке, несмотря на темноту. "Третий дом слева - станция скорой помощи". Мы пошли туда и доставили наших раненых. Мы вдвоем не задерживались там надолго. "Куда мы идем", спросил Пи. мой товарищ. Я хотел провести ночь в сарае, но у меня не было покоя. Я ничего не знал о судьбе Вейланда и двух других восточно-прусских товарищей. Поэтому мы решили поискать компанию. Сидя на обочине дороги, мы встретили солдата. Он притащил себя сюда до тех пор, пока больше не мог двигаться из-за потери крови, боли и усталости. Мы оба отвезли его в перевязочную. Раненый, которого мы привезли туда, лежал без сознания на соломе и казался близким к смерти. А тем временем наступила полночь. Теперь мы снова отправились на поиски нашей компании. Мы встретили их за железнодорожной насыпью, откуда мы напали. Солдаты лежали или приседали там, одни спали, другие смотрели в ночь. Я прошел вдоль набережной и спросил всех: "Вейланд здесь? Так что я добрался до соседней компании. Но я так и не нашел Вейланд. ...солдат сказал мне, что видел, как он шатался и падал. Он не знал, был ли он мертв или тяжело ранен. Сообщение, которое опустошило меня. Я бы хотел пойти и поискать его, но, во-первых, это было бесполезно в темную ночь, а во-вторых, это было слишком опасно, так как русские восстановили свои позиции, как обнаружили патрули. Погибшие и большинство тяжело раненых остались наверху и были в руках русских. Теперь я познакомился со

своим другим товарищем, восточно-прусским студентом. Лидер нашей группы, сержант Хиллер, тоже пропал. Компания сильно пострадала.

Рядом со мной сидел командир роты, он разговаривал с молодым лейтенантом, которому только в ту ночь было приказано вступить в нашу роту. Я слышал, как лейтенант сказал, что это, вероятно, последняя ночь в его жизни, потому что он, вероятно, упал бы в шторм завтра утром, так как его взвод должен был двигаться вперед. Командир роты, мальчик всего 19 лет и в форме, тоже вздохнул. Он тоже боялся наступающего дня. Я твердо решил вообще не участвовать в атаке, если это вообще возможно.

Медленно утро начало рассветать. Некоторых мужчин отправили на полевую кухню. Они принесли еду, кофе и хлеб. "Там еще один раненый", я слышал звонок товарища. Он открыл пехотный огонь и был разорван на три части. Некоторые солдаты перепрыгнули и затащили его за защитную дамбу. Какое ужасное зрелище! Его губы высохли от раневой лихорадки и раскололись. Он продолжал требовать пить и выпил не менее 2 литров кофе.

Двое напали на Р. Золотая Липа. 2 июля 1915 г.

С ужасом мы все ждали приказа о штурме. Затем начался огонь немецкой артиллерии, но слишком слабый, чтобы поколебать позиции русских. Невозможно описать низкое настроение среди солдат. Они чувствовали себя, как человек, приговоренный к смерти, ожидая, что его палачи приведут его к эшафоту. Отказаться от участия не удалось, потому

что прозвучала статья войны: "Тот, кто откажется подчиниться врагу, будет наказан смертью! "Так что был только один способ: присоединиться или спрятаться где-нибудь незаметно". "Приготовиться!" Мы должны были выстроиться за железнодорожной насыпью. Компания должна была остаться в резерве на железнодорожной набережной, чтобы отразить российскую контратаку. "Вперёд! Вперед марш I... Пересечь железную дорогу. Выстрелов пока нет. Мы все еще были покрыты кустами. Я сознательно остался немного позади и полз на молниеносной скорости под калеккой дубовым кустом, стоящим на первой набережной. Теперь рев и ликование начались наверху. Мне было очень любопытно, чем обернется атака. Вскоре у меня появилась уверенность, что стрельба прекратится. Многие русские пленные в сопровождении некоторых наших солдат спустились по склону. Нападение было успешным. К моему немалому удивлению, командир нашей роты, который, безусловно, тоже уклонился, поднялся снизу, неся пакеты с боеприпасами в обеих руках. Я думал: Если он может прожить на зарплату своего лейтенанта 280 марок в месяц, почему бы мне, с моими 53 пфеннигами в день или 16 марок в месяц? Я сам взял несколько пакетов с боеприпасами из-за железнодорожной насыпи и поднялся по склону обратно в компанию, чтобы создать впечатление, что меня отправили обратно за боеприпасами. Мое пребывание позади не было замечено. По дороге я огляделся среди мертвых, половина из которых, вероятно, лежала на их лицах, но не смогла его найти.

Парамедики как раз собирались убрать некоторых из тяжело раненых.

Компания была занята наверху, оценивая себя. Я пошел к командиру роты и попросил разрешения на поиски моего товарища Вейланда, так как он отдал мне приказ сообщить родственникам, если с ним что-то случится. Я получил разрешение и вернулся в то место, куда отправилась наша компания, и осмотрелся среди бедных мертвецов. Многие лежали на их лицах, и мне пришлось их перевернуть. Так что я нашел Виджеру, которая была очень популярна у всех. Он был Rhinelander, грубый, неразумный человек, шахтер, который проклинал много, который был очень привязан к своему сильному телосложению, и когда он говорил о своих родителях, он всегда говорил только "старые". Пуля проникла в его подбородок, шею и грудь сверху. К осени его нос расплющил. Близко к русской позиции я нашел своего лидера группы, сержанта Лотарингии Хиллера. Он лежал на спине и получил шишку на животе. Он спустил штаны, поднял рубашку и дважды обернул аптечку вокруг тела. Возможно, он потерял сознание. Его тесьма была отрезана на воротнике и руке; русские, вероятно, взяли ее с собой в качестве сувенира. Несмотря на поиски, я не нашел никаких следов Вейланда. Я не мог этого объяснить, кроме того, что русские забрали его в тяжело раненом состоянии. В этом смысле я сообщил родителям Вейланда о судьбе их сына письмом.

Morgens in aller Frühe nahmen andere Regimenter die Verfolgung auf. Unsere Division mußte sich bei Livtira Gorna sammeln, um an einem anderen Frontabschnitt ein-

gesetzt zu werden. Als wir uns in Marsch setzten, glaubte ich, hinter mir ein leises Schluchzen zu hören. Ich schaute mich um und sah einen Soldaten unterdrückt weinen. Sie waren zwei Brüder bei der Kompanie gewesen, der eine aktiv, der andere freiwillig mit 18 Jahren. Dieser war ein munteres Kerlchen, den alle gut leiden konnten und der in der Kompanie nur »Bubi« genannt wurde. Bubi war auch gefallen. Wie mir mm sein Bruder erzählte, hatte er ihn selbst begraben.

Около полудня я попросил командира роты уйти . Когда вся дивизия прошла маршем, я пошел за ними не спеша. В соседней деревне я встретил солдата из моего батальона, которому хватило и он хотел уйти на несколько дней. Мы купили хлеб, молоко и яйца в деревне и остались на ночь в сарае. Так что мы прошли несколько дней за сараем. Несколько раз нас останавливали офицеры и спрашивали, откуда и куда. Я сказал, что мы были отмечены от наших войск, и что мы собираемся их посетить. Я прекрасно знал, что если вы будете отсутствовать в компании в течение 7 дней, то будете объявлены дезертиром и подвергнетесь суровому наказанию. Поэтому мы пошли в несколько австрийских аббатств, которые разбили лагерь в деревнях, доложили командиру какой-то роты и попросили его позволить нам присоединиться к его отряду до тех пор, пока мы не встретимся с немецкими войсками снова. Потом нас кормила полевая кухня. Затем я попросил у командира роты удостоверение личности, чтобы я мог показать роте, где я был во время моего отсутствия. Как только у нас появилось это удостоверение личности, мы исчезли при следующей возможности.

Медленно мы вновь подошли к фронту в направлении маленького городка Бережаны на северо-востоке Галиции. Перед нами, недалеко, шла тяжелая битва; весь день с фронта раздавался гром пушек, дребезжание пулеметов и огонь пехоты. Как замечательно было слушать битву издалека, а не проходить через нее. К вечеру огонь утих. Прошли мимо нас многие легко раненые, большинство из них с выстрелами в руку или руку. Они были солдатами моей дивизии, как и многие австрийцы. Через некоторое время мимо нас прошла большая колонна пленных русских во главе с несколькими немецкими солдатами.

Только на днях мы снова продолжили. Мост, ведущий через ручей. Меня одолевало огромное желание купаться, потому что у меня не было возможности делать это все лето. Мы оба разделись и прошли тщательную очистку. Я дрожал, когда смотрел на свое обнаженное тело. Он был желтым и серым, и он похудел на своем скелете. Везде, где кожа была поцарапана из-за воши, особенно на лодыжках. Что касается шерстяных носков, то на них было несколько следов потертостей. Тело моего товарища показало те же страдания. После купания мы сели на солнце и поймали вошь в рубашках и платьях. Каждый поймал несколько сотен этих ужасных мучителей. После этого все повторилось. Слева и справа от дороги было много ивы, и я видел много окопов между ними.. Выйдя из кустов, мы оказались на том месте, где за день до этого произошла битва. Из ивовых кустов произошло нападение немецко-австрийской пехоты. Русская позиция была на небольшом холме. Перед

рвом было натянуто частичное переплетение проволоки. На ней лежало множество павших, немцев и австрийцев. Мы оба спустились с улицы, чтобы взглянуть на них поближе. У многих до сих пор в руках была лопата, их ударили во время похорон. Немцы были из 43-го пехотного полка, который является нашей дивизией. Многие из них были недавно одеты и оборудованы. Очевидно, что они прибыли из Германии всего за несколько дней до этого и нашли здесь смерть. В любом случае, им повезло больше, чем тем, кто был в нищете много лет, а затем был вынужден упасть. В одной точке была проезжая часть, ведущая к более высокой дороге, а за ней было 15-20 упавших, один на другой. Эти же люди, вероятно, были застрелены из русского пулемета, который им удалось оставить наклонным с верхнего фланга. Я расстегнул новый набор посуды из сумки, выбросил старый, непривлекательный, ржавый и расстегнул новый. Потом мы продолжили. На русской позиции мы видели очень мало павших солдат, лежащих там.

Теперь мы пришли в деревню, которая была наполовину сожжена немецкой артиллерией. Повсюду жители окружили свои сожженные, все еще курящие дома со стенами. В основном в этой деревне жили немецкие поселенцы. Женщина, стоящая рядом со своим сгоревшим домом, "сказала нам, что ее дом уже сгорел прошлой осенью, когда русские продвинулись вперед". Весной ее восстановили, и теперь она снова стала бездомной. Она плакала, чтобы разбить ей сердце. О своем муже, который находился в Пшемысльской крепости, она ничего не слышала с

тех пор, как русские завоевали крепость. Что на войне приносит человечеству страдания и душевную боль!

Два дня спустя мы вернулись в роту. Я хотел присоединиться к ним незаметно, но сержант роты вскоре меня обнаружил. У нас снова был новый командир роты, которого я не знал. Сержант привел меня к нему. Мне дали хорошую порку, и, конечно же, хороший поступок в компании закончился. Меня это не волновало, меня это больше не волновало, я стал таким равнодушным. "Вы должны быть наказаны образцовым образом!" бредил сержант. Так что я достал бумажник из кармана, взял сертификаты и протянул их сержанту. "Что это за листок бумаги у тебя?" - закричал он. "Свидетельства о моем месте жительства с тех пор, как я уехал из компании", - ответил я. Когда сержант прочитал все это, он сказал: "Ты кажешься умным ублюдком, но я тебя еще достану". Убирайся с глаз моих!

"Я спросил, в какую группу мне вступить, а потом ушел". Я познакомился со многими неизвестными инсайдерами. Это были новые команды-заменители, приехавшие из Германии. Также компания понесла несколько убытков после моего отсутствия. Случайно я пришел в группу, в которой мой товари, студентка из Восточной Пруссии. "Да, Ришерт, откуда ты, черт возьми, взялся? Где ты был в эти дни? Я думал, с тобой что-то случилось!" - сказал он. "Я отдохнул всего несколько дней за фронтом", - ответил я, и мы оба засмеялись. А теперь опять началось. Мы очень хотели пить из-за ужасной жары. В сухую погоду плохие дороги и дороги были покрыты огромным количеством пыли. Поскольку большинство из них

были небритыми, пыль осела в бородах, пот стекал непрерывно, образуя маленькие струи на пыльных лицах. На таких маршах солдаты выглядели отвратительно.

В результате нерегулярного питания, переутомления, плохой питьевой воды, жары и ослабленных тел, среди военнослужащих вспыхнули такие заболевания, как дизентерия, брюшной тиф, катар желудка и кишечника, которые унесли много жизней. Я сам часто страдал от диареи. получал какието лекарства, но в больницу не добрался, так как был еще достаточно силен, чтобы тащиться с собой. Нас часто вакцинировали от заразных болезней, что иногда было болезненно. Место вакцинации на груди иногда сильно набухало. После этих прививок многие солдаты ослабли и отстали на телегах, реквизированных крестьянами.

Мы маршировали еще 2 дня, пока не приблизились к маленькому городку Бережаны. Вечером 18 июля мы ждали ночи, укрытой за холмом, засаженным пшеницей. В течение дня мы постоянно слышали пушечный огонь. Спускаясь ночью, мы увидели на высотах, что небо стало кроваво-красным: казалось, разгорелись огромные пожары. Пришёл приказ занять холм. Проходя мимо, я спросил их, что происходит, но не получил ответа, так как никто из австрийцев не понимал немецкого языка. Пересекая возвышенность, мы увидели несколько деревень, расположенных глубоко под нами, а также отдельные усадьбы, ярко горящие. Нам показалось, что пожары были начаты специально. Посреди пшеничного поля, которое наклонилось вперед, мы должны были похоронить

себя, человека к человеку, примерно в 10 метрах от нас. Нам строго запретили показываться на рассвете, так как русские могли легко смотреть на то место, где мы лежали. Так что мы пролежали в норе целый день, каждый сам за себя. Солнце беспощадно горело весь день, и все хотели прохладного вечера, надеясь, что мы сможем выпить кофе или хотя бы воды на загородной кухне.

Я заснул в своей норе, когда внезапно испугался громкого шума. Вон там, наверху, облако вонючего черного гранатового дыма висело надо мной. Граната попала прямо передо мной. Наверное, русские нашли нас в пшенице. Теперь граната за гранатой, которая частично взорвалась сзади или сбоку от меня. Я чувствовала себя довольно страшно, и даже забыла о мучительной жажде. В конце концов, съемки прекратились, и вечер медленно утих. Роса осела на траве и камышах. Чтобы получить немного прохлады и влаги во рту, я лизнул росу. Мы надеялись избавиться от него вечером, но вынуждены были остаться до раннего утра следующего дня. Потом они сказали, что русские отступили. Мы встали и наблюдали за районом перед нами. Выстрелов не было, и никаких следов русских не было. Полевая кухня пришла, нас накормили: Кофе, хлеб и курительный материал. Затем мы снова проехали по сожженным деревьям, которые русские намеренно кремировали.

Во второй половине дня мы снова столкнулись с русским арьегардом. Мы должны были рассредоточиться в линиях стрельбы и принять меры против русских. Вскоре они отошли. Только с

круглого холма, около 1500 м прямо перед нами, мы получили живой пехотный огонь на фланге. Из-за большого расстояния огонь оказал лишь незначительный эффект. Внезапно выронила пистолет, прижала обе руки к лицу и душераздирающе закричала. Я подпрыгнул к нему и увидел кровь, бегущую через его пальцы. "Что такое, товарищ? Глаза, глаза!" Он плакал. "Я больше не вижу! Пуля разорвала оба его глаза, так что они протекали. Это была картина страданий, которые я редко видел раньше. Хныканье русалки, как бы я ни старался, так повлияло на меня, что даже слезы стекали мне по лицу. "О, если бы только одна пуля убила меня! - он стонал. Поскольку вокруг нас еще жужжали пули, я спустил его на землю и обернул вокруг головы две свои повязки, успокоил его, как мог, и пообещал остаться с ним, а затем отвезти обратно, как только огонь утихнет. Я сам бежал за линией огня. Через некоторое время двое парамедиков, которые видели нас, пришли и привезли его обратно. Через некоторое время, два солдата с носилками пришли и привезли его обратно.

Мы отдыхали на холме, откуда открывался широкий вид на фронт. Мы могли видеть невооруженным глазом колонны отступающих русских. В неглубокой долине перед нами лежит деревня. Мы должны занять одно и то же место. Жители вынесли из своих хижин несколько предметов мебели, а также окна и двери на случай, если их деревня будет подожжена. Одна женщина дала мне большой кусок хлеба мимоходом. Мы втроем прошли между двумя домами, чтобы попасть на улицу. Потом

мы услышали, как лошади скачут по дороге справа. В тот же момент перед нами прошли три казака, всего в 5 метрах от нас. Когда они заметили нас, все трое замахнулись на правую сторону своих лошадей. Все, что можно было видеть, это левую руку, которая держала поводья на шее лошади. Я думал, что в тот момент я был в цирке, все трое были так удивлены, что сначала никто не подумал о стрельбе. Затем мы сделали несколько выстрелов в них, но мы промахнулись, и они исчезли на следующем повороте на дороге. Мы провели ночь в деревне. На следующее утро полку пришлось перегруппироваться. Нам сказали, что нас перевезут на другой фронт, некоторые сказали, что нас перевезут в Италию, некоторые во Францию, некоторые в Сербию. Больше всего я хотел бы поехать во Францию

Марш в Российскую Польшу

На следующий день мы шли за фронтом в западном направлении. К вечеру мы приехали в маленький городок Пшемисланы. Мы остановились на этом. Мы должны были остановиться перед несколькими австрийскими генералами на параде. Это все, что нам было нужно! С нашими уставшими костями! Я сам должен был стоять в правом крыле группы, так как как я был активным солдатом, я научился парадному маршу. Начала играть австрийская полковая музыка. "Вперёд, марш!" Всего на 30 шагов впереди генералов были ноги, чтобы вылететь. Когда я увидела двух медалистов с их украшениями, проходящих мимо с самым холодным выражением в мире, я была настолько в ярости, что не могла заставить себя

сделать шаг. Сержант, который стоял позади меня во главе третьего взвода, потом сказал мне: "Ну, судья, почему ты не шел? "Я был слишком устал", - ответил я ему. "Ты был совершенно прав, - сказал он мне, - тебе не нужна такая ерунда в военное время". "Мы провели ночь в деревне. Некоторые солдаты доставляли припасы в дома, другие - на улице. На следующий день мы также остались в деревне.

Вместо того, чтобы позволить себе нормально отдохнуть, нам пришлось бурить всякую ерунду: Тренировка приветствий, пара-марши, одиночные марши, короче говоря: как в барачном дворе.

Отныне мы должны были маршировать только ночью, чтобы российские самолеты не могли наблюдать за движением войск. Когда наступила темнота, марш продолжился. Мы шли по хорошей, широкой дороге и могли сосчитать количество километров, пройденных нами по большим, белым камням. Когда мы прошли около 15 км, я вышел к колонке, чтобы прочесть то, что было написано на вехе. "Луау, шесть миль, я читал. Львов означает Львов, столица Галиции. Я хочу увидеть этот город: я уверен, что смогу делать там все виды шоппинга, я думал. Я прекрасно знал, что вы никогда не будете размещены в большом городе, поэтому мне пришлось добираться туда самому.

Я вышел из колонны и попросил командира роты, едущего за ротой, выпустить меня. Да, - ответил он, - но постарайтесь, чтобы они как можно быстрее вернулись в свою нору! - Да, господин лейтенант, - ответил я, перепрыгнув через ров, пошел за куст, положил ранцы на землю и сел на них. Прошлому

марша Дивизиона не было конца. Потому что я вспотел под рюкзаком, я замерз на спине в прохладную ночь. Наконец, примерно через 2 часа проехали последние вагоны с багажом. Я надел сумку, пистолет на шею, зажег сигарету и устроился поудобнее за ними.

Примерно через полчаса я приехал на изолированную ферму. Дверь сарая была открыта. Я вошёл, заполз в соломинку и вскоре заснул. Я проснулся, когда солнце светило мне в лицо через дыру в крыше из черепицы. Женщина, кормившая кур во дворе, была поражена, увидев, как из сарая выходит немецкий солдат. Я подошел к ней и поприветствовал ее на польском языке: "Чес добра!" "На что она ответила: "Чен добра, сковородка! Мадка! Это значит: "Доброе утро, жена! Доброе утро, сэр." Я попросил у нее "Милку", "Яйку", "Маслу" и "Клебу" (молоко, яйца, масло и хлеб), показал ей свой бумажник и сказал: "Пинунзе", что значит "заплатить". Женщина помахала мне, чтобы я пришел и вскоре положил то, что я просил, на стол. Ей пришлось улыбнуться, когда она увидела, сколько еды я ем. Когда я был полон, я положил еще немного хлеба и яиц в мешок с хлебом, заплатил, поблагодарил ее и вышел на улицу, потому что я услышал дребезжание вагонов с того направления, с которого мы приехали вчера вечером. Колонна поезда приближалась. Лейтенант ехал впереди. Хотя я был в полном порядке, я прихрамывал к ближайшей дороге и попросил лейтенанта позволить мне поехать с ним, так как у меня была болезнь ноги, и я больше не мог следовать за своим отрядом. Лейтенант, у которого, казалось, было доброе сердце,

закричал в ответ, что они должны дать мне место в машине. Я поднялся на борт второго вагона колонны, положил за вагоном несколько мешков под арочной крышей палатки. Мы немного поболтали; дружелюбный "Trainsol-dat" также дал мне что-нибудь выпить из бутылки коньяка. Эта возможность была хорошо использована мной. Потом я заснул.

Меня разбудил странный жужжащий звук. Я выполз из-под крыши палатки и увидел, что я в городе. Звук исходил от только что проехавшего трамвая. Мы также только что прошли мимо рынка, где всевозможные вещи выставлялись на продажу. Быстро попрощался с железнодорожником и спустился в вагон. Теперь мы пошли по магазинам. Шоколад, колбаса, сладости из кондитерской и так далее. Потом я пошел в гостиницу и хорошо пообедал. После обеда я посетил город. В ней были красивые улицы и очень красивые здания, которые я бы не стал искать в Галиции. Случайно я пришел в военное информационное бюро, зашел внутрь и спросил, где в настоящее время находится 2-й батальон 41-го пехотного полка. Мне дали название первого села к северу от Львова, а дорога, ведущая мимо офиса, шла прямо туда. По дороге я встретил фермерскую повозку и поехал с ней. Я только что приехал в свою компанию, когда они готовились двигаться дальше. Неочевидно, что я присоединился к своей группе. "Сегодня вечером мы едем в маленький городок Рава Руска, 35 крн", - сказали они. За пределами деревни марш остановился. Мы должны были снова пройти мимо немецких и австрийских генералов и высших офицеров на параде. Сзади прозвучал звонок:

"Направо! - Конвой грузовиков медленно проезжал мимо нас. "Куда ты идешь? Я слышал, как солдат позади меня спросил шофера. "Раве Руска" - это был ответ. Сразу несколько солдат забрались на грузовики, я тоже, несмотря на гневные крики офицеров и унтер-офицеров. Примерно через полтора часа мы добрались до Равы Руска. Несколько жителей еще не ложились спать. Мы пошли в пекарню и купили много молочных рулетов, вареного молока, а после ужина ложились в солому, пока наши товарищи прокрадывались в темноте ночи. Утром мы искали нашего товарища, который спал во фруктовом саду. Каждый из нас ложился со своей группой. Вечером это опять началось. У Равы Руска, похоже, были тяжелые бои. Везде мы видели окопы, гранатометы и солдатские могилы. Мы очень часто встречались с отрядами русских пленных, которые, казалось бы, были очень счастливы, что их схватили. Марш длился 6 дней, затем мы услышали пушечный огонь перед нами. Мы снова приближались к фронту. Сейчас мы были в русской Польше, слева от Буга. Здесь сгорели почти все деревни и хутора, стояли только кирпичные печи и камины. Площадь здесь была почти полностью ровной. В течение дня мы видели огни и осколки облаков в воздухе недалеко от нас. "Завтра утром мы будем развернуты, чтобы прорваться сквозь сильную российскую оборону!" они сказали. Прекрасный вид!

Бои в русской Польше в конце июля 1915 г.

В ту ночь мы должны были идти вперед. Мы прошли мимо многих немецких батарей, которые были установлены в основном на опушках леса. Нам

пришлось похоронить себя на большом картофельном поле. Выстрелы пехоты прозвучали еще дальше, так что я надеялся, что во время атаки мы останемся в резерве. Через час вся усадьба была в огне, внезапно пехота и пулеметы взорвались впереди. Немецкая пехота перешла в наступление. Многие пули шипели над нами, так что мы нырнули в наши ямы, и русская артиллерия разбросала вокруг нас территорию. Стрельба из стрелкового оружия продолжалась долгое время, так что мы не могли знать, как закончился бой. Наконец, многие русские заключенные прошли мимо нас с поднятыми руками. Я видел нескольких из них, которые пришли в очень изогнутом состоянии, держа свои желудки руками и стоня. Это были больные люди с дизентерией или желудочно-кишечным катаром. "Приготовьтесь, передние ранцы были надеты, и мы пошли вперед. Вскоре мы оказались перед русской позицией. Боже, как оно выглядело! Большое количество немцев было разорвано на части снарядами. Немцы, должно быть, атаковали здесь несколько дней назад безуспешно, так как многие из мертвых уже начали разлагаться и источали страшную зловоние. Они были баварцами; я видел это по лвам на пуговицах их униформы.

Я видел там павших людей с ужасными, гнилыми ранами на голове, уже кишачих червями и личинками. Все быстро пробилась сквозь отверстия и запутанные провода, чтобы выбраться из зоны запаха. Рядом с русской позицией я видел русского, лежащего там. Он выглядел как мешок картошки с прикрепленной одной ногой. Голова, обе руки и одна нога были оторваны, раны также покрыты червями.

Русское положение было очень сильно развито, покрыто балками, сверху укладывались доски, и все это было покрыто землей. Только спереди над землей были открытые амбразуры. У русских было очень мало жертв, некоторые были сбиты бычьими глазами в положении. В линиях огня он снова продолжился. Перед нами мы увидели маленький городок Грубешов. Мы думали, что встретим сопротивление там, но мы могли бы занять его без боя. Это не заняло много времени, когда прилетели русские шрапнели. Мы искали укрытие за домами. Две женщины, предположительно беженки, пытались держать на улице большого теленка, который сошел с ума от суматохи. Мы кричали и махали руками, чтобы они пришли к нам за укрытием; ничто не помогло. Был крик, одна из ее рук была пробита шрапнелью. Другая женщина выпустила теленка, который гонялся за большими прыжками. Я прыгнул к женщине с другим товарищем. Мы оба притащили ее в дома в Деканге, где ее лечил врач. К вечеру пожар прекратился.

Затем я оглянулся за угол дома и увидел позицию русской пехоты на краю пшеничного поля примерно в 700 метрах. Между нами и русскими была пустота, через которую протекал поток. Я думал, здесь мы все равно должны напасть снова. Когда ночью начался дождь, мы делали крючки в домах. Они были полны солдат, поэтому у меня не было выбора, кроме как лечь на кровать впереди, в которой на стене сзади спал иудейский беженец. Я молча молился о четках, чтобы я снова был в безопасности во время завтрашной атаки.

Нападение на рубешов 30 июля 1915 г.

На следующее утро нам пришлось построить несколько узких, подвижных мостов за домами, так как ночью патрули обнаружили, что поток, протекающий между нами и русскими, глубоко наполнен зыбучими песками, что делает проход невозможным. Я подумал про себя: "Это изменит ситуацию, если нам придется нести мосты к ручью во время атаки на такую открытую площадку, а затем пересекать его в одном файле! Мне это показалось безрассудным занятием. Но, удивительно, оттуда не стреляли. Я сказал себе: или русские отошли, или они просто хотят, чтобы мы подошли поближе и уничтожили нас быстрым выстрелом. Только когда мы пересекли мосты, перед нами упало несколько выстрелов. Один солдат упал, ударился лбом, другой сломал челюсть. Тогда больше не было никакой стрельбы. По мере того, как мы бежали, мы начали атаковать российские позиции с криком поддержки. Ничего не двигалось. мы вдруг увидели толпу штыковых винтовок с русскими шапками или белыми шарфами, прикрепленными к ним, раскачивающуюся взад-вперед. Когда я заглянул в окоп, винтовки были на стенах. Русские были ошеломлены. Я позвонил в окоп. Подо мной появилось испуганное лицо. На фронте, под нашими ногами были пещеры: русские поскользнулись в них в страхе. Я посмеялся над русским и сказал ему, что он должен выйти. Теперь они вышли, один за другим.

Одни хотели дать нам деньги, другие масло, хлеб и так далее, чтобы мы не навредили им. Но мы были им очень благодарны, потому что своим поведением они

подарили некоторым из нас, так сказать, нашу жизнь. Теперь их подставили и заплатили. Там было 450 человек, 5 офицеров с 4 пулеметами. Если бы они защищались, никто из нас не добрался бы до их окопов. Мы провели ночь на русской позиции. Полевая охрана и аванпосты были установлены, чтобы защитить нас. Но все оставалось спокойным.

Когда утром стало светло, меня, восточно-прусского студента и еще одного солдата, отправили на кусок леса примерно в 1 км впереди, чтобы искать то же самое. Ничего не замечая, мы вошли в лес. Именно здесь ученик проявил величайшее бесстрашие. Он шел перед нами с винтовкой в руках, словно охотясь на кроликов. По другую сторону леса мы посмотрели сквозь кусты и увидели русскую пехоту на расстоянии около 1500 м, занятую рытьем траншей. "Господи, впереди еще один фронт! Откуда только русские берут всех этих солдат!" мы сказали себе. Мы со студентом остались на краю леса, другой солдат так и не вернулся в роту с рапортом. Мы по очереди смотрели на русских с моим бокалом. Многие из них вырвали овёс и траву и разбросали их по свежесброшенной земле, чтобы сделать положение невидимым. Затем солдат вернулся с приказом оставаться на краю леса до тех пор, пока нас не заменят войска. Около полудня заповедный пехотный полк занял лес. Во второй половине дня несколько компаний должны были занять полость справа от нас, заросшую кустами. Сразу же прилетела русская шрапнель. Как будто ударившись молнией, я увидел, как солдат упал на землю прямо за лесом. За дубом лежал лейтенант со своим санитаром. Справа -

большие ракушки, летящие издалека. Один из них ударил рядом с дубом, за которым они лежали. Их отбросили в сторону и положили замертво. Теперь мы втроем бежим назад, время от времени укрываясь за багажниками. Командир роты наставил на нас пистолет и закричал, что если мы сделаем еще один шаг назад, он никогда не ударит нас. Он думал, что мы солдаты в его полку. Я побежал к нему и рассказал о заказе, который мы получили от нашей компании. Потом мы вернулись на российскую позицию, где оставили компанию, но она переехала. Куда, мы понятия не имели. Мы вернулись в Грубшов, купили еду и остановились у еврейской семьи, спали в комнате на полу. Мы искали два полных дня, пока не нашли нашу компанию. Три роты батальона разбили лагерь с хорошим, четвертая разбила лагерь на расстоянии около ста метров в открытом поле. Вскоре мы узнали причину. В этой компании было зарегистрировано два случая холеры, которые привели к летальному исходу. Многие солдаты, страдающие диареей, были отправлены в эпидемиологические госпитали для наблюдения. Чолера, это все, что было необходимо, чтобы завершить серию страданий! Эта эпидемия была опаснее, чем пули русских, потому что не было прикрытия от нее. Нас несколько раз вакцинировали. Мы провели ночь и следующий день отдыха в бедной, грязной польской деревне. Я пошла в дом, чтобы купить яйца.

Когда дверь в комнату открылась, я вернулся в шок. Две мертвые женщины лежали на полу в салоне, вероятно, жертвы холеры. Один из двух поваров на

полевой кухне, который утром все еще подавал нам кофе, лежал мертвым в сарае, когда мы шли за обедом. Два солдата также умерли от холеры в тот же день. Это была ужасная смерть; они катились туда-сюда по земле, грызлись, как черви, и всегда крепко прижимали руки к своему телу. Их всегда тошнило. Их глаза уже приняли цвет смерти, когда беднейшие еще были в здравом уме. К вечеру нам пришлось выстроиться в очередь. Командир нашего полка, барон, произнес речь на лошади: "Товарищи, мне немного неудобно". Завтра я должен поехать в военный госпиталь на несколько дней, чтобы отдохнуть. Я желаю и надеюсь увидеть вас всех в добром здравии, когда вернусь. Свободен!" Рано утром сообщалось, что командир полка умер от холеры. Мы все чувствовали себя ужасно. Поскольку у большинства из нас было расстройство желудка и часто понос, мы всегда опасались, что болезнь поразит и нас. Строго запрещалось пить воду, не кипяченую.

Хелмовая битва (русский поляк) августа 1915 г.

Рано утром мы покинули деревню, зараженную Чолерой. Мы прошли около 2 км, когда начался фейерверк. Наш авангард столкнулся с русскими. Нам пришлось прилечь и подождать. Видимо, русские были сильнее, чем мы думали, ибо внезапно пришел порядок: "Рассредоточьтесь и вперед!" Пока что мы все еще были покрыты мягко поднимающимся холмом, засаженным овсом. Когда мы поднялись на вершину, я увидел перед собой волнистые холмы, в основном засаженные овсом, между которыми была разбросана деревня. Я ничего не видел у русских, хотя

пехотные снаряды тут же окружали нас. "Ложись, копайся!" "Не успели мы повернуть первую лопату земли, ; несколько человек были ранены, но ни один серьезно. Они все смогли вернуться без посторонней помощи. Батарея выстрелила как минимум 20 залпов, но все это прямо над нами. Все работали как можно быстрее, чтобы быть покрытыми как можно быстрее. Потом мы сидели в смехе, солнце беспощадно горело на нашем мехе. "Беккер, у тебя есть что-нибудь выпить?" "Я позвонил товарищу, который вырыл яму, возможно, в полутора метрах от меня. Нет ответа. Я думал, он заснул и приполз к нему. Но какая у меня была фотография! Беккер сидел в своей норе и пялился на меня. Я видел, что он хотел что-то сказать, но не мог ни звука. Его тошнило. Рок и Боуз были полны этого. Я осмотрел его и обнаружил огнестрельное ранение в шею. Пуля русской пехоты пробила свободно брошенную землю, пробила ему шею, где, вероятно, застряла у него в горле. Я перевязал ему шею, я больше не мог ему помочь. Он схватил Мэтта за мою группу и умоляюще посмотрел на меня. Я понял жест и сказал: "Да, Беккер, я останусь с тобой", я положил наши два боковыхearms в землю слева и справа от него, обвязал его пальто из рюкзака и натянул его на боковые ружья, чтобы защитить его от жаркого солнца.

Слева пришёл приказ: "Готовьтесь! 3 товарищам было предложено остаться здесь, чтобы вечером нести Беккера. Они были сразу же удовлетворены, потому что они, как и я, предпочитали лежать в норе, а не идти вперед. Лидер нашей группы был ранен осколками и убежал назад, так что никто не смог подтолкнуть нас

вперед. "Вперёд, марш! "Потом пришла команда. Солдаты выпрыгнули из своих нор, и русские начали стрелять, как сумасшедшие. Много пуль свистело над нами и через овёс. Мы не знали, что происходит впереди. Ни у кого из нас четверых не хватило смелости высунуть голову над овсом и следить за ним. Так что мы пролежали в ямах до позднего вечера. Потом мы разбили палатку Беккера на землю и положили его сверху. Двое мужчин вытащили спереди, двое - сзади. Это был транспорт! Наконец, после большого труда и пота, мы пришли за высотой, где могли ходить вертикально. Для Беккера этот путь был настоящим перекрестком. Он помахал обеими руками до знака, что хочет ходить. Я поймал его с одной стороны, товарища с другой. Мы подобрали его и отвели на расстояние, а потом он опять пристегнулся. Мы положили его обратно в палатку и притащили в деревню к батальонскому доктору. В салоне, в котором уже лежало много раненых, мы уложили Беккера на соломинку. Я попросил доктора-батальона позаботиться о нем.

Когда мы вышли из дома, отряд захваченных русских возвращался. Двое из нас надели штыки на винтовки и пошли в сопровождении. Поскольку было уже темно, мы обыскали другие помещения на ночь, затащили солому в пустую комнату и легли на нее. Но наши желудки начали рычать, и нам нечего было кусать. Я встал, пошел за дом и в огороде при лунном свете выставил блюдо из кастрюли. Теперь у нас должна быть вода, чтобы их мыть и готовить. Я пошел к колодцу, который был у дороги. Однако устройство для забора воды было уничтожено. У колодца я

застрял на веревке. Я пошел за ним, привязал к одному концу пустую кухонную утварь и приготовил воду. Потом подошел солдат и сказал: "Товарищ, не стоит здесь пить воду, это подозрительно насчет холеры.". Видишь ли, есть запрет на вешалку для колодцев. "Я слышал солдатский акцент. Он был эльзасским. Голос звучал знакомо. Я посмотрел на его лицо при лунном свете, и это действительно был Ксавьер Слорр, Ксавьер из моей соседней деревни Фюллеррен. "Разве Ксавье Слорр из Фюллеррена? "Я обратился к нему. Он чуть не упал на дно, когда услышал свое обращение. "Да, кто ты? "Я светил фонариком в лицо. Но он не мог меня видеть, потому что я была такой тощей. И я все еще был небритый. Мы вместе ходили в мою каюту. Шлорр был сержантом и руководил вагонами роты MG, поэтому ему не нужно было участвовать в боях и всегда хватало еды. В своей каюте он принёс хлеб со смесью, консервную банку мяса, мешок сахара и сухарь. После того, как мы поели, мы легли на соломинку и рассказали друг другу о нашей родине. Незадолго до этого я получил письмо из дома, в котором сообщалось, что жители Фюллерена все еще находятся дома, несмотря на близость фронта. Шорр был очень доволен этим, потому что долгое время не получал никаких новостей из дома. Мы говорили до тех пор, пока новый день не заглянул в окно.

Так как Слорр теперь должна была выполнять свой долг, мы взяли отпуск. Я сам спал до полудня. Потом мы с товарищем уехали, чтобы вернуться в нашу компанию. Мы прошли через район, где за день до этого произошла битва. Повсюду были жертвы,

сначала немцы, потом русские. Много орудийных прицелов торчало из овсяного поля перед нами. Русские зачихнули свои штыки в землю, когда они сдались. Прошло два дня, прежде чем мы снова встретились с нашей компанией. Мы совсем не торопились.

Битва при Володаве в начале августа 1915 г.

Следующей ночью мы снова маршировали несколько часов. Затем нам пришлось копать в рядах, один за другим, на нежно поднимающемся холме. В темноте несколько наших батальонов тихо шли вперед. Никто из нас не знал, что происходит. На рассвете несколько батарей позади нас начали стрелять. Воздействие снарядов было довольно далеко впереди нас. Так что мы снова были в резерве. Пехотный бой начался на фронте. Но это было лишь на короткое время, русские сдались после небольшого сопротивления. Их артиллерия рассеяла район меньшими калибрами. Внезапно тяжелый снаряд попал примерно в 300 м перед нами. Сразу же появился второй, он попал примерно в 200 м впереди нас, третий - в 100 м, все трое - в одном направлении. "Ты", - сказал я восточно-прусскому студенту, который лежал со мной в одной дыре, - берегись, следующий в компании! "Мы чувствовали себя ужасно. Мы уклонились как можно глубже в свою нору. Потом пришёл четвёртый. Она пробила дыру примерно в 3 метрах перед нами, в которой лежали два солдата первого взвода. Когда дым рассеялся, мы увидели отдельные конечности, лежащие вокруг, части их кишок, висящие в кустах поблизости,

ужасную, но легкую смерть. Следующая граната пролетела над нами. Потом тяжелые пушки перестали стрелять. Только несколько шрапнелей небольшого калибра прилетели туда-сюда. Тогда ученик сказал: "Пойду отлить" и пошел за кустарник поблизости. Потом пришла шрапнель, которая разорвалась выше. Пуля вошла в его голову в храм. Он был убит мгновенно. Я держал его с помощью товарищей и положил в яму, в которую попала большая граната. Части тела двух других солдат, которые были подобраны, уже были в нем. Теперь они были прикрыты.

Карманным ножом я вырезал из кустов две толстые палки, взял иву, соединил с ней две палки в форме креста и положил на ее могилу. Сержант написал их имена на листе бумаги, который он привязал веревкой к вершине креста. Теперь я потерял последнего из своих лучших товарищей. Мне очень жаль, что я не смогла ему помочь. »

Вперёд, марш! "было сказано. Мы шли по полям в сторону российской позиции. Перед ними лежат павшие немцы. В русской позиции, которая была чудесно изложена и развита, я видел только двух мертвых русских, лежавших там. Мы пошли вперед и проследили за войсками, которые уже начали преследование. В доме, сгоревшем дотла, нам представили ужасную картину, от которой дрожали почти все. Дом, вероятно, был тем местом, где собирались русские. Груда полностью обугленных трупов лежала на земле. Один из них был в нескольких метрах и сгорел только с одной стороны. Наверное, это был раненый, который хотел спастись, но не мог

ползти дальше. "Героическая смерть за отечество! "Героическая смерть! Что за ложь это за слово. Я так много жил и пережил. Но я едва ли смог найти героя среди тысячи.

Русские снова полностью исчезли из этого района. Мы маршировали несколько дней, не выстрелив. Мы приехали в холмистую холмистую страну, которая в основном была засажена овсом и ячменем. Там мы столкнулись с русскими. Мы встряхнулись в линию винтовок. Внезапно у нас появился сильный шрапнельный огонь. Мой одноклассник Антон Шмитт из Обердорфа был тяжело ранен шрапнелью. Он получил три пули через плечо и плечо. Я притащил его за соседнюю хижину, где перевязал с помощью фельдшера. Сержант загнал меня обратно в строй. Группа во главе с эльзасским сержантом Уолтером прошла около 100 метров впереди нас. Огонь из шрапнели продолжился. Русская пехота, которую я не видел. Внезапно она оживила в овсе перед нами. Русские, в массовом порядке, внезапно оказались перед нами. Они побежали к нам, крича "Ура". Вскоре они добрались до группы Уолтера. Солдаты Уолтера выбросили винтовки и сдались русским. Их немедленно забрали. Мы все были очень взволнованы, вставали на колени в овсе, и каждый выстрел делался так быстро, как только мог. Мы столкнулись с превосходством, которое примерно в 10-15 раз превышало наши силы. Русские спереди всегда стреляли в нас, когда они шли.

У нас уже было несколько жертв. Они были всего в 50 шагах от нас. Я собирался выбросить винтовку, чтобы сдаться - ужасный момент, так как никто не

знал, ударят ли его ножом или нет, когда за нами прозвучало ликование, и две роты нашего полка ворвались из пустоты. Они сразу же расстреляли русских над нашими головами. Русские на фронте их срубили. Они не знали, насколько сильны их новые нападающие. Одни обернулись и забрали других с собой. Через несколько минут все были в бегах. Мы стреляли в них из того, что выходило из их оружия. Их жертвы были ужасны. Когда мы проходили через овёс, мёртвые лежали повсюду, почти все они лежали на земле. Выжившие исчезли в пустоте в поле. Раненых обеих сторон перевязывали и перевозили на проезжую часть. Мы должны были двигаться дальше. На линии огня мы подошли к лесу. Один выстрел в нас. Вдруг мне показалось, что я получил плеть на правом локте. Я побежал по винтовке, схватил ее левой рукой и увидел, что пуля пробила мою юбку. У моего локтя я почувствовал сильное жжение. Моей первой мыслью было: Слава Богу! А теперь я еду в больницу! Я позволил себе упасть на землю, чтобы не дать русским цель! Чтобы предложить больше, я надел рукав и испытал большое разочарование. У меня был только пастбищный выстрел: пуля разорвала в кожу только ополаскиватель. Я соединил левую руку с помощью зубов и остался лежать. Когда выстрелы остановились впереди, я вернулся и пошел прямо к батальонному врачу. Я как раз собирался проскользнуть мимо, чтобы пойти дальше, когда он позвонил мне: "Ну, что с тобой не так? Иди сюда!" Я подошла к нему и завернула повязку. "Это не доставит тебя в больницу! Пока ты останешься с полевой кухней товарища на два дня. Когда закончите, доложите мне. "Да, полевая

кухня. Где ты? Она приехала вечером, а я пошел за ней после того, как зарядил винтовку и сумку. На следующей остановке мы поужинали и выпили кофе

Через два дня я снова доложил батальонному врачу. "Так что можешь вернуться в свою компанию! "Я подождал до вечера и вернулся в компанию с фургонами с едой. На следующий день мы прошли мимо города Бреста-Литовска и направились на восток через Рокитнские болота в сторону Пинска. Через несколько дней я снова страдаю от боли в животе и диареи. Я был настолько ослаблен этим, что едва мог следовать за ним. Теперь мы пришли в густой лесной массив, и наша компания прошла по плохой лесной дороге. Панг-паэн, мы слышали выстрелы перед нами. Был крик! Один из солдат получил ботинок через колено. Нам пришлось лечь. Русские форпосты сбежали. Мы ждали приказов от командира батальона. Когда они не пришли, лейтенант взял меня и еще одного человека с собой, чтобы он сам пошел в батальонный штаб и получил приказ. Мы прогулялись по маленькой тропе, она была помечена. Когда я увидел эту карту. Каждая пешеходная дорожка, каждая мелочь была начерчена на карте. Было несколько таких пешеходных дорожек через лес. Мы просто не знали, на каком из них мы находимся. "Ну, мы просто пойдем вперед, - сказал лейтенант, - мы выберемся отсюда куда-нибудь." Я уже замечал такой треугольник на карте. "Лейтенант, я знаю, где мы сейчас находимся", - сказал я. "Ну", - сказал он в изумлении. Я попросил карту и показал ему место, где мы находимся. Мы были на следующем пути к батальонному штабу. Лейтенант принял заказы и мы

вернулись в компанию. Мы должны были похоронить себя в лесу и ждать. Утром было: "Мотор!"

Опять был очень жаркий день. Некоторые русские, которые были в хижине на краю леса, сдались. Остальные отступили. Мы снова шли за ними весь день. Опять был очень жаркий день. Пот стекал по нашим телам, как маленькие ручейки, и рюкзак прессовался. Ноги в сапогах сгорели как огонь. Было правило, что каждый человек носил с собой по 300 патронов. Он был слишком тяжелым для меня. Я только что выбросил 200 из них. Мои боли в животе становились настолько сильными, что я больше не мог этого выносить. На следующей остановке я позвонил и сказал, что заболел. Мне разрешили зарядить винтовку и сумку на полевую кухню, но я продолжал отправлять письма по почте. Мы провели ночь в кустарниковом лесу. Там доктор из батальона нашел меня больным: катар желудка и кишечника. Боже мой, как я была счастлива! Я не могу никому это описать! Теперь я знал, что меня отправят с фронта в военный госпиталь. На следующее утро мне пришлось поехать с ними на марш, потому что батальонный врач сказал мне, что скорая помощь не может быть отправлена обратно из-за меня одного; я должен был остаться там до тех пор, пока несколько раненых и больных людей не будут вместе. Теперь я поехал с батальонным багажом. На почти непроходимой лесной дороге мы встретили колонну беженцев. К этим беднякам русские относились лучше всех: Мы бы устроили резню, когда приехали. Голову с ног с головой, они бросили немного еды и предметов первой необходимости в вагоны и убежали от нас. Мы

догнали их в том лесу. Это был одинокий, почти полностью необитаемый район. Лошади Багаге вряд ли смогли бы продвинуться дальше по плохой дороге. Стенания и мольбы этих бедных людей были очень близки моему сердцу. Некоторые женщины падали на колени перед солдатами и умоляли и просили оставить им лошадей. Все было напрасно. Некоторые из самых грубых солдат забрались на вагоны беженцев и украли еду.

На фронте были выстрелы от патрулей. Один солдат пришел к батальонному врачу с выстрелом в руку. Вечером были обнаружены еще двое больных. У одного была такая же болезнь, как и у меня, другого рвало кровью. На следующую ночь, последняя на фронте, мы вчетвером спали под палаткой. Рано утром пришел медик с легкой тележкой, запряженной двумя лошадьми, так как они использовались в этом районе. Мы садились или ложились на него, и, уйдя назад, я мог бы болеть, несмотря на боль в животе. Теперь я был уверен, что меня не застрелят в течение некоторого времени. Я также с нетерпением ждал возможности снова спать в кровати. Мои три верблюжьих колеса были в самом радостном настроении, несмотря на их состояние. Мы проехали весь день по пустынной местности. Болота, кусты, здесь и там одно или несколько человеческих поселений. Дома были очень низкими, все, как в Карпатах и Кализии, за исключением городов, стены были сделаны из дерева, крыши из соломы.

В полдень врач дал нам хлеб и мясные консервы, но я не осмелился есть, опасаясь боли в животе, которая потом вернется. Вечером мы приехали в деревню, где

размещалась медицинская компания. Ночью мы спали в деревне, а на следующее утро поехали на машине скорой помощи, всего около 15 человек, в основном больные дизентерией, в Грубешов, куда мы приехали той ночью. Русская, совершенно новая пехотная казарма в Грубешове была переоборудована в полевой госпиталь. Сонный медик принял нас. Каждому давали чашку чая, затем нам давали постель, солдатскую постель, как это принято в казармах. Уставший от усталости, я легла, накрылась белым шерстяным одеялом, лежащим над ним, и тут же уснула. Я проснулся. Всё моё тело чесалось и кусалось, так что я не знал, что делать. Один из них привык к вшам, но что-то вроде этого было почти невыносимо. Тем не менее, к утру я снова заснул. Когда я проснулся, был уже светлый день. Я посмотрел на свое одеяло. Боже мой, там было полно вшей! Их было как минимум двадцать, размером с пятимарку. Я бы с удовольствием осталась подольше, но это было невозможно. Я встал, оделся, работа, к которой я тоже уже не привык, потому что с февраля (1915 г.), почти 6 месяцев, я не спал ни одной ночью без одежды.

Русские заключенные, которые служили санитарями, принесли нам чай и хлеб лавки. Я вышел осмотреться. Прямо за казармой было недавно построенное военное кладбище. Около 10 русских были заняты копанием могил. Из бывшего парадного дома, превращенного в военный госпиталь для больных холерой, русские только что вынесли и похоронили два трупа, не пев и не издавая ни звука. На всех могилах стояли красивые черные кресты, на

которых белым цветом было написано имя, полк и рота умерших. На крестах русских было написано только: "Здесь покоится храбрый русский" или также: "Здесь покоятся три храбрых русских", в зависимости от количества солдат, похороненных в могиле. На кресте я прочитал: "Мушкетер Шнейдмадль, 7-я рота, 1-й полк ". Солдат, с которым я был хорошим другом. Я заметил, что он пропал из компании несколько дней назад. Так что мне пришлось найти его снова. В полевом госпитале нам выдали очень плохие пайки из-за болезни; он еще не был должным образом оборудован. Во второй половине дня я поехал с товарищем в маленький городок Груб Шоу. Нам повезло. Все могли купить хорошую буханку белого хлеба, которая была лучше, чем комбинированный хлеб, по крайней мере, для нашего больного желудка. По дороге домой нас остановил еврей, который стоял перед дверью. "Милосердный хозяин, заходите, выпейте чашечку чай, можете сделать пшшш... за две отметки с моей дочерью столько, сколько захочешь. "Мой товарищ ударил его в лицо яростным кулаком, и мы вернулись в больницу. Многие из этих польских евреев пытались заработать всевозможными способами, для них ничего не было слишком грубо. Просто деньги, деньги, это все, что они, кажется, знают.

Каждый день в военный госпиталь приходили новые раненые и больные, некоторые из них были близки к смерти. Солдат лежал рядом со мной, грызась от боли, как червь на солнце. Его звали Саймон Дука, из Верхней Силезии. Когда врач осмотрел его, он сказал охраннику: "Отведите этого

человека в палату "С"! "Это был парадный дом, где размещались пациенты с холерой". Через два дня я пошел через кладбище. На кресте, который стоял на очень свежей могиле, я прочитал имя Саймон Дука. Холера забрала еще одну жертву. У меня было только одно желание, уехать отсюда как можно скорее. Я провел шесть дней в Грубешоу, когда нас всех осматривал врач. Все, что можно было перевезти, должно было быть перевезено обратно на следующий день. Мы полдня ехали на заказанных фермерских вагонах, потом приехали на легкую железную дорогу. Он был узкоколейным, и поезда, состоящие из небольших платформенных вагонов, тянулись лошадьми. Мы сели или прилегли на вагоны и пошли дальше. Район был очень скучным и малонаселенным, большинство ферм и деревень были сожжены. Мы провели ночь в палатках. Ночью российские самолеты бросали бомбы в Леже. Но никто не пострадал. На следующее утро на рассвете мы продолжили. На следующее утро мы пересекли русско-галицкую границу. На железнодорожной станции Унов мы сели в поезд, который доставил нас через Раву Руска во Львов, куда мы приехали ночью.

В военном госпитале в Лемберге

Военный госпиталь в Лемберге, где нас разместили, был большим зданием, бывшей школой. В зале, который был приписан мне, находились все солдаты, страдавшие дизентерией, катаром желудка и кишечника, брюшным тифом. Все бедные люди, которым приходилось сидеть на личном дворе половину времени. Мешки соломы, лежащие на земле,

служили нашим лагерем. Пайки были плохими. Не было никакого порядка, австрийские условия медленно становились пыльными. Очень мало было сказано, ведь почти все страдали от ужасных болей в животе. Если один из них жаловался слишком много, охранник ласкал его и клал термометр под руку, чтобы измерить его температуру. Один солдат был так расстроен, что бросил термометр на стену, где он разбился на мелкие кусочки. Когда врач столкнулся с ним по этому поводу, солдат сказал, что хочет, чтобы с ним обращались как с человеком.

Поездка в Германию

Наконец, через 6 дней мы поехали на поезд. Путешествие проходило через Галицию мимо крепости Пшернысл, затем через Хайнценберг, Тарнов в Краков. Мы ехали по двухпутной железной дороге. Каждые 5 минут мимо нас проходил поезд из Германии, нагруженный экипажами, военной техникой, боеприпасами и продуктами питания. На отступлении русские разрушили все мосты, повсюду строились деревянные аварийные мосты. Наступила гроза, и начался такой дождь, который я раньше редко переживал. Пока мы ехали дальше, мы пересекли галицко-немецкую границу. Нашей первой остановкой в Германии была станция Аннаберг. Все должны были сойти, выстроиться в линию, а потом мы отправились на станцию деликатеса. Он был большим, как маленькая деревня. Сначала мы все зашли в большую, отапливаемую комнату, где нам пришлось раздеться. Все они были в костюме Адама; большинство солдат были настолько тощими, что

выглядели как скелеты. Но все казались счастливыми, потому что вернулись на родину и имели перспективу приятной больничной жизни. Теперь мы пошли в купальню. Сверху теплая вода разбрызгивается более чем 200 струями. Все поместили себя под душ. Как хорошо было, когда теплая вода стекала по телу. Там было достаточно мыла, и вскоре мы все вспенились. Теперь еще раз под душем, потом мы пошли в гримерку. Все получили новую рубашку, трусы и чулки. Наша униформа была собрана в большие железные трубы, которые нагревались до 90 градусов. Жара убила вшей и гниды, которые были в одежде. Сами одежды стали сильно морщинистыми и желтоватыми. Но нас это не волновало. Теперь мы вернулись в поезд. Насколько комфортно нам было быть свободными от вшей, могут понять только те, кто уже мучился от этих паразитов.

На вокзале я выпил бокал пива, а также съел яблоко, которое получил в подарок от женщины. Это была большая небрежность с моей стороны, которая могла привести к смерти. Живот так сильно болел, что я катался в купе. Постепенно мне снова стало лучше. Ночь затонула. Мы не знали, куда идём той ночью. На следующее утро поезд остановился в каждом городе. Каждый раз больным и раненым приходилось сходить с поезда, так как в военных госпиталях были свободные места. Последние, в том числе и я, вышли из поезда в Всхова (провинция Познань). Тех, кто не мог выйти, забирали на машине. Военный госпиталь располагался в пехотных казармах, где лежало более 2000 раненых и больных. Пострадавших от катара желудка и кишечника, дизентерии и брюшного тифа

доставляли в эпидемиологическое отделение, которое находилось в казарме-буровой. Большой, просторный парадный дом был разделен на несколько больших комнат, в которых были установлены белые, чистые кровати. Рядом с каждой кроватью стоял прикроватный столик, а посередине располагались длинные столы, обложенные всевозможными книгами, газетами и журналами. Все содержалось в неловкой чистоте. Здесь это было бы терпимо, я думал про себя. Больные, лежащие в постелях, любопытно смотрели на нас. Каждому из нас была назначена кровать. Потом пришел доктор и снова нас осмотрел. Мне нужно было немедленно ложиться спать. Как хорошо было лежать раздетым чистой кровати. Однако мне приходилось часто, очень часто вставать и ходить в туалет. У меня была такая боль в кишечнике, что я несколько раз терял сознание. Мне не разрешалось есть ничего, ничего, кроме овсяной каши или рисового супа. Доктор предупредил меня, чтобы я наслаждался чем-нибудь еще, потому что в противном случае он не мог ничего гарантировать. Лечение было очень хорошим, медсестры, врачи и охранники очень дружелюбны. Каждое утро, когда я просыпалась, на прикроватной тумбочке стоял красивый букет цветов, рядом с которым стоял стакан воды с чем-нибудь, что можно было бы смыть во рту. Каждый день доктор приходил дважды. Постепенно я становился таким слабым, что не мог встать. Каждую субботу нас взвешивали. В первый раз я весил 118 фунтов в юбке и брюках, но без сапог, во второй раз в рубашке 115 фунтов, в третий раз 114 фунтов. Почти вся кровь ушла в стуле. Мне часто приходилось

часами лежать в постели на кастрюле. Боль в животе будет продолжаться и продолжаться. Моим товарищам было не намного лучше. Некоторые даже хуже. Многие больные приходили к родственникам. Я бы тоже с удовольствием повидался со своими родственниками. Но это было невозможно, потому что западный фронт лежал между ними и мной.

Однажды утром кровать моего соседа была пуста. Лежащий в нем больной, семейный человек, был настолько слаб в течение нескольких дней, что едва мог говорить. Теперь он умер ночью. На следующую ночь в той же комнате умер еще один человек, страдающий дизентерией. Я проснулся как раз тогда, когда охранники выносили его тело. Как меня от этого тошнило! Всякий раз, когда я видел, как медсестра приезжала с ним, я чувствовал отвращение в конце. Однажды, во время обхода, я притворился, что сплю: "Ну, доктор, что вы думаете о Ришере?" Медсестра спросила тихо. "У меня есть определенные надежды, что он справится с этим. У него чрезвычайно тяжелая жизнь", - так же тихо ответил доктор. Как эти слова сделали меня счастливым! Я был наполнен новой надеждой, потому что в 22 года умереть всегда тяжело. Постепенно я почувствовал себя немного сильнее, я мог бы снова встать один в постели. Худшее было позади. Медсестра, которая видела, что дела идут на поправку, и знала, какое у меня желание, кроме вечного слизистого супа, часто клала печенье из лучшей пшеничной муки под покрывало, хотя врач еще не разрешил. Наконец-то мне разрешили насладиться чем-то другим. Как ребёнок, которого я снова

привыкла есть. Наконец-то мне разрешили насладиться чем-то другим. Сначала мелкий сухарь погружают в молоко, затем рисовый пудинг и яблочное пюре, затем картофель на терке и мясо на терке, все то, что не слишком напрягает желудок. Почти невероятно, какой аппетит у меня был, снова и снова я мог есть. За первую неделю, когда мне разрешили есть, вес моего тела увеличился на 7 фунтов. Быстро вернулись силы, чтобы я мог снова хорошо встать. Мы часто сидели на улице в удобных креслах и позволяли осеннему солнцу светить на нас. Я чувствовал себя лучше, чем когда-либо с начала войны. В нашем зале больше не было никого тяжело больного, так что иногда было громко. Мы играли в карты, шашки, Domino и всевозможные игры, чтобы скоротать время. Мне очень понравилось, но я часто думал, что слава резко кончится.

Тех, кто был освобожден из госпиталя в хорошем состоянии, обычно отправляли в запасные батальоны на короткое время, а затем обратно на фронт; я боялся этого, потому что зима опять была за углом. Мой товарищ Зангер Август, с которым я всегда был в активной переписке, вскоре был восстановлен, но был непригоден для того, чтобы снова играть в солдата. Он все еще находился в запасном военном госпитале в Рейнланде. Он прислал мне справку о поступлении из местного военного госпиталя. Я был рад, что есть шанс снова собраться вместе. Я показал врачу бланк приема и попросил его разрешить мне поехать туда. Однако он сказал мне, что это невозможно, так как мой запасной батальон из пехотного полка 41 находился в Шпайерсдорфе под Кенигсбергом в

Восточной Пруссии. Тогда врач сказал мне: "Ришерт, ты можешь подать заявление на четырехнедельный отпуск для отдыха; я буду поддерживать его". "Это невозможно, Доктор", - ответил я. "Мои родственники и родственники все в той части Эльзаса, которая оккупирована французами, - так что я не могу туда попасть, - тебя действительно жалко, Ришерт, - сказал врач, спрашивая, получал ли я какие-нибудь новости из дома, а потом пошел своим путем. На следующий день я спросил врача, можно ли меня направить в дом выздоровления на 4 недели. "а, это можно сделать", - сказал доктор и принес мне справку о приеме в дом выздоровления с католическими серыми сестрами в Вسخова. Я поблагодарил врача, медсестер и охранников за их хорошее лечение и уход, а затем попрощался с ними, а также с моими друзьями, которые остались в коридоре. Потом я уехал.

**В доме отдыха в Вسخова
Конец сентября и октябрь 1915 г.**

Когда я приехал, меня с большой добротой приняли. Серые Сестры. Домом выздоровления была бывшая государственная больница города Вسخова. Солдаты, которые там были, почти всегда были симпатичными. Вскоре они снова созрели, чтобы их привели на заклание! Еда была отличная и обильная, сестры очень дружелюбные и хорошие. Две дружелюбные молодые девушки подали еду за столом с дружелюбной надписью "Вот, держи". Утром мы спали до 8 часов, потом встали, умылись, потом принесли кофе, хороший разный кофе с рулетиками, разрезанными пополам и намазанными сливочным

маслом или вареньем. В 10 часов чашка мясного бульона. В полдень суп, мясо и овощи или жареная еда и лапша. Кроме того, все получили маленькую бутылочку пива. На десерт яблоки, груши, а иногда и виноград. В 4 часа дня чай с рулетиком, конечно, с маслом или вареньем, иногда с ветчиной или колбасой. Вечером в 6 часов вечера жареный картофель с колбасками, а после - кофе с молоком. Каждый мог взять столько, сколько захотел.

Это было замечательное время, но дни проходили слишком быстро, и 4 недели подходили к концу. Часто богатые дамы и юные леди из города приносили подарки любви и разговаривали с нами. Сестры часто играли с нами в домино, шашки и так далее. Молодые солдаты, которые часто посещали Святую Мессу в маленькой больничной часовне, а также принимали здесь и там Святые Таинства, были особенно хорошо приняты сестрами.

Всего раз в неделю к нам приходил врач, чтобы осмотреть нас. Каждый раз солдаты объявлялись здоровыми и должны были покинуть нас и идти в запасной батальон. Теперь мои 4 недели тоже закончились. "Доктор придет завтра", - сказали они. В то утро я ничего не ел сг.аг, выкурил несколько сигар в быстрой последовательности, выпил холодную воду из желудка, бегал туда-сюда, как сумасшедший в туалете, прямо перед обходом, а потом пошел на осмотр. Доктор отметил, что его сердце было слишком активным. Также у меня был бледный вид из-за курения и питья воды на пустой желудок. "Ты останешься здесь еще на неделю". Доктор сказал мне. На данный момент я достиг того, чего хотел, и могу

провести еще семь таких прекрасных дней. На прошлой неделе нас снова ухаживали. Я весил 157 фунтов в рубашке и брюках. Так что я набрал 43 фунта. Когда эта неделя закончилась, я был признан здоровым и получил проездной билет в Шпайерсдорф недалеко от Кенигсберга. Прошлой ночью я плохо спал, мечтая о бурении в казармах и о жизни на фронте. 28 октября 1915 г.: В ту ночь выпал первый снег, 28 октября 1915 г.: Утром я готовился к отъезду, попрощался с добрыми сестрами, которые любили меня и не хотели видеть, как я уезжаю. Последнее рукопожатие и я ушел. На станции я сел на поезд в направлении Кенигсберга. Путешествие было скучным, потому что было холодно и все было занесено снегом. Я ездил весь день и всю следующую ночь. На следующее утро поезд прибыл в Кенигсберг. Я поела, поехала в город и выпила несколько чашек горячего кофе в гостинице. Потом я спросил, где на самом деле находится Шпайерсдорф. Хотя владелец гостиницы описал мне дорогу, мне часто приходилось спрашивать о правильном пути в большом городе. Наконец-то я проехал мимо старых валов на окраине города. Через четверть часа я был в Спей-эрсдорфе.

В резервном батальоне 41-го пехотного полка

в Спирсдорфе и Клайпеде.

Сменный батальон 41-го пехотного полка размещался в деревянных казармах напротив села Шпейерсдорф, рядом с дорогой. Солдаты только что принесли кофе на кухню. Я поинтересовался магазином батальона, пошел туда и доложил сержанту. Он приказал мне пойти в барак и сказал, что

меня нужно осмотреть в 9 часов во время визита врача. Я пошел в барак, где мне приказали занять кровать. Мне дали кофе и хлеб. Когда я съел первый кусок хлеба, мне показалось, что у меня во рту кусок земли. Я очень жажду хорошей еды от хороших провидческих сестер в Вскова. Но с этим покончено, и мне пришлось подчиниться неизменному. Доктор дал мне 10 выходных, и я так и не поступила в компанию по выздоровлению. После осмотра я пошел прогуляться во двор. Было много солдат, которые были расстреляны наполовину калеками и ждали их освобождения. Только что мимо меня прошел солдат, прихрамывающий, держащий в каждой руке палку, чтобы поддержать себя. Я подумал: он, должно быть, выстрелил в обе ноги. Проходя мимо, он посмотрел мне в лицо, остановился и закричал: "Боже мой, ты что, не судья? "Да, я", - ответил я. "Ну, разве ты не помнишь меня? "он сказал, а я сказала нет. "Мы были вместе в Карпатах, пока обе мои ноги не замерзли на горе Цвинин". Теперь я узнал его. Сейчас его лицо почти в два раза шире, чем тогда в Карпатах. Так что я не мог сразу его узнать. Он сказал мне, что все 10 пальцев ног были сняты с его ног. Но он был рад этому и сказал: "Лучше я буду жить с одним пальцем ноги, чем меня похоронят где-нибудь на фронте". Для меня война закончилась, и я получаю 70-процентную пенсию. "Действительно, он должен был позавидовать, хотя он был наполовину калекой всю свою жизнь". В тот день я встретил несколько солдат из моей роты в поле. Некоторые из них хромали без пальцев ног. Один из них снял руку, другой - руку и ногу. Но они все казались счастливыми, потому что

вскоре они смогли вернуться к своим родителям навсегда.

На следующий день я встретил Антона Шмитта из Оберддорфа, которого я смог обработать на поле, когда он был ранен тремя осколочными пулями. Он должен был каждый день ездить в Кенигсберг, чтобы его рука, которая зажила, но все еще была неподвижной, наэлектризованной и массируемой. (Он был полностью выздоровел, позже пришел в поле, где упал).

Однажды я также встретил молодого учителя из Восточной Пруссии, который во время нападения на Ливтиру Горну 1 июля 1915 года перетащил труп через стену. У него были красные точки на обеих щеках, вход и выход пули. Поскольку его язык был поврежден, он уже не мог говорить так хорошо, как раньше. Он стал вторым сержантом, потому что ему был год. Он собирался скоро стать лейтенантом. Он пригласил меня провести вечер с ним в Кенигсберге. Мы неплохо провели время. Но это был первый и последний раз для меня. У меня было не больше 33 пфеннигов в день на зарплату.

Так что я мог смотреть, как другие солдаты, имеющие связи с Родиной, получают деньги и посылки с едой, наслаждаться театром, кино и пабами, в то время как я зависел от кусковой солдатской еды и мог смотреть на луну с пустыми карманами". Тем не менее, я почувствовал себя счастливым, когда сравнил свою жизнь с жизнью на фронте, и я хотел, чтобы она всегда оставалась такой до конца войны.

Я пробыл в Шпайерсдорфе, наверное, неделю, когда весь батальон резерва был погружен на

железную дорогу. Проехали через Черняховск, Шяуляй, Шяуляй до Клайпеда, где находились казармы 41-го пехотного полка. Жизнь там была приятнее, чем в казарме. В казарме было гораздо теплее и легче содержать в чистоте.

Клайпеда - портовый город на северо-восточной оконечности Германии, расположенный на Балтийском море. Так как я никогда раньше не видел открытого моря, у меня было огромное желание увидеть его. На следующее утро я поднялся наверх в казарму, где через световой люк над домами города можно было увидеть горизонт моря. Но мне этого было недостаточно. Я прошел без отдыха мимо охранника ворот через город в гавань. Сам пирс представлял собой стену шириной около 4 м, которая впадала в море и служила волнорезом, так что гавань была защищена от волн. Погода была штормовая, я не мог насытиться картинкой, которая представлялась мне. Волны высотой в несколько метров продолжали катиться внутрь, ломаясь у причала и частично разбрызгиваясь на него. Как будто волна гналась за другой. Это было похоже на то, как будто вода перемешана до дна. Внезапно я принял душ, поэтому как можно быстрее снялся с пирса. В гавани было несколько кораблей, на которые я тоже смотрел. Один из них, который был забит овсом, был только что разгружен. Мешок и пачку подтягивали небольшими кранами, а затем тут же переносили док-работники в железнодорожные вагоны, расположенные рядом с ним. Потом я вернулся в казармы.

На следующий день сержант побежал позвонить мне. Он видел в моей платежной книжке, что я работал

в поле с начала войны и до сих пор не получил отпуск. Он сказал, что у меня будет 14 дней отпуска. "Я не могу его взять, - ответил я, - потому что мне больше некуда идти, - и объяснил свои обстоятельства сержанту. "Чёрт возьми!" сказал он. "Ничего страшного. Ну, посмотрим. Мы тоже можем здесь жить, и я буду считать тебя за услугу!" Этот сержант был человеком, как никто другой в немецкой армии. В последующие дни мне приходилось мало обслуживать, несмотря на то, что 10 выходных, как и было предписано врачом, закончились. Однажды мне пришлось взять с собой 8 человек для круглосуточного дежурства на станции. Снова была моя очередь, с полуночи до двух часов ночи. Медленно я ходил вверх и вниз, чтобы согреться. Вдруг я услышал ужасный взрыв. Вся охрана, а также несколько железнодорожников прибежали и спросили меня, что же это такое? Я не знала себя, но верила, что это на самом деле происходит. Я сам не знал, но подумал, что это должно было быть где-то в гавани. На следующее утро мы услышали факты по делу. Якорная морская мина была разорвана где-то штормом, брошена на причал, где она взорвалась и пробила большое отверстие в каменной стене. В другой раз я был в порту, под командованием охранника.

Я должен был стоять на страже у ворот, через которые должны были проходить все лица, входящие и выходящие из гавани. Вся гавань была окружена забором. Когда работники доков выходили на обед, было много работы, чтобы проверить все пропуска. То же самое было, когда они пришли на работу. Обычно

это были очень подлые, грубые люди, которые говорили на диалекте, который дьявол не мог понять. Некоторые из них подвезли меня, когда я попросил у них паспорта, так как я бы увидел их всего час назад, когда они ушли ужинать. Однако у меня был строгий приказ не пропускать никого без паспорта. Я был бы совершенно равнодушен, но я не знал, наблюдает ли за мной начальник. Тогда я бы немедленно удалил свою трехдневную дырку. Мне удалось успокоить их всех, кроме одного, который, казалось, был очень подлым человеком. Он отказался показать мне свой паспорт. Так что я сделал около двух шагов назад, порвал винтовку на щеку и попросил его еще раз показать мне паспорт или уйти. Теперь он сдался, показал паспорт и прошел с кайфом. Вечером некоторые разнузданные блудницы хотели пойти к морякам на кораблях. Но я не проходил через них. Они вернулись. Но позже я увидел, что они перелезли через забор и все равно пошли на корабли. Что я хотел сделать? Я притворился, что ничего не видел.

На следующее утро ко мне пришел мальчик лет 17 и завязал со мной разговор. Он хотел пойти добровольцем на военную службу, но я посоветовал ему этого не делать, и я нарисовал ему жизнь на фронте так, чтобы его волосы стояли на конце. "Нет, если это так, то я лучше подожду, пока меня наберут... "Тогда будет слишком рано", - сказал я. Он поблагодарил меня и ушел. У меня было чувство, что я сделал доброе дело. На следующий день прозвучал призыв к зарплате, в Клайпеда мы получили 53 пфеннигских военных жалованья вместо 33. Когда все было оплачено, лейтенант закричал: "Мушкетер

Ришерт должен выступить! "Я понятия не имел, почему, поэтому я сделал шаг вперед и стоял на месте". "Это мой долг, - начал он, - сообщить компании о вашей смелой и энергичной позиции в порту часы". Я хочу выразить свою признательность. За вами наблюдал офицер раунда, когда вы заставили этого грубого придурка показать его паспорт. "Я был очень удивлен. Ну, нет ничего плохого в том, чтобы иметь так называемый хороший номер с вашим начальством.

В одно воскресенье вечером меня назначили в экономический патруль. Мы были сержантом и двумя мужчинами. Нам пришлось взять винтовки и надеть шлемы. Сержант был

очень домашний человек, у которого в голове полно шуток. Он вел себя не как наш начальник, а как товарищ. У нас была задача предложить время закрытия после часов работы полиции в тавернах, а также записывать и сообщать о солдатах, у которых не было разрешения на отпуск. Мы посетили более 20 таверн. Не успели наши шлемы вспыхнуть в пабе, как трактирщик позвал нас в бар, накинул на каждого из нас кружку или стакан коньяка и побудил выпить. Мало-помалу у нас неплохой кайф. Солдатам, которых мы встретили на улице, у которых не было разрешения на отпуск, сержант велел перелезть через стену за бараками и не попасться. Солдаты были очень счастливы, потому что, когда мы остановили их, они, должно быть, думали, что они летели в яму. Так мы сможем попасть в общественный дом. Боже, как эти полуголые шлюхи собирались, когда мы пришли. Ибо они знали, что если они не закроют дверь после часа

работы полиции и их поймают, то дом будет для них закрыт. Наш сержант притворился, что пишет рапорт. Проститутки умоляли и умоляли, хотели льстить и целовать нас и все такое. Сержант напугал их до смерти. В конце концов, он должен был смеяться, порвать отчет, который он начал и сказал, что им нечего бояться, что сделало их очень счастливыми, и положил две бутылки пива на стол. Однако мы достаточно выпили и пошли в казармы, чтобы спать от нашего опьянения.

На следующий день нам сообщили, что запасной батальон отправит транспорт запасных команд на российский фронт. Это было похоже на бомбу. Все боялись, что их отправят на фронт. У всех было священное уважение к русской зиме. Это было только в конце ноября. Я знал наверняка, что моя очередь, потому что я был вполне здоров .

Затем внезапно появился приказ: "Всем встать в строй! 20 человек должны были быть отправлены Первым батальоном на Балтийск, в 1-ю пулеметную роту 1-го армейского корпуса. "Любой, кто хочет стать добровольцем пулемётов, доложите!" Я был одним из первых, кто сделал шаг вперед. Потому что я подумал: как бы там ни было, всегда лучше, чем на фронте. И пулеметным командам никогда не придется участвовать в штыковой атаке, это чего-то стоит! Так что я был определен после Балтийск

На смене пулемётной компании в Балтийске.

На следующий день мы взяли 20 человек на поезде в Кенигсберг, оттуда в Балтийск. Маленький городок находится на вершине 5 км в длину и 1 км в ширину.

язык земли, который выпрыгивает из материка в Балтийское море. Балтийск окружен водой с трех сторон: с северо-запада от Балтийского моря, с юго-запада от входа в Вислинский залив и с востока от самого Вислинского залива. Сам Пилло - это озерная крепость. Сразу за городом на маленьком холме находится Форт Стилль. На Балтийском пляже в песчаных дюнах после открытого моря размещены несколько батарей с самыми тяжелыми пушками. Оружие было вращаемым, а рядом с ним - взрывобезопасные казематы для обслуживающего экипажа.

У нас было около четверти часа, чтобы прогуляться от станции до компании. Те же люди жили в одноэтажных кирпичных бараках. До этого мы должны были выстроиться в линию. Сержант роты по имени Хоффман, человек с мощным телосложением, бычьим лбом и бычьей шеей, выступил с приветственной речью, и что за речь! Я не верю, что после Кайенны 1852-1938 гг., самого известного французского острова каторжников во Французской Гвиане, преступников, привезенных в Кайенну, приняли бы с такими неразумными словами. Затем мы были распределены по комнатам, где нам были предоставлены шкафчики и кровати. Все было в скрупулезном порядке и чистоте. Очевидно, что это было место чрезвычайно строгой дисциплины, похожей на казармы до войны. На следующий день начались инструкции по обращению с пулеметом. Это было не так просто, пока человек не знал названий всех частей и частей и не мог понять сотрудничество всех частей в съемке, а затем представить его сам.

Тренировки на открытом воздухе в снегу были гораздо более неудобными, а забитые камнями ящики с боеприпасами было очень трудно перевозить.

Унтер-офицеры, которые уже были в поле, относились к нам гораздо лучше, чем те, кто всегда оставался в гарнизоне и привык тащить и мучить солдат. Некоторое время я принадлежал к группе капрала Алтрока, который был глупой шлюхой, но смог лучше нас задрать. Иногда мне было противно, но я утешал себя тем, что здесь меня все-таки не застрелили. Иногда нам приходилось тащить МГ на несколько сотен метров, ползая по снегу; снег попадал в наши объятия. Точно так же, как и наши сапоги. Руки были настолько холодны, что практически невозможно было дотронуться до железа и держать его на ружье. Было холоднее всего, когда ветер свистел через Балтийское море, и мы тренировались на пляже.

Еда была довольно вкусной, лучше, чем в Клайпеде. На обед мы часто ели картофель с соусом и 2 Königsberger Klöße (мясные пельмени), которые я любил есть. Всем разрешили получить только одну порцию. Но несколько раз мне удалось получить 2 порции, потому что фрикадельки вкусные вечером, чтобы пойти с комбо хлеба. Я удостоверился, что был одним из первых, кто получил еду, затем быстро съел свою порцию и присоединился к задней части очереди. Однажды сержант, который отвечал за снабжение продовольствием, поймал меня и доложил о моем появлении чудовищу сержанта Хоффмана. Я подумал про себя. "Скажи Рихтеру, чтобы пришел в офис!" было сказано. Я пошла туда. Ты хочешь пойти

в яму, да? "Все было сказано в таком громком тоне, что стены дрожали... Когда он закончил, я попросил, чтобы мне разрешили выступить, и сказал ему, что я вышел из той части Эльзаса, которую оккупировали французы, так что у меня нет никакой связи с моей родиной и я зависим только от пайков в моих казармах. "Если ты сделаешь это, ты можешь взять дважды.". "Хоффман, похоже, все-таки оставил в нем человеческое чувство! Так что я мог получать по две порции каждый день. Обычно я откладывал одну порцию на вечер и разогревал ее на плите.

Однажды был фильм, который меня раздразнил. Он назывался "Франкतिеры". Он показал всевозможные трюки, как французское гражданское население заманивало одного или нескольких немецких солдат к себе во власть, а затем убивало их. Фильм Дизеля был призван еще больше разжечь ненависть к французам. И я знаю, что в этой войне не было францисканцев. Когда погода была достаточно хорошей, я отправился к морю, где посмотрел игру волн. Часто кусочки янтаря выбрасывали из воды на песок. В один бурный воскресный день я стоял с несколькими товарищами на пирсе и смотрел, как играют волны. Ветер дул прямо в проход в лагуну, так что волны заполнили весь проход. Звук корабельной сирены был слышен из открытого моря. Большой грузовой пароход медленно приближался к подходу, всегда подавая сигнал сирены. Сирена позвала пилотов, без которых ни один корабль не мог войти в проход. Сирена вызывала пилотов, без которых ни одно судно не могло войти ни в проход, ни в порт. Несколько пилотов подошли к кораблю с небольшим пилотским пароходом.

...маленький корабль качался на волнах, как ореховая скорлупа. Несколько раз маленький пароход приближался к большому кораблю, затем был пойман волной и отброшен назад на 100 - 200 метров. Было очень интересно посмотреть. Наконец, умным маневром увидеть интересное. Наконец, умным маневром маленький пароход приблизился к большому. Как кошки, два пилота поднялись по веревочной лестнице на большом пароходе. Как только их повесили на веревочную лестницу, маленький пароход был снова сметен. Мы следили за кораблем глазами, пока он не исчез из поля зрения в направлении Кенигсберга. В Балтийск он укрывает вспомогательный крейсер, который только что был закончен. Колосс, так что меня удивило, как вода может нести такое чудовище. Там же была отремонтирована и поврежденная торпедная лодка. С другой стороны гавани было несколько английских пароходов, которые были задержаны в момент начала войны.

В моем салоне было хорошее чувство товарищества среди солдат. Моим лучшим товарищем был восточно-пруссак по имени Макс Рудат, чьи родители вели крупный фермерский бизнес и часто получали от них посылки, из которых он всегда что-то дарил мне. В один прекрасный день в середине января 1916 года нам пришлось выстраиваться в линию. Рота "МГ" 1-го пехотного полка 44-го, который находился на северном российском фронте перед русской крепостью Даугавпилс, запросила для замены 16 человек. Мой друг, который не был назначен, попросил, чтобы сержанту разрешили пойти со мной

на фронт, что тоже произошло. Am folgenden Tag erhielten wir reichlich Verpflegung auf die Reise. Als ältester Soldat wurde ich als Transportführer bestimmt. Nachdem wir Abschied von unseren glücklichen Kameraden genommen hatten, ging es zur Bahn. Herrgott, wie wird das wieder werden! jetzt, mitten im Winter, in die eisige Kälte Rußlands hinein! jedenfalls hab' ich noch einen Kameraden, dachte ich. Damit tröstete ich mich ein wenig.

на северном фронте России в январе 1916 года.

Мы сели в пассажирский поезд в Балсктий и поехали в Кенигсберг. Там мы вышли из поезда и спросили, когда уходит поезд на русский фронт в направлении Даугавпилса. Пришлось подождать до полудня, а потом началось. Путешествие прошло через Инстербург, Гусев. В Чернышевском мы пересекли прусско-российскую границу. Прямо на въезде в Россию строительство домов опять обеднело. Вместо стрельчатых крыш видели только крыши с соломенными крышами. Поездка была скучной. Снег, ничего кроме снега и мрачных еловых лесов. Между ними - полужаснеженные дома, хижины и деревни. Мы проехали крепость Коуно, проехали через реку Неман, которая была полностью покрыта плавучими льдинами. Путешествие продолжалось через Радвилишкис, Рокишкис, Абели до Еловки, и мы прибыли, когда наступил вечер. Мы могли бы спать в бараках со многими другими солдатами, в основном отдыхающими. Так как не было отопления, мы замерзли, хотя и завернулись в одеяла, в каждом из которых было по одному из гарнизонов. Утром я

поинтересовался маршрутом до 44-го полка, и несколько отдыхающих полка, которые знали дорогу, поехали с нами.

По высокому снегу мы смогли лишь медленно двигаться вниз. Наконец, после 2-х часовой пешей прогулки мы добрались до поместья Нойгрюнвальд. С фронта звучали одиночные выстрелы. Я доложил сержанту роты и сообщил ему, что прибыла замена 16 человек из Балтийск. Сержант роты по имени Каминский произвел на меня хорошее, дружеское впечатление. "Ну", - сказал он, - тебе здесь понравится. "Он вышел со мной, я позволил 16 мужчинам стоять на месте, как и было предписано". Сержант спросил всех по имени, откуда они и так далее. Затем он выделил нам комнату с плитой и солдатскими кроватями из проволоки.

С ротой мг, пехотным полком 44.

Мы все были очень довольны приемом в компании, потому что там был гораздо более дружелюбный, более комичный тон, чем в Балтийск. Немедленно мы должны были получить еду. Это было хорошо и обильно. Первые два дня нам вообще ничего не нужно было делать, просто брать дрова для отопления в лесу.

Поместье Нойгрюнвальд состояло из большого жилого дома, нескольких конюшен и подсобных помещений. Все стены были сделаны из дерева, но они были красиво выточены. Крыши были покрыты черепицей. В конюшне размещались лошади компании. Рядом с ними укладывают водителей в комнату. Резервные артиллеристы, 16 из которых мы в настоящее время являемся членами, размещались в

двух комнатах. На первом этаже дома жил батальонный штаб, а во флигелерота "Щиппера", как называли солдат без оружия, которым приходилось строить резервные позиции за фронтами. Их настоящее имя было Армьер Солдат. В маленьком флигеле была создана баня компании. Солдатам, выходявшим из окопов, было предоставлено три ванны для уборки. Парикмахер бесплатно мычал всех, кто просил об этом, чтобы постричься и побрить волосы. Его нельзя было попросить более комфортно. Прямо рядом с Грюнвальдом железная дорога вела в Даугавпилс, который, конечно же, был разрушен на фронте. С обеих сторон, слева около 500 м, справа в 1 км, были красивые леса проспектов, которые оставили только небольшой холм перед фасадом, на котором можно было увидеть развалины города Илуксте.

На третий вечер, когда наступила темнота, нам пришлось выполнять рабочий долг после фронта. Дорога вела почти час через темный еловый лес. Нам пришлось ждать в маленькой дупле на краю леса. Здесь я снова услышал свист первых пуль. "Ну, Макс, как тебе эта музыка?" "Я спросил своего друга Макса Рудата, который никогда раньше не был в поле. "Честно говоря, Никель, - ответил он, - я нахожу все это немного жутковатым". "После того, как мы прождали полчаса, через снег с фронта прошло несколько человек во главе с сержантом". Теперь нам пришлось тащить вперед тяжелые стальные пластины длиной 2 метра и шириной 1 метр. Это была тяжёлая работа, пока тарелки не были подняты на плечи. Так как мы стояли очень близко друг к другу, мы могли сделать только очень короткие шаги. Нам пришлось

идти по открытой местности к окопам. Снег дошел до наших колен. Когда русские выпустили ракеты в воздух, нам пришлось остановиться, чтобы нас не видели так хорошо. Закрываемся за траншеей и опускаем пластины. Мы вытащили 8 из них вперед. На последней тарелке нас, наверное, заметили русские, потому что много выстрелов было, и пули свистели рядом с нами. И я закричал: "Внимание - выбрасывайте!" Тарелка летела на землю, в то время как все прыгали назад немного влево и вправо. Потом мы поднимем тарелку и преклоним за ней колени. Клэп, попал в пехотную пулю в передней части плиты. Какой звук он издал! Через некоторое время съемка прекратилась, и мы перенесли пластинку вперед. Затем мы быстро вернулись в Ной-грюнвальд, потому что все были мокрыми, холодными ногами и тосковали по горячему кофе. Врач привез его в Нойгрюнвальд. Мне пришлось собрать вещи, чтобы занять его место в переднем положении. На краю леса мы с медиком прошли через траншею на переднюю позицию. Я был поражен, когда увидел положение при дневном свете. Правда, я никогда не видел ничего подобного! С обеих сторон траншея была засыпана пихтовыми столбами, а на земле - так называемыми решетками, сделанными из кровельных реек, чтобы не пачкать сапоги. В передней стене траншеи были ящики с боеприпасами и ручными гранатами.

Окоп казался почти полностью пустынным, только охранники стояли в крытых сторожевых стойках и через зеркало окопа наблюдали за русской позицией, своего рода перископом. Остальные солдаты оставались в теплых укрытиях, которые были

установлены по диагонали в тыл. "Здесь", - сказал мне медик, - там, где жила твоя команда. У тебя хороший сержант. Толстый табачный дым заполнил то же самое, что и густой туман, в котором я видел четырех мужчин за столом, играющих в карты. Другой солдат был занят написанием писем. В землянке была небольшая печь, которая раскалялась в местах от всего отопления. На задней стене были два раза 3 кровати с проволокой, одна над другой. Моей первой мыслью было: "Вот оно, чтобы вынести". Перед сержантом я стоял на месте и доложил о дежурстве. "Не суетитесь", - сказал он мне. "Здесь со мной не стоит на месте". Просто выполняй свой долг. Мы все наемники. "Как тебя зовут?" спросил он меня. "Ришерт", - ответил я. "Я имею в виду, по имени", - сказал он, и я назвал свое имя Доминик. Что, что?" все закричали, "мы никогда не слышали ничего подобного," и начали смеяться, как сумасшедшие над именем. "Правда, - сказал сержант, - я никогда раньше не слышал этого имени!" "Из-за меня Никки называет меня так, как дома", - сказал я, смеясь. Никки, им это тоже не понравилось. "Ну", сказал сержант, "мы будем звать тебя просто Никки!" "Никки, хочешь чего-нибудь поесть?" Сержант попросил меня продолжить. "У тебя есть что-нибудь?" Я сказал. Я посмотрел вверх и не удивился; рядом лежали несколько бутербродов, сыр, заменитель сала, колбаса и масло, рядом с ними лежали две коробки сигар и сигарет. "Нет, я не видел ничего подобного с тех пор, как был солдатом", - сказал я. Во второй половине дня мне пришлось стоять на страже. Через зеркало канавы я смотрел на местность перед собой. Прямо рядом с пулеметной

стойкой находилась траншея для отверстия подслушивающего столба, которая находилась в проволочном зажиме. Два широких проводных барьера защищали положение от атаки. Перед Русской железной дорогой, которая находилась на расстоянии около 250 м, находились также две проволочные переплетения. Все было тихо, только время от времени можно было услышать близко или далеко гром пистолета и грохот снарядов. Время от времени раздавались выстрелы из винтовки. Каждую ночь нам приходилось стоять на двойном карауле, 4 часа в часы стоять. Ночью было скучнее стоять на страже, и было очень холодно, так что приходилось всегда двигаться и топтать, чтобы не замерзнуть. На следующий день мне пришлось принести еду. Полевая кухня была загнана в дупло к краю леса за столбом. Там я встретил своего друга Макса Рудата, который был там со своей сумкой и багажом. Он был приписан к пулемету, чтобы заменить отдыхающего.

На третий день я был на дежурстве с 12 до 2 часов дня. Чтобы скоротать время, я думал о доме и всяких вещах. Все было тихо. Не было никакого выстрела. Внезапно я услышал взрыв такой силы, какой никогда не слышал. Земля содрогнулась, и я чуть не упал на землю в ужасе. Примерно в 500 метрах слева от меня, перед немецкой позицией, я увидел облако дыма, вздымающееся вверх, высотой более 100 метров, огромное количество земных флотов, летающих вокруг. Русские прыгнули в подземную шахту, чтобы взорвать там немецкие позиции. Прямо передо мной в проволочном переплетении взорвались четыре тяжелые русские гранаты, рвущие большие отверстия

в проволочном переплетении. Затем последовал артиллерийский огонь, в котором один потерял зрение и слух. Между ними, с места взрыва, трещали тяжелые пехотные и пулеметные обстрелы. Русская пехота ворвалась вперед и заняла огромный кратер для взрыва. Но уже началась немецкая контратака, и часть русских сбежала, другие были захвачены в плен. Огонь по русской артиллерии продолжается. Перед, сзади, то тут, то там, в самой траншее треснули снаряды. Прямо при первых выстрелах сержант и вся команда выпали из землянки, потому что опасались нападения. Мы все нырнули в окоп, чтобы не попасть под осколки и комки земли. Только сержант время от времени следил за русскими. Его ударили осколком размером с палец над ухом по краю шапки, так что он ошеломился и упал на землю, ошеломленный. Раны не было видно, только шишка. Я быстро прижал горсть снега к его лбу, и он сразу же пришел в сознание. Сначала он не знал, что случилось. Через несколько минут он полностью выздоровел.

Рядом с нами было убежище, в котором жили 8 пехотинцев. Короткая траншея привела к входной двери. Рядом с дверью было маленькое окно. Один из первых снарядов попал рядом с входной дверью. Траншея перед дверью была засыпана землей, так что пехотинцы не могли открыть дверь, открывавшуюся наружу. Они оторвали маленькое окно изнутри, выбросили оружие и выползли по одному, чтобы занять позицию в окопе. Точно так же, как последний прополз через оконный проем, граната попала в верхнюю часть деревянного навеса. Из-за давления, убежище слегка уступило и рухнуло. Пехотинец, чья

верхняя часть тела и руки находились за пределами оконного проема, в то время как его ноги еще висели внутри, был в ловушке и не мог ни двигаться ни вперед, ни назад. Двое его товарищей пытались вытащить его, но потерпели неудачу. Из-за попадания гранат поблизости они были вынуждены найти в траншее более защищенные места. Поэтому бедняга в смертельном страхе повесился в полном одиночестве и попытался защитить себя руками и ногами от летающей земли. Наконец, примерно через полчаса артиллерийский огонь прекратился. Теперь может начаться освобождение бедного солдата. Так как его невозможно было вытащить как внутрь, так и наружу, не оставалось другого выхода, как пройти сквозь него и вытащить под ним кусок пихты с обеих сторон. где вскоре выяснилось, что он совершенно невредим.

Теперь я попросил у сержанта разрешения поехать к Макс Рудату, чтобы узнать, "не случилось ли с ним чего-нибудь". Ров был частично ровным, так что мне пришлось ползти по нескольким местам, чтобы русские меня не заметили. Несколько солдат были похоронены, и они находились в процессе их выкапывания. Я также видел трех павших солдат, лежащих в окопе. Несколько легко раненых уже выбрались из окопа. Трое унтер-офицеров, игравших в карты в убежище, были полностью разорваны на куски гранатой, которая пробила потолок и взорвалась в убежище. Макс Рудат стоял на страже рядом со своим пулеметом и сделал очень странное лицо. Ужас еще не полностью покинул его. "Ну, Макс, как тебе понравилось на этот раз?" Я спросил. "Не спрашивай, Никель", - ответил он. "Я лежал плоско на дне канавы

и скоро обосрался бы от страха." Он показал мне несколько свежих дыр в ракушках прямо рядом с ним. Мы оба были счастливы, что сбежали невредимыми. Я попрощался с ним и вернулся к своему пулемету. Прошло несколько недель, и ничего примечательного не произошло. Стоять в очереди, забирать дерево и пепел, чистить пулемет, чистить пулемет, всегда одно и то же.

Однажды ночью я стоял на страже и разговаривал с заместителем офицера, который пересматривал посты. Луна освещала территорию почти так же ярко, как и день. Чтобы согреться, я перешагнул с одной ноги на другую. Вдруг там был резкий удар, сильный звук в правом ухе. Пуля задела мой стальной шлем с правой стороны на высоте лба и вырвала серую краску. Я не была немного напугана. Поскольку задняя стена была наклонена и покрыта снегом, русский, вероятно, заметил движение моей головы на белом фоне и хотел отправить меня прямо на другую сторону. С тех пор я стал гораздо осторожнее.

Постепенно снег растаял и наступила весна. Жизнь в окопах стала намного приятнее. Стоя на посту в течение дня, ты можешь позволить солнцу сиять на тебе.

Однажды приказ пришел осуществить государственный переворот, войти в русские окопы и узнать, какой полк стоит перед нами. Для этого в нашу траншею было положено несколько ведер с водой и их содержимое было подожжено, когда ветер дул в сторону российской позиции. Плотные облака дыма развивались, непроницаемы для глаз, которые с осадком медленно двигались в сторону русской

траншеи. Около 20 пехотинцев перебегают в облаках дыма в сторону русской позиции. С помощью кусачек они расчищали путь через препятствия и проникали в российское положение. Мы внимательно слушали, но выстрелов не было. Русские, которые, вероятно, думали, что облака дыма - это газовые облака, расчистили канаву в этот момент. Все пехотинцы вернулись целыми и невредимыми. Они привезли русскую винтовку и несколько стальных щитов. Один человек нашел в приюте бумажник с военной книжкой, в котором был указан номер русского полка и дивизии.

Мы подумали, что русские обязательно нападут на следующую ночь, и приняли меры предосторожности. За брешью в нашем окопе было размещено 3 пулемета, и окоп был сильно занят пехотой. Время от времени раздавалась вспышка, которая дрожащим светом затопляла территорию между позициями. Внезапно он сказал: "Они идут!" На нашей стороне вспыхнул тресковый огонь пехоты Мгунда. Артиллерия, которая была оповещена по телефону и оперативная бригада которой уже находилась у орудий, установила мощный шквал между позициями. При лучшей воле в мире я не видел ни одного россиянина, хотя все освещалось почти так же ярко, как и днем, от вспышек. Они бросились в высокую траву, когда началась стрельба. Потом я вдруг увидел, как некоторые из них подпрыгивают и бегут обратно в свою канаву. Внезапно это место кишело убегающими русскими, которые исчезли в своей канаве. Через несколько дней я прочитал в газете: "К югу от Илуксте была отбита сильная русская ночная

атака с большими потерями для противника. "Ну, на самом деле это было не так. Но каждую мелочь нужно было объявить великой победой, чтобы поддержать военное настроение народа.

В мае 1916 года наш экипаж МГ был перемещен на несколько сотен метров вправо. Там колонна пробегала через великолепный елово-березовый лес. Мы нашли там убежище, которое было намного хуже предыдущего. В дождливую погоду приходилось каждый день черпать и выносить много ведер с водой, которые собирались в приюте. К утру в укрытии было столько воды, что она почти достигла нижних слоев проволоки. Такая жизнь была очень нездоровой. Теплыми майскими ночами я часто спал за приютом на лесной площадке, где собрал кучу сухих листьев. Чтобы жить лучше, мы решили построить новый приют. Мы сделали квадратное отверстие размером с маленькую комнату, срубили сильные ели дальше в лесу, сказали балки и сильные балки, и начали строительство. Это была тяжелая работа, но так как все держались вместе, мы скоро закончили. Потолок состоял из 6 слоев пересекающихся пихтовых стволов. Пространства между ними были заполнены землей. Конечно, мы могли работать только на потолке ночью, и даже тогда это часто было опасно, потому что русским охранникам было скучно до смерти, и тебе всегда угрожала опасность, когда ты работал наверху без укрытия.

Теперь пришло время перейти к внутреннему оборудованию. С одной стороны было положено шесть проволочных кроватей, всегда по две друг на друге. Один из нас был каменщиком по профессии и

построил хорошую кирпичную печь. Из досок были сделаны стол и скамейки, а за столом - своеобразный диван, обитый сухой травой и покрытый отдельными новыми мешками с песком. Так как у меня были некоторые навыки рисования и живописи, я сделал несколько рисунков, которые затем обрамлял толстой березовой корой и висел в приюте. Стены были облицованы срубленной елью с корой, которую мы тщательно очищали по всему периметру. Перед небольшим окном садовник выложил красивую звездообразную клумбу лесных цветов. Другой, резчик по дереву, сделал деревянный пулемет высотой полтора метра. Он был помещен в центре клумбы на большом камне, как памятник. Когда все было завершено, мы были очень довольны своей работой, как и командир нашей роты, лейтенант Мэттис, который был хорошим и справедливым начальником и который также поздравил нас с нашей работой.

Наш пулемет был установлен готовым к стрельбе в землянке Итон со стреляющей щелью, где мы должны были стоять на страже, один человек днем, а двое ночью. Опасность здесь была не велика. Каждый день над ним проникали гранаты, шрапнель и небольшие мины, но жертв было мало. Мы все хотели бы подождать здесь до конца войны. Пайки были не так хороши, как в момент моего прибытия, но они все равно были сносными.

Однажды за нашим приютом были установлены несколько минометов, размером с которые я никогда раньше не видел. Мины имели вес в двести сотен. Поскольку с нашей стороны планировался переворот, эти минометы вместе с артиллерией должны были

полностью обстреливать российские позиции, а мы сами должны были поочередно стрелять двумя пулеметами из нашего дотла по российским позициям, чтобы не дать российским резервистам добраться до фронтовых позиций для получения подкрепления. Мы сделали тысячи выстрелов за 20 минут. Сваи проволочного дома были полностью разорваны в клочья, и почти все провода были разорваны пополам. Несколько молодых березов опрокинулись; они были расстреляны нашими пулями, как будто их отменили. Взрыв двухтонных мин был ужасен. Благодаря мощному давлению воздуха ели и березы сгибаются туда-сюда качающимся движением. Теперь полроты пехоты наступают на нас. Через четверть часа все они благополучно вернулись с 8 русскими, которые были найдены дрожащими от страха смерти в убежище и захвачены в плен без сопротивления. Заключенные были явно рады узнать, что их жизнь теперь в безопасности. Сейчас российская артиллерия стала занимать наши позиции под тяжелым осколочным и артиллерийским обстрелом. Я стоял за нашим блокхаусом с двумя другими товарищами и нашим первым лейтенантом, когда снаряд небольшого калибра попал в наше укрытие чуть выше головы, взорвался и бросил заряд во все стороны. Мы все остались невредимы, даже несмотря на то, что чуть не перелетели в страхе. Только один сержант из пехоты, который только что шел по канаве, получил занозу в животе и скончался в военном госпитале от тяжелого ранения. Маленькая мина оторвала руку нашему командиру взвода, лейтенанту. Мой хороший друг из Клайпеды по имени Мазур, который был с

лейтенантом санитаром, был так сильно ранен, что через несколько минут скончался. Он был похоронен на кладбище нашего полка, которое находилось в лесу за линией фронта

Однажды в июне наш экипаж МГ окончательно освободился, и мы вернулись в Нойгрюнвальд. Приятно было снова иметь возможность свободно передвигаться по земле и не быть вынужденным все время жить в канавах и укрытиях, почти как крот. Я также нахожу приятным спать по ночам. Обслуживание было максимально упрощено: 1 час сверления, 1 час занятий и чистки пулемета. Мы провели время, занимаясь борьбой и гимнастикой на высокой планке.

Однажды меня повысили до капрала. На следующий день мне пришлось ехать в Еловку, чтобы явиться к командиру полка. Там я получил Железный крест II степени, а также несколько солдат и унтер-офицеров полка. Командир полка произнес чрезвычайно воинственную речь; мы должны гордиться этой наградой. Но все это оставило меня очень холодной, потому что я хотела бы выбросить все эти вещи и уехать домой. Когда я вернулся в компанию, мой начальник и мои товарищи так поздравили меня и так крепко сжали руку, что это начало причинять мне боль.

После 8 дней в Нойгрюнвальде я снова был на позиции. В какой-то момент мы прошли мимо многих могил павших русских, погибших в агитационной войне 1915 года. Русские могилы были узнаваемы по шапкам, которые висели наполовину гнилыми на

гнилых крестах. Дальше вперед траншея привела к переднему положению.

Пулемет также был помещен в бетонное укрытие. Убежище было хорошим, но не таким хорошим и прочным, как построенное нами. Здесь также было более опасно, чем раньше. Поскольку лес около тропы был вырублен примерно на 100 ярдов вдоль тропы, а мы были на открытом воздухе, русские могли видеть нашу позицию и могли стрелять из своей артиллерии. Ежедневно поступало около двадцати гранат 12-го калибра, которые уже находятся под огромным давлением. Сразу после первого удара мы все столкнулись с бетонной выемкой. Однажды, когда я читал книгу в землянке, мои одноклассники играли в карты, когда вдруг одна из 12-сантиметровых гранат попала в верхнюю часть землянки и взорвалась. Взрыв пробил отверстие в нижнем слое стволов, образующих потолок.

Вечером, когда стемнело, мы пошли заполнять дыру на вершине приюта. Потом мы взяли еловые ветки и покрыли их. Во время этой работы человек в команде, хороший парень, часовщик, был ранен в шею. Я все еще видела, как он поднимал руку и смотрел на меня, как будто он хотел попросить меня о помощи. Но тут же его голова наклонилась назад. Он был мертв. Мы все были очень напуганы и опечалены внезапной и неожиданной смертью нашего товарища. Ночью мы отвезли его тело на носилках на полковое кладбище, где его похоронили на следующий день. Через несколько дней в угол попала еще одна 12-сантиметровая граната, полностью сметая ее. В очередной раз никто из нас не пострадал, потому что

после первых ударов мы все бежали в бетонное убежище. Потом нам приказали построить большое бомбоубежище на 200 человек. Это было легче сказать, чем сделать. Мы должны были помочь, как пехота. Прежде всего, была выкопана яма глубиной около 3 м, шириной 4 м и длиной 40 м. Это была отличная работа! Тысячи и тысячи мешков пришлось забрать. Когда яма была полностью вырыта, началась работа по бетонированию. Гравий и цемент перевозились по небольшой легкой железной дороге примерно до 300 м за линией фронта. На разгрузочном пункте количество смешивалось и, также в мешках с песком, вытаскивалось вперед через траншею. Каждый мужчина должен был выходить и брать по 40 раз в день. Можно было переносить максимум половину мешка с песком, так как смесь была очень тяжелой и влажной. Чтобы сделать потолок, рельсы отвинтили, два ряда уложили крест-накрест друг на друга, затем добавили бетон, и навес был готов. Чтобы пропустить свет и воздух, в стенах было несколько узких бойниц.

Так что лето 1916 года медленно подходило к концу, о нет, ничего особенного не происходило. День и ночь поочередно стояли на страже, приносили еду, таскали дрова, отопление и работали дежурными, вот и все. Пайки становились все хуже и хуже, уже было 2 безмясных дня в неделю. Ежедневный рацион состоял из 1,5 фунта хлеба, завтра и вечером - плохой черный кофе - часто без сахара, немного масла или сыра, иногда колбасы, заменителя сала, но больше всего варенья, также и своего рода серого сала, который солдаты называли Гинденбургом или обезьяньим

жиром. В полдень на человека приходилось по 1 литру супа. Все всегда готовилось как суп. Лапша, квашеная капуста, рис, фасоль, горох, ячмень, сушеные овощи (солдаты называют их "колючей проволокой"), овсяные хлопья, картофельные хлопья и так далее. В некоторых местах была зеленая скалистая рыба; эта пища была полностью несъедобна и пахла как трупы, которые лежали на солнце несколько дней. В безмясные дни обычно был лапшичный суп с изюмом. Ни следа жареного мяса, ни салата и тому подобного не было! В октябре 1916 года нас освободил полк, прибывший с западного фронта. Мы маршировали в Еловку. По дороге нам сказали, что нас перевезут на все возможные фронты. Но в Еловке мы повернули на юг и освободили полк примерно в 20 км к югу от нашей прежней позиции. Фронт переехал свободную, холмистую местность. Через длинную траншею, которая проходила по пустоте, мы достигли линии фронта. Перед нами, на расстоянии около 400 м, лежало разрушенное имение Шисково, в котором заняли свои позиции русские. Наше и российское положение было защищено 3 широкими проволочными переплетениями. Там наша рота MG, которая находилась под полком, была разделена на 3 роты, каждая из которых была приписана к батальону. Я принадлежал к роте MG-2 и стал командиром винтовки. Это значит, что хотя я был только капралом, я был сержантом. У меня была хорошая команда, все молодые, ловкие ребята, в том числе Унтерельсэссер, Эмиль Фукс из Эрштейна. У всех мальчиков был хороший аппетит, а хлеба никогда не хватало. С одним мужчиной из команды, 20-летним Сидорфом из

Гамбурга, нам всегда приходилось смеяться. Каждые два дня каждый из них получал 3-х килограммовую буханку хлеба. Сидорф использовал перочинный нож, чтобы разрезать знаки на хлеб, чтобы разделить его. До первого разреза он должен продлиться до того же вечера, второй - до следующего утра, третий - до следующего вечера и так далее. Обычно он ел первый вечер до разреза на следующее утро. Обычно на второй день у Сидорфа больше не было хлеба. Хотя еды было мало, никогда не случалось, чтобы один из них украл у другого кусок хлеба, который всегда лежал на доске в приюте.

Мой первый праздник в конце октября 1916 года.

Теперь моя очередь ехать в отпуск. Как было бы здорово, если бы я мог вернуться домой, как другие солдаты. Семья эльзасских беженцев из Дюрленсдорфа по имени Мэттлер, которая в настоящее время живет в Эбербах в долине Некара (Баден), пригласила меня письмом приехать к ним, если бы мне некуда было пойти. Долгое время я не знал, что делать. В конце концов, я решил сесть за руль, потому что был слишком счастлив провести некоторое время, не чувствуя военного ига на шее. Я также с нетерпением ждал долгого пути. Так что я взял свой отпускной и немного еды, попрощался с товарищами и отправился. Я пошёл в Еловку, сел в поезд и ушёл. Прекрасное ощущение свободы и безопасности преодолело меня, когда мы катились всё дальше и дальше от фронта. Наконец, после долгого путешествия, мы добрались до немецкой границы в Чернышевском. Все мычали, чтобы сойти с поезда и

пройти в местное учреждение, потому что ни одному солдату не разрешалось въезжать в Германию без свидетельства об освобождении от уплаты пошлины. Теперь мы отправились в Кенигсберг через Черняховск. Там я села на экспресс, переполненный отдыхающими, в направлении Берлина. Это продолжалось через Бранено, Эльблонг. В Диршау мы проехали самый большой мост, который я видел до сих пор, через Висла. Потом мы проехали через Крей, Пила. Там мы проехали большие расстояния через бедные районы, Недалеко от Лемберга и крепости Куфштайн область стала более красивой и плодородной. Ночью поезд прибыл в Берлин, Шлезисер Банхоф. Я поехал в город с несколькими отдыхающими, которых встретил во время путешествия, чтобы увидеть Берлин ночью. Город был освещен почти дневным светом. Мы посетили несколько ресторанов, выпили пива и поужинали за дорогие деньги. Мы провели ночь в комнате ожидания на вокзале и спали сидя, кладя головы на столы. Рано утром мы выпили горячий кофе в отеле и отправились на вокзал Анхалтера. Конечно, нам часто приходилось спрашивать дорогу. Конечно, нам часто приходилось спрашивать дорогу. Там я должен был попрощаться со своими товарищами, потому что они ехали в Рейнланд. Я сел на экспресс в юго-западную Германию. Он проехал через Луккенвальде, Лютерштадт Виттенберг, Галле, Мерсебург, Наумбург, Веймар, Эрфурт, Гота, Айзенах, Фульда, Ханану во Франкфурт-на-Майне. Там я остановился подольше. Там я задержался подольше.

Поездка из Берлина во Франкфурт была очень приятной и интересной. Почти всегда он проходил через плодородные, густонаселенные районы. Дома в городе и за городом были красиво построены. Я с трудом мог поверить, что прожил там несколько месяцев в окопах в убежищах. После того, как я увидел красивый город Франкфурт в окрестностях вокзала, я снова сел на поезд, который доставил меня через Дармштадт, Вайнхайм, в прекрасно расположенный Хайдельберг-на-Неккаре. Во второй деревне мне снова пришлось менять поезда и ехать до конечной остановки Эбербах. Приехав туда, я спросил о семье Маттлер, которая жила в ресторане "Кох", 2-й этаж, хотя я там не жил. Хотя я знаю господина Маттлера только по его семье с момента моего прибытия в Эбербах, я был тепло встречен и счастлив, что наконец-то смогу жить и выживать в течение нескольких дней так, как это заслужил человек. Семья Мэттлеров жила над гостиницей, мы все там ели. Еды было не особенно много, но по сравнению с полевой кухней еда была замечательной. Хлеба было не лучше, чем хлеба для общины, тоже не слишком много, потому что хлеб, мясо и масло уже были нормированы и на них можно было сослаться только на карточках, столько веса на голове.

Больше всего я был счастлив от хорошей кровати, потому что с января, 9 месяцев, я никогда не спал раздетым в кровати. Всегда только на кровати из твердой проволоки в навесах. Когда были хорошие дни, я совершал поездки в окрестности, вдоль реки Некар, или вверх в горы после развалин замка Эбербах, откуда открывался прекрасный вид на

красивую долину Некар. Слишком быстро прошли каникулы. Я также познакомился с несколькими другими семьями эльзасских беженцев, которые были очень дружелюбны ко мне. Девочки-беженки, в частности, превзошли себя в дружелюбии ко мне, и некоторые из них дали понять, что хотели бы стать сокровищем эльзасского солдата. Конечно, мне все это понравилось. Я обменялся несколькими адресами и подумал, что переписка может привнести разнообразие в скучную жизнь в траншее. В целом я был 10 дней в Эббехе, затем последовала однодневная поездка на Рейнланд к моему бывшему военному товарищу Августу Зангеру из Струхта, там 3 дня осталось и снова 2 дня езды на фронт. Если вы прибыли в компанию с опозданием всего на 1 день, то вы прилетели на 3 дня в дыру, в темное убежище, а я этого не хотел. Когда закончились первые дни в Эббехе, я попрощался с семьей Маттлеров и дружелюбными эльзасскими семьями, сел в поезд и поехал обратно через Гейдельберг, Дармштадт и Франкфурт.

Там я поменял поезд и поехал в Гиссен, где мне снова пришлось менять поезда. Затем он прошел через Марбург, Зиген, Зигентланг. Моей последней остановкой был Шладерн в Зиге. Зангер жил в Драйзеле, примерно в получасе езды от Шладерна. Как он сказал мне в письме, он ждал меня в поезде в Шладерне. Это уже произошло, когда поезд остановился в Шладерне. Я вышел, было темно, мелкий дождь стекал вниз. Я покинул станцию, нигде не видно, никаких следов Зангера. "Это будет хорошо, я думал. Потом я увидел женщину и мальчика,

идуших в свете тусклых газовых ламп. Я подошел к ней и спросил дорогу до Драйзеля. На диалекте, который мне было очень трудно понять, она сказала мне, что едет в Драйсел, что я могу поехать с ней. По пути она спросила меня, какие у меня там друзья. Я сказал, что хочу пойти к своему товарищу Августу Зангусту Зангеру. Она его не знала. Поэтому я сказал ей, что он живет с семьей по имени Теодор Гошель. Теперь женщина знала об этом и привела меня в дом. Зангер был очень рад видеть меня снова. Он ждал меня в предыдущем поезде, и так как я не сошла, он думал, что я приеду только на следующий день. Семья Гоше, состоящая из матери, сына по имени Иосиф и дочери Марии, приняла меня самым дружелюбным образом. Вскоре я почувствовал себя там как дома. Хорошие люди забрали все, что у них было, и послужили мне. Дочь Мария ухаживала за Зангером через его тяжелое ранение в 1915 году в военном госпитале. Они влюбились и намеревались пожениться после войны (что они и сделали). Поскольку семья была очень религиозна, и чтобы избежать сплетен людей, Зангер спал не в доме семьи Гошэль, а в соседнем доме с семьей Батт, где он снял комнату. После того, как мы все поговорили до поздней ночи, мы пошли спать. Мы рассказывали друг другу о доме и о своих впечатлениях, пока утром не посмотрели в окно. На следующий день мы с Зангером помогли семье Гоше с молотильной машиной. Работа, к которой я уже не привык, хотя в прошлом я часто ее делал. На следующий день мы поехали в город Зиг-Бург, где мы оба сфотографировались и сразу же обратились по адресу и отправили несколько снимков через

Швейцарию к нам домой. На третий день мы поехали в Эйторф, примерно в 20 км, чтобы посетить могилу Швоба ЙоСефа из моей родной деревни. Нам обоим было очень грустно найти такого хорошего товарища из Хей-мата. После некоторой молитвы у могилы мы отправились в военный госпиталь и спросили у медсестры, которая ухаживала за ним, о характере раны и его последних днях. Получив информацию, мы поблагодарили сестру и поехали обратно. Теперь еще одна ночь в постели, а потом все закончилось снова, Бог знает как долго.

Я только неохотно ушла из хорошей семьи Гошелей. Если вы "только" приехали на один день позже в компанию, то вас на 3 дня занесло в яму, в темное убежище, а я этого не хотел. Хорошие люди наполнили мой рюкзак всякой едой и бутылкой ликера, так что я был хорошо оснащен для путешествия. Миссис Батт также принесла мне большую сосиску. Прощание очень тронуло мое сердце, потому что мать Гоше плакала, как будто я ее сын. Это было печально еще и потому, что не знали, увидимся ли мы снова или меня застрелят на улице, потому что конца войны еще не предвиделось. Зангер сопровождал меня после поезда. Сначала я поехал в Кёльн. С тех пор, как я остался, я мог смотреть на чудесную станцию. Затем я сел на экспресс до Блина, проехал через Рурский район сначала через Дюссельдорф, Бармен, Эльберфельд, Хаген, Дортмунд. Я уже несколько раз слышал разговоры о Рурской области. Как я уже видел, я бы не представлял себе этого в конце концов. Город следует за городом, часто не видно, где один заканчивается, а другой

начинается по-другому. Между ними ничего, кроме мин. Фабрики; насколько можно было видеть, заводские дымоходы и башни обмотки шахт поднимались в воздух. Между ними была такая путаница железных дорог, путей и стрелочных переводов, что можно было почти поверить, что не придется каждый день сталкиваться с несколькими столкновениями... Наконец, Рурская область оказалась позади меня, и поезд проехал через Падерборн, Хальберштадт, Магдебург, Бранденбург, Потсдам, Шарлоттенбург до Берлина, не останавливаясь, он поднялся в Россию, по маршруту, который я уже описал по дороге сюда. Вверх по России Боден был покрыт легким снежным одеялом. Я укрылся, когда увидел снег, бедные жилища, мрачные еловые леса и плохо одетых обитателей. И я вздрогнул, когда подумал о скучной жизни в окопах, которая опять меня ждала, и от конечной остановки в Яловке смог добраться до своего отряда на телеге моего батальона. Я вернулся из отпуска и должен был снова взять на себя командование моим пулеметом.

**Сзади спереди
Номер 8 на карте**

Когда я приехал в приют, солдаты сразу же сказали мне, что Эмиль Фокс мертв.

Он получил пулю в лоб от русского пулемета, стоя ночью в карауле, и был убит мгновенно. Мне было очень жаль его, потому что он был земляком и хорошим мальчиком. Дни проходили монотонно. Снег, туман, туман и снег, это было практически все разнообразие. Каждый день русские присылали

гранаты, но они не причинили большого вреда. В одно воскресенье, по два человека из каждого пулемёта были отправлены обратно на службу. В лесу, примерно в 1 км за фронтом, за склоном был построен большой барак, который служил местом поклонения. Она была заполнена до последнего места солдатами, и полевой священник начал службу. Во время трансформации мы вдруг слышали удар нескольких снарядов спереди. Взрывов становилось все больше и больше; некоторые гранаты, похоже, разорвались очень близко, когда мы слышали, как взрывчатка свистит над бараком. Мы все стали очень беспокойными. Только полевой священник читал мессу в конце, как будто все молчаливо. Сейчас мы вышли из барака, стрельба русских становилась все сильнее и сильнее. Сержант нашей компании приказал нам немедленно вернуться к нашим пулеметам. Две роты пехоты, которые были в резерве, вышли вперед. Мы последовали за ними. Начался снег, так что на 100 метров не видно. Прибыв на окраину леса, я услышал от удара о том, что русская артиллерия в основном вела огонь по окопу, ведущему к позиции. Так как мне приходилось вести за собой последователей церкви, я на мгновение подумал, как нам лучше занять эту должность. Я решил перейти через холм, на другой стороне которого была расположена позиция. Мы достигли вершины холма без гранаты, упавшей рядом с нами. Когда снег внезапно перестал падать и нас увидели русские, как на тарелке, мы все бросились в глубокий снег. Что теперь? Окоп и позиция были полностью покрыты черными облаками гранатового дыма, и все больше и больше снарядов бросалось к

нам. Если бы нас увидел российский артиллерийский обозреватель или пулеметчик, мы были бы не хуже потерянных. Мы не могли остаться внизу, нам пришлось перекрыть около 400 м после позиции, около 200 м после траншеи, поэтому мы решили поторопиться после траншеи. "Вверх, марш, марш!" Я закричал. Немедленно все встали на ноги, и мы побежали как можно быстрее к окопу, который протекал вдоль полости. Русский пулемет начал дребезжать, но выстрелил слишком высоко, потому что мы слышали, как пули шипели над нами. Почти бездыханно мы приехали в окоп. Когда стрельба на мгновение прекратилась, мы попытались как можно быстрее добраться до медицинского приюта, расположенного дальше от окопа. от окопа был почти полностью застрелен на месте. В какой-то момент было три мертвых пехотинца; один из них был изуродован до неузнаваемости. Мы были счастливы, когда добрались до высокоразвитого медицинского приюта. Врач сказал нам, что Тейт был отдыхающим, который утром покинул позицию, чтобы уехать в отпуск. Когда он шел по окопу, несколько первых гранат попали перед ним. Он быстро вернулся в медицинский приют, чтобы дождаться окончания стрельбы. Позади укрытия попала граната, и очень маленький кусок взрывчатки пробил еловую древесину, образовавшуюся в нижней части оконной рамы. Он ударил несчастного прямо в лоб. Он упал со скамейки, замертво на месте. Бедняга, который, несомненно, был дома в своих мыслях, не должен был больше видеться со своими родственниками.

Гром и треск гранат снова начались. Когда снова случился перерыв, каждый из нас попытался добраться до его МГ как можно быстрее. Но опять же снаряды устремились к нам, и нам пришлось лечь, чтобы не попасть под осколки и комки земли. Наконец-то я приехал в свой приют. Мои мальчики испугались лиц, потому что на крыше укрытия взорвалась световая граната, но она не проникла. Вдруг я услышал пехоту и пулеметный огонь. Я выпрыгнул, взял бинокль и увидел, что русская позиция за усадьбой Щисково кишит готовящейся к атаке русской пехотой. "Все на выход!" Я закричал в траншее. Мальчики пришли. Пулемет, который стоял в нише в канаве, был поднят в боевое положение и заряжен. Я посмотрел на русских и увидел, как последний из них исчезает в их канаве. Много немецкой шрапнели лопалось над местом, заставляя русских отступать еще до того, как они начали атаку. Нам приказали быть начеку. Двое мужчин должны были постоянно оставаться с пулеметом. Остальные должны были остаться в подполье, но не спать. День закончился мирно и спокойно. Так как все еще боялись, что русские нападут, то ночью было выпущено много осветительных ракет, так что было почти всегда светло, и русские не могли подкрасться к белому снегу. Там, после полуночи, пулемет начал стрелять, а между ними слышен стук пехоты.

Затем позади нас мигнула немецкая фара, осветила ничейную землю между позициями и, наконец, дала полный свет в пустоте, которая простиралась от русской до нашей позиции и в которую мы не могли смотреть с нашей МГ-стойки. Я выпустил несколько

сигнальных ракет, но не видел никаких следов русских перед нами. Вскоре стрельба снова прекратилась. Затем нам сообщили, что российская штурмовая группа подошла к пустоте вдоль нашей позиции, но была замечена и возвращена огнем - семеро погибших русских и один тяжело раненый человек, которого они привезли с собой. Они уложили его на проволочную кровать в пулеметном укрытии, где он пришел в сознание. Однако он потерял много крови и был наполовину заморожен, так что на следующее утро он скончался. С тех пор у нас был мир и покой. За исключением нескольких гранат в день, нас больше не беспокоили русские. С тех пор как я был стрелком, мне больше не нужно было стоять на страже. Тем не менее, я отсидел свой срок, так что ребятам было немного лучше. Поскольку ночи были очень холодными, нам приходилось постоянно разогревать мешки, наполненные сухим песком, у плиты в укрытии и завязывать их вокруг пальто пулемета, чтобы вода в пальто не замерзала. Потому что с замороженным пулеметом стрельба невозможна. Раньше его не нужно было разогревать, потому что глицерин смешивали с водой, которая, как известно, никогда не замерзает. Теперь, как и в большинстве других вещей, не хватало глицерина. Отопление также было в плохом состоянии. У нас была только замороженная зеленая ель, которая ужасно курила, но не хотела гореть. Часто приходилось почти выдувать легкие, пока не готовился только кофе. На Рождество я шел мимо столовой на заднем дворе леса, когда были разгружены несколько коробок с печеньем (Zuckerbretla). Это было редкостью, так как в

остальном в столовой продавали в основном смазку для обуви, писчую бумагу, карандаши, карты местности, консервированные сардины и иногда консервированные фрукты. Я купил все пакеты, полные печенья, и почти все они один за другим, за исключением 5 рулонов для моей команды MG. Меня до сих пор удивляет, как мой желудок мог все это впитать. В канун Рождества мы всегда получали бутылку кислого рейнского вина $\frac{3}{4}$ литра для 2-х мужчин в качестве рождественского угощения. В канун Нового года, в 1916-1917 годах, я спал в приюте, когда меня разбудил солдат. Я посмотрел на часы, было полночь.

Снаружи охранники праздновали Новый год. Мы оба пожелали друг другу счастливого нового года. "Но вот почему, - сказал я клерку, - ты не должен был меня будить". "Я устроился на эту работу не поэтому", - ответил он. "Я приношу вам приказ сержанта роты". Ты должен собрать свои вещи и доложить ему в лесном лагере. Я был очень удивлен, потому что понятия не имел, почему. Даже клерк не мог или не хотел давать мне никакой информации. Так что я собрал свои вещи и наткнулся на замерзший, хрустящий снег в сторону лесного лагеря. Потом я увидел перед собой солдата, собирающего вещи. "Эй, ты, подожди минутку!" "Я закричал. Он остановился, и я узнал Лорейн по имени Бек, также из моей компании MG. "Куда ты идешь?" "Я спросил. "Сержанту роты", - сказал он. "Клерк велел мне доложить ему. Когда мы пришли к каземату сержанта, уже было несколько эльзатийцев, прыгающих с одной ноги на другую, с несколькими руками, чтобы разогреть их. Он вышел

со мной, показал нам пустую хижину без окон и дверей и велел ждать там весь день. Теперь мы украли измельченную древесину из жилых землянок, чтобы развести костер в нашей открытой землянке, которая была сильно замерзла внутри. Мы сидели у костра, где люди проклинали, проклинали и обменивались разного рода мнениями. Я сказал: "Послушайте, мы были с 44-м полком дольше всех". Я думаю, что нас переводят... И моя догадка стала правдой.

Снаружи охранники праздновали Новый год. Мы оба пожелали друг другу счастливого нового года. "Но вот почему, - сказал я клерку, - ты не должен был меня будить". "Я устроился на эту работу не поэтому", - ответил он. "Я приношу вам приказ сержанта роты". Ты должен собрать свои вещи и доложить ему в лесном лагере. Я был очень удивлен, потому что понятия не имел, почему. Даже клерк не мог или не хотел давать мне никакой информации. Так что я собрал свои вещи и наткнулся на замерзший, хрустящий снег в сторону лесного лагеря. Потом я увидел перед собой солдата, собирающего вещи. "Эй, ты, подожди минутку! "Я закричал. . "Куда ты идешь?" "Я спросил. "Сержанту роты", - сказал он. "Клерк велел мне доложить ему. Когда мы пришли к каземату сержанта, уже было несколько эльзатийцев, прыгающих с одной ноги на другую, с несколькими руками, чтобы разогреть их. Он вышел со мной, показал нам пустую хижину без окон и дверей и велел ждать там весь день. Теперь мы украли измельченную древесину из жилых землянок, чтобы развести костер в нашей открытой землянке, которая была сильно замерзла внутри. Мы сидели у костра, где люди

проклинали, проклинали и обменивались разного рода мнениями. Я сказал: "Послушайте, мы были с 44-м полком дольше всех". Я думаю, что нас переводят... И моя догадка стала правдой.

Со 2 -01- по 14 -02- 1917 года северные русские

Штаб 260-го полка Резервного пехотного полка был расквартирован в усадьбе. Нас туда привели и распределили между отдельными компаниями. Я попросил, чтобы меня назначили в компанию "MG". После телефонного звонка мне сообщили, что в MG-Companу 260 нет свободных мест. Так что меня назначили в 9-ю роту примерно с 12-ю мужчинами. Несмотря на то, что ночь наступила, нас привели к сержанту роты 9-й роты, который разместил офис роты в красивом приюте в лесу. Он был дружелюбным человеком, и мы были очень довольны приемом. Он сразу же спросил нас, не хотим ли мы что-нибудь поесть, и побежал, чтобы дать нам хлеба и мясных консервов. Нам пришлось провести ночь в пустом приюте, где все было заморожено и белоснежно. Несмотря на то, что мы зажгли огонь, мы долго не могли согреться. Секция, занятая 260-м полком, казалась довольно опасной, потому что всю ночь можно было слышать звук ревящих взрывов мин и снарядов.

Когда мы уже спали на следующую ночь, меня разбудил секретарь компании. Клерк шел со мной около 20 минут, через лес. На краю леса мы пришли в окоп. Клерк сказал мне продолжать идти по этой траншее, а потом я вступлю в 9-ю роту. Я топчусь. Ночь была горько холодной. Замороженный снег

громко хрустел с каждым шагом. Мне было немного страшно, так одиноко ночью в этой неизвестной канаве. Иногда я останавливался и слушал. Я не мог уйти далеко от своей позиции, стук охранников звучал рядом. Внезапно на несколько секунд раздался жужжащий шум, вспышка молнии, шум; недалеко от меня попал большой снаряд, и блеснувший на меня снег просочился вниз, и над мной пролетели какие-то комки земли. Невольно я начал бежать, чтобы сбежать из опасного места. Внезапно беговая траншея разделилась на 3 канавы. Одна из них вела половину правой, другая - прямой, а третья половина - левой на фронт: "Какая из них права?" Я подумал: "Наконец, после нескольких сотен шагов, я добрался до переднего столба". Я спросил на первом же посту, с какой компанией я познакомился. "Четвертый", - ответил он. Это был Силезский полк, который занимал эту часть фронта. Я ошибся. "Ну, а где полк 260?" Они справа от нас в конце очереди", - ответил он. Я поблагодарил его и отправился на их поиски по переднему канаву. Почти все часовые делали движения, чтобы согреться. Все они вытащили головной убор из-под носа на подбородок и нос к глазам, оставив лишь щель шириной с палец, чтобы видеть сквозь нее.

Наконец, после долгих расспросов, я нашел уют сержанта Блау. Сержант спросил меня, как долго я был солдатом, каким земляком и так далее. Спустя некоторое время пришло время снова сменить должность. -Переключение! "Сержант, дежурящий в траншее, кричал на сержанта." Ришерт, ты можешь продолжать через минуту, - сказал мне Унтерофицер

Блау. Я взял винтовку раненого капрала. Сержант пошёл со мной и провёл меня на пост. Теперь я стоял совсем один в чужом положении. Перед собой в темноте я видел полузаснеженные проволочные заграждения. Дальнейший вид был потерян ночью, снегом и туманом. Постепенно я начал замерзать, ибо ночь была горько холодной. Я спустился с поста охраны, перепрыгнул с одной ноги на другую и ударил меня руками. Потом я снова забрался наверх. В какой-то момент я услышал вон тот звук. Я знал звук, это был звук шахты. Не зная, куда он упадет, я прыгнул в окоп и внимательно слушал. Внезапно я услышал прямо на себя, сначала мягко, а потом громко: Ч-ч-ч-ч. Это была шахта, которая шипела и перерезала воздух в арке. Кровь чуть не замерзла в моих венах. У меня было достаточно времени, чтобы броситься в канаву, когда с ужасным шумом шахта взорвалась едва на 2 метра позади меня, на крышке. Дым, снег, комки земли и осколки летали вокруг. На мне лежала по крайней мере одна тачка земли. Мне не разрешили покинуть свой пост. Потом прибежал капрал Блау, который слышал, что мина, должно быть, ударила рядом со мной. "Ты ранен?" он закричал.

Когда я сказал нет, он сказал: "Когда услышите выстрел, немедленно идите в окоп!" - "Какой окоп?" Я спросил. Затем он показал мне отверстие рядом со сторожевым постом, построенным от дна рва до фасада, который был покрыт деревом и мог легко удержать человека. Бум, еще одно убийство. Сержант заполз в окоп. Так как у меня больше не было места, я снова легла на дно траншеи. Потом подошла шахта, на этот раз она пролетела чуть дальше над нами.

Подошли еще несколько мин, но ни одна из них не подошла так близко. Наконец-то я совсем не стоял и просто остался в окопе. Наконец-то облегчение пришло. Мы должны были расслабляться каждый час, из-за горького холода. Я пошел в сруб, который был зажжен свечой, и снял свои сапоги, которые были заморожены, чтобы немного согреть ноги у плиты. Головной убор, который я натянул на рот и нос снаружи, был настолько замерз перед моим ртом, что образовался почти трещиноватый кусок льда и мороза. Когда я немного согрелся, я ложился на проволочную кровать, чтобы поспать. Как быстро прошли 2 часа, прежде чем снова наступила моя очередь! Как только я подумал, что заснул, я снова почувствовал облегчение. Мне приходилось стоять на страже 6 раз каждую ночь. Конечно, другие солдаты были не лучше. Ночи казались бесконечными.

Иногда, когда я стоял один в холодную ночь, я думал, за что или за кого я стою здесь. В нашем эльзасском народе не было никаких следов патриотизма или чего-то подобного, и иногда страшная ярость захватывала меня, когда я думал о комфортной жизни настоящих зачинателей этой войны. Я тайно злился на всех офицеров, начиная с лейтенанта вверх, которые все жили лучше, имели лучшие пайки и, кроме того, получали хорошую зарплату, в то время как бедный солдат должен был пройти через страдания войны "за отечество, а не за деньги, ура, ура, ура", как гласит одна солдатская песня. Бедные солдаты не имели собственного мнения по этому вопросу. Им вообще нечего было сказать, только слепо повиноваться.

Однажды мы были настолько покрыты минами, что не знали, где спрятаться. Так что мы все побежали в бетонный медицинский приют. Слева и справа от него ударили огромные крылатые мины. Укрепление было заполнено солдатами, как селедкой. Внезапно над нашими головами раздался страшный рев, прямо на крыше укрытия взорвалась мина. Повсюду, где крышка, сделанная из железобетона, опиралась на стены, появлялись трещины. Из-за сильнейшего шока крышка освободилась. Страшно, что мы посмотрели друг на друга. Это было похоже на взрыв, что мы почти все упали на землю. У нас есть еще одно прямое попадание в убежище. На этот раз вся цементная оболочка соскользнула примерно на ширину руки в сторону. Тогда я сказал своему товарищу Карлу Гертеру, с которым я уже был хорошим другом: "Карл, я здесь не останусь! - "Куда ты идешь?" спросил он. "Мы будем ждать следующего удара. Если хочешь, можешь пойти с нами. Когда взорвалась следующая мина, мы оба забрались в бункер, пересекли позицию и побежали к канаве, ведущей к забору. Мы пошли туда. Теперь мы были в полной безопасности, потому что все мины были над нами. Мы могли бы красиво смотреть на них, когда они слушают нас в высокой арке. Теперь немецкая артиллерия начала отвечать. Бам-бам-бам-бам, обстрел позади нас в лесу. Громко шипнув, они бросились на нас, чтобы попасть на русскую позицию. Через зеркало канавы, которое находилось в отверстии для прослушивания, мы наблюдали за ударом вон там. Это было очень захватывающее, интересное зрелище, так что мы оба забыли про холод. Российская артиллерия, наверное,

хотела показать, что у них тоже есть боеприпасы, прислала много снарядов, смешанных с шрапнелью. Повсюду гром и рык, из-за которых человек теряет зрение и слух. К вечеру огонь утих.

Мы вернулись на позицию. Местами траншея была почти ровной. Мы подождали, пока стемнеет, затем траншею снова сделали проходимой и в какой-то степени отремонтировали. Несколько убежищ были расстреляны вместе, но только одно из них было занято шестью солдатами, четверо из которых были убиты, а двое других серьезно ранены. Это была грустная и тяжелая работа - вытащить двух тяжело раненых и четырех трупов во тьме ночи под замерзшую землю и разбитые стволы пихты. Русские становились все смелее и смелее на этой части фронта. Там, где только дым поднимался из укрытия, они стреляли из мин и гранат. С тех пор нам разрешили нагреваться углем только в течение дня. Их сожгли в больших лесах за фронтом и вывезли на фронт по легкой железной дороге. Каждые два дня каждая группа получала большой мешок угля. Однажды утром капрал Блау послал меня за углем. Мешки лежали в куче в устье Лауфграбена в положении. Многие мешки уже были унесены. Я как раз собирался поднять мешок над спиной, когда над нами ворвалась шрапнель и лопнула. Весь груз попал в стену траншеи едва в трех футах перед нами. В тот же момент я почувствовал сильное жжение в спине. Мы все перепрыгнули с ног на голову в старое убежище неподалеку. Там я спросил солдата, не видит ли он ничего от моей юбки на спине. Он обнаружил дырку размером с горошину. Я сказал, что получил

маленькую занозу, но почувствовал, что это совсем не плохо. Заноза пробила кусок кожи, который удерживает подтяжки на спине, что значительно ослабило ее проникающую силу. Заноза, которая была не совсем размером с горошину, находилась только под кожей и была выжата солдатом ногтями. Я был рад, когда "операция" была закончена, потому что я начал чувствовать невероятный холод на голой спине. Я взял сумку. Я не осмелился носить его на спине, потому что верхний край толстого мешка дотянулся бы до края рва, и шрапнель снова взлетела бы вверх.

Рационы становились все хуже и хуже. Очень часто, когда вы приходили в приют полузамерзшим от того, что стояли на посту так рано утром с сильным голодом, не было ни куска хлеба, ни тем более ничего, в чем можно было бы перекусить.

Государственный переворот против позиции России в январе 1917 года.

Однажды пришел приказ: "Завтра вечером, после тяжелой артиллерийской подготовки, 9-я рота должна атаковать, проникнуть на российские позиции и привести пленных, чтобы определить, какие войска стоят перед нами". Если возможно, уничтожьте русские минометы!" Когда я услышал это, мое сердце чуть не упало в обморок, потому что я был в 9-ой роте". Я подумал, как ужасно, должно быть, лежать между позициями в этом холоде, тяжело раненый и беспомощный, медленно замерзающий до смерти. На что бы это было похоже, если бы я был в MG-компании! Тогда бы мне не пришлось участвовать в

этой атаке! На следующую ночь нам пришлось прорезать три наши проволочные переплетения кусачками, чтобы быстро продвинуться в атаке. К счастью, нас не заметили русские во время этой работы. Медленно на следующий день проползли. Мы все были очень подавлены, потому что никто не знал, что с ним случится во время нападения.

Во второй половине дня немецкая артиллерия и минометы начали страшно стрелять по российским позициям. Вскоре в российских проволочных заграждениях появились большие пробелы. Артиллерийский огонь снова прекратился. К вечеру мы должны были подготовиться. Каждый из нас должен был повесить на загон три ручных гранаты и посадить винтовки. Мы стояли в канаве, наши сердца бились от волнения и ждали. В тот момент все было тихо. Внезапно начался сильный немецкий артиллерийский огонь. "Вперёд!" плакали командиры рот и взводов. Мы все вылезли в ров, пробежали через проволочный коридор так быстро, как только позволял высокий морозный снег, к российским позициям. По мере приближения к окопу немецкая артиллерия на нашем штурмовом посту вела огонь дальше назад, а слева и справа снаряды прорывались внутрь и вокруг передовой позиции русских, чтобы не дать русским открыть огонь по нашему флангу. Прибыв в русский окоп, в него бросили несколько ручных гранат, а затем прыгнули. Те немногие русские, которые заняли окоп, были совершенно удивлены. Некоторые сопротивлялись. Двое наших людей были застрелены и трое ранены. Русские были раздавлены. Бедные дьяволы застали меня врасплох.

Остальные, около 30 человек, сдались. Как бедняки боялись! Мы позволили им собрать свои вещи в землянках, чтобы взять их в плен. По обе стороны от точки взлома стояло несколько солдат с ручными гранатами, готовых перекинуть их через плечи на случай, если русские захотят напасть на нас в канаве. Но нападения не было. У меня было только желание вернуться на наше место. Долгое время она стала темнеть. Немецкая артиллерия снова начала вести усиленный огонь. Это был знак, что мы должны вернуться под прикрытием артиллерийского огня. Российская артиллерия, в свою очередь, стала занимать немецкие позиции под обстрелом, так что возвращение назад казалось опасным. Они указали русским, что будут готовы к отступлению. Мы все вылезли на русскую гробницу, взяли пленных посередине и ушли. Нас видели русские. Прозвучало несколько выстрелов. Одному человеку выстрелили в руку, одному из русских выстрелили в ногу. Но их всех оттащили вместе с тремя ранеными на русской позиции. Когда мы приехали в свой окоп, все старались как можно быстрее укрыться в укрытии, потому что российская артиллерия еще посылала гранаты. Когда пожар прекратился, компания должна была выстроиться в траншею. Пропало 8 человек. Двое упали в русский окоп, трое были там и один был ранен на обратном пути, восемь - шесть. Никто не знал, куда делись остальные двое. Когда на следующее утро стало светло, мы увидели мертвого, лежащего на снегу между позициями. Не было никаких следов последнего.

38 градусный холод января 1917 года

На следующую ночь наш батальон был освобожден. Мы прошли около 8 км назад и были размещены в больших укрытиях. Теперь началась простуда, которой я никогда раньше не испытывал. Термометр упал до 38 градусов ниже нуля. Утренний восход был самым холодным. Было так холодно, что воздух мерцал. Маленький ручей, глубиной около 1 м, с сильно протекающей водой был заморожен до дна, так что мы были вынуждены таять куски снега и льда в посуде для приготовления пищи на плите, если нам нужно было приготовить кофе или иметь воду для других целей. Хлеб и другая еда, принесенная на санях, была твердой, как камень.

Если бы человек не надел головной убор на нос, кончик носа в течение пяти минут был бы бело-желтого цвета, и вся кровь ушла бы. Нос полностью онемел. Потом пришел приказ, чтобы один человек наблюдал за другим. Каждому из них также выдавали коробку с мазью для замораживания, чтобы можно было немедленно размазать и перевязать замороженные участки. "Чувак, у тебя белый нос!" - это то, что один часто слышал, как один говорил другому. Затем нос сразу же смазали мазью от мороза и перевязали. Самый быстрый способ заморозить нос, уши, кожу на скулах, кончиках пальцев, пальцах ног и пятках.

После нескольких дней отдыха нам приходилось каждый день идти вперед, чтобы выстроить свои позиции. Это было не так просто в этот горький холод. Почти всегда приходилось переносить цементные плиты через траншеи на место, которое

использовалось для строительства укрытий. По дороге домой мы надели белые пальто с капюшонами на форму, чтобы сделать себя невидимым для русских.

Назад на позицию - конец января 1917 г.

Когда период отдыха закончился, он вернулся на свои места. На этот раз мы приехали примерно на 1 км дальше на север. В этот момент русский окоп находился едва в 50 метрах от нашего. То, что никому из нас не разрешалось показывать головы, было делом само собой разумеющимся. Ночью половина экипажей должна была быть на страже, чтобы быть готовой к атаке. Так что все должны были стоять на улице по 8 часов каждую ночь в этот горький мороз. Было холодно! Редко кто-нибудь стоял на месте в течение нескольких минут. Вокруг всегда было топтание и зацепление. Когда вы почувствовали облегчение и что-то в приюте разогрелось, прошло от получаса до трех четвертей часа. Затем один ложится на жесткую проволочную кровать до конца часа. Не раньше, чем ты заснул, тебе нужно было снова выйти. Строго запрещалось отстегиваться ночью или снимать ботинки. Так что можно было лежать только на спине и иметь набитые патрульные карманы на животе. Винтовки были повешены на кровати, так что в случае тревоги они сразу же оказались под рукой. Сигнал тревоги подавался как минимум дважды в неделю, так как офицеры могли видеть, сколько времени занимает занятие траншеи.

Однажды утром меня отправили на хлебный прием. Я перекинул через плечо ткань для палатки, положил руки в карманы пальто и пошел к стойке регистрации,

которая находилась примерно в 300 метрах от меня. Я взял в палатку столько буханок хлеба, сколько смог унести. Потом я увидел, что оставил обувь для рук в приюте. Голыми руками я взял углы палатки вместе, раскачал хлебом на спине и побежал так быстро, как только мог, к приюту. Боже мой, как мои пальцы начали замерзать! Я едва мог держать ткань для палатки. Я наконец-то приехал. Несколько кончиков пальцев уже были заморожены и бело-желтого цвета. Сразу же, мои руки были размазаны мазью для замораживания и перевязаны. Пальцы почти не чувствовали боли, но руки и особенно грудь так болят, что я скатываюсь на проволочную кровать. Примерно через четверть часа боль снова почти полностью исчезла. Я снял повязку с рук и увидел, что кровь вернулась на кончики пальцев.

В начале февраля 1917 года нас снова сместили и разместили в деревне Кекели. Кекели состоял из нескольких разбросанных деревянных домиков, покрытых соломой. Теперь мы можем спать по ночам. Каждый день нам приходилось работать за пределами деревни на заснеженном посту. Примерно через неделю мы вернулись на фронт. Мы вернулись в прежнее положение. Потом пришел приказ сделать переворот против русского положения. Волонтеры получили Железный крест после того, как был осуществлен переворот. К моему великому удивлению, 12 человек вызвались добровольцами. На следующий день, на рассвете, двенадцать человек вышли по команде и в нескольких прыжках оказались на русской позиции. Все произошло так быстро, что со стороны русских не было сделано ни одного выстрела.

Было сделано несколько выстрелов. Примерно через 2 минуты наши пулеметы начали дребезжать и переместились влево и вправо от точки взлома чуть выше российской позиции. Теперь наши солдаты вылезли из русского окопа и побежали обратно на наши позиции так быстро, как только могли. Осталось только одиннадцать. Никто не знал, где упал двенадцатый. Мы предположили, что он сознательно остался там, чтобы попасть в плен. Нападавшие, как они сказали, сбили только одного русского. Они принесли его бумажник и порванные подмышки.

Положение, в котором мы находились, было слишком близко к врагу и слишком опасно. Поэтому нас следует забрать обратно на длину 1 км около 300 м, где уже было развито красивое место с укрытиями. В последнюю ночь, которую мы провели на фронте, нам пришлось нести на фронт ящики со взрывчаткой. Пионеры распределили эти ящики по укрытиям, соединили их проволокой, а затем входы и окна в укрытия были закрыты заполненными мешками с песком. Утром на рассвете мы покинули переднюю позицию и переместились на вновь построенное положение дальше назад. В полдень на точке должна быть проведена взрывная работа. Мы все с нетерпением ждали. Внезапно раздался взрыв, который заставил землю содрогнуться. Впереди поднялись более 100 черных облаков дыма, над ними со всех сторон пролетели комки земли, разорванные в клочья и целые стволы пихты, которые с грохотом обрушились вниз. Через окоп был немедленно отправлен патруль из 8 человек, чтобы проверить, все ли укрытия были уничтожены. Они наткнулись на

русский патруль из 6 человек, который тут же сдался и был привезен нашими людьми.

Теперь жизнь шла как обычно: стоять на посту, плохая еда и мучить вшей. В конце марта 1917 года мы были освобождены от своих обязанностей, только для того, чтобы вернуться к отдыху на несколько дней. Погода была немного мягче, но все равно было много снега. Теперь нам пришлось бурить в снегу. Как руководитель группы у меня был капрал Шнайдер, который, несмотря на то, что ему было 29 лет, уже был доктором химии, но ему совсем не нравилась военная жизнь. Командир нашего батальона, очень строгий человек, ездил по батальону и наблюдал за передвижением групп. Когда он остановился у нас, Унтерофицер Шнайдер отдал несколько неправильных приказов. Как будто он совершил величайшее преступление, командир батальона закричал на него: "Как так получилось, что такой скот, как ты, был повышен в звании до капрала? Твоё место в рекрутинговом депо, чтобы учиться сервису с нуля! Ты, капрал, - сказал он мне, - немедленно возьми командование на себя! Поскольку у меня был сильный голос и я знал команды за 4 года службы в армии, было легко руководить группой. Командир батальона, который наблюдал, поднялся и сказал: "Хорошо, капрал". Сколько ты уже солдат? С октября 1913 года! "Я ответил. "Как давно ты в поле? "С тех пор, как началась война, с интервалом около четырех-пяти месяцев. "Тогда почему вы еще не сержанты? "Я эльзасец. Я менял полки четыре раза. "Тогда командир батальона уехал и позвонил командиру нашей роты, лейтенанту Керрлу, который был

хорошим старшим офицером и очень меня любил". Я видел, что они оба часто смотрели на меня и говорили обо мне. Когда мы только закончили учения, санитар полка передал послание нашему командиру Батальона. Прочитав его, он закричал: "Весь батальон подойдите сюда! - Все бегало и стояло в кругу вокруг командира батальона. "Солдаты", - начал он, - война на этом фронте так нужна. В России произошла революция. Царь был свергнут. К революционерам присоединился петербургский гарнизон, насчитывающий 30 000 человек. "Это была Февральская революция 23 февраля 1917 года, за которой последовало отречение от престола царя Николая II 17 марта 1917 года.

Мы все слушали с открытыми ртами, а потом могли пойти к себе в каюту. Все возможные и невозможные догадки были обменены. Одни боялись, что придется снести грязные пути легкой железной дороги, другие говорили: "Сейчас мы едем в Петербург и Москву". Почти все они были счастливы, что скоро кончится окопная жизнь, но я сам не совсем был в этом убежден, но больше ничего не сказал. На фронте отдельные выстрелы из пушек звучали точно так же, как и раньше. Так что с революцией все было не так уж плохо. Через несколько дней стали известны реальные факты. Действительно, царь был свергнут, но только потому, что хотел заключить мир. Война, однако, по приказу тогдашнего диктатора Керенского вошла в состав Временного исполнительного комитета Совета рабочих депутатов. Июль 1917 года до Октябрьской революции российского премьер-

министра. Это звучало очень, очень по-другому, чем в первом докладе.

В начале апреля 1917 года наш полк был полностью отделен. Мы вернулись и провели два дня взаперти в маленьком городке Шаббат, который был полностью заселен евреями. Здесь я снова увидел первых гражданских лиц со времени моего отпуска в октябре 1916 года. Не было никакой еды на продажу, но были и другие вещи. А в чайных комнатах еще оставался хороший чай, подслащенный сахарином вместо сахара. Затем мы вышли на железнодорожную станцию Абели. Там мы были заряжены. Никто не знал, куда ехать. Мы вернулись через Радвилешикис, Рокишкис через Шяуляй в Юншке. Там мы влюбились в поезд и проспали 3 дня; там мы спали на полу комнат. Мне удалось купить 12 яиц и 1 фунт бекона на скрытых дорожках. Это опять дало нам два разумных блюда. Когда эти 3 дня закончились, мы вернулись на поезде в Шяуляй. Меня должны были повысить до сержанта с другим капралом. Когда мы приехали в Шяуляй, там было написано: "Все эльзасские лотаринцы слезли!" Я сразу догадался, почему. Мы должны были выстроиться в линию на платформе. Командир роты пришел ко мне, вручил письмо будущему командиру роты. Это было рекомендательное письмо, касающееся меня и остальных эльзатийцев в 9-й компании. Я поблагодарил его, а командир роты попрощался с нами. Мы не смогли попрощаться с нашими товарищами, потому что им не разрешили выйти. Когда мы вышли, мы в последний раз помахали рукой на прощание. Полк или, точнее, дивизию перевезли во

французский театр войны, а нам, эльзатийцам, не разрешили поехать с ними. Мы жили в Шяуляй на бывшей кожевенной фабрике 2 дня. Нас было около 1200 человек. Опять та же ругань, что и когда нас перевели из 44-го полка в полк.

Я был очень удивлен тем, что на самом деле было в рекомендательном письме от моего бывшего командира роты. В конверте было написано только "Командиру роты". Я подумал: я мог бы доставить письмо в чистом конверте. Так что я просто порвал его и прочитал. Это письмо было чистой похвалой для меня, затем для солдата Бегуна Гарри, который приехал из Руфаха, и для других солдат 9-й роты. Я был рад, что нас так хорошо уважал командир нашей роты, и я поделился содержанием письма только со своим товарищем Бегуном Гарри. На следующий день я поехал в город с Раннером, чтобы посмотреть, можно ли купить что-нибудь съедобное. К сожалению, мы не нашли ничего, кроме чая в чайных. Нас поразило, что многие солдаты пошли в отдаленный переулок, тоже оттуда. Полагая, что там что-то продавалось, мы оба туда ходили. Мы вошли в дом, куда он заходил и выходил, как улей. ля, там действительно было что купить, но что! Мы попали в общественный дом, где около 8 проституток совершали свои злодеяния. В каждой двери была очередь солдат, один за другим они входили. Мы оба повернули назад, потому что стыдились своих соотечественников. Все солдаты были эльзатами. На следующий день мы снова поехали по легкой железной дороге на фронт, примерно в 60 км к северу. Недалеко от Екабпилс, мы влюбились в поезд и были

разделены между разными полками. Сержант вывел нас на фронт. У нас было около 15 км до марша. Сержант также много слышал и был рад, когда смог передать нас штабу полка. Нас немедленно направили в батальоны и отвели туда. Мы должны были выстроиться в линию. Затем с приветственной речью выступил майор Зиллмер, мужчина около 65 лет. До сих пор в полку не было эльзасцев, так что майор знал их только в лицо. И после всего, что он сказал, он, кажется, очень мало слышал о эльзасско-лотарингском народе. Сначала он прошел перед нами и посмотрел на шапку каждого из них. "Не так уж и плохо. "Я думал, что есть несколько солдат второго сорта. "Это была первая фраза, которую он произнес. "Тяжелым преступникам не разрешается носить кокарды". Потом он продолжил: "Что я вижу? Некоторые из вас даже носят Железный крест", - так удивился он, как будто обнаружил что-то совершенно невозможное. "Что я хотел сделать, так это сбить старого негодяя". Он это заслужил!

Теперь нас назначили в компании. Я вступил в 5-ю компанию, несмотря на то, что я попросил о вступлении в компанию "МГ". Сержант роты, которого я сначала не мог выносить, принял нас подобным образом.

На позиции с полком 332

На следующий день мне пришлось выйти на передовую позицию с несколькими товарищами. Путь вел в основном через болотистую местность. Через болото были построены длинные мосты из еловых стволов, чтобы можно было проехать. Наконец-то мы

прибыли на позицию. Здесь она состояла не из траншеи, вкопанной в землю, а из поднятой земляной стены. Копать на глубину было невозможно, потому что в болотистой местности траншея была бы сразу же наполнена водой. Убежища, построенные на вершине земли, также были построены слабо и не обеспечивали достаточного укрытия во время артиллерийского обстрела. Позиция, казалось, была очень тихой, и, как мне сказали солдаты, лишь изредка приходили осколки.

Мы должны были представиться командиру роты, лейтенанту Пельцеру. Лейтенант, у которого был хриплый голос и который выглядел очень засохшим и плохим, посмотрел на нас, как на какой-то отвратительный кусок скота, и приказал сопровождавшему нас сержанту разделить нас на группы. Перед этим я передал рекомендательное письмо от моего бывшего командира роты; лейтенант открыл письмо, прочитал его и просто сказал: "Можете идти! "

Здесь, казалось бы, была строгая дисциплина, потому что, стоя в карауле, надо было смотреть прямо на русских, как сумасшедший, а когда офицер переступал через окоп, надо было стоять спокойно и всегда смотреть вперед и говорить: В этом положении русских вообще нельзя было опасаться, потому что между нами и ними протекала большая река Западная Двина, ширина которой в этот момент составляла около 400 метров. Днем его невозможно было пересечь. Примерно через 10 дней мы освободились и жили в бараках, которые были построены на краю пихтового леса примерно в 3 км за фронтом.

Голод

Внезапно оказалось, что на человека и день приходилось всего 1 фунт хлеба, а не 1 ½, как раньше. В Германии и на завоеванных территориях запас продовольствия был занят, и оказалось, что хлеба не хватит до нового урожая. Поэтому у нас каждый день забирали полфунта. Четыре месяца мы не видели картофеля вообще, и получили еще меньше еды, так как урожай картофеля был очень плохим осенью 1916 года. Постепенно все солдаты настолько проголодались, что уже не могли ничего с собой поделаться.

Рацион состоял из плохого, черного кофе утром и вечером, сваренного из заменителя кофе, без сахара, по 1 фунту хлеба в день, который каждый съедал утром с кофе. Потом было попеременно масло, варенье или ливерная колбаса, серый жир, называемый "обезьяний жир", но всего несколько грамм на душу населения - достаточно, чтобы прокормить молодую кошку, но не молодых, голодных солдат.

Но теперь было три безмясных дня в неделю. Обед состоял из 1 литра тонкого супа, в основном манки или сушеных овощных супов. Полевая кухня переместилась на позицию с едой. Нам принесли суп, запасной поезд, на тележке в ванне. Когда пришло время для прибытия вагона, большинство солдат отправилось на встречу с ним, потому что все хотели быть первыми. Само ведро было почищено ложками. Иногда, когда первые хотели прицепиться к тележке, чтобы добраться туда первыми, водитель вдруг бросался на лошадей и скакал до точки выдачи, так

что те, кто хотел быть первым, были последними. Тем не менее, были еще такие глупые патриоты, которые все еще верили в победу Германии

Теперь, когда наступила весна, в огороде разрушенных домов, в живых изгородях и на обочинах дорог проросло много крапивы. Их ошипывали, как только их можно было поймать, варили в соленой воде, в полдень смешивали с супом и ели. Одуванчики и листья растений, шпинатные сорняки, часто используемые в качестве овощей, также собирали, варили и употребляли в пищу. Однажды мне удалось сбить дикую кошку с ели. Вкусный вкус. Никогда раньше не думал, что опущусь так низко, чтобы съесть кошачье мясо.

Теперь нам приходилось каждый вечер выходить на улицу, строить новые проволочные заграждения и рыть запасные траншеи. На рассвете мы вернулись в казармы. На обратном пути все шли, как он хотел, группами по 2, 3 или 10 человек. Ежик перебежал дорогу перед нами. Около 8 человек прыгнули в канаву, чтобы поймать ежика. Поэтому солдаты толкались в канаве, никто не хотел пропустить добычу, и все же никто не мог ее поймать. Я также прыгнул в канаву и увидел ежика, который естественным образом свернулся, лежал между ног толкающих солдат. Я быстро вытащил ежика, снял с его головы шапку и закатил его ногой. Ежик был моим! Я поджарила половину, а вторую половину приготовила как суп. Это был настоящий праздник для меня. Однажды утром, когда мы вернулись домой с работы, я увидел около 100 лягушек, нерестящихся в луже воды. Я поехал туда с товарищем, Гартнером

из Страсбурга, чтобы поймать их. Мы их немедленно почистили. Пруссаков, которые смотрели, чуть не вырвало от отвращения, потому что в Пруссии не едят лягушек. Теперь мы оба начали жарить их на сковороде в духовке. За день до этого садовник получил из дома полфунта масла, а лягушачьи лапки, поджаренные в масле, распространяли очень приятный запах. Один за другим подходили пруссаки, соблазнившись чудесным запахом, и тоскливо смотрели в кастрюлю. "Те, кому больше всего нравилось мыть лягушек, теперь съели всю сковородку пустой. Но мы оба просто сказали, что они должны поймать и приготовить их сами. С тех пор ни одна лягушка не была в безопасности во всем районе. Wir hofften, daß die Verpflegung wieder etwas besser werden würde. Leider hatten wir uns getäuscht. Es war wirklich fast nicht mehr zum Aushalten. Nie, nicht ein einziges Mal konnte man sich satt essen und dabei waren die Lebensmittel noch meist minderwertiger Ersatz Eines Tages ging ich mit mehreren Soldaten zum Kompagnieführer und beschwerten uns wegen der allzu knappen Verpflegung. In seinem unverfälschtem Берлин Deutsch sagte er einfach: „Kocht Spinat, ich ab auch nischt!“ Was wollten wir nun machen? Nichts! Die Soldaten nannten nämlich die gekochten Brennesseln und sonstiges Grünzeug einfach Spinst (auf Elsässisch: Benatsch).

Однажды была переключка батальонов. Мы все должны были выстроиться в линию. Потом подошел командир полка. Конечно, о лихом парадном шествии не было и речи, потому что, во-первых, парадный марш не практиковался, а во-вторых, не хватало сил

выкинуть хромые ноги. После этого весь батальон должен был полукругом выстроиться вокруг командира полка. "Товарищи!" он начал. "Мы умираем с голоду, это факт!" "Да, мы голодаем, - продолжил он, - но Англия тоже голодает, наши подводные лодки делают это, редко кораблю удастся добраться до Англии, не будучи потопленным". Франция также истощена и страдает от недостатка пищи! "(За два дня до этого я получил письмо из дома, в котором сестра сказала мне, что еды в избытке, и нет никаких следов нужды!) "Это похоже на матч по борьбе, - продолжил он, - в котором соперник боролся дотла, но все еще держит одно плечо. Это плечо еще не опущено, так что мы должны продержаться. Потому что мы хотим, должны и победим! ". Несколько патристических солдат, естественно, поверили командиру полка. Когда они говорили об Англии и Франции, которые скоро умрут с голоду, я протянул руку к бумажнику и отдал им письмо моей сестры для прочтения. "Чёрт возьми! Некоторые говорили. "Если это так, то в конце концов мы все-таки пойдем не так! "В мае 1917 года наш полк вернулся. Нас отвезли на юг по легкой железной дороге примерно в 150 км. В небольшом городке Ново-Александровск мы вышли из поезда и пошли по очень хорошей, широкой дороге на фронт у Смелинс, которая состояла из нескольких хижин и церкви, башня которой была снесена. Солдаты тоже выглядели несчастными и истощенными; это показало нам, что и здесь царил голод.

Моя компания была в маленьком лесу, который лежал на разворотной полосе между двумя озерами,

справа от Меддумзее, слева от Илсензее. Российская позиция была примерно в 150 метрах впереди нас. Однажды ночью, когда я стоял на страже, русский пулемет начал атаковать нашу позицию. Слева и справа от моей головы попали пули, так что земля выплеснулась мне в лицо. Как молния, я был в надежном укрытии, и той ночью я не осмеливался осматривать укрытие. Позиция здесь была очень сильно развита. Вся линия траншеи проходила по коридору на глубине 5 м, который через каждые 15 м соединялся с траншеей входами, оборудованными лестницами. В целом положение не было очень опасным. Каждый день гранаты и шрапнель летят снова и снова. Но они причинили небольшой ущерб. Меня опять сделали командиром отряда, так что мне не нужно было стоять на страже. Только каждую ночь у меня был час на раскопки, чтобы пересмотреть посты. Несколько раз в особо знойные ночи я встречал охранников, которые падали в обморок от слабости и валялись в канаве рядом с постом охраны. Полностью измотанные солдаты провели 14 дней - 3 недели в доме отдыха, расположенном где-то за фронтом, чтобы восстановить силы. Я еще раз попытался попасть в роту MG моего батальона, пошел к командиру роты MG и рассказал ему о своей просьбе. Командир роты, барон фон Рейсвиц, был очень дружелюбен ко мне и сказал, что хочет попросить меня об этом в моей роте. Я вернулся в свою компанию. Через 2 дня поступил заказ на "Батайнлоны": "Рядовой Ришерт из 5-й роты передан 2-й роте "MG" пехотного полка 332! "Я был очень рад попрощаться со своими товарищами и

присоединиться к моей компании". Сержант оказал мне дружеский прием и спросил, не могу ли я воспользоваться телефонной связью. Хотя я не имел большого отношения к телефону, я согласился и стал телефонным оператором... Телефонное убежище было расположено на склоне холма, недалеко от воды озера Ильза, которое сделало здесь большой изгиб и было покрыто куском леса против русских... Мы были тремя телефонными операторами, каждый из нас ежедневно обслуживался по 8 часов, что, конечно же, было очень легко. Один из них сидел в будке и ждал, пока зазвонит телефон, а затем отдавал приказы по телефону. Армейский рапорт также ежедневно поступал из Великого штаба. Это нужно было записать и повесить в коробке на елку, чтобы солдаты могли "съесть их наполнение" преувеличенных победных посланий. Жизнь здесь была очень приятной. Если бы только у желудка было больше работы, было бы очень жаль, если бы пайки были. Слишком мало, чтобы жить, слишком много, чтобы умирать! Однажды я получил 1 фунт хлеба от семьи Гоше! Прислал мне из Рейнланда. Посылка должна была быть где-то оставлена, потому что она была в пути в течение 14 дней. Мать Gauche! наверное упаковала хлеб в теплом состоянии, потому что когда я открыла упаковку, то внутри и снаружи ничего не было видно, кроме зеленой плесени. Невозможно было есть один и тот же хлеб, когда он сухой, я не мог его выбросить. Поэтому я попытался приготовить суп, положить воду в посуду, добавить немного соли и порезать хлеб. Приготовление пищи вызвало появление плесени; я снял ее. Потом я съел суп. Мне

было почти невозможно наслаждаться этим. Но с презрением к смерти я проглотил его. Прямо на краю озера раскинулось большое - теперь естественно заросшее - поле. В некоторых местах было несколько ржаных ушей, которые были спелыми. Карманным ножом я отрезал мешок хлеба, полный ржи, вытер зерна, сдул плевел, взял круглый камень и раздавил зерна на каменной тарелке. Я снова сделала из него суп. Конечно, я ел суп получше. В течение восьми дней я делал это так, пока в этом районе больше не было ржи. Я часто искал малину, чтобы получить что-то в желудке. Прямо за навесом был круглый холм с множеством малиновых кустов. Передняя сторона холма была открыта для русских, поэтому поначалу я собирал только за холмом. В своем рвении я обошел холм, не заметив, что я больше не под прикрытием. Внезапно граната срикошетила и попала на холм примерно в 3 метрах слева от меня. Русские видели меня в белой рубашке. Я, конечно, очень испугался внезапного удара и побежал вокруг холма так быстро, как только мог, чтобы укрыться. Когда я побежал, ноги зацепились за шипы, так что почти вся малина выпала из кухонной утвари. С почти пустой кухонной утварью я вернулся в приют.

На озере рядом с навесом находилась небольшая баржа с 2 веслами. Я и другой телефонист, который был не на дежурстве, вышли на озеро ловить рыбу ручными гранатами, что было строго запрещено. Иногда нам удавалось поймать несколько красивых рыб. Мы взяли ручную гранату, зажгли ее и бросили примерно в 3 метра от лодки в воду. Взрыв был слышен только как скучный звук. Но вода была

приведена в движение таким образом, что баржа начала качаться. Рыбы, находившиеся поблизости, были частично убиты и частично только оглушены. Поскольку мы были очень неуклюжи в гребле, то иногда нам требовалось много времени, чтобы доставить баржу к рыбам, так что ошеломленные рыбы часто приходили и исчезали. Однажды, в своем рвении, мы заехали слишком далеко в озеро, где оно уже не было покрыто лесом, и русские могли видеть его отчетливо. Мы оба были заняты ловлей нескольких оглушенных рыб, когда граната попала в озеро примерно в 30 метрах перед нами. В тот же момент я наклонился далеко за край баржи, в то время как мой товарищ стоял на другой стороне, чтобы сохранить равновесие. Когда граната попала, мой товарищ наклонился, баржа начала качаться, и я чуть не упал головой в озеро. Все схватили весло, и мы постарались как можно быстрее пробраться за лес. Но это произошло не так быстро, так как мы были очень неуклюжи в гребле, и в возбуждении те же самые часто поступали неправильно. Второй снаряд пролетел чуть выше нас и разорвался на 30 метров справа от нас. Больше не беспокоясь, мы вернулись на посадочную площадку. Несколько солдат, которые стояли на берегу, смеялись над нами и говорили. На какое-то время мы потеряли желание ловить рыбу. И они были действительно правы. Недалеко от нашего приюта была старая мусорная яма в кустах, которая больше не нужна. Картофель, должно быть, попал в него весной, потому что там вырос красивый кустарник. Сначала я хотел вытащить его, но подумал, что на нем, наверное, нет картофеля или только

мелкие, так что оставил его там. Я хотел позволить вырвать многолетнее растение, чтобы снова съесть немного картошки. Больше полугода я не видел ни одного картофеля, тем более не ел! Однажды мне пришлось передать сообщение штабу батальона, который жил в фермерском доме за лесом. От края леса до дома несколько раз в течение ночи похищали Шоуни, так что каждую ночь пехотинцы должны были стоять на страже и патрулировать вокруг картофельного поля. Я вернулся и рассказал двум своим одноклассникам: "Сегодня вечером будут картофелины! "Что, что?", они кричали, как будто из одного рта. "Да, конечно!" Я ответил: "Просто дайте мне это сделать." В темноте я подошел к персоналу Эстайона. Охранник уже патрулировал вокруг картофельного поля. Каждый раз, когда часовой на обходе приближался к лесному колесу, я спокойно оставался на коленях за кустами, Зульсазт лишь кустом отделял меня от пути, по которому проезжал часовой. Я отпустил его, а затем, когда он достиг дна, я врезался в картофельное поле на четвереньках и начал выкапывать клубни руками и положил их в мешок с песком, который я принес с собой. Уже несколько раз картофель крали ночью, так что каждую ночь пехота должна была стоять на страже и патрулировать поле. "Сегодня у нас будет картофель!-" "Что, что?" они кричали, как будто из одного рта, ... а, точно! Я ответил. "Я просто буду шуметь." Когда стемнело, я направился в батальонный штаб. Десять человек уже патрулировали поле. Всякий раз, когда часовой приближался к краю леса на своих обходах, я молча вставал на колени за кустами. Наконец, только

куст отделил меня от пути, по которому прошел пост. Я скучала по нему, и когда он достиг дна, я заползла на четвереньках на луг.

Как только опасность прошла, я снова начал копать. Так мало-помалу мой мешок с песком наполнился, и я оценил свою добычу в 25 фунтов, и мне показалось, что охранник почувствовал облегчение, так как я слышал, как два солдата разговаривали друг с другом в нижней части поля. Я воспользовался этой возможностью и заполз обратно в лес, где сбежал. Прибыв в свой приют, я впервые услышал, были ли эти двое телефонистов одни. Я открыл дверь в приют и выбросил мешок внутрь. Как же это было весело! Как будто все выиграла большой приз! Сразу же хорошее количество промыли, очистили и прокипятили в соленой воде. Вода была слита, а картофель измельчен. Теперь они вдвоем хотели сразу же поесть. Но я сказал: "Медленно!" Я пошел к рюкзаку, открыл банку и смешал мясо с картошкой." .Поскольку употребление части железного ящика без разрешения было наказуемо тремя днями лишения свободы, мои товарищи были поражены моей смелостью и сказали: "что если бы его обнаружили?" Успокойся. Завтра я просто позвоню в "Корнпа-Нифельдвებել", что моя железная порция была украдена. Надеюсь, он пришлет мне еще одну с полевой кухней. "Мои товарищи должны были смеяться от души, и мы ели эту редкую еду с огромным удовольствием".

Однажды мои зубы стали очень плохими, потому что это продолжалось несколько дней. Я получила справку от батальонного врача, чтобы поехать на

стоматологическую станцию в Ново-Александровске и удалить больные зубы. Один солдат напротив меня выглядел знакомо. Но я не мог его узнать. Вскоре я заметила, что он смотрел на меня, как я смотрела на него. Я собирался спросить его, не является ли он эльзасским, когда он встал, подошел ко мне, предложил мне свою руку в приветствии и сказал: Теперь я узнал его. Это был Джозеф Хиндлингенский. "Ты так же сильна, как и я!" сказал он. И на самом деле, Швоб был ужасно худой. Так что я не мог сразу его узнать. Кто угодно может представить, что я был ходячим скелетом с такими пайками. Мы рассказали друг другу о доме, о котором все там знали. Его вызвали к стоматологу, где ему дали новые искусственные зубы. Мы поехали в маленький городок в надежде купить что-нибудь поесть. Но ничего не было найдено, кроме стакана пива в столовой. Я хотел бы иметь еще один, но каждому солдату давали только один бокал, чтобы он зашел дальше. Нам обоим было просто интересно, на что на самом деле живут бедные жители, которые ходят с полыми щеками и скелетами. Теперь мы снова на позиции и расстаемся. На следующий день я снова поехал в Ново-Александровск, где сейчас вытащили 2 зуба, так что зубной неприятности прекратились. В середине августа 1917 года я был освобожден от обязанностей чаепития и должен был провести несколько дней в Гута-Таборе. До тех пор повсюду была волнистая горная страна. Так как я не знал дороги, я хотел попасть туда в прямом направлении.

Но я, должно быть, ошибся, потому что, когда я поднялся на плоский холм, озеро, около 3 км в длину

и 300 м в ширину, было передо мной, чего я должен был избежать. Наконец я добралась до таборского поместья, где находился офис компании, а также до запасных стрелков, водителей и лошадей. Поскольку сержант роты по имени Лаугш был хорошим человеком, у нас было мало обязанностей. Небольшая дрель для пулемета и чистка. Однажды сержант сказал мне, что с позиции позвонил командир роты; рядовой Ришерт должен был немедленно доложить ему. Мы с сержантом понятия не имели, почему. Любопытно, я добрался до места, где встретил командира роты в его землянке. Командир роты сказал улыбаясь: "Ты должен быть хорошим солдатом, РиЧерт!" к чему он клонит, я сначала не ответил. Что-то случилось, сказал он, с 9-й 260-й стрелковой пехотной ротой, которой вы принадлежали, не так ли? Я сказала "да". Затем он доставал коробку с доски, доставал бронзовый крест с темно-синей и желтой лентой и говорил, прикрепляя медаль к моей груди: "От имени 9 x 260 я настоящим вручаю вам Брауншвейгский крест "За заслуги в войне". Естественно, я был удивлен, потому что 4 месяца назад мне пришлось покинуть 260-й полк и у меня не было ни малейшей переписки с ротой, кроме как с моим бывшим товарищем Карлом Гертером. Командир роты сказал, что я, наверное, работал в этой роте дольше всего или что я отличился каким-то героическим подвигом. Я ответил, что проработал в этой компании всего 3 с половиной месяца и не сделал ничего особенного в своей службе, как положено. Теперь я потерял командира роты и вернулся в Табор. По дороге я купался в озере. Сержант и все солдаты посмотрели на меня, как на чудовищное животное, и

поздравили меня с наградой, которую я получ. Так как полк 332 был прусским, то не было никакой награды, как Железный крест, который я получил уже в 1916 году. Меня поразило много ревнивого взгляда на лица молодых лейтенантов. Если бы они знали, что я думаю об этом хламе, они бы мне так не позавидовали, потому что за буханку белого хлеба я бы предложил на продажу крест и его ленту. Сейчас я написал вежливое письмо 260, в котором выразил свою благодарность. Через несколько дней я получил красивое письмо в ответ от сержанта роты 9 260, в котором он пожелал мне всего наилучшего в будущем, а также передал привет всем добрым людям Элессер, которые до этого были в роте.

Теперь мне нужно было вернуться на позицию, взять новый MG. Однажды в нескольких километрах к югу от нас постоянно слышался пушечный гром, смешанный со звуком пулеметов и стуком пехоты. Нам всем было любопытно, что на самом деле происходит. Затем поступил приказ: "2-й взвод, винтовки 3 и 4, во главе с лейтенантом Хербстом, должны немедленно подготовиться и доложить штабу батальона". "Я вел винтовку 3, сержант Курц винтовку 4. Мы подготовились и привезли наши пулеметы и оборудование назад. В прикрытии нас ждали два автомобиля. Там мы получали пайки на 3 дня: 1 ½ фунта хлеба в день, ½ фунта в качестве боевого довольствия. Потом нам приказали ехать на фронт по главной дороге. Батальонный штаб, который жил в приюте рядом с дорогой, принимал нас и отдавал нам дальнейшие приказы. Мы достигли большой дороги, которая вела через бесконечный лес. Прямо перед

нами, недалеко, мы услышали гром пушек и удары снарядов. Внезапно короткий жужжание, взрыв, примерно в 100 метрах впереди нас разорвалась шрапнель посреди дороги. Сразу же после этого перед нами лопнула вторая. Лошади и команды начали становиться беспокойными. закричал лейтенант. В тот же момент она налетела на нас, и граната попала на обочину дороги примерно в 100 метрах позади нас. Мы хотели бы пойти боком, но это было невозможно, так как лес слева и справа был густым и непроходимым. Теперь все взяли материал, на который имели право. Пулеметчики 1 и 2 забрали винтовку, пулеметчики 3 и 4.5 - ящики с патронами, а я, как пулеметчик, должен был нести чайник с водой, большую лопату и шланг для выпуска пара. Дорога теперь постоянно находилась под обстрелом российской артиллерии. Нам часто приходилось копать по улицам, чтобы быть лучше прикрытыми, или мы прыгали за стволами деревьев, стоящих на обочине дороги. Нигде не было видно ни укрытия, ни другого укрытия.

Легкораненные люди бежали с фронта. Мы спросили их, что происходит. Но они были настолько напуганы и затаили дыхание от бега, что, проходя мимо, давали нам лишь недостаточную информацию. на левом берегу был прорыт тоннель. Мы оставили наши пулемёты и другое оборудование снаружи и бежали в туннель. Здесь, в безопасности, мы чувствовали себя комфортно и могли снова перевести дыхание. Лейтенант Хербст, который по большому счету был разумным человеком и, наверное, не хотел умирать героической смертью, сказал: "Так что, в любом

случае, мы останемся здесь до тех пор, пока стрельба не прекратится. Это было то, что мы все говорили от сердца.

Примерно через час стрельба на улице прекратилась. Мы взяли свои вещи и, наконец, добрались до совета. Батальонный судья немедленно вывел нас на позицию, которая находилась в лесу на холме рядом с несколькими убежищами. Это была резервная позиция. Если русские прорвутся, мы должны остановить их здесь. Мы быстро построили стрельбища для наших пулеметов, которые затем были готовы к стрельбе. Теперь мы устроили два приюта. Артиллерийский огонь продолжался с неограниченной интенсивностью. Несколько снарядов поразили все наши убежища, но не повредив нам. На фронте внезапно вспыхнул очень сильный пехотный огонь, который длился около получаса. Многие легко раненые прошли мимо нас и сообщили, что русские вступили на фронтовые немецкие позиции. Несколько пехотинцев роты теперь пошли на контратаку и вышвырнули русских с их позиций. Все они опустили головы, некоторые из них сказали нам: "Вам, пулеметчикам, снова повезло! Ты можешь остаться здесь в полном укрытии, пока нас будут расстреливать на куски! «

Примерно через час немецкая артиллерия начала ужасно стрелять. Но русские, собиравшие на этом месте много артиллерии, не обязаны были отвечать. Сильный пехотный огонь сказал нам, что идет контратака. Когда стрельба прекратилась, мимо нас вернулись многие русские пленные, многие из которых медленно умирали от голода. Многие из

заключенных были взяты в палатки четыремя из них и оттащили обратно тяжело раненых немецких и русских. Теперь мир вернулся.

На следующий день мы получили приказ вернуться в наш полк. Мы все были рады, что пережили этот инцидент без жертв. Когда мы прибыли в нашу роту, несколько солдат сказали нам, что мы уйдем отсюда, но куда, никто и понятия не имел. Теперь я пошел к своей картофельной куче, которая все еще стояла в одиночестве в старой мусорной яме, и, видимо, никто ее не обнаружил. Я порвал его, на нем висело четыре картофеля. Я вымыл и сварил их в соленой воде. Очень приятно! Они мне нравились больше, чем лучший пир до или после войны. Я не ел картошку месяцами, кроме тех, что украли из батальонного штаба.

Движение войск после фронта Рига.

26 августа 1917 года наш полк был заменен другими войсками. После 2 дней марша мы добрались до Еловки. Нашу компанию разместили в квартирах на Хорошей Новой Елгаве, примерно в получасе езды от Еловки. В усадьбе также жил дивизионный штаб. Охрана дивизии состояла из гусаров. В усадьбе был фруктовый сад, размера и красоты которого я никогда раньше не видел. Деревья были полны лучших сортов яблок и груш. Ранние сорта были почти созрели. Нам было строго запрещено входить в сад и собирать плоды. Плод должен был служить столовым фруктом для офицеров. Конечно, эти господа должны были иметь фрукты за столом в дополнение к их большой зарплате и лучшей еде. Обычному солдату нечего

делать, кроме как голодать, кричать ликование, мучиться от вшей и быть застреленным за "любимую родину". За это ему заплатили 53 немецких рейхспфеннига в день, помимо еды и одежды. Разве это не чудесно? Всегда хорошо четвертовать, а когда пришло время спать, просто лежать на спине и прикрывать живот. Да," ... это жизнь солдата! "Однажды я услышал пение.

Квадратный фруктовый сад был окружен проволочной сеткой высотой 2 метра. На каждом углу был гусар с заряженным карабиновым столбом днем. Ночью патрули все еще ходили по саду. Сначала, когда стемнело, я подошел к одному из гусарских столбов и сказал: "Слушай, товарищ, я бы хотел съесть яблоко. У меня во рту не было ни одного уже два года! "Но я ничего не мог сделать. Гусар сказал: "Это невозможно". Если бы меня поймали, я бы полетел в окопы и не хотел потерять из-за тебя своего прекрасного члена парламента в штабе дивизии. "Я согласился с ним. Но я хотел яблок. В середине между постами, я лежал около 30 шагов от забора, и ждал, пока патруль пройдет мимо, заполз к забору, взял кусачки, и щепотку я вырезал щель в проволоке, толкнул его в сторону и соскользнул внутрь, а затем закрыл отверстие снова. Тихо я пошел в сад, схватил низко висячие ветки, чтобы посмотреть, мягкие ли яблоки и груши, или собрал опавшие плоды и укусил в них. Я долго искал, но не мог найти ничего подходящего, в конце концов я почувствовал много опавших фруктов под деревом, взял кусок и укусил в него. Это было очень хорошее, спелое яблоко. Я наполнил свой мешок с песком до самого верха, связал

его веревкой, а потом ушел. После того, как я запахнул свои сумки для немедленного удовольствия, я упаковала мешок с песком под водительское сиденье в своем автомобиле. Потом я ложился со своей командой и ел яблоко, пока не лопнул желудок. Я вдавил несколько яблок в руки одного из членов экипажа, который только что проснулся. "Голли, откуда они у тебя?" "Успокойся, - сказал я, - завтра ты получишь больше".

На следующее утро мы отправились в Еловку, где нас погрузили в поезд. Мы ехали весь день до поздней ночи. Никто не знал, куда идти. Когда мы ехали ночью через большую железнодорожную станцию, я увидел имя Елгава. Я знал, что Елгава находится к югу от Риги, в Курляндии. После того, как мы проехали около 2 часов, мы должны были выйти из поезда и немедленно идти дальше. Утром мы остановились примерно на два часа. Потом мы продолжили, весь день, только с короткими паузами

Ночью мы пришли в большой лес, где уже лежало много солдат. Здесь мы узнали, что российский фронт должен быть прорван до нас и что должно быть предпринято наступление. Опять были прекрасные виды! Мы все боялись послезавтрашнего дня. Два батальона нашего полка должны были остаться в лесу в резерве, а другой - принять участие в прорыве. Все было любопытно, какой батальон должен атаковать. Это не заняло много времени, прежде чем мы прояснили ситуацию. "2-ой Батейлион", приготовиться к движению! "Жаль, я был одним из них! Мы готовились двигаться вперед в темном лесу. Впереди нас лежал густой белый туман. Оттуда время

от времени приходила граната или выстрел из винтовки, иначе все было тихо. Внезапно мы стояли перед окопом, который был полностью заполнен немецкими солдатами. Нам пришлось перепрыгнуть через него, и через несколько шагов мы наткнулись на другую траншею, которая была лишь слегка занята. Все больше и больше солдат добавлялось до тех пор, пока окоп не был полностью заполнен. Теперь нам приходилось заполнять траншею в разных точках шириной около 3 метров и штамповать землю. Зачем, я не знал. Мне показалось, что я услышал слабое шипение и бульканье, и спросил одного из солдат, который уже был в окопе до нас, о чем речь. "Это река Западная Двина", - сказал он. "В этой точке ширина более 400 метров. Русская позиция - на берегу реки Дженсити. "И здесь мы должны атаковать?" "Я сказал. "Это изменит ситуацию! "Солдат тоже боялся наступающего утр

Наступательная река Западная Двина в Икшкиле

- 2 сентября 1917 года.

Номер 9 на карточке

Медленно рассвет начал рассветать. Почти нигде не стреляли. Это было затишье перед бурей! Когда она загорелась, я увидел воду река Западная Двина, которая текла здесь с довольно большой скоростью. Русская позиция на другом берегу реки еще не была видна, так как белый туман препятствовал дальнейшему просмотру. Все было любопытно, что теперь будет. Одним ударом немецкая артиллерия, собранная здесь в большом количестве, начала огонь.

Над нами пронеслись ракушки, которые взорвались с ревущим шумом на другом берегу реки. Много миномётчиков, в основном тяжёлых, стреляющих 2-тонными минами. Повсюду был грохот, жужжание и рык, уши начали болеть. Когда взошло солнце, туман постепенно исчез, чтобы я мог видеть русское положение на другом берегу реки. Она была покрыта черным дымом, повсюду мелькала молния, и огромные облака дыма поднимались в воздух. Кроме того, над некоторыми частями леса дальше позади был густой дым от снарядов, в котором, похоже, стояли русские батареи, которые тоже были намыты нашей артиллерией. Русская артиллерия теперь тоже начала стрелять, так что мы были вынуждены протиснуться в канаву. Прямое попадание убило и ранило несколько солдат недалеко от меня. Внезапно мы услышали огромный удар вблизи нас, над нами пронёсся густой чёрный дым. Затем я посмотрел на крышку спереди, где я мог видеть отверстие. Он был размером с комнату, и был сделан из одной из 28-сантиметровых гранат. Там еще один жужжащий звук, и в тот же момент ужасный удар. На этот раз позади нас. Следующие большие гранаты попали в лес позади нас. Продолжался барабанный огонь немецкой артиллерии и минометов. В этот ужин пришел приказ: "Приготовьтесь!" "Мы смотрели друг на друга. "Мы не можем переплыть реку!" сказали некоторые из моих соседей.

Потом мы слышали крики позади нас, как будто загоняли лошадей. Я оглянулся назад и увидел, что приближается мостовой поезд. На большой скорости вагоны, нагруженные большими жестяными баржами,

проезжали по местам в канаве, которые мы должны были заполнить заранее, вниз, к реке. Фиолетовые пионеры бегали туда-сюда, и в мгновение ока баржи разгружались и толкались в воду. Теперь мы должны были сказать: "Все на улицу и на баржи!" Нас быстро разделили и по 20 человек сели на каждую баржу за раз. Шесть пионеров гребли, и мы переправились через реку. На воде было очень страшно. Мы все нырнули в баржи. Везде, куда я смотрел, вся река кипела баржами, которые плыли в другую сторону так быстро, как только могли. Несколько русских снарядов попали в реку между баржами и бросили в воздух большие колонны воды. Над нашей баржей еще одна баржа получила прямой удар и затонула через несколько секунд. Пассажиры боролись с волнами в течение очень короткого периода времени, а затем все исчезли. Когда я увидел его, я расстегнул пиджак и положил все вокруг меня на баржу, чтобы лучше плавать, если нам придется страдать от одной и той же судьбы. Я боялся получить пехоту и пулеметный огонь с русской позиции, но за исключением нескольких пехотных выстрелов, там все оставалось тихо. Мы приближались к берегу. Наша артиллерия теперь продолжает вести огонь. Наша баржа приземлилась на песок.

Все выпрыгнули, и мы были рады, что у нас снова прочная земля под ногами. Баржа за баржей пришвартовалась, и вскоре за крутым берегом, высота которого составляла около 3 метров, стояли сотни солдат. Мы приземлились примерно в 200 метрах вниз по Эльбе от нашего пункта отправления. Течение унесло нас, как и все остальные баржи. Теперь нам

пришлось штурмовать русский окоп. Это была легкая работа. Нас не встретило ни малейшего сопротивления. Большая часть траншеи была плоской, вокруг лежали разорванные тела русской пехоты. То тут, то там в углу траншеи все еще приседал не раненый русский, дрожащий от нашего вида и протягивающий руки в воздухе, чтобы сдаться. За русской позицией лежали также павшие русские солдаты, которые, вероятно, были ранены во время бегства. Я посмотрел на другой берег реки и увидел, что пионеры уже едут по мосту. Несколько русских гранат все еще мчались к нам, лопаясь в реке или на другом берегу реки. Теперь мы должны были идти по линиям огня против леса на 600 или около того метров впереди нас. Пока что мы все еще были покрыты небольшой удлиненной возвышенностью. Но по мере того, как мы перебирались на высоту, мы слышали ротату нескольких русских пулеметов с края леса. Пуля жутко шипит вокруг ушей, и уже несколько человек упали на землю.

По моей команде, моя команда прыгнула в близлежащую дыру от снаряда. С большой задержкой я быстро определил позицию для МГ, так что ствол выглядел чуть выше земли. Русские стреляли как сумасшедшие, так что некоторые из нас были ранены во время рытья ямы. Вскоре наш пулемет был заряжен. За 3 минуты я гнал за 4 ремнями, 1000 раундов, за 3 минуты. У меня был край леса, откуда слышался погремущку, смонтированный, т.е. Д.Р. прицелился задним прицелом и разбросал его по лесу, но стрельба русских не прекращалась. Тем временем все на нашей стороне копали так, чтобы русские пули

не могли нанести гораздо больший урон. Русские построили пулеметные укрытия, надежно спрятанные на дне леса, чтобы мы не смогли до них добраться. Теперь немецкая артиллерия пришла нам на помощь. Окраина леса была покрыта ракушками и шрапнелью. Под защитой артиллерийского огня мы пошли вперед и без дальнейших потерь добрались до леса, вошли в лес и вскоре наткнулись на русскую батарею полевой артиллерии, которая была полностью сбита. Немного дальше мы столкнулись с неповрежденной батареей из 4 орудий, из которой русские забрали боеприпасы. Лес здесь состоял только из калеченных сосен, которые в песчаной земле находили мало пищи... На плохой песчаной тропе мы наткнулись на 2 мощные пушки, которые невозможно было забрать, так как русские, вероятно, не смогли их достать. Оба имели калибр 28 см и, вероятно, были теми ружьями, которые так напугали нас рано утром за река Западная Двина. Нам пришлось провести ночь в лесу. Сильные полевые охранники налагают на выданную защиту. После того, как мы съели немного хлеба и рыбных консервов, мы легли на лесную подстилку и заснули, потому что все очень устали. Ранним утром пришли полевые кухни и принесли нам еду, хлеб и кофе.

После того, как мы поели, пришел приказ: "Заканчивай, мы идем дальше!" Я и все остальные боялись, потому что не знали, что принесет этот день. После того, как мы прошли маршем некоторое время, мы услышали огонь пехоты Мгунда перед нами, новой оборонительной позиции русских.

Осторожно подошли к краю леса. Там мы должны были добраться до леса, не будучи замеченными.

Теперь я выползла из ямы и посмотрела вперед, но всегда оставалась прикрытой. Перед нами, примерно в 500 метрах от нас, на холме, лежит большая усадьба, состоящая из замка и множества апартаментов для слуг, а также многочисленных сараев и конюшен. С края нашего леса было сделано несколько выстрелов. С тех пор я больше не мог видеть русских. Оба пулемета получили приказ взять ферму под обстрел во время нападения, которое должно было произойти в ближайшее время. С прицелом я посмотрел дальше и нашел два самых спрятанных русских тайника с оружием. Пулеметы позволили рассеять всю зону атаки. Я заполз обратно к пулемету и направил его на стрельбище одного убежища. Вскоре вспыхнуло несколько пожаров.

Теперь внезапно наша пехота собиралась атаковать. Краина леса кишела солдатами, которые бросились к усадьбе. Теперь русские пулемёты начали дребезжать. Мы немедленно открыли огонь. Я видел землю и траву, разбрызганную вокруг русского полигона. Однако мы не могли ничего сделать с русскими, так как стреляли больше с флангов и не могли добраться до российской пулеметной базы. Потом батальон застал врасплох пулеметные укрытия. Убежища с пулеметами были убиты ручными гранатами, брошенными в укрытия. Русская пехота сдалась после небольшого сопротивления. Компания, атаковавшая непосредственно российские пулеметы, понесла большие потери. Везде были убитые и тяжело раненые. Теперь мы занимали поместье. Вскоре был убой свиней, кур и овец, как будто там были дикари. Голодные солдаты хотели хорошей еды

и достаточно еды. Везде зажигали маленькие костры, жарили, варили и тушили. Картофеля было много на картофельных полях рядом с поместьем. Почти все они так перегрузили желудки, что у них начался понос. Мы останавливались в усадьбе весь день и на следующую ночь в качестве резерва:

Ранним утром мы снова продолжили. Мы прошли через район, где за день до этого произошла битва. Некоторые мертвые немцы и русские лежали. На следующую ночь мы снова разбили лагерь в лесу. Могучий огонь был зажжен. Почти вся наша компания стояла вокруг, чтобы согреться. Итак, командир нашей роты зачитал приказ о нападении на следующее утро. Это было похоже на питье холодной воды. Все думали, что принесет завтрашний день. Тогда один из солдат начал петь песню "В полевом квартале, на твердом камне я протягиваю свои уставшие ноги и посылаю свою любовь тысячу приветствий в ночь". Это сделала не только я, вся компания мечтает о своей возлюбленной ночью, вся компания. Мы должны сражаться во многих жестких сражениях с нашими врагами, я не могу сказать вам ничего о дне воссоединения, возможно, я скоро буду с вами, Анна-Мария; легко приехать завтра, вся компания, вся компания!

В последней строчке песни, как и у всех остальных, по моему позвоночнику пробегала дрожь, потому что никто не мог знать, будет ли он похоронен где-нибудь завтра. Мы прилегли, но долго не хотели спать. Я молилась, пока не переполнилась усталостью и не заснула. Я не просыпался, пока нам не надо было готовиться. Мы выпили кофе и поехали. Мы прошли

несколько километров и должны были лечь на опушку леса. Около 300 метров. На поле перед нами находилось довольно много погибших немецких пехотинцев, павших во время нападения накануне, которые были избиты русскими. Там не стреляли, все было тихо. Это спокойствие должно было быть заметным. Патруль был прислан, когда один из них еще вел артиллерийский огонь с нашей стороны, и они заметили, что ночью русские очистили свои позиции. "Слава Богу! "Я думал, теперь наш смертный приговор снова отложен! Мы маршировали. Мы остановились в усадьбе-одиночке. Наша компания заняла четвертаки. Бедные жители должны были покинуть свои дома в течение 6 часов. Было ли это стенанием и плачем Им не разрешили взять с собой более 2-х коров, все остальное должно было остаться. Наступление достигло своей конечной цели, дальше идти уже некуда. Эта новость нас очень обрадовала. Теперь нам приходилось проводить по несколько часов каждый день на новой позиции. Когда весь скот, свиньи и мелкий рогатый скот был съеден, наш первый лейтенант, барон фон Рейсвиц, приказал компании выстроиться в линию.

Они вернулись к вечеру. Как барон-грабитель, барон первым. Теперь награбленное выгрузили: много кур и гусей, несколько овец, швейная машинка для раскройного комбайна и красивые сани для командира роты, который, по-видимому, хотел побаловать себя санями в ближайшую зиму. Пришло время снова готовить и храбриться, почти всю ночь напролет. Голодные солдаты почти не могли насытиться. Когда больше не было мяса, все падало на

картофель, которого было много на картофельных полях. Я сам готовил около 4 литров в день, которые я съедал, плюс еда, которую я получал из полевой кухни, которая была хорошей и обильной здесь. Примерно в 2 км впереди нас было болото шириной около 8 км. Почва была почти полностью покрыта клюквенными кустами, полными спелых ягод. Приветственное изменение для нас. Пока я собирал ягоды с товарищами, могучий олень подпрыгнул едва на несколько метров перед нами и исчез с несколькими прыжками в кустах. Это был единственный олень, которого я видел на свободе. После 10 дней пребывания нам пришлось снова готовиться к маршу. Марш прошел около 15 км за линией фронта до села Сунтажи. Нас поселили в полностью ограбленной Эпицерии. Комнаты были переполнены солдатами, что только что вошло. Также здесь мы жили в основном на картошке. Я чувствовал, что в последнее время мои силы значительно возросли. Также, как и другие солдаты, я снова выглядел намного лучше. На высоте перед деревней мы должны были построить прочную позицию. Полевые охранники, которые были далеко впереди, охраняли нас. Никаких следов русских не видно. Большинство из них отступили далеко. Как мы слышали, в следующий раз мы должны отступить еще дальше. Деревня Сунтажи, где стоял чудесный замок, должна быть сожжена или взорвана, как и все постройки между линиями. Бедные жители вообще не рассматривались.

Однажды я должен был доложить сержанту роты. "Ришерт", - сказал он, - твоя очередь снова ехать в

отпуск. Ты получишь свои 18 дней; если хочешь, можешь подождать еще два дня, тогда я тоже пойду. "Мне, конечно, понравилось. "Сержант, - сказал я, - разве у меня не может быть 28 дней отпуска по сельскому хозяйству?" "И сержант, который был добрым, праведным человеком, засмеялся. "Но Ришерт, - сказал он, - в любом случае, ты возвращаешься к семье беженцев в Бадене, и у них может быть только несколько цветочных горшков, полных земли, чтобы возделывать". Смеясь, я согласился с ним, показал ему свою платежную книжку, в которой была написана моя профессия, фермера, и сказал: "С небольшой доброй волей это можно было бы сделать". Я уезжаю в отпуск только во второй раз после начала войны. - "Снято, Ришерт, - сказал Дан сержанту, - у тебя будет 28 дней, я прослежу за этим.

Мой второй отпуск

Через два дня мы оба ушли. Часто нам приходилось брать карту сержанта, чтобы найти правильный путь. Наконец, мы добрались до усадьбы, где наш полк понес большие потери во время атаки на второй день наступления. Все умершие были похоронены в братской могиле на опушке леса. Мы прошли маршем и через мостик . У нас было еще 3 часа до первой станции. Там также была отдельная станция. Каждый отдыхающий должен был иметь свидетельство об освобождении от уплаты налогов перед тем, как ему разрешат уехать. Поскольку вскоре наступил вечер, учреждение уже прекратило операцию. Мы должны были быть в восторге на следующий день. Это не

устраивало сержанта, потому что он хотел бы как можно скорее побыть с женой и детьми. Мне было все равно, так как я все-таки не мог пойти домой. Совершенно случайно сержант встретил капрала из своей страны, который был клерком в закуской. Сержант жаловался на свое горе. "Это мелочь, - сказал клерк, - я быстро получил счета, - пошел к нему в офис и через несколько минут принес их нам. Мы поблагодарили его и сели в поезд, который был готов к отъезду. На бумаге мы оба были в восторге, но на самом деле мы оба были настолько полны этих паразитов, что укус не прекращался. Эти дорогие маленькие животные очень многократно размножились во время наступления.

Мы ехали всю ночь, пока не пересекли немецкую границу в Клайпеде. Теперь путешествие прошло через Восточную Пруссию. Была очень хорошая осенняя погода, а сельское население было просто занято вывозом картофеля. Согласно наполненным мешкам, урожай картофеля получился очень хорошим. На лугах пасутся многие стада коров, большинство из которых черно-белые пятнистые и отличной породы. Я также видел несколько моторных плугов, которые бороздили поля.

В Кенигсберге сержант попрощался со мной, потому что он приехал из провинции Познань и должен был ехать другим маршрутом, чем я. В купе сидела пожилая дама с двумя симпатичными дочерьми. Мы поговорили о разных вещах. Они спросили меня, откуда я. Я сказал: "С фронта Риги". Потом они спросили меня, перешел ли я в наступление на Рига, что я и сделал. Я рассказал им о своем опыте

во время наступления и высказал свое мнение о том, как все было украдено у жителей и что, по моему мнению, наступление не оказало ни малейшего влияния на окончание войны. И я пожалел 500000 жителей города Рига, которые теперь остались голодными. С открытыми ртами трое слушали. Со своей стороны, они теперь рассказали, как мало еды и как все доступно только на картах, так что люди, у которых не было средств, чтобы получить еду за дорогие деньги тайком, почти не могли больше существовать. Все трое были дерзко убеждены в победе немцев, ибо повсюду наши войска находились в глубине вражеской территории. Я ответил, что Германии будет очень трудно победить, потому что Англия никогда не проигрывала войну, и они не должны забывать и об Америке. Через некоторое время я заснул. Когда я проснулся снова, несколько больших вшей ползали по моим брюкам, которые, вероятно, вышли через мушку, я смущался перед дамами и смотрел на них, чтобы увидеть, заметили ли они тварей. Но они продолжали говорить довольно безобидно, и довольно незаметно я потерял вшей руками. В Кюсте-Рине дамы вышли из поезда. Я пошел в другое отделение, где сидели несколько солдат. Там я также встретил Берлина из моего полка, чья жена умерла и поэтому получила 14 дней отпуска. Остальные солдаты были Рейнландцами.

В Берлине мы вышли из поезда. Силезская станция кишела людьми. Я сразу заметил узкие лица женщин и девушек, почти все из которых были бледными и несчастными и имели темные кольца вокруг глаз. Здесь тоже война, я думал, голодная война! Я поехал

в город с тремя Рейнландцами. Мы посетили Императорский дворец, Зигессаул, Эйзер-нен-Гинденбург и многое другое. К вечеру начался голод, и никому из нас нечего было есть. Мы зашли в ярко освещенный, большой ресторан и заказали пиво. Господи, это же был ласковый напиток! Там действительно был хмель и солод! Мы потребовали что-нибудь поесть. "У вас есть билеты?" спросил официант. "Да, какие карты"? Где мы возьмем билеты? "Карточки с хлебом, мясом и картошкой", - сказал официант. "Без них мы не могли бы служить тебе ничего. "Рейнландцы начали кричать:" Вот как это делается! Если вы будете сражаться достаточно долго на фронте, вы все еще можете голодать в своей собственной стране! "Мы пошли дальше и попытались удачи еще в трех тавернах. Ты можешь выпить столько пива, сколько захочешь. Но нечего было есть. Дружелюбный гражданский Берлин заплатил каждому из нас по 2 стакана пива и сказал, что отвезет нас в ресторан, где мы обязательно что-нибудь поедем. Берлин отвел нас в ресторан, где у нас было седло оленины с картошкой. Оленина была единственным мясом к северу от города, которое можно было купить без билетов.

Порция состояла примерно из 6 мелких картофелей, небольшого кусочка оленины и ложки соуса. Она была вкусной, но слишком быстрой, тарелка была пустой. Добродушный Берлин заплатил за все. Мы поблагодарили его и пошли прогуляться по городу. Часто нас останавливали проститутки или толкали локтями, проходя мимо, указывая с первого взгляда на то, чтобы пойти с ними. Мы отправились

на станцию Анхалтер, куда наконец прибыли. Я решил совершить объезд в Рейнланд, потому что мне показалось очень интересным ездить по незнакомым для меня районам. Вечером следующего дня мы добрались до Кёльна. Здесь Рейнландцы попрощались со мной. Я проехал по Рейну до Кобленца, оттуда по Мозелю до Трира, красивая дорога. В Трире я вышел. Я знал, что есть запасной батальон моего полка. Я надеялся получить новую форму, так как моя была полностью изношена. Экипажи только что принесли плохой обед. Я пошел к дежурному сержанту и попросил, чтобы мне разрешили принести порцию, так как я только что пришел с фронта.

Мне повезло. Потом я спросила о магазине одежды и пошла туда. Однако, был должным образом рычал камерный сержант, когда я представил ему мою просьбу. "Кто угодно может прийти ко мне в таком виде!" - сказал он. Я пошла. "Впустите его!" Я слышал, как майор сказал. Я вошла. Здесь мало что можно было увидеть о трудностях войны. "Чего ты хочешь?" - спросил он меня не очень дружелюбно. "Герр майор", - ответил я, - "Я только что вернулся с фронта в отпуск и хотел бы попросить у резервного батальона моего полка новый костюм одежды! Майор посмотрел на меня и сказал, что во время отпуска я могу носить дома гражданскую одежду. На что я ответил: "Герр майор, я полностью зависим от ношения униформы. Мой дом находится в той части Эльзаса, которая оккупирована французами, и поэтому недоступен для меня. "Ну, тебе стоит купить новую форму", - сказал майор, и написал записку для меня, чтобы я сдал камерному сержанту. Я пошел и

купил новый костюм и фуражку. Теперь мой внешний вид восстановлен. Я посетил достопримечательности города, из которых мне больше всего понравились старинные римские ворота. Вернувшись в поезд, я поехал по Саару в Саарбрюккен, Кайзерслаутерн, недалеко от Людвигсхафена по Рейну в Мангейм и Хайдельберг. Там уже ушел последний пассажирский поезд до Эбербах, так что мне пришлось остаться на ночь в Хайдельберге.

С трудом можно было получить картофельный салат с 2 тонкими колбасками в ресторане на вокзале. Человек из Красного Креста спросил меня, не хочу ли я остаться на ночь в Гейдельберге, который я принял. "Пойдем со мной!" Он сказал и отвез меня в гостиницу недалеко от вокзала и выделил мне комнату с хорошей, чистой кроватью. Потом он спросил, когда я хочу, чтобы меня разбудили. Я разделась и легла спать со вшами. Боже, какое ощущение снова узнать после целого года раздеваний в хорошей, мягкой постели! Вот тут-то мне и пришла в голову жалкая жизнь на фронте. Так как я был очень устал от путешествия, я вскоре заснул. На следующее утро на рассвете меня разбудил человек из Красного Креста, встал и оделся. Потом я подумал: я хочу посмотреть, не потерял ли я кого-нибудь из своих жителей. И действительно, дюжина маленьких животных заползли в постель. Я хотел поймать их первым. О нет, тогда я подумал, что мой преемник тоже может что-то почувствовать. Сейчас я поехала в Эбербах в семью Маттлеров, где меня приняли очень дружелюбно. Я сразу же попросила сделать горячую воду, чтобы принять ванну. Так что я снова освободился от вшей.

Я провела очень приятные дни. Так как у меня закончились носовые платки, я пошла в магазин побольше, чтобы купить два. Владелец магазина сказал: "Пожалуйста, купон на питание". Я не знал, что происходит. Владелец магазина объяснил мне это: Ему не разрешалось ничего продавать без продовольственного талона, иначе магазин был бы закрыт. Пайонные купоны были доступны в мэрии. Но после долгих разговоров джентльмен наконец согласился продать мне 2 носовых платка без продовольственного купона. Но я должен был пообещать ему, что буду держать язык за зубами.

1917 год был очень хорошим фруктовым годом. Куда бы я ни пошла, я видела, что яблони и груши полны фруктов. Сосед семьи Меттлер, спросил меня, не хочу ли я ему помочь. Он был завален работой. Я не был свободен для этого, во-первых, я больше не привык работать, а во-вторых, я уехал в отпуск, чтобы немного поправиться. Я хотел провести последние 6 дней отпуска с товарищами Ау-Августом Зангером на Рейнской земле. Но потом умерла бабушка из семьи Мэттлеров, и я захотела остаться на похороны. На следующий день после похорон я взял у семьи Маттлера Абахида (за три дня до окончания отпуска я попрощался с семьей) и поехал в Рейнланд. В Ветцларе у меня было более длительное пребывание. Рядом со станцией был большой тюремный лагерь. Заключенные были размещены в казармах. Высокие заборы из колючей проволоки окружали дворы, где заключенные могли передвигаться. Так как у меня было время, я пошел посмотреть на заключенных. Как бедно выглядели эти люди! Бледные, истощенные, с

полузатуманенными глазами, эти бедные, жалкие люди стояли вокруг. Они казались голодными и равнодушными. Здесь были представлены все расы: Французы, бельгийцы, англичане, шотландцы в шортах, итальянцы, сербы, румыны, русские, индейцы, арабы и негры. Они все были вынуждены покинуть свою родину, чтобы принести такие тяжелые жертвы страшному богу войны.

С Августом Зангером и семьей Гоше я провел еще три его приятных дня; затем снова отправился на фронт. На этот раз я поехал в Рига и был удивлен, когда увидел город. Так что я уже не представлял себе этого. Красивые улицы чередуются с прекрасными площадями. Я также видел там красивые церкви. Я бы хотел остаться подольше. Но мой отпуск истек, и я должен был как можно скорее пойти в свое подразделение, чтобы не быть наказанным. Я пошел в информационное бюро, где мне сказали, что полк 332 изменил свою позицию и сейчас находится в Гауя Ас. Я мог сесть на поезд до Ротнепуа-Куссау, деревни вилл и ресторанов, спрятанных в красивом лесу. Оттуда у меня будет всего несколько километров пешком. На данный момент деревня, любимое экскурсионное направление населения Риги, была полностью покинута жителями и в основном заселена немецкими офицерами. Я спросил, где находится полк. Пришлось ехать по главной дороге Рига - Петербург, пока не добрался до поселка Хайнценберг. Рядом с дорогой было много полевых кухонь и другой техники, которую русские оставили на отступлении. Сейчас я шел по мосту через реку Аа, которая была маленькой речкой шириной около 30 метров.

Наконец-то я встретил солдат из моего полка, которые могли сказать мне, где находится моя рота.

По дороге я встретил пехотинца Берлина, который уехал со мной в отпуск. Он сказал мне, что его жена уже была похоронена, когда он приехал. Также он пробыл в Берлине всего 6 дней. Затем он добровольно вернулся в полк, потому что в противном случае он бы умер от голода в Берлине. Сержант роты, водители, резервисты и лошади моей роты разбили лагерь в небольшом бедном селении Вауэр Норд, состоящем всего из нескольких хижин. На следующий день мне пришлось помочь еще нескольким товарищам построить убежище для командира роты. Я собирался сделать спинку из елей рядом с лестницей, ведущей в укрытие, когда голос надо мной сказал: "Салют, Никель! Удивительно, что я поднял глаза и узнал, к моему большому удовольствию, Эмиля Виннера из моей родной деревни. Я подошла к нему, и в близлежащем лесу мы говорили о нашей родине. Каждый рассказал другие новости, которые он знал оттуда. Эмиль Виннер также очень сожалел об этом несчастном голодании, и мы решили пойти к русским, так как мне сообщили из дома, что несколько знакомых из дома, которые были взяты русскими в плен как немецкие солдаты, сейчас находятся во Франции, так что эльзасско-лотаринцы, захваченные русскими, будут перевезены во Францию. Эмиль лежал в нескольких километрах дальше на передовой полевой охране. Он нарисовал эскиз на листе бумаги, чтобы я не пропустил дорогу.

Я пошел к сержанту роты и попросил отбыть на следующий день, чтобы навестить своего "кузена".

Сразу же он написал мне разрешение на отпуск, которое я должен был подписать командиром роты. Я купил бутылку рейнского вина в столовой, чтобы дать нам смелости выпить, и 100 сигарет, чтобы раздать русским по нашему прибытию, чтобы они не навредили нам.

Ночью во дворе зажгли большой костер, где солдаты могли согреться, потому что, хотя это было только в конце октября, ночи уже были холодными, а теперь я наступил на страницу в темноте с хорошим фотоаппаратом, Альфредом Шнайдером, и рассказал ему о своем плане. После этого я попрощалась с ним. Как я узнал позже, за нами наблюдал сержант, который только что вышел, и он сообщил сержанту роты о своих подозрениях.

Мои ночные каюты были наверху, над конюшной под соломенной крышей, в бывшей курятнике, которую я делил с несколькими товарищами. Когда я подумала, что все заснули, я тихо встала, зажгла свечу, надела вторую пару трусов, вторую рубашку и пару чулок. Когда я собирался утром спуститься по лестнице, чтобы увидеть Победителя Эмиля, подошел клерк компании Кребса и сказал: "Ришерт, ты останешься здесь сегодня!" Сразу заметил, что что-то не так, но сказал совершенно безобидно: "Так что я останусь здесь".

Мой товарищ Альфред Шнайдер, который утром уехал в Лиепаяу за запчастями для MG, сказал мне на следующий день по возвращении: "Ты, Ришерт, они, должно быть, заметили что-то о твоих намерениях, потому что перед тем, как я уехал в Лиепаяу, я должен был пойти к сержанту в санитарскую комнату. Меня

спросили, что ты рассказал мне в тот вечер втайне. Конечно, я солгал ему, - сказал он, который был умным мальчиком. "Сержант спросил далее: >Почему Ришерт попрощался с тобой? <Я смехотворно ответил ему, что ты знаешь, что я должен ехать в Лиепаяу, и ты в шутку попрощался бы с ним в случае аварии на железной дороге>. "Шнайдер" проделал хорошую работу. Тем не менее, я заметил со стороны сержанта роты, что он мне не очень доверял и всегда меня подозревал. Я притворился максимально безобидным и выполнил свой долг, как и прежде.

Однажды был призыв к оплате. Команды были разделены на две секции. Я был на передовой унтер-офицеров, потому что был стрелком. После переключки сержант роты сказал: "У меня есть несколько слов, чтобы сказать роте": Если человек или начальник замечает, что человек или начальник подозрительно переходит к врагу, он должен немедленно сообщить об этом в санитарную комнату - я сразу понял, что эта речь была адресована мне, но мне удалось выглядеть как можно более безобидным, как если бы все это не касается меня, по крайней мере. Сержант, который смотрел на меня скрытным взглядом, не знал, где он.

Жизнь шла как обычно. Главное - рабочий долг, голод, туалет. Рядом с хижинами Вавера Норда находились несколько картофельных полей, которые были выкопаны 20 раз и до сих пор находятся в поиске в надежде найти еще немного картофеля. Внезапно 15 декабря 1917 года слухи распространились:

Перемирие с Россией!

И на самом деле, слух был правдой. Наш полк должен оставить позицию для расквартирования в Рига на неопределенное время. Эта новость была радостно встречена всеми. Сразу же мне пришлось уехать с лейтенантом и еще тремя мужчинами, чтобы освободить помещения для компании в Торенсберге, пригороде Риги, к югу от нее. Мы сели на поезд в Ропажы-Куссау, который привез нас в Рига. Там мы остановились на ночь в отеле. На следующее утро мы приземлились на крупную кожевенную фабрику в Торенсберге, которая была закрыта - как и все другие фабрики в Рига из-за нехватки сырья. Экипажи жили в бывших офисах, которые были расчищены и в которые мы теперь поместили проволочные кровати. Сержанты и сержанты жили на вилле директора, где также располагался офис компании. Командир роты, барон фон Рейсвиц, жил в небольшом замке за пределами завода.

Жизнь в Рига

Город Рига расположен в реке Западная Двина и является одним из крупнейших торговых городов России. Она насчитывает 500000 жителей. Поскольку в 1897 году город и его родовые территории были оплачены официальными властями с 283 000 жителей, эта цифра кажется преувеличенной, которая в основном состоит из латышей, но также и из многих немцев. Почти все жители говорят по-немецки. За исключением беднейших слоев населения, жители были очень современны и красиво одеты, так что они

не совсем подходят для России. В среднем латыши - это красивое, крепко сложенное племя, а девушки и женщины почти всегда красивы и очаровательны.

По большому счету, жизнь была бы приятной, если бы только пайки были лучше. Ты не сможешь наесться хоть раз. Среди населения потребность росла с каждым днем, и более бедные люди едва ли могли зарабатывать себе на жизнь. Доходов для рабочих практически не было, все заводы были закрыты. Часто жители жаловались нам, что мы довели их до таких страданий и почему мы не оккупировали Лифляндию и Эстонию. Потому что из двух провинций к северу от Риги, которые богаты сельским хозяйством, Рига могла поставлять продовольствие. За все это мы, солдаты, ничего не могли сделать! Из ранее оккупированной части России почти ничего не было доставлено в город, так как страна была настолько истощена немецкой оккупацией, что ее жители вряд ли могли существовать сами по себе. Из-за страданий большая часть населения была захвачена безграничной яростью против , так что несколько раз немецкие солдаты были убиты на отдаленных улицах. Теперь нам никогда не разрешали выходить ночью без заряженного пистолета. Пригород Торенсберг отделен от города рекой Рига Западная Двина шириной около 600 метров. Поскольку немцы опасались восстания в городе, движение из пригорода в город часто было запрещено, и единственный переход через реку Западная Двина, деревянный мост, построенный немцами, был заблокирован военными. Иногда была ругань, потому что это делало невозможным для многих людей вернуться домой.

В город Рига, расположенный в нескольких километрах вглубь материка от устья река Западная Двина в Балтийское море, можно было добраться на больших кораблях. Длина разгрузочной ramпы, на которой причаливали корабли, составляла 3 км. В нижней части порта находилась грузовая станция, где товары с судов загружались в железнодорожные вагоны. Здания товарного вокзала были сожжены русскими перед их отступлением. Автомобильный и железнодорожный мост, ведущий дальше по реке Западная Двина, один из самых больших и красивых мостов, которые я видел до сих пор, был взорван русскими. Днем и ночью они работали с машинами, чтобы поднять разбитые железные детали моста, которые весили тысячи тонн. Я часто смотрел эту работу, которая была очень интересной и новой для меня. (Я не мог понять, что самые толстые железные балки могут быть прорезаны с помощью струйного пламени, как воск). Река Западная Двина была полностью заморожена.

Ледоколы, которые представляют собой небольшие, очень мощные пароходы с заостренным носом, прорезают лед, чтобы позволить судоходство в Балтийское море.

На Рождество компания организовала небольшой праздник. В большом заводском зале зажглась красивая елка, и команды исполнили несколько рождественских песен. После этого был маленький рождественский подарок для каждого мужчины. На следующий день меня повысили до сержанта, и я переехал на виллу, где меня разместили в комнате с плитой, в которой уже жили двое сержантов.

Спальные места были проволочными, но без соломенных мешков и матрацев, так что спать приходилось и ночью, одетым, но чувствовать себя здесь очень счастливым, потому что не было никакой опасности для жизни, можно было жить и спать сухим и теплым. Они почти забыли, что война еще продолжается, и теперь я был унтер-офицером и должен был платить по 2 марки в день. Как и любой унтер-офицер, у меня в качестве уборщицы был мужчина, который держал мою одежду в порядке, убирал ботинки, подметал комнату утром, подогревал ее и приносил кофе и еду. Моя служба была примерно такой же, как у капрала, так как до этого я был стрелком. По воскресеньям я всегда брал отпуск до утра, чтобы посетить немецкий городской театр. Почти всегда были прекрасные пьесы; мне больше всего понравилась "Die Reise um die Welt in 80 Tagen". Будет ли Д. Р. выражает себя здесь неправильно? Ничего не известно о сценической версии успешного романа Жюль Верна. Однако материал уже был снят в США в 1914 году; возможно, автор имеет в виду эту пьесу. В любом случае, я часто ходил в кинотеатр, многие из которых в городе были самыми современными.

Так как в воскресенье вечером из роты не было ни кофе, ни чего-либо еще, я обычно ходил к солдатам домой, где было трудно достать тарелку фасоли, чечевицы или горохового супа, конечно, за 50 пфеннигов. Толпа в Солдатском доме была настолько велика, что попасть внутрь было практически невозможно. На прилавке можно было получить тарелку и штамп на 50 пфеннигов, которые нужно

было сдать в автомате для раздачи супа. У тебя должна была быть ложка у прилавка. Один встал один за другим. Ряды голодных солдат заполнили почти весь большой зал в змеевиковых поворотах. Иногда супа не хватало на всех, последние получали свои 50 пфеннигов обратно и могли продолжать с пустым желудком. Вот что случилось со мной однажды. Я стоял в очереди больше часа. В конце концов, я почти добрался до распределительного пункта и с нетерпением ждал тарелку горячего супа, так как на улице было горько холодно. Передо мной осталось только двое. Потом было сказано: "У нас кончился суп! –

В кафе и ресторанах города нечего было поесть. Только плохие военные припасы или чай. Население все больше страдает от нехватки продовольствия. Из нужды и безработицы многие девушки и молодые женщины отдали себя ему, чтобы заработать на жизнь таким печальным способом. Многие другие уже были развращены русскими военными и продолжили свою деятельность с немецкими солдатами. Некоторые солдаты, пристрастившись к этой страсти, спасались от маленького хлеба и другой пищи, чтобы принести ее своим любовницам. Капрал у моей винтовки по имени Вестенберг также встретил такую дурь и принес ей немного еды, которую он получил от роты, и в которой он так нуждался для себя. То, что он истощен до скелета в этом голодании и плохом образе жизни, само собой разумеется. Я часто предупреждал его, но нашел только глухие уши, столько страсти удерживало его в плену.

Хороший товарищ, Унтерофицер Курц, тоже встретил девушку и влюбился в нее с ног до головы. Он продолжал рассказывать мне о своей Лоле, восхваляя ее красоту и хорошие манеры. Однажды я встретил их. Лола действительно была очень красивой девушкой и произвела лучшее впечатление. Я пошел с ними на прогулку, а потом отделился от них. Однажды сержант Курц сказал мне, с радостью телепортируясь, что он достиг цели своих желаний. Для этого он взял ночной отпуск, пока не проснулся. На следующее утро у нас была утренняя тренировка на песчаной площадке недалеко от города. Капрал Курц прибыл, когда мы прибыли на глиняный двор, и доложил барону фон Рейвицу, которому на Рождество было присвоено звание капитана. Капитан кавалерии, который сам вел очень неприкасаемую жизнь и был тайно назван командами "Н----bock", только смеялся и говорил: "Ну, возьмите на себя пулемет". Похоже, у тебя была тяжелая ночная работа. Ты выглядишь бледной. "Два дня спустя Курц почувствовал, что он был сексуально болен. Ему было стыдно звонить больным, надеясь, что медицинский работник вылечит его. Как раз наоборот, его состояние становилось все хуже и хуже. В конце концов, он был вынужден позвонить больным и был доставлен в лазарет, который солдаты называли "Риттер-бург". Болезнь уже испортила его кровь, и он должен был нести ответственность за последствия до конца своей жизни.

Многие солдаты становились сексуально больными, так что каждую неделю к ним обращался врач. Каждому солдату также выдавали коробку с

содержимым, чтобы он не заболел. Большинство солдат постепенно привыкли к этой оборванной жизни как к чему-то естественному. Я часто слышал о Grabenstraße, там что-то происходило! Однажды я поехал с одним из моих товарищей, сержантом Кизманном, который был из Восточной Пруссии, на многократно превознесенный Grabenstraße. Правда, что-то происходило. Один общественный дом за другим. Мы оба зашли внутрь. В большой комнате, столы вдоль стен были полны солдатами, пьющими чай. Три мальчика, которые были полностью разбиты, играли танцы на своих музыкальных инструментах. Около 8 проституток поворачивались с солдатами в танце, выполняя самые гнусные движения тела. Почти все они выглядели очень плохо из-за своего неаккуратного образа жизни, но, несмотря на это, они отмечали лицемерную живость и пытались соблазнить воинов, если это было возможно. В одном из углов стояла хижина; за ней сидел старый мегаломан, который наблюдал за происходящим через прилавок. Если солдат хотел подняться с проституткой, он подошел к прилавку, поставил 2 отметки и получил карточку. Это он показал проститутке, которая ему понравилась и которая потом должна была подняться с ним. Мы оба сочли эту деятельность унижительной. Меня сразу же поразило, что одна из проституток не произвела такого плохого впечатления; ее лицо также отражало глубокую скорбь и печаль. Кизмен сказал мне: "Эта девушка не любит быть здесь!" Я ответил: "Я тоже наблюдал за ней, и у меня такое же впечатление. Мы опустошили стаканы и заказали у неё новый чай. Она

принесла нам то же самое, а также бокал для себя, что казалось обычаем в этих домах. Она села между нами.

Мы оба начали разговор с ней, она говорила на очень хорошем немецком. Я открыто сказал ей, что она вообще сюда не вписывается, и спросил ее, как это случилось, что она попала в это общество. Как только я спросил ее, она начала плакать и повернулась спиной к старому монстру, который наблюдал за событиями в зале. Она сказала нам сейчас, всегда всхлипывая мягко: "Лучше бы я думала о всяких вещах, чем попадала в такую ситуацию в своей жизни". Я из Петербурга и год назад вышла замуж за русского офицера, который работал здесь, в Рига. Чтобы быть с мужем, мы сняли квартиру в Рига и жили очень счастливо. "Она почти не могла произнести ни слова от боли. Когда она приняла решение, она продолжила: "Внезапно началось наступление Германии. Прежде чем мы решили бежать, город был окружен немцами, а моего мужа взяли в плен. Поскольку мы израсходовали ранее находившиеся в обращении российские рубли, то при коротком правлении премьер-министра Александра Керенского, с июля по ноябрь 1917 года, у нас в обращении находилась только сумма керенских денег, которая после немецкого вторжения оказалась ничего не стоящей. Так что я остался один, о, деньги, только на несколько дней еды. Когда они были израсходованы, я продал все необязательные вещи, которых было всего несколько, так как мы арендовали меблированную квартиру. Каждый день я гуляла по городу, чтобы найти место, где можно остановиться в качестве поддержки, горничной или часовой жены.

Мне везде говорили, что нельзя держать слуг, так как не хватает даже еды для джентльменов. Я был бы доволен каждой работой, даже самой подлой.

Так как я не могла заплатить за квартиру, мне пришлось покинуть квартиру, где я счастливо жила с мужем. Так что я был на улице, без квартиры, без денег, близко к отчаянию. Я хотел в отчаянии сброситься с моста через дюны, но мне не хватило смелости. Так что я приехал сюда, как последняя спасательная линия. О, я подумал, что лучше отдохнуть на земле река Западная Двина, чем так жить. Так как я не спустился, как те ужасные люди, с которыми я едва ли могу жить из-за отвращения, меня больше всего разыскивают солдаты. Ты не можешь поверить, сколько усилий мне приходится прилагать каждый раз, когда я поднимаюсь туда и позволяю этому оскорблению наступать на меня! "Опять она начала рыдать и продолжала: "О, что бы сказали мои хорошие родители или мой муж, если бы они знали, в каких условиях я живу сейчас! Я должен показать жизнерадостное, высокодуховное лицо, чтобы как можно больше заработать для старой, плохой женщины, которая несколько раз угрожала мне, чтобы выгнать меня, если я сделаю грустное лицо! "Ужасно!" "мы оба сказали. "Разве нет никакого способа заработать на жизнь вне этого дома ужасов? "Я всегда ломаю себе голову, - ответила она, - но я не могу найти выход". "Бедняжке досталось много неприятностей. Все, что мы могли сделать, чтобы помочь ей, это дать ей по две оценки, которые она приняла с благодарностью. А теперь ее забрал на танцы солдат, который пошел с ней на танцы. На

лестнице она смотрела на нас смертельно грустным взглядом. "Видишь ли, Ришерт, - сказал мой друг, - что стоит за этой очевидной жизнерадостностью". Молодая женщина действительно берет меня. И все еще есть люди, которые говорят, что война - это Божье наказание. Бог хотел войны", но так говорят только те, у кого нет людей и сыновей, подлежащих военной службе и получающих финансовую выгоду от войны. Мы сидели некоторое время и наблюдали за дрейфом.

Мы покинули место, где находился грузовик, и вернулись в свои каюты. По дороге мы все еще говорили о судьбе несчастной молодой женщины. Да, какую ужасную войну это может принести! Голод, страх смерти, мокрость, холод, лежание на улице, вши, отделение от дома для солдат на фронте, часто страшная боль раненых, страх тех, кто остался позади для своих сыновей и мужей, слезы и боль для павших, то тысячи таких или похожих случаев, как у жалкой молодой женщины. Действительно, виновные в таких страданиях заслуживают того, чтобы медленно замучаться до смерти всеми возможными способами.

Мне сказали, что поезда с картошкой прибыли на грузовую станцию. Мое единственное желание было: если бы я только мог получить один мешок! Когда стемнело, я пошел туда, дал вашему солдату, стоящему у маленьких боковых ворот поста 5 марок, и попросил его принести мешок. "Делайте, что хотите, мистер сержант", - сказал он добродушно. "Я просто не могу тебя видеть! - Осторожно подойдя под вагоны, стоявшие на рельсах, я подошел к картошке, которая лежала в кучах, вагон за вагоном. Солдат патрулировал вокруг кучи картошки. Мне пришлось

подождать, пока он не окажется на другом конце кучи. Я быстро поднял на спину мешок, весивший примерно сто килограммов, и побежал так быстро, как только мог, через станцию. Не успел я оказаться на темной стороне улицы, как несколько гражданских остановили меня и попросили продать им картошку. Но я не хотел ничего знать об этом, потому что хотел запастись припасами на некоторое время, и только те, кто был лишен их в течение долгого времени, знали, сколько стоит мешок картошки. Каждые несколько шагов я все-таки молился и мучился, чтобы продать картошку! В конце концов, мешок стал слишком тяжелым для меня. У меня также было полчаса, чтобы прогуляться до своей каюты.

Более того, я боялся привлечь внимание на ярко освещенных улицах с большим мешком, быть остановленным офицерами, которым потом придется рассказать о происхождении картофеля. Я был глубоко погружен в эти мысли, когда ко мне снова подошла молодая женщина. "Ну, солдат, не хочешь ли ты продать мне свою картошку? "Сколько бы ты мне за них заплатил? "Я спросил. "20 рублей", - ответила она. "Снято", - сказала я, - половину можно получить за 10 рублей. Мне пришлось приехать в квартиру с женщиной, которая была очень близко. Женщина жила на втором этаже. Судя по ее поведению, одежде и тому, как обставлена комната, она выглядела лучше. Я вытряхнул половину картофеля в коробку. Затем женщина пригласила меня сесть на диван и приготовила чай. Пока вода не закипела, она села рядом с моей стороной, прижала колено к моему и с многообещающим взглядом в глаза сказала: "Мой

муж в поле! "Теперь я точно знала, как она будет платить за картошку, но притворилась, что не понимает ее и сказала: "Значит, твоему мужу не повезло так же, как и мне! Ну, теперь, когда мир близок, он скоро вернется домой! "Мы немного поговорили, она не осмелилась вернуться к начатому предмету". После того, как я выпил чашку чая, она попрощалась, я мог принести ей столько мешков картошки, сколько хотел, она давала мне по 20 рублей за каждый мешок. Теперь я ходил по дому с полумешком картошки и 10 рублями, точно запомнил номер дома и название улицы и поехал на следующую трамвайную остановку. Там я бросил свой мешок в машину и поехал в река Западная Двина... Оттуда у меня была еще четверть часа пешком. На мосту через дюны мимо меня проходила пожилая женщина, которая постоянно качалась и тихо стонала. Я спросил ее, что она упускает. "Голод! "она ответила усталым, смертельно грустным взглядом. У нее была сумка побольше. Я положил свою картошку на улицу и наполнил ее мешок, может быть, десять фунтов. Женщина не могла заставить себя благодарить меня. Я сказал: "Неважно, все в порядке". "и отправился в мою каюту. В ту ночь я приготовил полный горшок еды, который съел с двумя моими соседями по комнате.

Я планировал забрать картошку на вокзале на следующую ночь и отнести ее женщине, потому что 20 рублей за мешок был заманчивым доходом. Я взял отпуск до полудня, чтобы отбуксировать как можно больше мешков. Когда я пришел к воротам станции, тот же солдат, что и накануне вечером, стоял на

страже. Я пообещал ему 3 марки за каждый мешок, который он мне пропустил. Он согласился немедленно. Я пошел прямо к картофельной куче, загрузил мешок на спину и захотел его унести. Не успел я сделать несколько шагов, как меня схватили за плечо. "Подержи это. "...голос командовал. Я остановился и позволил мешку упасть на землю. "Что у вас тут?" - спросил сержант Пио-Нье, так как это был один из них, в сопровождении двух человек, так называемого Картофельного Патруля. "Картошка", - сказал я. Теперь мне пришлось идти с ними в караульную. "Я должен доложить о вас в вашу роту", - сказал сержант. "Послушай, товарищ, я хочу тебе кое-что сказать", - сказал я. "Ты знаешь, что не моришь картошку голодом ради удовольствия". У меня не было выбора, кроме как немного улучшить свою ситуацию таким образом. Если вы доложите обо мне, я могу быть наказан. Это будет первый раз за четыре года моей военной службы. Кроме того, мой дом находится во французской оккупированной части Эльзаса, поэтому оттуда я не могу получить ни денег, ни посылок. Просто подумай о моем положении, товарищ! "Я сделал вывод. "Да, это довольно много", - сказал пионерский капрал. "Знаешь что? Просто возьми с собой мешок, но не дай ему уйти. "Потом он подарил мне руку в качестве прощального жеста: я пошел к мешку, поднял его на плечи, мимоходом отдал 3 отметки охраннику, отнес мешок обратно женщине, а затем пошел в кинотеатр с моими 20 рублями. Я больше не осмеливаюсь на очередное ограбление картофеля. Моя картошка, которую я оставил в отапливаемой комнате и которая была

заморожена, как камень, была прогнила до основания за два дня, так что больше ничем нельзя было наслаждаться.

Мысли всех солдат были направлены только на получение пищи всеми мыслимыми способами. Однажды я посмотрел на картофельные кожуры в комнате рядом с полевой кухней. Около 20 солдат были заняты очисткой большой корзины с картошкой. Когда очистка была закончена, более половины картофеля пропало. "Слушайте, солдаты! То, что ты делаешь, переборщило!" - сказал я. "Отдай эту картошку, или я буду вынужден обыскать твои карманы! "Все сделали самые невинные лица. Никто не хотел картошку. Я осмотрел их карманы, и, чудо чудес, я не нашел ни одного. Я осмотрел всю комнату, ни одного картофеля не вышло. и несколько картофелин отвезли на полевую кухню. Повар был недоволен небольшим количеством. Я заметил тайную улыбку на лицах нескольких солдат, которая доказала мне, что они должны иметь пропавшую картошку в конце концов. Я снова пошел в пилинговую с тем же результатом: ничего, вообще ничего не было найдено. На следующий день мой уборщик сказал мне, что если я ничего не скажу, он расскажет мне о местонахождении картофеля. Я был очень любопытен и обещал молчать. "В пилинговой комнате есть лестница, покрытая досками". В досках есть отверстие размером с картофель среднего размера. Картошку туда кладут. Так что вы не заметили, несколько человек стояли перед ним во время пилинга. Когда вы уходили, одна из досок была отделена, а картофель вывезен и раздан. "В конце

концов, мне пришлось посмеяться над солдатским умом". Они следовали часто повторяющейся поговорке: "Необходимость не знает заповеди. "И я не мог разозлить их.

Однажды вечером я случайно вошел в гостиную своей команды. Я был поражен, потому что люди как раз собирались съесть большую кастрюлю с мясом. "Чёрт возьми! Где ты взял мясо? "Они смотрели друг на друга, смеялись и приглашали меня не отставать". Я все еще не мог понять, откуда взялось мясо. На столе сидел вестфальский мужчина с очень неприятным лицом и красными глазами. Обеими руками он держал кусок мяса, откусывал и жевал полными щеками. Мне приходилось думать о людоедах, когда я смотрел на него в таком виде. "Знаешь, РиЧерт, - сказал он, - я застрелил большую собаку из своего пистолета вчера вечером на улице". "Он указал пальцем на бойлер. Так что собачье мясо все. Солдаты затонули так низко, что едят собачье мясо!

Когда я был наедине со своей командой, я не хотел, чтобы ко мне обращались как к "господин сержант". Только если рядом были офицеры, конечно, они должны были. Капитан кавалерии однажды услышал, как я разговаривал с солдатом Перду. Он немедленно вызвал меня в офис и дал мне хорошую порку. Он сказал, что я должен был сохранить свой авторитет. Я думал: "Если бы только дьявол заполучил тебя, с твоей проклятой одержимостью властью".

В одно воскресенье вечером компания провела вечеринку в Латвийском Подземелье. Это было довольно весело. На человека приходилось 6 бокалов пива, в полночь 2 сосиски с картофельным салатом,

после чего на полевой кухне готовили чай с большим количеством рома. Восемь музыкантов полка играли для танцев. Девушек было много, и вскоре все, что в той или иной степени умело танцевать, кружилось в большом зале.

Так как я любил танцевать, я не упустил эту возможность и отправился в долгое путешествие. Капитан кавалерии с улыбкой смотрел на ужин. Когда я прошла мимо него, он сказал: "Вы тоже танцуете, судья? Я всегда считал тебя очень умным.! "О, капитан, никто не может отказаться от веселого рыцарства в честь! "

Однажды компания инсценировала нападение за пределами полугорода. Капитан кавалерии теперь потребовал, чтобы каждый сержант, сержант записали бой и сдали его. Прежде чем он смог это сказать, он это сделал. На следующий день мы все должны были пойти к нему домой. Я с нетерпением ждал своего боевого отчета, а затем критиковал или хвалил каждого автора письма. Когда их всех прочитали, он держал в руке только мое письмо. "Это боевой рапорт капрала Ричера. " Короче говоря, я был полностью ошеломлен. "Никто из нас не мог захватить битву и написать ее на бумаге, как Ришерт.". Ты ведь фермер по профессии, не так ли, Ришерт? Я не жду, что ты будешь фермером. Ты правда написал отчет один?" "Да, капитан!" Я ответил. Потом он дал мне две хорошие сигары. Ришерт, останься здесь еще на минуту. Остальные могут идти.

Послушай, Ришерт, ты доложишь сержанту, что завтра уходишь с дежурства по моему приказу. Взамен вы запишете свое резюме с тех пор, как стали

солдатом, и сразу же передадите его мне!". Тогда я смогу уйти. Я подумал про себя: "Капитан не уверен, что я сам написал рапорт о битве"! На следующий день я записал свое резюме как солдат и принес его в квартиру капитана. Прочитав его, он сказал: "Теперь я убежден, что вы сами написали рапорт о битве, но вы прошли через многое в этих войнах и заслужили обе свои награды". "Потом он дал мне еще две сигары и оттолкнул". С тех пор я видел, что у меня был очень хороший номер с капитаном кавалерии, который всегда меня очень любил. Часто говорили, что наш полк будет переброшен на Западный фронт. Мы все боялись. Но время прошло, и мы все еще остались в Рига.

В воскресенье, 18 февраля 1918 года, мне снова дали ночной отпуск и я вернулся домой из Немецкого театра. Я сразу заснул. Уже в 3 часа меня разбудил сержант роты Лаугш, как и моего соседа по комнате Кизманна. "Послушайте, - сказал сержант, - мирные переговоры с русскими провалились и прервались". Мы должны начать новое наступление. Вы двое и лейтенант Хербст должны ехать поездом до конечной остановки на Хайнценберг. Вы двое должны сделать четвертаки вдоль реки Аа для компании, которая пройдет туда пешком и прибудет в ночное время". А теперь, в этом холодном и тяжёлом снегу, переходите в наступление. Наши лидеры, похоже, сошли с ума. Теперь прекрасная жизнь в Рига внезапно закончилась. Мы упаковали свои вещи в сумку, раскачали их на спине и пошли на дорожку. Я боялся будущего, потому что не знал, что русские не окажут никакого сопротивления. На рассвете поезд

остановился на Хайнценберг. В очень красивом замке Семнек, расположенном на реке Аа, мы сделали четвертаки для лошадей и команд. Когда наступил вечер, нас просто выкинул дивизионный штаб, который занял четвертаки в замке. Все дома и хижины в этом районе были заполнены мужчинами и лошадьми, и нигде не было свободного места. Там мы нашли несколько старых укрытий в лесу без дверей и окон, интерьер замерз, как камень, но без снега.

Лошади были плотно привязаны к деревьям и покрыты одеялами. Команды сидели как можно ближе друг к другу в холодных укрытиях и укрывались одеялами и палатками. К утру их ноги были настолько холодны, что некоторые из них встали, собрали еловые виноградные лозы и развели костер. Мы все очень тосковали по нашим проволочным кроватям в Рига. На рассвете кофе и хлеб получали с полевой кухни. Как вкусно вкусен такой напиток горячего кофе. Теперь нам пришлось выстраиваться в линию, лошадей запрягли к пулеметным вагонам, и вперед, мы шли к неопределённому будущему.

Наступление против большевистской оккупации

Прибалтийские провинции Лифляндии и Эстонии.

Номер 10 на карте

Сквозь хрустящий, твердый замерзший снег мы шли к Аа. С человеком, лошадью и телегой мы пересекли лед реки шириной 40 метров. Недалеко от

Ротенпоа-Куссау мы доехали до главной дороги Рига - Санкт-Петербург и повернули на север, в сторону границы с Россией. В полдень мы остановились. Руководители компании должны были получать приказы от командира полка. После его возвращения капитан кавалерии выстроился в очередь вокруг него. "Солдаты", - начал он, - рыцари и крестьяне Балеарских губерний Лифляндии и Эстонии попросили Его Величество освободить их от большевистских орд.

Так вперед солдаты, к освобождению Лифляндии и Эстонии! Моей первой мыслью было: "Освобождение заканчивается". Это снова будет хорошее освобождение! В действительности приказ должен был гласить: "Рабочие и крестьяне Лифляндии и Эстонии, которым удалось на несколько дней уйти от ига дворянства и крупных землевладельцев, которые всегда с подозрением относились к населению и которые во время войны были генералами и офицерами за высокое жалованье из низших слоев населения, насильно завербованные тысячами солдат на смерть каждому, теперь должны быть покорены немецким милитаризмом после короткой свободы к новому и быть избавлены от голода и страданий" ! Я был удивлен, что они не написали: они хотели освободить Францию от французов и Англию от англичан! Несмотря на то, что человек слышит всевозможные вещи, он не может получить представление о нынешних условиях в русской армии.

Мы прошли через большой лес. В конце леса дорога вела через глубокий прорубь, где дорога была высотой 6 метров и полна сугробов, что делало невозможным

движение транспортных средств. На заднем плане мы увидели проливную деревушку, лежащую далеко, перед ней на расстоянии около 1 1/2 км находилась русская деревня. На снегу была видна только темная полоса, верхняя часть почти заснеженного трапа в русском проволочном переплетении. Пришлось ждать темноты, а потом все, что с лопатой, пришлось расчищать от снега, чтобы расчистить дорогу. Было как минимум полночь, когда мы закончили эту работу.

Остаток ночи мы провели в снежном лесу. Сон - это мысль о том, что мало о чем стоит думать из-за холода. Всё растоптано и бьётся руками, чтобы немного согреться. "Завтра утром мы должны атаковать русианскую позицию!" "Стреляй. Все были очень подавлены. Горячая еда и кофе с полевых кухонь подавались в перерыве дня. Затем пехота должна была выстроиться на краю леса в линию винтовок. Нам самим пришлось взять пулеметы и ящики с патронами из пулеметного грузовика и выстроиться в линию пехоты. Я сказал своей команде, что если русские стреляют слишком сильно, то они должны немедленно броситься вниз и броситься в глубокий снег, где их вообще не видно. Это было ясное, холодное зимнее утро. Когда солнце вышло в сад, он сказал: "Давай, иди!" Мы вышли в лес, делая длинные следы через снежное поле. С российской позиции выстрелов не было. "Видели ли они нас еще, или от позиции отказались", - подумал я. Потом я увидел темные искры на снегу за русской проволокой, сначала по отдельности, потом все больше и больше. Я взял бинокль и посмотрел. По мере того, как я медленно приближался, моя команда начала потеть,

потому что было нелегко переносить тяжелые грузы, потому что каждый шаг был выше колен в снегу.

Мы уже приблизились к российской позиции. Голова к голове, русские смотрели на нас. Я поднял свою свободную руку и помахал им приветствием. Сразу же подошло много рук, которые помахали нам живыми. Ни одного выстрела не было сделано, ни здесь, ни там. На близлежащей дороге, ведущей через российскую позицию, была устранена разворотная заградительная заградительная заградительная заградительная заградительная мера. А вот и они. Русские приходили к нам, сначала один за другим, потом массово, с высоко поднятыми руками, "Соберите все на улице", звали наши офицеры. Все повернулось на улицу. Когда мы прибыли туда, мы положили наше оборудование на землю. Русские теперь прошли мимо нас. Все они были маленькими мальчиками, едва достигшими двадцати лет, но все они были симпатичными. Старшие русские отказались оставаться в канаве, некоторые из них вернулись домой, некоторые ошивались в городах и деревнях за "фронтом". Мы шли дальше, сначала эскадрон Гусерен верхом на лошади, затем батальон пехоты, затем наша пулеметная рота. Сначала мы проехали через совершенно заброшенные деревни. В одном из них они остановились и провели ночь. Мы спали в комнатах, конюшнях и сараях, на старой соломе, которая служила русским в лагере. В результате мы все снова были полны вшей. Это было не так уж плохо, потому что мы привыкли к этим дорогим маленьким животным, и если ты сильно поцарапал, то

немного согрелся. На следующее утро мы продолжили в том же порядке. По дороге мимо нас прошло много солдат в русской форме.

Мы все думали, что это русские, но это были немецкие пленные, которые были освобождены и могли уйти куда угодно. Великий из Берлина сказал: "Я в плену уже 14 лет!" И он был очень симпатичный и, казалось, не испытывал недостатка. Я подумал про себя: "Теперь приезжайте на несколько недель в отпуск в Берлин, там он получит еще больше от всячего неза. Потом он, наверное, пойдет на французский фронт . Там мы слышали выстрелы в городе. Усталые мы прилегли и вскоре заснули. На следующий день был день отдыха. Мы остались в Валмиере. Я поехал со своими товарищами по Mahrgaren в маленький городок. Издалека мы видели много солдат, стоявших вместе в одном месте. Мы также пошли туда и протолкнули себя сквозь толпу. Какой у нас был вид! 6 расстрелянных людей лежали на земле, все в форме русского солдата, вдоль забора пикета. Двое из них лежали, скованные между собой в том положении, которое они приняли в своем смертельном страхе. Один сидел спиной к забору, прислонившись к нему в снегу. Его голова была разделена от уха до уха до подбородка одним порезом сабли. Его лицо висело на груди, в то время как затылок стоял высоко, какая картина! Вздвогнув, мы отвернулись и пошли покупать еду, если это было возможно.

На расстоянии мы увидели, что несколько человек были повешены на рыночной площади. Мы пошли туда и посмотрели на этот ужасный факт. Всего там

было 5 человек, 4 молодых и один старший, которые уже были некоторыми из тех, кто был освобожден немцами, конечно, только своей жизни! Все они слегка наклонили голову в одну сторону, а кончик их языков находился под углом между губами. Рядом с ними выстрел Фрей на ее лице в снегу. Ее ноги были одеты только в чулки. Пожилая женщина стояла и плакала на углу дома. бедняжка подошла к одному из повешенных и, громко заплакав, погладила его по ноге брюк, как будто ласкала его. ". Но делать было нечего. На рынке было много брошенных русских капитанов. Так как в городе не было товаров, которые можно было бы купить, я поехал с сержантом Кипманом на ближайшую ферму. Люди понимали немцев и давали нам молоко, картошку и хлеб, сырой черный хлеб, как это было везде в той местности. Мы спросили их, что это за люди, которые повесили трубку на рынке. Но они были осторожны и не хотели ничего говорить. Когда мы сказали им не бояться их, они сказали нам, что эти пятеро - граждане города. Двое из них вернулись домой из рук несколько дней назад. Все пятеро из них были известны как миролюбивые люди и не совершали никаких преступлений. Мертвая женщина была матерью того, кто отчаянно сопротивлялся казни ее сына. Гусары просто взяли первые из найденных и повесили их как средство устрашения. Как страшно! Правдивы ли эти утверждения или нет - это не мое мнение, но это возможно.

У следующего Норгена все стало слабее. Когда мы пришли на рынок, бедняки все еще висели. Мы маршировали весь день. Часто немецкие и

австрийские солдаты, захваченные русскими, проходили мимо нас. Большинство австрийцев выглядели очень недовольными. Вероятно, они предпочли бы остаться в плену, а не приходиться на фронт снова. Было очень трудно маршировать по зеркально гладким улицам. Почти всегда задние колеса автомобиля соскальзывают в сторону. На следующий вечер мы были размещены в большом ваучере вдоль дороги. Многие беженцы остались в хорошем. Когда сержант отправился в изолированную небольшую конюшню, чтобы посмотреть, есть ли место для некоторых лошадей, беженцы начали плакать и стонать, как сумасшедшие. Мы не знали почему. Вскоре мы узнали почему, потому что сержант нашел в конюшне тело пожилого, благородно одетого джентльмена. Беженцы до смерти боялись, что мы посмотрим на них и поймаем. Но мы оставили их в покое, что сделало их очень счастливыми. На следующий день мы продолжили. Район был достаточно густонаселен, дома были лучше, чем обычно, и жители были одеты довольно чисто. По обеим сторонам дороги, а также в канаве лежало много русских лошадей, некоторые из них лежали под снегом. На заднем плане мы видели город под названием Поликлиника.

Вдруг мы увидели колонны русских солдат, выходящих из города. Мы не знали, что это значит. "Как верно!" плакал капитан кавалерии. Мы вырвали пулеметы из вагонов и поставили их слева, слева и справа от дороги на небольшом холме. "Загружено, Ви-сир 900!" "...капитан кавалерии приказал: "...как только прозвучат выстрелы, открывайте непрерывный

огонь по колонне!" У меня мурашки по коже, когда я думал о том, что наш пулемет сделает с колонией. Но выстрела не было. Мне показалось, я слышал звук музыки несколько раз. Теперь мы отчетливо слышали, как играет русская полковая музыка. Невероятно, это был русский пехотный полк, который добровольно пришел с музыкой в наш плен. Экипажи смеялись и махали нам руками, проходя мимо нас. Затем последовали несколько сотен солдат, попавших в плен с повозками и лошадьми. Повсюду в полях бегали полуголодные русские военные лошади, поедая кору деревьев и замерзшие веточки кустарников. Никого не волнуют бедные лошади.

Внезапно мы услышали сильный взрыв в городе. Могучее тяжелое облако было расстреляно на ветру, и многие объекты, которые не могли быть опознаны из-за расстояния, пролетали под ним. Затем мы узнали, что завод по производству боеприпасов в Уолфе взорвался. Мы вошли в город. Тысячи австрийских солдат стояли по обе стороны улицы и наблюдали за нашим вторжением. Я видел среди них несколько счастливых лиц.

Все они были освобождены большевиками и теперь снова помещены под влияние немецко-австрийского милитаризма. Жители города с нетерпением ждали нашего входа со смешанными чувствами и уже боялись грядущего вождя. На площади перед церковью гусары снова повесили двух человек. Мы жили в Уолле. В комнатах было холодно, потому что почти все окна были разбиты огромным взрывом. Русские солдаты просто отказались подчиниться и убежали. Также в первый же вечер нашего прибытия

было обнаружено большое русское продовольственное депо, состоящее из нескольких больших казарм, туда поехал за едой Альлес. Я также поехал с тремя мужчинами из моей команды в казармы. С одной стороны было много маленьких коробочек со свечами. С другой стороны были высокие стопки банок, упакованных в ящики. С одной стороны было много коробок с сахаром, поверх них также много мешков, наполненных сахаром. Двое мужчин загрузились по одному ящику с мясными консервами, третий взял на спину мешок сахара, а я позаботился об освещении и взял ящик со свечами. Она ушла, как будто в голубятню, и казарма быстро опустела. Не успели мы уехать с меньшим количеством добычи, как на месте происшествия появилось несколько офицеров.

Солдаты и гвардейцы были размещены перед входами в Ба-ракен. Для нас это не имело значения, потому что наша добыча была в безопасном месте. Через мгновение захваченные мясные консервы были приготовлены и невероятное количество было съедено пятерыми из нас. Кофе был настолько сахарным, что он был сладким, как мед и маленькое пиво. На следующее утро я зашёл во двор фабрики рядом с нашей каютой. Сотни русских мужчин были собраны здесь. Не было ни разговоров о еде, ни о соломе, тем более о соломе. Там был Хей. Бедные животные съели друг друга и шерсть, чтобы утолить голод. Рядом с заводом наши пулеметные лошади содержались в конюшне. Я зашёл и принёс кучу сена из сенокоса, чтобы отвезти его бедным лошадям-добытчикам. Когда я вошел к воротам, и животные

увидели сено, они скакали на меня со всех сторон. Я испугался, поэтому уронил сено и выбежал через ворота. Лошади умоляли друг друга о маленьком кусочке сена, который только что исчез. С умоляющим взглядом они смотрели на меня, как будто хотели сказать, чтобы я получил больше, что было невозможно, потому что для наших лошадей почти нечего было есть. Во второй половине дня сержант роты разрешил мне прийти к нему. "РиЧерт, - сказал он, - командование только что попросило отправить в сельскую местность 2 унтер-офицеров и 6 человек, с какой целью, я не знаю". Хочешь этого, Ришерт?"

Я сказал: "Почему бы и нет, сэр". Потом я пошел с сержантом Лангером и шестью людьми в...

Кабинет командера и доложил об этом. Потом нам пришлось вернуться в каюту, чтобы забрать свои вещи. Кроме того, каждый из нас должен был быть вооружен винтовкой и самозарядным пистолетом, а также достаточным количеством боеприпасов. Мы вернулись к командиру так же, как и двое русских, которые, по-видимому, были большевиками. Эти двое произвели довольно хорошее впечатление, но они не говорили по-немецки. Я слышал, как офицер сказал им: "Подождите, свиньи, завтра вам будет холодно". Эти двое бедняков тоже были "освобождены"!

Теперь сержанту Лангеру приказано отправиться в замок Холлерхоф, чтобы защитить своих жителей от большевиков. Мне приказали взять троих моих людей и пойти в замок Гермес, чтобы защитить молодую женщину, которая жила в замке, а также пастора в его пасторском саду, школьного учителя и командира

взвода. Мы также были ответственны за арест большевиков или людей с большевистским отношением и за то, чтобы взять их на прогулку, а также за то, чтобы собрать все огнестрельное оружие, принадлежащее народу Гермеса и его окрестностей. Это была большая часть того, что нас просили сделать: защитить людей, арестовать других и собрать оружие, используя вооруженный отряд из трех человек! Нескольким фермерам пришлось ждать вне комендантского часа со своими лошадьми и саними, чтобы обеспечить транспорт. Сержант Лангер и я получили карту, на которой изображены все фермы и географические объекты в этом районе. Мы сели на сани и уехали.

Мы едва покинули город, прежде чем отправиться в путешествие по заснеженному сосновому лесу, который, казалось, длился вечно. Сани тянула маленькая, грязная лошадка, которая рычала с невероятной выносливостью. Вокруг шеи лошади был деревянный ошейник, а под ним - колокол, который постоянно звонил. Рядом со мной сидел крестьянин в меховой шубе, с высокой меховой шапкой на голове. Мне казалось, что в целом это настоящая русская картина, которую я видел в календарях в прошлом. Не хватало только одного: волков! Для начала я предположил, что фермер не поймет немецкого. И тут же он начал говорить со мной. Я сразу же предложил ему сигару, взял одну для себя и зажег их обе. Я спросил его, как далеко он находится от города Уолк до деревни Гермес. Он сказал мне, что это 22 мили, около 25 километров. Мы прошли через несколько деревень. Сельские жители смотрели на нас, как

первые Аллеруки, которых они увидели. Почти в каждой деревне был красивый замок. Обычно там был барон или граф, и вся деревня должна была работать на него. Но у рабочих здесь коттеджи были лучше, чем в Познани или дальше на юг, и люди были прилично одеты. Вечером мы прибыли в деревню Гермес. Мы пошли в замок. Консьерж сказал мне: "Дама ушла". Честно говоря, я был рад это слышать. Дама, отвечающая за замок, тут же поджарила для нас кучу свиных отбивных. Фермер, который привез нас сюда и хотел немедленно вернуться в темноте, теперь должен был поесть с нами и поспать здесь.

Мы вчетвером пришли сюда, потому что свиные отбивные были для нас чем-то новым. Из-за этого мы слишком много ели и закончили поносом. Хорошо, что никто из нас не может смеяться друг над другом, потому что у нас у всех одна и та же проблема. В ту же ночь, когда мальчик отвез нас в школу. Я постучал - нет ответа. Я снова постучала и услышала, как кто-то сказал что-то на литовском. Я ответил: "Мы немецкие солдаты, которые были посланы сюда на марше, чтобы защитить вас". Именно директор школы, конечно же, очень хорошо говорил по-немецки. Он якобы открыл дверь и зажег нас свечой. Потом я заметил, что у него в правой руке был револьвер. Я рассмеялся и сказал ему, что ему нечего бояться. Он пригласил нас войти и был очень дружелюбен, как и его жена, которая сразу же приказала своей горничной принести нам чай и булочки су-кре. Мы потратили около часа на болтовню, а затем уехали, чтобы вернуться в замок и переночевать там. Когда мы ушли, директор

пригласил нас на ужин на следующий день, и мы с радостью приняли предложение.

На следующее утро мы отправились в пасториум, который был на холме, и получили очень теплый прием. У пастора была красивая жена и трое прекрасных маленьких детей. Мы провели там приятные часы. К нам отнеслись с большим гостеприимством, и один из моих солдат, младший капрал Кесслер из Берлина, играл на пианино красивые пьесы. Мы поблагодарили их и пошли обедать в дом директора. Директор школы в Литве - важный человек, который не только следует своему призванию, но и является фермером. Естественно, у него есть рабочие, которые должны делать что-то для него. Они дали нам еду, которой у меня никогда не было с тех пор, как я стал солдатом, она была почти слишком хороша для нас, потому что наше небо привыкло только к элементарной еде в виде почвенного жира. После еды мы сели вместе и удобно покурили. Каждый из нас должен был говорить о своей родине. Когда я сказал, что приехал из Эльзаса, профессор сказал: "Ваш дом - это косточка раздора, которая, вероятно, ответственна за начало войны". Теперь я рассказала своему профессору о красоте и плодородии Эльзаса, высоком уровне культуры и многочисленных природных ресурсах. Тогда учитель сказал мне, что он не доверяет большевикам, которые враждебно настроены по отношению к нему, и что именно поэтому он попросил защиты у немецких солдат. Я сказал ему, что наша задача - арестовать большевиков и людей с большевистскими симпатиями и вывести их на прогулку. Внезапно жена

профессора ввязалась в это дело. Профессор, который жил на верхнем этаже, испытывал большевистские симпатии. Она заслужила, чтобы ее забрали и так сразу же. Она всегда пыталась представить профессора в невероятно плохом свете. Я сразу понял, что у нее была глубокая ненависть к профессору, и нашел ее донос очень неприятным. Я попытался создать у нее впечатление, что внимательно слушаю, а потом сказал ей, что подойду и допрошу учителя.

Я постучал в дверь, на которую указала жена профессора, и вошел, когда услышал "Войдите". Когда я вошла, профессор встал с дивана, предложил мне место и тут же начал плакать. Она вернулась, чтобы сесть на диван и продолжала плакать, поэтому я сел перед ней.

Учительница была молодой девушкой лет двадцати, красивой и красиво одетой. Я начал с того, что сказал: "Почему ты плачешь?" "Боже мой, ты был внизу с учителем". Как его жена ненавидит меня", - плакала она. "Послушайте, леди, вам нечего бояться от меня." Мне плевать, что она думает. Возможно, ее мнение и мое могут отличаться. Она посмотрела на меня с удивлением. "Да, поверьте, я тоже много страдал при военном режиме". Мое единственное желание сейчас - избавиться от него любыми средствами". Я сказал ей, что это моя работа - арестовывать людей с большевистскими симпатиями и брать их на прогулку. Вам должно повезти, что вы имеете дело со мной, а не с сержантом с патристическими взглядами", - сказал я.

Боже мой, сказала учительница, если бы я только могла выбраться отсюда и пойти к родителям. Я

спросил, откуда приехали ее родители, и она упомянула деревню в двадцати километрах к югу от Тарту. Я на мгновение подумал, а потом сказал: "Неужели здесь нет никого, кому можно было бы полностью доверять, чтобы иметь лошадь и сани"? - Конечно, - ответила она, указывая на дом, где живет крестьянин. "Послушайте, мисс, завтра я отведу вас к вашим родителям". Не могли бы вы написать мне записку, пожалуйста, для того, кому вы доверяете, объясняющую наш план? Я пойду туда утром и дам ему записку. Тогда мы оба приедем на санях. Будь готов и я притворюсь, что останавливаю тебя. Немного поплачь, а потом я скажу профессору, что подвезу тебя, но вместо этого мы поедем к тебе домой. Ты сделаешь это? Я спрашивал тебя. "О, как я счастлив, ты отличный парень. Я буду помнить тебя каждый день своей жизни! После того, как мы приковали себя цепями, я пошла к семье директора и, выглядя серьезно, сказала, что на следующее утро возьму профессора на прогулку. Я был потрясен счастьем, которое увидел на лице жены директора. Потом мы вернулись в замок и провели там остаток дня. На следующее утро я пошла искать друга учителя, который работал в кабинке. Он испугался, когда я вошла и не сказала ни слова по-немецки. Я пожал ему руку и дружески кивнул. Потом я взял записку у учителя и отдал ее ему. Я не мог прочитать его, потому что, хотя он был написан на немецком, он был на латышском языке. Когда мужчина прочитал ее, он с удивлением посмотрел на меня и снова посмотрел на записку. Я улыбнулся ему и указал головой "да, да", затем указал на учителя и помахал ему рукой, чтобы

показать, что мы уезжаем. Тогда он поверил мне. Пришлось зайти в его гостиную и выпить с ним теплого молока, а он надел войлочные сапоги и меховую шубу. Лошадь была запряжена, так что мы пошли в школу. Я пошел прямо к учителю. Она была очень дружелюбна, но очень напугана. Мы подождали минутку, потому что мне нужно было выпить чашечку чая, а потом спустились вниз. Учительница хорошо играла, держа перед глазами носовой платок и плакала. Фермер не знал, что с ней делать, когда увидел, что она плачет. Тогда под окном появилась жена учителя, и ее лицо сияло радостью. Я вежливо приказал фермеру подняться, сел рядом с учителем на заднее сиденье саней, и мы ушли по направлению движения. Когда жена учителя больше не могла нас видеть, мы повернули на север к дому учителя. Мы втроем очень весело катались на санях. Учитель объяснил, что именно случилось с фермером, подошел ко мне очень дружелюбно, похлопал меня по плечу и сказал кое-что на латышском языке, что учитель перевел для меня. Он сказал: "Если бы все немецкие солдаты были такими же, как ты, ты был бы счастлив первым". Я попросил профессора объяснить ему, что другие немецкие солдаты будут делать разные вещи, и что ему придется прятать много еды, потому что немцы, наверное, реквизируют почти весь скот и всю еду - то есть ее украдут, и кто бы не принял меры предосторожности, ему придется затянуть ремень. Фермеру не понравилось то, что я сказал. Жители всех деревень и усадеб, с которыми мы столкнулись, казалось, удивились, увидев нас. Лошадь шла все дальше и дальше. Интересно, откуда взялась эта

лохматая лошадка? Фермерская собака, маленькая крыса, побежала за упряжку с высунутым языком. Я сказал фермеру остановиться, вышел и забрал его с саней. Учительница сказала, что у меня должно быть доброе сердце и что она не может представить, что я могу убить кого-то на войне. Я сказал: "Я надеюсь, что все люди, которых я застрелил, здоровы", что нас обоих рассмешило. Она продолжала благодарить меня за помощь. В конце концов, можно было увидеть ее родную деревню. "Там живут мои родители", - сказала она. Деревня все еще находилась в полутора километрах. "Послушайте, мисс, мы должны разойтись!" "Нет, - сказала она, - ты должна пойти со мной в дом моих родителей!" "Это невозможно, - сказал я, - потому что никто в вашей деревне не должен знать, что вас привел. Пока мы ехали через небольшой лес, я попросила фермера остановиться, и одна молодая женщина объяснила ему мое решение. Она вышла и хотела пойти домой пешком. Я сказал ей, что она должна продолжать кататься на санях, и что я буду ждать там, пока фермер не вернется. Теперь мы попрощались. Как я могу вас отблагодарить? - Она продолжила, и вдруг, в порыве искренней благодарности, она положила обе руки на мою шею и дал мне два теплых поцелуя в рот, на которые я ответил так тепло. Она спустилась, забралась на сани, пожала мне руку в последний раз, и сани ушли. Она приветствовала меня, пока не оказалась рядом с деревней. Я чувствовал себя очень странно, все это повлияло на меня, и мне понадобилось время, чтобы забыть девушку. Прошло некоторое время, прежде чем фермер вернулся. Наконец, сани пришли из

деревни. Когда я попал на борт, фермер дал мне хорошую фотографию учителя. На спине она написала: "Моему дорогому спасителю, Ольге Андерсону. Затем фермер получил большой кусок вареной ветчины, немного хлеба и банку горячего чая. Мне понравилось, что он принёс, и я его тоже пригласила. Он засмеялся, указал на деревню и указал ртом, как будто ел. Так что он ел в доме родителей своего учителя. Теперь я покормил собаку, которая сидела рядом со мной, и стал очень уверенным в себе. Так что мы втроем счастливо вернулись к Гермесу. Когда мы прибыли, я рассказал всю историю своим трем солдатам; они все согласились с моей точкой зрения и одобрили то, что я сделал.

Я ответил. "Это правда, что нехватка серьезно сказывается на армии и немецком населении, и вы найдете в хлебе дровяную стружку, но то, что вы слышали о трупах - полная ложь. Но я скажу тебе одну вещь. Это будет недолго, прежде чем вы тоже будете страдать большой дефицит, потому что большая часть того, что у вас есть, будет отнято у вас. Мы советуем вам немедленно спрятать еду. Расскажи об этом людям, которых ты знаешь! Теперь мы переезжаем из одного дома в другой. Нас встречали почти везде, и люди немедленно подавали нам чай или молоко. Мы знали, что на латышском "Guten tag" - это "Лалия".

С этим приветствием мы вошли и сказали "винтовка и револьвер", после чего их привезли к нам. В случае с некоторыми фермерами я заметил, что они не хотят расставаться со своими старыми охотничьими ружьями, поэтому я вернул их, сказав, что они должны их спрятать. Во многих домах мы

сталкивались со старой загородной промышленностью - машинами и другими машинами, которые я не мог назвать. Поскольку все это было для нас в новинку, мы часто проводили время, наблюдая за тем, что они делают. На нескольких фермах мы столкнулись с людьми, убивающими крупный рогатый скот или свиней. Когда мы приехали, они в основном боялись, потому что думали, что мы забираем мясо. Я подал им знак, что они должны спрятать мясо, и они кивнули головой. В этих черных домах нас приглашали в их лучшие комнаты, и нам подавали молоко, чай и еду. Конечно, в такие дни мы не можем съесть все, что нам предлагают. Наше единственное желание было остаться здесь как можно дольше. По сравнению с прошлым, мы жили здесь, как принцы.

Когда мы приблизились к другой области, мы услышали шум. Мы вошли. Кроме семьи, в гостиной находились восемь молодых, крепких мужчин, которые, очевидно, были российскими солдатами, хотя и были одеты в гражданскую одежду. Некоторые из них не выглядели правдоподобно. Они предложили нам сесть за стол и выпить чаю. ! Потом я заметил, что дверь в соседнюю маленькую комнату была слегка приоткрыта, и я увидел, что двое мужчин в комнате смотрят на нас сквозь свет. Я ходатайствовал о том, чтобы они пришли, и они пришли. Потом я сказал "оружие", и я сказал, что они должны сдать его. Они просто пожали плечами. Я показал им пальцами, что идет большое количество немецких солдат, и если они найдут оружие, то их заберут в плен. Чтобы они поняли, я положил руки друг на друга, как будто они

связаны. Они вошли в сарай и вернулись с десятью японскими винтовками. Мы погрузили их в сани и вернулись в Гермес, где я освободил фермера от его обязанностей. Потом мы пошли на почту; женщина очень хорошо говорила по-немецки, а ее три дочери очень хорошо умели играть на цитре и мандолине. Когда мы уходили с почты, по улице шли два русских солдата. Командование приказало взять на променад всех латышских солдат, у которых не было выданных немцами орудий разряда, и записать их данные. Эти двое испугались, когда я остановил их. Я сказал им, что они должны показать мне свои бумаги. Все показали мне форму, в которой я не мог прочесть ни одного слова. Я отвел их к женщине на почте, и она перевела для меня. Солдаты сказали нам, что они находятся всего в десяти километрах от дома и что они не видели свою семью в течение двух лет. Я попросил женщину сказать им, что я понимаю, что они будут рады вернуться домой; мы тоже будем рады вернуться домой. Они оба были очень счастливы. Я дал каждому из них сигарету.

На следующий день мы отправились на санях в замок Холлерхоф, куда сержант Лангер из моей роты был отправлен с четырьмя мужчинами. Боже правый! В каком состоянии был замок! Вся мебель во всех залах и комнатах была сломана, порезана и снесена. Столы, диваны, зеркала, шкафы, гардеробы и кровати превратились в кучу мусора в пустыне. Даже крышки были отрезаны и перья разбросаны по всей комнате. "Кто это сделал? Я спросил вождя, который хорошо говорит по-немецки. "Русские большевистские солдаты", - снова сказала она. "Зачем они это сделали?"

Я спросил. Владельцем Голлерхофского дворца был русский генерал, который часто безжалостно толкал свои войска в ненужные атаки, которые стоили им тысяч жизней. Она думает, что генерал был убит. Около четырехсот австрийских воинов жили в домах недалеко от замка. Двое из них говорили по-немецки. Большевики освободили их в начале революции.

На следующий , наш батальон направлялся на север. Повсюду мы встречали один и тот же пейзаж снег, сосновые леса, заснеженные деревни и особняки. На обочине дороги было много умирающих лошадей, а также брошенные артиллерийские орудия, полевые кухни, боеприпасы и багажные тележки. Мы добрались до города Дерпта, который уже был оккупирован немцами. Русских солдат было больше, чем немцев. Все они были латышами и эстонцами, ожидавшими демобилизации. Поскольку им не хватало одежды, они могли продолжать носить русскую форму, но им приходилось снимать кокарды со шляп и снимать . На следующий день мы пошли дальше на север. Лед и снег начали таять, и мы продвинулись в ужасном беспорядке, с холодными, мокрыми ногами. Мы провели ночь в маленьком городке. На следующее утро мы были освобождены батальоном территориальной армии и на несколько дней вернулись в Венден, где сели на поезд. Говорили, что мы едем на немецкий военный полигон, а оттуда на Западный фронт. Так что у нас снова была счастливая перспектива умереть нежными героями за нашу любимую Родину.

Путешествия из России во Францию

После погрузки лошадей, вагонов и войск поезд отправился в Ригу. На дороге, которая была близко к железнодорожной линии, я заметил, как солдаты гоняли стада скота на юг - так началось "освобождение" Латвийского и Эстонского государств. Вскоре мы прибыли в Ригу и поприветствовали народ. Они призывали нас вернуться - и как! Они подзывали: "Пойдем с тобой! К югу от Риги снег уже где-то таял, мы не привыкли видеть землю свободной от снега. Мы пересекли Восточную Пруссию, затем Западную Пруссию до Бранденбурга. В этом регионе много бедных песчаных районов. Мы пересекли Берлин, как раз в то время, когда поступали первые сообщения о победе с Запада. Эта новость, казалось, придала новое мужество полуголодному населению, ибо мы везде были шумно счастливы; следовавший поезд, полный солдат и боеприпасов, ехал из России на Запад. Люди верили, что освобожденные армии в России смогут прорваться через англо-французский фронт и все равно одержать победу. Когда наступила ночь, мы все заснули в вагонах.

Около полуночи поезд остановился на маленькой плохо освещенной станции. "Все на выход! Разгрузили и упаковали лошадей и вагоны, затем отправились в село Шайниц. Квартир для нас уже созданы. Мы лежали в комнате на куче соломы и вскоре заснули. На следующее утро я спросил у леди, где мы находимся. Она рассказала нам, что деревня находится рядом с большим военным полигоном в Альтенграбу, недалеко от Магдебурга. Земля была

очень песчаной, и мне было интересно, как фермеры могут зарабатывать на жизнь на этой бедной земле. Мы убрались утром и взяли выходной. Я помог фрау Санфенберг, убрав с деревьев нездоровые гусеницы, а затем затолкал машину, полную навоза, в мой сад для нее. У них было три молодые дочери, Ида, Мария и Гретель, в возрасте шестнадцати, двенадцати и одиннадцати лет соответственно. Каждый вечер, кроме Страстной пятницы, два паба в деревне начинали танцевать. В результате непрерывной переписки большинство девушек были ужасно избалованы. Многие родители, братья, сестры и жены приехали со всей Германии, чтобы навестить солдат, с которыми они были связаны. Для многих это был последний раз, когда они видели друг друга.

В пасхальное воскресенье внезапно сработала сигнализация: через час нас должны были посадить на поезд на станции Недлиц, в пяти километрах отсюда. Мы собрались вместе, положили ценные вещи в пулеметный вагон, попрощались и уехали в Недлиц. Через несколько минут все было погружено в ожидающий нас поезд. Путешествие пересекло Рурский регион, затем Дюссельдорф и, наконец, Кельн. Там нас накормили, а потом мы поехали в Бельгию. На полях было много сельскохозяйственных рабочих. Мы помахали им. Почти все они помахали "перерезать горло" и пошли вперед. Нам пришлось сойти с поезда в Лоне, но нам пришлось сойти с поезда пораньше, потому что город находился под сильным французским обстрелом. Мы поехали в Ла Фэр и провели ночь в маленьком городке, который был

наполовину разрушен. С фронта мы слышали выстрелы. Все выглядели серьезно.

На следующее утро мы отправились на фронт, проходя через район, где в 1916 году бушевала большая летняя битва. В радиусе шестидесяти километров практически не было шума - ничего, кроме обломков и руин. Поля были покрыты обломками, заросшими растительностью. Между ними были кресты павших солдат. Если бы вы сами этого не увидели, вы бы не смогли получить представление об ущербе. Несколько деревень полностью исчезли. Там был только знак, на котором было написано по-английски: "Это..." и название деревни. Мы прибыли на Сомме, в старую деревню Бри, и разбили лагерь в волнистых железных хижинах, построенных англичанами. Мы спустились на Сомме, который достаточно широкий и болотистый, но недостаточно глубокий на данный момент. мост был отремонтирован немцем. К западу от моста я видел первых убитых английских солдат. Впереди был непрерывный гром и артиллерийский бум. Все наши лица могли читать страх перед будущим. Люди называют нас "героями", чудесное имя, которое редко и почему-то никогда - не отражает реальность.

Мы также нашли тело пилота, лежащего рядом с сгоревшим самолетом, который разбился на краю траншеи. Тело пилота было сожжено; от его одежды ничего не осталось, кроме обуви и полоски брюк и нижнего белья. Сотни мух сидели на его частично автомобильном теле. Пулемет показал, что он не был немецким пилотом. Тогда я и заметил цепь с идентификационной биркой на обугленной руке. Я

пытался увидеть, кто этот мертвец. Цепь расплавилась там, где была приварена, что позволило мне получить идентификационную бирку. Все, что я мог различить между "Канада" и "протестант". Очевидно, что это канадский пилот, который умер ужасной смертью за тысячи миль от дома. К востоку от моста находились девять частично подорванных британских танков, которые не могли вернуться через мост после того, как были уничтожены немецкими снарядами во время атаки. Кусок его пояса и фрагмент его серой униформы застряли в трещине. Внутри отрезали левую руку, которая казалась совершенно сухой, а на втором мизинце было обручальное кольцо. Я мог объяснить это только тем, что немецкие солдаты, переправлявшиеся через Сомме, искали укрытия за танками и были убиты немецкими снарядами, у которых не было снарядов.

Мы пересекли мост. Противоположная сторона моста была такой же: ямы и старые траншеи. Около 60 погибших англичан собрались здесь в ожидании похорон. Здесь лежали мертвые англичане. Следующую ночь мы провели в гофрированных железных хижинах, и на этот раз самолеты нас не потревожили.

На следующее утро мы вышли на фронт. Там не было ничего, кроме обломков, а местами, деревни, которые почти полностью исчезли. На окраине Харбонира мы провели ночь в маленьком топольном лесу. Рядом с ним были несколько погибших английских солдат, лица и униформа которых были съедены местами. В этом случае немцы использовали свой страшный газ.

Примерно в пятистах метрах от леса находилась английская военная станция с большим количеством локомотивов и вагонов. Рядом с разрушенной фабрикой был английский склад боеприпасов, который я никогда раньше не видел. Там были тысячи и тысячи ракушек всех видов, от самых больших до самых маленьких. Свалка была окружена грязевыми стенами, поэтому все было разделено на квадраты шириной около десяти метров. Это означало, что если свалку разбомбить, то взорвутся только снаряды с одной из площадей.

Мы провели два дня, лежа в лесу. В первый вечер я поехал в Харбоньер, чтобы купить бутылку вина в столовой. Город был почти полностью невредим, но я не видел ни одного жителя. Когда я вернулся в лес, вечеринка была в тупике, а капитан читал приказ дивизии. Я остался за вагоном и слушал. Капитан чуть не заставил мои волосы встать на ноги: завтра вечером мы должны были идти на фронт. Пришлось копать на определенном месте, а на следующее утро, после интенсивной подготовки немецкой артиллерии, атаковать и прорвать британские позиции и выйти на западную окраину Кеши. Несколько дивизий должны были возглавить атаку, а более восьмисот немецких орудий должны были открыть разрушительный огонь по британским позициям. Кроме того, для подготовки пехоты должны были быть развернуты четыре немецких танка. Нападение на большую, хорошо оснащенную армию, оснащенную всем возможным и невозможным оружием - это было нечто! В любом случае, этот приказ был смертным приговором для многих бедных солдат. Никто не знал, с чем он

столкнулся, и атмосфера была, как все могут себе представить, очень темной. Я вышел из-за фургона и был очень удивлен и рад встрече с Джозефом Хоффертом из моей родной деревни. Он был уорент-офицером в территориальном районе Реги и в то время находился в деревне Розье. Хофферт наткнулся на солдата из моего полка и заметил, что его эмблема была под номером 332. Как мы часто писали друг другу, у него был мой адрес, но он думал, что мой полк еще в России. Он сразу же пришел в мою роту с солдатом, и мы встретились. Мы передавали друг другу последние новости из дома, которые каждый из нас слышал по почте, отправленной из Швейцарии. У Хофферта также была фотография, на которой молодые люди нашей деревни посещают вечернюю школу. Боже мой! Я была так удивлена! Когда я видел их в последний раз, они были просто детьми, а теперь они стали молодыми мужчинами и женщинами. Мы оставались вместе до поздней ночи, затем я сопровождал его на часть поездки в Розьер. Когда я ушла, я попросила его поздороваться с моими родителями и сестрой, если я не смогу вернуться домой. В тот момент я был ближе к тому, чтобы плакать, чем смеяться. После очередного рукопожатия мы расстались. Я вернулся в компанию и пошел спать в лес. Мы промокли в тяжелом душе, потому что не могли установить палатки. На следующий день было солнечно, поэтому мы смогли высушить одежду. В небе произошли две ожесточенные собачьи бои, в результате которых два самолета упали на землю во время пожара. Эти летчики погибли трижды: сначала

их сбили, потом сожгли, а потом раздавили, когда упали на землю.

В один момент артиллерийский огонь с фронта непрерывно грохотал, громче остальных. День закончился медленно. Был отдан приказ "Готовься!", и нас окружили. У каждого из нас было одно и то же серьезное выражение. Затем пулемётные группы были реорганизованы. У меня есть Алекс Кнут из Берлина, как главный стрелок, стрелок Лэнга.

Вермельскирхен, и двое мужчин из Рейнской области, имена которых я теперь забыл. Сержант Берде Блин был командиром взвода. На закате мы взлетели с 40-метровым зазором между каждым вагоном и тем, что впереди. Несколько английских самолетов кружили по кругу. Внезапно мы услышали знаменитый свисток. Сразу все, кроме водителей и их лошадей, лежали в канавах на обочине дороги. Треск, бум, треск! Бомбы взорвались рядом с дорогой, не причинив никакого вреда. Только лошади ехали так, чтобы их водители едва могли их контролировать. Это была ночь. Так как район был почти полностью ровным, то перед нами разлетелась шрапнель. Огонь, который разгорелся перед нами, окрасил небо в кроваво-красный цвет. Мы проезжали мимо больших артиллерийских орудий, установленных на железнодорожных вагонах, и время от времени производили выстрелы. Потом мы подошли к деревне Марсекав, где был пожар. Каждые несколько минут на деревню падал тяжелый английский снаряд с ужасным войом и зажигал ее, когда она взрывалась. Мы остановились у деревни и вытащили пулеметы из вагонов, которые потом повернули назад. В этот

момент я бы все отдал, чтобы стать жуликом и иметь возможность повернуть назад. Мы пошли по деревенской улице. Мы шли перед пушкой, примерно в 20 ярдах друг от друга. В каком состоянии была деревня! Многие дома были почти полностью разрушены, другие были снесены спереди Деревня оставалась в немецких руках около месяца. Еще один тяжелый снаряд упал, все ненамеренно сбежали. Снаряд попал в деревню на другой стороне дороги. Через несколько полусмерти пришел еще один и врезался в дом на обочине дороги, раскрошив все в клочья с силой взрыва. Проходящий солдат из Лотарингии был сбит с ног и похоронен в завалах. Мы все поспешили вперед, не помогая солдату. Мы все хотели выбраться из деревни и из зоны обстрела. На другой стороне деревни мы прошли около двух километров по дороге. Отдельные снаряды падали в поле, но ни один из них не попал в наше ближайшее окружение. Луна поднялась и осветила этот район. За земной стеной я видел несколько падающих, некоторые с призрачными руками, тянущимися к небу. Огоньки неуклонно нарастали с фронта; были слышны отдельные выстрелы или дребезжание пулеметов. Немецкая артиллерия стреляла только отдельными выстрелами, они пронзили нас. Английская артиллерия формировала территорию тресковым огнем, перемещаясь с места на место. Внезапно определенное место оказалось под сильным огнем в течение двух-трех минут, после чего оно остановилось так же внезапно, как и началось. Мы оставили дорогу, следующую за фермерской дорогой. Вскоре нам сказали: "Стоп!" и нам пришлось ломать

себе мозги. Мы с командой вырыли две ямы глубиной около 1,2 метров . Из-за работы солдаты захотелось пить, и они начали пить. Каждый из них получил по два столовых кофе (полтора литра).

Постепенно мы засыпали в мокрых ямах; нам казалось, что нас похоронили. Меня снова разбудил рев английского самолета, но я не мог видеть, где он находится, несмотря на то, что Луна светила. Внезапно над нами пролетела большая вспышка, прикрепленная к па-рашюте, освещающей наше окружение. "Все м оставаться в своем углу! Внезапно взорвались четыре бомбы. Было ясно, что пилот обнаружил темные ямы и свежие земляные насыпи. Затем гул двигателя самолета уменьшился в сторону британского фронта. Я сразу же сказал своей команде: "Берегитесь, товарищи, скоро в нас будут стрелять! Я вновь призвал их оставаться верными друг другу и сказал, что никто не должен подводить товарища. Если один из нас тяжело ранен, мы оставим пулемет и игру, которая пошла с ним, и если возможно, мы вернем раненых, ибо пулеметов было достаточно, но каждый из нас имел только одну жизнь, чтобы потерять. Все немедленно приняли это предложение. У нас была дискуссия. Внезапно раздался короткий свисток, за которым последовали чума и взрыв, а затем на нас обрушились осколки и глыбы земли. В нескольких метрах от нас попал снаряд между отверстиями. Потом пришло второе, третье, четвертое; и вокруг нас было сплошное шипение и ярость. Маленькие и большие куски земли постоянно льлись на наши шлемы . Мы присели в ямах и стали пугаться каждый раз, когда рядом с нами приземлялся

снаряд. Время от времени приходил очень тяжелый снаряд, больше, чем любой другой, падающий почти вертикально. Я посмотрел вверх и увидел, что территория вокруг меня покрыта густым панцирным дымом. Внезапно я услышал крик "Г-а-а-с!". Все повторили этот звонок. Каждый из нас снял шлемы, достал противогаз из коробки и надел его на лицо. Постепенно пожар почти полностью прекратился. Мы взяли маски и спросили, есть ли жертвы. Трое мужчин, лежавших вместе в яме, получили прямой удар и были разорваны на куски. Остальные двое были ранены в лицо осколками и немедленно ушли. Значит, наша компания хорошо справилась. Потери пулеметной бригады были немедленно заменены резервными артиллеристами, которые ждали начальников секций.

Рассвет приходил медленно. Образовался легкий туман, так что можно было видеть только на расстоянии трех-четырёхсот метров. Капитан, который, казалось, был очень взволнован, снова обошел команды, призывая нас выполнять свой долг от всего сердца. Пока он разговаривал с нами, над нами пролетело несколько снарядов и взорвалось неподалеку. Капитан прыгнул в нашу дыру для укрытия. Капитан, я сказал, я не понимаю, что происходит. Где мы сейчас? Где британский фронт? Кто впереди? Капитан взял свою подробную карту, показывающую территорию и местоположение. Наше подразделение покрыло площадь в пятьсот метров в ширину. Другие полки дивизии были выкопаны перед нами. Наш батальон был запланирован на последний

этап атаки. Мы должны были идти к краю леса, а затем прямо в деревню Качи. Теперь я это знаю.

**24 апреля 1918 года, -
Нападение Виллера-Бретонна**

Было 6:30 утра. Все тихо, только случайный артиллерийский огонь. Тишина пугает. Я думал, что обе стороны остановились, чтобы перевести дух и набраться сил, прежде чем упасть друг на друга, чтобы разорвать друг друга на части. В семь часов немецкая артиллерия начала огонь. В момент удара более восьмисот орудий послали свои железные салюты, затем продолжили и продолжили; в течение часа в конце орудия громко грохотали. Снаряды постоянно пролетали над нами. С другой стороны, были слышны взрывы отдельных снарядов. Общаться друг с другом было практически невозможно. Ты должен был выкрикнуть слова в чужое ухо. Английские солдаты тоже не ленились и покрыли всю зону снарядов. Общая атака должна была начаться в восемь часов. Стрелка часов двигалась по кругу к роковому моменту - медленно, но слишком быстро. Через пять-восемь минут я посмотрел наверх и выглянул. Он выглядел мертвым. Все, что я видел, это пару голов и удар британских снарядов. Потом, позади меня, я услышал стук мощных двигателей. Он прибыл из четырех немецких танков под названием "Штурмпанцерваген А7V".. Это были первые немецкие танки, которые я видел. Они сильно отличались от французских и английских танков, как стальной дом, направленный вперед, без каких-либо следов или чего-либо еще

видимого. Бронепулеметы указывали во все стороны. Два резервуара были также оснащены двумя небольшими капсулами. С каждой стороны был нарисован большой железный крест в качестве опознавательного знака.

"Готовься! С бьющимися сердцами мы все были готовы. Пошли! Марш! Мы взяли нашу машину, оставили дырокол и поехали вперед. Артиллерийский огонь не прекращался, теперь мы также слышали треск винтовок. Атака была в самом разгаре. Куда ни посмотри, там были пандусы, и немецкие солдаты толкали вперед. Наступали пехота, пулеметы, мелкие и средние минометы. Над нами пролетала стая немецких самолетов, чтобы облегчить успешную атаку бомбами, ручными гранатами и пушечным огнем средней дальности. Подойдя к углу форкта, мы увидели несколько мертвых, лежащих на обгоревшей земле.

Вдруг на нас обрушился град артиллерийских и минометных снарядов, и мы все прыгнули в ямы или ямы, вырытые людьми. Мы ныряли так низко, как только могли, чтобы не попасть под летучую шрапнель и куски земли. "Мы не можем здесь оставаться! Я закричал и поднялся наверх, чтобы найти подходящее ка-чет. Тот же минометный снаряд приземлился в яме примерно в трех метрах от меня, где было три морпеха. Обезображенные части их тел летали во всех направлениях. Я сказал своей команде: "Я начну". Кто-нибудь, присмотрите за мной. Если я найду укрытие получше, я подержу большую лопату, и ты прибежишь ко мне, как только сможешь! Прежде чем я смог сказать тебе, я сделал это. Примерно в 50

ярдах, я нашел большую яму, в которой можно спрятаться. Я выпрыгнул и держал лопату. Моя команда упала на него немедленно. Так что мы переходили из одной дыры в другую. Пока я проходил по полю клубов, надо мной взорвался кусок шрапнели. Это чудо, что я не пострадал. Я посмотрел на свое тело, потому что думал, что у меня должно быть где-то кровотечение. Сначала я был взволнован, но теперь, несмотря на постоянные взрывы, у меня было холодное чувство покоя, как в самые опасные времена прошлого.

Мы вышли на опушку леса, откуда первые волны немецких атак штурмовали английские позиции, которые распространялись под открытым небом. На земле лежало много погибших пехотинцев, некоторые из них ужасно попали под артиллерийский огонь. Многие легко раненые бежали перед нами, как и английские пленные, которые должны были сдаться в первом же нападении. Английские солдаты были вынуждены собраться в определенном месте, где вся земля была покрыта формой хаки. Этим бедным дьяволам пришлось выстоять, стоя под сильным огнём. Когда мы добрались до первого Англазового окопа, мы прыгнули в него. Именно там мы нашли множество пустых гильз - признак того, что английская пехота храбро защищала свои позиции. В окопе было два мертвых англичанина, один поверх другого. В окопе был еще один английский солдат, который был в смертельной муке. Примерно в трех метрах за траншеей находился еще один, который регулярно назывался "немецкий фриитц". Я посмотрел вверх и двинулся к нему, чтобы он полз по

направлению к нам. Он указал ему на спину, и я видел, как пуля попала в него, что парализовало его ноги. Я затащил его в окоп, но не хотел рисковать, потому что британцы сейчас постоянно подметают территорию своими пулеметами, пролетающими над нашими головами в большом количестве пуль. Мы связали три ремня для переноски, и я бросил один конец в сторону британского солдата. Он держал руки крепко, поэтому мы медленно вытащили его на край траншеи, а затем спустили на дно траншеи. Я взял шарф у одного из мертвых, положил его ему под голову и дал ему стакан моего кофе. Он был без сознания от боли и потери крови. У одного из погибших английских солдат из кармана вылетела пачка сигарет, так что я взял ее для себя.

Тем временем окоп был заполнен солдатами. Лейтенант устроил неприятный ужин, чтобы мы продолжили. Я вышел из траншеи, . Моя команда прибежала ко мне. Потом я заметил, как один из моих ребят из Рейнланда закричал, уронил коробку с патронами и побежал ко мне. Ему выстрелили в плечо. Мы сразу же сделали жгут, и он наткнулся на английскую яму, которую мы оставили раньше. , которую мы оставили раньше. Перед нами англичане устроили ужасный шквал шириной около 80 ярдов. Снаряды падали в непрерывной линии, чтобы удержать последние атакующие единицы от наступления - и от нас ожидали прорыва! Командир взвода дал мне запасной пистолет, чтобы заменить раненого Ренана. Я заметил, что между поступлением снарядов были небольшие перерывы в связи с необходимостью перезарядки орудий. Мы

продвинулись к краю области, где попали снаряды и легли спать. Послушайте, товарищи, - сказал я, - мы немного подождем. Как только снаряды взорвутся, мы побежим так быстро, как только сможем. Может быть, мы выберемся из зоны обстрела до следующего выстрела. Как только выстрел был произведен, мы встали и побежали так быстро, как только смогли, потому что с нами был автомат. Следующий выстрел прошел мимо нас и взорвался в нескольких метрах позади нас. Мы выбежали из опасной зоны так быстро, как только смогли. На разорванном участке было много трупов, которые были разорены. Даже когда мы умирали, многие тела продолжали двигаться и рвать друг друга на части.

Внезапно над нашими ушами стало свистеть много пулемётов. Мы бросились на землю, оставили винтовку на месте и заползли на живот в большую бомбовую яму неподалеку, в которую попали двенадцать-пятнадцать человек. Мы лежали на головах, плечах и спинах в яме, так что те, кто спускался, чуть не задохнулись, но мы не могли уйти, так как пули из пулемета свистели прямо над нашими спинами. Внезапно произошло столкновение в непосредственной близости. Мы были почти полностью покрыты землей. Все были напуганы до смерти. Я посмотрел вверх и увидел, что между нашей воронкой и новой находится всего полметра земли. Если бы панцирь приземлился на метр дальше, все восемнадцать из нас были бы измельчены. Моя команда и я сразу же прыгнули в новую дыру. Когда огонь взорвался на некоторое время, мы подкрались к нашему пистолету и вытащили его в нашу дыру. Мы

установили пулемет, готовый к стрельбе в передней части отверстия.

Наша дыра вскоре была заполнена пехотой. Был сержант, отвечающий за наших медиков. Пехотинец с пулей в пальце ноги побежал к нам. Когда мы были в яме, как сардины, капрал Алекс Кнут, который всегда был особенно хорошим парнем, сказал: "Я освобожу место", и проскользнул в другую яму из-за снаряда неподалеку. Когда все больше и больше морских пехотинцев приходили к нам в нору, я сказал одному из моих стрелков: "Иди посмотри, есть ли место в этой норе; если есть, то мы пойдем туда". Он забрался туда и закричал: "Здесь только один труп". О, Боже, это Алекс! Я сразу же приползла. Бедному Алексу выстрелили в лоб, выше левого глаза, с выходным отверстием в левом виске. Алекс еще не был мертв, но он не был в сознании. Мы пытались устроить его поудобнее, поэтому я перевязал ему голову марлевой повязкой. Я произнесла его имя, но он не слышал и не видел. Он начал болтать. Дребезжание ослабло, и тогда все его тело начало трястись; он лег и умер. Мы взяли немного земли со стороны панциря, положили и накрыли его. Можешь представить, что мы чувствовали, когда делали это. Потом я взял его штык, протолкнул его через кожаную печь в виде креста и положил на могилу.

Стрельба из пистолета, пулемета и т.д. бушевала с той же интенсивностью в течение всего утра. Когда мы хоронили бедного Алекса, мне показалось, что я слышал звук пушки рядом с ним посреди утреннего рева. Когда я заполз обратно в дыру от снаряда, где находился пулемет, я увидел, как одного из солдат

Рейнланда подстрелили в руку. Один из пулеметчиков перевязывал ему руку. Раненый рассказал мне, что при выстреле он пытался прикрепить паровой шланг к передней части рубашки пулемета с водяным охлаждением. Я не поверил ему, потому что его позорный взгляд сказал мне, что он выстрелил себе в руку и вернулся в полевой госпиталь. Он был абсолютно прав, но я не доверяла себе, чтобы сказать ему. Теперь у меня двое раненых и один убитый пулеметом. Это было довольно мрачно. Из-за огромных жертв нападение было остановлено. Все искали укрытие в нескольких кишках. Все офицеры и врачи тут же пробежали по оккупированным ямам и закричали: "Приказ из дайвинга": атака должна продолжаться! Мы все были в ужасе.

Наш капитан вышел из ямы рядом с нами и приказал нам двигаться вперед. Какой у нас был выбор? Так что я тоже поехал со своими четырьмя людьми. Англичане усилили огонь, и нам снова пришлось укрываться в дырах от снарядов. Пехотинец, которого я знал с тех пор, как мы были в Риге, стоял на коленях рядом с моей норой, чтобы зажечь сигарету во время наступления. Внезапно он упал головой на землю и больше не двигался. Мы вырыли пулемет, готовый к стрельбе.

к быстро, как только могли, их лица полны страха. Я посмотрел наверх и увидел весь район, полный морских пехотинцев, бегущих задом наперед. Я закричал: "Что случилось?" "Танки!" - Это был ответ. Командир батальона, капитан Бертольд, пытался остановить морпехов с поднятой винтовкой, заставляя одних повиноваться, в то время как другие убежали.

Многие из спасшихся были сбиты пулеметным огнем из танков. Я смотрел вперёд и видел, как несколько британских танков неуклонно приближались к нам, стреляя. На тренинге нам сказали, что две стальные пули, выпущенные с одной и той же позиции, пройдут через железную стенку танка. Британский танк направлялся прямо к нашей скважине, ведя непрерывный огонь из своего пулемета. "Товарищи, теперь мы будем использовать стальные сердечники! Я закричал. Один из пулемётчиков немедленно передал мне ремень. Я зарядил его, нацелившись ровно в середину лба танка, и выстрелил из ремня, который содержал двести пятьдесят выстрелов. Танк двинулся дальше. Я выстрелил еще тремя ремнями стальных стержневых патронов - так что было тысяча выстрелов, направленных в одну и ту же точку. Это не очень хорошо сработало. Я взял бинокль и увидел, что на месте стрельбы бак выглядел совершенно белым, но мы не смогли его повредить. "В укрытие! Я кричал. Так что мы все сидели в яме и ждали, пока танк придет и выстрелит в нас. Потом, позади нас, я услышал несколько выстрелов и звук двигателя. Я посмотрел вверх и увидел приближающийся немецкий танк, непрерывно стреляющий из своей маленькой пушки. Затем, смотря вперед, я увидел английский танк без движения с несколькими зияющими отверстиями.

Немецкий танк остановил два других танка АнГлейс, затем продвинулся в сторону английских линий и вывел из своих отверстий около двухсот английских пехотинцев пулеметным огнем. У английских солдат не было другого выбора, кроме как сдаться с поднятыми руками. У меня было трое

мужчин, которые проходили мимо, чтобы попасть в нашу дыру. Они задыхались от бега и дрожали от страха смерти. Они предложили нам свои деньги, но, конечно, мы их не взяли. Затем танк был обстрелян английской артиллерией до такой степени, что почти исчез под облаками дыма от снарядов и внезапно остановился. Через несколько минут она снова начала качаться и прошла мимо нас.

Английские пилоты были невероятно храбрыми и летали на высоте дома над нами, сбрасывая бомбы и ручные гранаты в отверстия, которые мы занимали. Я видел, как четыре самолета упали. Один из них врезался в 40 ярдов, проткнув землю своим двигателем, и его хвост застрял в воздухе. Пилот, который казался мертвым и нуждался в сдерживании, висел с выступающим из кабины пилота верхней частью тела. Сразу после крушения самолет загорелся и сгорел, сформировав металлический скелет.

Прибывший из Нижнего Эльзаса стрелок Martz смотрел вперед, когда газовый снаряд приземлился прямо перед нами и окружил его очень концентрированным газом. Он вздохнул только один раз, затем был ошеломлен и рухнул между нами. Я тоже почувствовал газ из носа в горло, когда вдыхал его и насильно выдыхал снова. Потом я задержал дыхание, вытащил противогаз из коробки и в мгновение ока надел его. Теперь я чувствую, что у меня в груди бензин, потому что он начинает щекотать меня и меня начинает тошнить. Мой нос и горло так сильно обгорели, что глаза начали опухать. Мне нужно было покашлять, и у меня были проблемы с дыханием с маской. Все произошло за считанные

секунды. Когда он был недееспособен, я снял противогаз Мартца и надел его на него. Затем я пополз на четвереньках к командиру взвода, потому что знал, что медицинский сержант будет там с оборудованием для обеспечения безопасности (устройство доставки кислорода). Он заполз прямо за мной, и мы установили оборудование безопасности для бедного Мартца. Через 15 минут он пришел в сознание, но был ошеломлен.

Теперь наш капитан прокрался в нашу нору. "Ну, Ришерт, - сказал он, - ты все еще цел?" "Да, - ответил я, - но Алекс Кнут мертв и двое ранены. Команде Германа повезло меньше. Все шесть человек были убиты прямым ударом. Капитан очень нервничал, потому что это было первое большое действие, которое он увидел.

Он был в штате до того, как пришел в нашу компанию, и должен был быстро вернуться. Теперь я вспоминаю английские сигареты, которые были у меня в кармане. Сначала я отдал их капитану, а потом поделился ими со своей командой. Насколько хорош вкус английской сигареты по сравнению с цельноалмондной сигаретой, которая была просто отвратительным заменителем табака - в основном листьев бука! Примерно через полчаса капитан сказал: "Ришерт, дай мне еще одну английскую сигарету, а потом я пойду проверю припасы. Я дал ему два, потом он вышел и побежал обратно. Было около 4 часов вечера. Артиллерийский огонь уменьшился по интенсивности, но снаряды продолжали падать. Мы вздохнули с облегчением. "Если бы мы только могли выбраться из этого бардака!" Общее ощущение было

вот таким. Все мои солдаты пили кофе и были в отчаянии, в то время как я выпил меньше половины своей столовой.

Мало-помалу, уже вечер, и вскоре тьма скрывает страдания. Я ожидал ответной атаки со стороны войск.

Мое единственное желание - быть схваченным. Там, по крайней мере, моя жизнь была бы в безопасности. Тогда солдат вошел в нашу нору и сказал, что люди, которые должны были собирать еду, должны собраться и пойти с ним. Ночью англичане устроили страшный шквал примерно в четырехстах ярдах позади нас, чтобы предотвратить подкрепление и контакт с тылом. Так как я не хотел приказывать никому из моих стрелков ходить за едой, я попросил добровольца. Никто не вызывался добровольцем. Я сказал: "Ладно, тогда мы съедим наш железный пай! Кроме того, у каждого из нас был кусок армейского хлеба в мешке. Если бы только у нас было больше алкоголя! Так что мы все остались в яме.

Медсестра оставила нас. Те немногие пехотинцы, которые были в ямах перед нами, теперь должны были вернуться и занять позиции в нашей линии. Из этого мы сформировали новый сильный фронт. Другой пулемет, принадлежащий подразделению, должен был быть построен в трех ярдах от нас. Командир взвода, сержант Мартин Баер, был в нескольких метрах позади нас в дыре от снаряда. Британские снаряды продолжали стрелять, кричали, чтобы мы взорвались, особенно на линии забора. Я заснул в яме. Человек должен был не спать и смотреть вперед время от времени. Меня внезапно разбудил тяжелый град моллюсков. Да, я сказал себе, приготовиться к

контратаке. Нам все еще везет, рядом с нами взрывается всего несколько снарядов. Они прошли мимо нас и ударились о землю подальше. Тише, тише, над нами пролетело много пулеметов, так что никто из нас не осмелился поднять голову, чтобы увидеть, что происходит. Когда пулеметы перестали стрелять, я выпустил сигнальную ракету и начал наблюдать за районом перед нами. Мне показалось, что я видел движение в нескольких местах и выпустил еще несколько осветительных ракет. В то же время я слышал, как люди кричали мне налево и направо: "Они идут! Они идут! Тревога! И так оно и было. Теперь вся территория перед нами кишит английскими солдатами. Первый из них был, наверное, еще в ста пятидесяти метрах. Ужасно согнувшись, они перепрыгивали из ямы в яму. Если я правильно понял, тридцать, сорок, пятьдесят из этих бедняков будут ранены. Я быстро решил не стрелять и сдался им, когда они приблизились. Я подпрыгнул к пистолету, зарядил ремень, нажал на верхнюю пружину, поднял щепотку земли в левой руке и незаметно посыпал ее в механизм пулемета. Потом я уволил. Пуля в каноне выстрелила, а потом остановилась.

Запирающий механизм был заблокирован куском земли. "Что нам теперь делать?" - Дрессировщики с тревогой спрашивали. "Поднимите руки, если они придут! Я сказал. "Нарисуйте ваше оружие, - сказал я им, - если они решат совершить массовое убийство, мы будем защищать себя с помощью нашего оружия как можно дольше". Потом мы сняли паутину и бросили ее на дно ямы. Потом подполз сержант Бэйр

и сказал: "Ришерт, Ники, чувак, почему бы тебе не пострелять?" "Квак-Квак", - сказал я. "Мы сняли снаряжение. "Это лучший способ сделать это", - ответил сержант, затем он снял паутину и бросил ее в кучу. Ночь была затем освещена сотней вспышек, как и день. В небо были выпущены многочисленные красные осветительные ракеты, призывающие к созданию защитных барьеров для немецкой артиллерии. Многие легкие и тяжелые пулеметы и пехотинцы начали стрелять оборонительно. Над нами пролетели массы немецких снарядов и высадилась среди английских войск. Британские солдаты, которые понесли тяжелые потери, теперь заползли в дыры от снарядов, и нам пришлось снова надеть наш комплект снаряжения. В тот момент я был очень зол на британские войска, потому что они нас не поймали. Несмотря на темноту, я почистил пулемет, чтобы никто не заметил, что в нем есть грязь. Потом я зарядил его и выстрелил в ремень. После этого мы спали до утра во влажной дыре.

25 апреля 1918 года

На рассвете англичане снова начали стрелять, как сумасшедшие, около часа. После этого было довольно тихо. Это было начало прекрасного весеннего дня, солнце светило ярко. Какой контраст: природа пробудилась к новой жизни! Но сотни тысяч людей вынуждены подчиняться упрямству нескольких могущественных людей. Не было способа это изменить. Если ты откажешься подчиниться, тебя расстреляют. Если ты подчинишься, тебя тоже могут подстрелить, но у тебя также есть перспектива

выжить. Значит, ты подчиняешься, даже если не хочешь этого делать.

Примерно в 10 часов утра подполз солдат роты и сообщил, что хозяин только что был найден тяжело раненым. Около 16:00 вечера он лежал один в камышах дренажной канавы. Любой, кто добровольно принял его обратно, был повышен в звании и награжден Железным крестом. Ганнер Лэнг из моей партии и капрал Бек из другого пулемета вызвались добровольцами. "Если я вернусь туда целым и невредимым, - сказал Лэнг, - я не вернусь сюда!" "Это очевидно", - сказал я. Так что они приползли обратно. Капитан, должно быть, был ранен прошлой ночью, когда покинул нас, чтобы отправиться в резерв. Примерно в 10 часов утра подполз солдат роты и сообщил, что хозяин только что был найден тяжело раненым. Около 16:00 вечера он лежал один в камышах дренажной канавы. Любой, кто добровольно принял его обратно, был повышен в звании и награжден Железным крестом. Ганнер Лэнг из моей партии и капрал Бек из другого пулемета вызвались добровольцами. "Если я вернусь туда целым и невредимым, - сказал Лэнг, - я не вернусь сюда!" "Это очевидно", - сказал я. Так что они приползли обратно. Капитан, должно быть, был ранен прошлой ночью, когда покинул нас, чтобы отправиться в резерв.

Спрятавшись за выкопанным пулеметом, я оглянулся. Везде, где можно было увидеть полы из ракушек. Разорванные тела умерших были разбросаны среди них. Впереди был сожженный самолет, чуть дальше - сгоревший английский танк, а примерно в километре от него - сожженная деревня

Каши. Вчера мы должны были схватить его и взять под контроль его западную окраину, которая находится с другой стороны. Так что наше нападение провалилось, хотя мы вторглись примерно в восьмьсот ярдов от британской позиции и, как нам сказали, захватили две тысячи человек. Теперь я был убежден, что шансов прорваться через англо-франко-американский фронт не так уж и много. Справа внутри, примерно в двух километрах, находился город Виллер-Бретоннеу, который представлял собой лишь кучу развалин. Я посмотрел в бинокль на английский фронт. Я не смог найти никаких признаков жизни, кроме облаков дыма от немецких ракушек. Над нашими головами произошла ожесточенная собачья драка, в которой участвовало более тридцати самолетов. Трое из них разбились, двое погибли, а третий упал так же быстро, как стрела.

Другая пулеметная бригада спросила нас, есть ли у нас еще что-нибудь выпить, так как они умирают от жажды. Один из членов моей команды ответил, что в большой яме пулемета снова будет вода, и что мы уже собрали там воду. Стрелок Шрёбек, нахальный парень из Берлина, проскользнул туда и исчез в яме. Вскоре он вернулся с полной столовой и собирался прыгнуть в яму, где находилась его команда. Как раз тогда над нашими головами пронесся снаряд, который взорвался менее чем в двух метрах за нашей ямой. Шок опустил нас так низко, как мы могли. Когда я посмотрел вверх, я увидел Шрёбека, лежащего примерно в двух метрах по другую сторону нового отверстия. Я не знал, мертв он или без сознания, так что я подошел к нему, чтобы проверить. Ему не нужна

была помощь. Его ударили в живот несколькими осколками снаряда, так что его внутренности зависали. Шрёбек был мёртв.

и англичанами. Постепенно интенсивность пожара снизилась. Примерно в четыре часа дня немецкий снаряд упал и приземлился менее чем в трех метрах от нас. Сразу же после этого пришел еще один и приземлился возле ямы, занятой другой командой, почти заполнив ее землей. Как мы были злы! Это было хуже, чем если бы двадцать английских снарядов приземлились. Потом пришёл ещё один, а за ним ещё один. Я сказал своей команде: "Положите снаряжение на спину и возьмите шлемы и противогазы! Мы приползём обратно, потому что я не хочу, чтобы меня подстрелили моими же снарядами! Потом мы ползли по животам, но пришло больше ракушек, так что нам пришлось ползти около 200 метров. Тем временем, все солдаты на фронте ползли назад, не увидев англичан. Мне было неловко, что мы вернулись безоружными. Я сказал своему младшему капралу Фрицу Кесслеру, который присоединился к ночной смене: "Фриц, ты придешь и сможешь мне достать пулемет?" - "Почему бы и нет?" сказал он. Мы надели транспортный пояс и собирались уходить, когда к нам подошел адъютант батальона Кнапп и спросил, куда мы направляемся. Я сказал ему, что мы хотим забрать наш пулемет, который мы оставили на фронте после бомбардировки собственной артиллерией. Он предупреждал нас не брать его. Потом мы поскользнулись на животах. Ползти по переборкам было тяжело, и нам приходилось избегать уродливых тел павших.

В конце концов, мы нашли наше оружие. После того, как мы отдохнули в яме, мы принесли пистолет на землю. Я прикрепил два ящика с боеприпасами к салазкам, затем мы прикрепili ремни для переноски и, ползая вверх, волочили груз за собой. В конце концов, мы вернулись к тем, кто устал и капал от пота. Лейтенант Кнапп заполз перед нашим отверстием и увидел, что у нас опять был пулемет. Он спросил мое имя и поставил рядом с ним крест. Он хотел, чтобы я получил Железный крест в первом классе.

Понемногу, был вечер, потом темнота. Я надеялся, что сегодня вечером нас наконец-то освободят другие войска. Но час за часом мы ничего не ждали. Английская артиллерия снова выстрелила в огромный шквал позади нас. Похоже, у них не хватило боеприпасов. Потом начался дождь, сначала медленно, потом все сильнее и сильнее. Я не думал, что будет хорошей идеей надеть пальто, потому что оно будет мешать, если нам придется бежать. Кроме того, мы все промокли до костей, а в яме липкая грязь. Мы начали трястись от сырости, но мы не чувствовали себя в безопасности, потому что время от времени падали снаряды, и британцы часто подметали землю с помощью пулемета. Наконец-то я заснул. Один человек в команде должен был постоянно не спать. Вдруг солдат, который был на дежурстве, разбудил меня и сказал: "Облегчение прибыло"! Я тут же встал и подумал: "Слава Богу! Но я всегда боялся возвращаться на поле или на зеленый, потому что нам приходилось проходить через английские ракушки дальше. Солдаты, которые облегчили нам задачу, заставили нас поторопиться, потому что они хотели

выбраться из ямы. Поэтому я отдал приказ: "Боеприпасы и сани остаются здесь". Мы возьмем только оружие и разделим задачу по его ношению! Мои солдаты были очень счастливы, что им не приходится таскать тяжелые вещи.

Поскольку было довольно темно и продолжал идти дождь, мы часто натыкались на тела или падали в отверстия раковин. Мы оставались вместе, звали друг друга. Везде были видны силуэты людей, спешащих обратно, когда остальная часть устройства была освобождена. Потом я услышал вдалеке стонущий голос: "Товарищи, ради Бога, возьмите меня с собой! У меня дома жена и трое маленьких детей. Бедный раненый солдат, который лежал беспомощно, видимо, слышал, как солдаты убегали. Я сказал своей команде: "Мы возьмем этого парня с собой! Когда я его больше не слышал, я закричал: "Где раненый?" "Здесь", - сказал я. Один из солдат и я наклонились, чтобы взять бедного раненого. Именно в этот момент четыре больших британских снаряда приземлились очень близко к нам, почти испугавшись и шокировавшись. Мы прошли через град так быстро, как только смогли, чтобы выбраться из опасной зоны. Мы оставили бедного раненого там, где он был. Нас разделил взрыв. Со мной был только один человек. Когда мы позвонили друг другу, мы снова нашли друг друга. Потом я услышал звонок сбоку: "Вторая пулеметная рота 332-го пехотного полка должна встретиться здесь! Это был голос лейтенанта Стромайера. Мы пошли туда. Когда собралась остальная часть компании, распорядитель, который был полностью

деморализован, отдал приказ "вернуться в том направлении" и шел параллельно фронту, а не спине.

Сэр, я сказал, мы должны вернуться. Огонь, который мы видим, это огонь деревни Марсекав, и мы должны идти! Лейтенант, который был почти на конце веревки, ответил: "Делай, что хочешь! В следующий момент все были на земле, в то время как четыре тяжелых снаряда попали поблизости. "Кто-нибудь ранен? Я кричал. "Нет", ответ пришел. Теперь я позвонил: "Рота отчитается перед командованием сержанта Ричера". Всем нужно как можно скорее вернуться на сторону огня! Оставайтесь на связи, позвонив! Мы вернулись, как только смогли. Лейтенант Стромайер следовал за мной, как пьяница. Хотя снаряды часто приземлялись рядом с нами, мы все вернулись целыми и невредимыми. Прогресс был медленным, потому что земля смягчилась под дождем, и липкая грязь прилипла к нашим ботинкам.

Наконец, мы доехали до Марселькава и последовали за ним. Из канавы я услышал, как кто-то назвал "Фриц, Фриц!", словами, которые я не понял. Я понял, что здесь, наверное, лежит раненый англичанин, поэтому сказал "Томми" и пошел в канаву. Я был прав, там лежал английский солдат с перевязанной ногой, он, кажется, притаился сюда, и из-за усталости и слабости не мог идти дальше. Я дал одному из моих солдат мой рюкзак, а затем я подал сигнал англичанину, чтобы он встал на спину и встал на колени перед ним. Томми сразу же понял меня, он встал мне на спину и держал руки на шее, в то время как я встал на колени руками. Англичанин был совсем маленьким мальчиком, который, на мой взгляд, весил,

наверное, меньше 100 фунтов. Несмотря на это, я вскоре почувствовал, что мне жарко нести свою ношу. Потом я услышал звук фургона позади нас. Когда повозка была рядом с нами, я положил англичанина, взял его лошадь за поводья и остановил хариота. "Что случилось?" спросили двое мужчин из скорой, которые сидели на коробке. "Ты можешь забрать этого раненого, который у меня здесь, с собой". Они сказали, что у них больше нет места, потому что в вагоне полно тяжело раненых. Я снова сказал ему, что раненый получил травму только ноги, и что он, конечно же, может сидеть в передней части коробки. Я подобрал англичанина и отвез его в вагон, куда его отвезли санитары. Только теперь они поняли, что это англичанин.

Я побежал за компанией и догнал их. Когда мы приближались к Марселекаву, над нами пролетело много британских снарядов, некоторые взорвались в деревне, а некоторые - на берегу. "Вторая пулеметная рота", стойте! Я кричал. "Мы должны обойти деревню направо, чтобы не попасть под обстрел." И снова нам пришлось пройти через ферму грязного сыря. По крайней мере, теперь мы могли видеть, куда идем, потому что свет постепенно загорался. Внезапно перед нами раздался настолько сильный взрыв, что почти все мы инстинктивно бросились на землю. Тяжелая немецкая батарея, которая была спрятана в лесу, просто взорвалась.

Это вызвало громкий взрыв. В бывшем конце деревни мы добрались до дороги, ведущей дальше, которая все еще находилась в радиусе действия британской артиллерии. Мы поспешили, наконец,

добраться до безопасного места и проехали через другую деревню, где большинство домов остались целыми и невредимыми. Потом мы прошли через лесистую местность. Там разбил лагерь сержант роты вместе с лошадьми и водителями. Они дали нам горячий кофе, еду, шнапс и курительное оборудование. Но мы выглядели грязными и мокрыми с головы до ног! Сержант сказал: "Ты выглядишь так, как будто прошел через многое! Как мне сказали, капитан умер от серьезных травм. Далее, начальник каждого оружия должен был доложить о потерях своей команды. Установили палатки в солнечной зоне, сняли мокрые куртки, надели пальто, легли спать и быстро заснули. За последние 48 часов мы все очень мало спали и были полностью измотаны стрессом.

Во второй половине дня два очень тяжелых английских снаряда внезапно приземлились на краю леса перед нами. Ради Бога! Мы еще не добрались до безопасности? Вскоре после этого еще больше ракушек закричало. На этот раз они взорвались на расстоянии около 100 метров. "Ребята, - сказал я своей команде, - возьмите шлемы и противогазы, мы прямо под прицелом". Мы сразу же ушли. Один из следующих снарядов попал в машины, полностью уничтожив автомобиль-пулемет. Следующие два снаряда пролетели прямо над лесом и убили двух лошадей и стрелка, который ухаживал за лошадьми на лугу. Тем не менее, вы всегда чувствовали себя небезопасно, потому что новые оболочки могут прийти в любое время. Двух мертвых лошадей солдаты оторвали; мясо нарезали и делали из него фарш, смешивали с солью и ели.

Во второй половине дня два очень тяжелых английских снаряда внезапно приземлились на краю леса перед нами. Ради Бога! Разве мы еще не в безопасности? Вскоре после этого еще больше ракушек закричало. На этот раз они взорвались с расстояния около 100 метров. "Ребята, - сказал я своей команде, - возьмите шлемы и противогазы, мы прямо под прицелом". Мы сразу же ушли. Один из следующих снарядов попал в машины, полностью уничтожив пулемет. Следующие два снаряда пролетели прямо над лесом и убили двух лошадей и стрелка, который ухаживал за лошадьми на лугу. Тем не менее, вы всегда чувствовали себя в опасности, потому что новые снаряды могут прийти в любое время. Солдаты оторвали двух мертвых лошадей; мясо нарезали и измельчили, смешали с солью и съели.

Вечером я увидел батальонного вестника, идущего по лесу в сторону роты. Так как он хорошо меня знал, он помахал мне рукой и сказал: "Как ты думаешь, сегодня вечером тебе придется занять резервную позицию у входа?". Что? Я сказал. "Но мы только сегодня утром вернулись!" "Правильно", - сказал посыльный. "У меня тут приказ. Я никому не могу описать, как я был напуган перспективой вернуться на фронт. Запасные позиции были наиболее подвержены обстрелу. Оружие рычит впереди, не останавливаясь. Я пошел к сержанту Бару и сержанту Питерс и рассказал им, что происходит. Они оба были стойкими к страху. Мы пытались найти выход. Вы не могли убежать, но мы не хотели вмешиваться. Потом я увидел ведро с жалким шнапсом возле полевой кухни.

Я сказал остальным: "Я знаю выход! Мы пошли в кусты и так напились, что едва могли встать и ходить. Сержант зачитал приказ. Когда мы втроем не встали, сержант сразу заметил, что произошло, но ничего не сказал. Однако лейтенант Стромайер, который сейчас командует ротой, продолжал нападать на нас. Сержант Питерс встал, схватил одну из больших лопат и подошел к лейтенанту. Когда он схватился за лопату, он закричал: "Если мистер Стромайер отдаст еще один глупый приказ, как вчера вечером, я разобью ему голову!" Лейтенант подошел к пистолету, но затем пригнул Питерса, который споткнулся, упал и лежал там. Когда компания ушла, Херо заснули в лесу. Утром следующего дня мы встали и почувствовали себя еще хуже из-за износа. Питомецсержант почувствовал, что нам было плохо, на что я ответил: "Нас слишком много спрашивали! Он полностью со мной согласился. Компания снова в деле. Им повезло, потому что только один человек погиб и трое получили ранения.

Мы провели весь день, пока в лесу не стемнело. Потом мы узнали, что нам нужно ехать в домик Харбоньера. Я сказал своему младшему капралу Кесслеру: "Фриц, возьми пулемет, а я постараюсь найти что-нибудь поесть или место, где можно остановиться. Я встречался с сержантами Питерсом и Шульцем. Было темно, и много раз, когда мы встречались с солдатами, нам приходилось спрашивать у них дорогу. В конце концов, когда мы прибыли в Хар-Боньер, мы обнаружили, что здесь полно солдат, так как там были размещены останки нашей дивизии, а также другой дивизии, только что

прибывшей из России. Я услышала голоса в соседней комнате и зашла. Они были водителями грузовиков из поезда снабжения. Я спросил их, есть ли у них что-нибудь для меня и моих камарадов. Они дали мне смелый ответ. Одно слово вело к другому, и когда я назвал их ленивыми базовыми вальсами, это почти стало жестоким. Но то, что у меня был пистолет и двое других сержантов, Питерс и Шульц, присоединились ко мне, задержало их. Где мы можем теперь спать? Мы не хотели спать на холодных каменных плитах на полу кухни. Мы взяли старый кухонный шкаф, положили его в сторону, вытащили полки и поставили его. Нам всем пришлось лежать на боку, потому что наша "кровать" была слишком узкой.

Когда мы спали, мне нужно было в туалет. Я схватил фонарик и вышел через заднюю дверь. Там я заметил маленькое здание, похожее на стиральную машину. Мне показалось, что я услышал громкий храп изнутри. Я тихо подошел к двери с окнами и нажал на ручку. Она была заперта. Потом я заметил, что угол стекла был разбит, и я засиял своим факелом внутри. Я чуть не отскочил от радости. На столе перед дверью стояла стопка хлеба, рядом с которой находились несколько трехфунтовых коробок с печенью, а также коробка сигарет и сигар. Это, несомненно, был продуктовый магазин для товарного поезда. Я тихо вернулся к двум своим товарищам и разбудил их! "Мы должны двигаться дальше", - сказал я. "Ты, наверное, злишься!" - это был ответ. Потом я рассказал им, что нашел. В этот момент они оба встали. Мы готовились тихо и на цыпочках прямо к двери. Я просунул руку через отверстие в стекле и отодвинул защелку назад.

Медленно открывая дверь на цыпочках, я раздал три буханки хлеба и две пачки примерно по 100 сигарет, затем подобрал три коробки печеночной сольки. Потом мы исчезли так же, как и пришли. Спящий там человек, который продолжал храпеть, был весьма удивлен послезавтрашним утром, когда он заметил, что вещи исчезли. После долгих поисков мы нашли место для проживания в мансардном помещении, где хранились крошки. При свечах мы съели нашу добычу.

На следующее утро мы пошли искать нашу компанию, и наконец-то нашли ее в сарае. Моя команда была немного раздражена, потому что я бросил их, но когда я принес немного хлеба и банку с печенью, они все были счастливы и доблестно брошены до тех пор, пока хлеб и печенье не исчезли. Потом я дал каждому из них по 10 сигарет.

В течение дня стрелок Лэнг вернулся ко мне и помог вернуть капитана. Он сказал мне, что капитан все еще узнает их. Давайте начнем с того, что посадим его в палатку и сползём обратно. Потом они нашли носилки в пустом месте с мертвецом. Они положили труп на землю, взяли капитана на носилках и отвезли его к врачу в Марселаву. Когда приехал доктор, капитан уже сделал последний вздох.

Во второй половине дня роте было приказано присутствовать на похоронах капитана, которые состоялись на военном кладбище в Харбонере, где похоронены тысячи бедных жертв европейского милитаризма. Как и следовало ожидать, была произнесена речь, в которой были выделены следующие моменты: Отечество, смерть героя, честь, он может быть уверен в глубочайшей любви к своей

стране и так далее. На самом деле все это - ткань лжи, потому что, на мой взгляд, единственные люди, которые действительно влюбляются в Отечество, - это обычные солдаты до звания сержанта. Высокоставленные офицеры платят и умирают за деньги.

После похорон Джозеф Гофферт искал меня, потому что не знал, как я попал на фронт. Я рассказал ему, что сержант Оршель, который был пограничником в нашем родном селе, служил в первой пулеметной роте моего полка, и что я часто с ним разговаривал. Мы вдвоем пошли за ним. Вскоре мы нашли первую пулеметную компанию. Там нам сказали, что Оршель был тяжело ранен снарядом и что он выжил за день до смерти. Он только что был похоронен на военном кладбище. Мы пошли туда, но Оршель уже был похоронен. Его могила была рядом с могилой моего капитана, барона Гетца из Рейсвица. Все больше и больше тел приносили на кладбище, некоторые из них выглядели ужасно.

Потери дивизии во время атаки были подписаны. На долю пострадавших пришлось 65%. Из 32 офицеров моего полка, участвовавших в нападении, 22 погибли. Из 44 человек, служивших в минометной роте моего батальона, остались только четверо, остальные были убиты или ранены. Моей компании относительно повезло, что она восстановила более половины контингента невредимым.

На следующий день полки были пересчитаны.

Командир дивизии генерал фон Адамс, у которого было очень неприятное лицо и которого все ненавидели за его жестокую беспощадность, встал и

сказал: "Осторожно, глаза вправо! Теперь мы все должны были посмотреть на этого человека. Он приветствовал нас: "Доброе утро, дети! Я сказал себе. Ты проклятый убийца, который называет нас детьми! Безжалостность этого платного негодяя, который продолжал атаку, привела к многочисленным бессмысленным смертям. Затем он выступил с речью, спасаясь от национализма, милитаризма, смерти героя и т.д. Несмотря на то, что мы не достигли цели атаки, по крайней мере, мы показали англичанам, на что способны немецкое мужество и храбрость. Правда в том, что храбрости не существует. Страх смерти овладевает всеми остальными чувствами, и только страшное принуждение побуждает солдат. Хотелось бы, например, посмотреть, что было бы, если бы всем, кто хотел вернуться домой, разрешили уехать, а те, кто хотел остаться, могли бы это сделать. Я не думаю, что один человек остался бы на переднем плане по собственной воле. Никто бы не стал беспокоиться об Отечестве, они бы хотели спасти свои жизни и снова жить как люди.

После переключки были вручены медали. Около шестидесяти человек полка были награждены Железным крестом II степени. Также были награждены два Железных креста первого класса. Естественно, они пошли к двум офицерам, потому что очевидно, что если у тебя высокая зарплата, то ты получаешь высокую награду. После этого мы могли бы вернуться в нашу каюту в сарае. Ночью я слышал, как над городом гудят английские самолеты. Я сразу же узнал их по мощным, поющим двигателям. Ты ожидал услышать шипение и взрыв бомб. Нет смысла

убегать, лучше оставаться в постели. Если бы ты получил прямое попадание, все было бы кончено. Если бы бомба не приземлилась поблизости, она бы тебе не навредила. Вдруг мы услышали знакомый шипение и свист бомб. Мы все потянули голову к плечам, а потом она треснула, треснула, треснула. К счастью, бомбы не упали рядом с нами

На следующее утро мы узнали, что несколько человек и лошадей были убиты. До сих пор Харбонье, который находился в пятнадцати километрах позади фронта, был избавлен от артиллерийского огня. Затем, во второй половине дня 30 апреля, два самых тяжелых снаряда полетели и взорвались в центре города. Нам было приказано: "Готовьтесь двигаться вперед! Все было быстро собрано, лошади цеплялись за повозки, и мы снова отправились в путь. Улицы были полны солдат, офицеров, лошадей и повозок, так как все старались как можно быстрее добраться до безопасного места. Вещи продолжали летать, взрывать дом или копать огромную яму в канавах. В конце концов, мы оставили город и опасность позади. Это было похоже на массовую миграцию назад.

Был отдан приказ: "Вторая компания полуприцепов переедет в Фрамервиль-Ренкур". Город Фрамервиль-Ренкур находится примерно в пяти километрах позади Харбонье и был наполовину разрушен после битвы лета 1916 года. Все было расстреляно или взорвано немцами, когда войска отступили в 1917 году. Наша компания располагалась в Шато де Фра-Мервиль-Ренкур в Америквилле. Однако замок был наполовину построен и больше не имел ни дверей, ни окон. Когда шел дождь, нам приходилось ставить палатки в

комнатах. Деревня была заполнена армией. Англичане, которые, казалось бы, знали об этом, почти каждую ночь посылали свои эскадрильи самолетов бомбить нас. Спать спокойно было почти невозможно.

**8 мая 1918 года - День спорта дивизии.
Номер 11 на карте**

Сейчас наша дивизия организовала спортивный день, чтобы поднять боевой дух солдат. Любой, кто думал, что может чего-то добиться, был свободен войти. Я записался на бросание гранат, прыжки в длину и полосу препятствий. За день до этого я поехал с несколькими друзьями, чтобы узнать о полосе препятствий и попрактиковаться. С самого начала мне пришлось пробежать около 50 метров до первого препятствия - стенок досок с четырьмя одинаковыми промежутками. Солдаты должны были бежать группами по четыре человека за раз. Так как я довольно худая, мне не составило труда пройти через один из пробелов. Примерно через 20 метров появилось препятствие из проволоки, но это была не колючая проволока. Еще через двадцать метров или около того была траншея шириной два с половиной метра. Мне пришлось перепрыгнуть через него. Двадцать метров спустя, это было самое опасное препятствие. Это была гладкая деревянная стена, до вершины которой можно было добраться прыжком. Я пытался всеми возможными способами перепрыгнуть через него. Потребовалось слишком много времени, чтобы снести его. Лучший способ сделать это - прыгать, стоять сверху руками, немного

подтягиваться и прижимать левую ногу к стене, качая правой ногой вверх и вниз. Сев сверху, можно было легко поднять еще одну ногу и прыгнуть вниз. На этот маневр у меня ушло не больше шести секунд. Это было довольно интенсивно, потому что мы были ослаблены недоеданием и нашей нерегулярной жизнью.

Спортивные демонстрации должны были начаться в девять утра. Многие офицеры и солдаты пришли посмотреть на события. Старший офицер произнес речь. Спортивная площадка располагалась за небольшим лесом, поэтому массовый митинг не был виден с английских смотровых мячей. Немецкая истребительная эскадрилья постоянно пролетала над площадкой, чтобы защитить себя от возможных атак британских самолетов.

Была гонка на старт. Его выиграл человек из Рейнской области, который всегда производил на меня впечатление жесткого и неуклюжего. Мы все были удивлены, как быстро он бежал.

Многие люди участвовали в полосе препятствий. Люди начинали в группах по четыре человека, и время, проведенное каждым из них, фиксировалось. Я представился в группах по четыре человека. Я сразу же повторно отметил, что двое из них были отличными бегунами, и что они достигли первого препятствия примерно на два шага впереди меня, но я шел перед ними. Четвертый гонщик упал на линию и вышел из гонки. Остальные три гонщика преодолели последнее препятствие одновременно. Так как я нашел лучший способ перелезть через деревянную стену за день до этого, я перелез через нее за

несколько секунд, в то время как другие заняли больше времени. Теперь я бежал, как ветер, к финишу и был всего на два шага впереди, когда приехал. Я был довольно измотан и пошел спать, чтобы отдохнуть. Прошло некоторое время, прежде чем гонка по преодолению препятствий закончилась. Потом мне пришлось сделать прыжок в длину, но я прыгнул неправильно и сделал это плохо.

Следующим был прыжок в высоту. Потом были брошены гранаты. Цель находилась в сорока пяти метрах от нас, и это было чучело, переодетое в солдата. Конечно, мы не бросали ручные гранаты, мы использовали вместо них тренировочные. Я приземлил ручные гранаты недалеко от цели и надеялся выиграть один из призов. Мы чуть не посмеялись до смерти в последовавшей гонке мешков. Потом нам пришлось попробовать забраться на два гладких полюса. Человек, получивший высшую награду, выиграл бы первый приз. В следующей гонке были установлены первые две, затем три и даже четыре спортивных лошади, и люди должны были перепрыгнуть через них. Было ясно, что в этих соревнованиях могут участвовать только лучшие гимнастки. Все упражнения были очень интересными, и вы чуть не забыли, что находитесь в разгаре войны. После этого были вручены призы. Шестое место на полосе препятствий занимала бутылка коньяка, содержащая около трех четвертей литра. я выиграл восьмой приз - хороший портсигар с хорошими сигарами. Постепенно это место опустело, и люди вернулись в свою каюту. По дороге домой гром орудий напомнил вам, что это все еще война.

На следующий день пехотный батальон тренировался в открытом поле возле Сомма, когда его бомбила эскадрилья британских бомбардировщиков. Несколько человек были убиты. В Фрамервиль-Ренкур около 100 французских и английских солдат находились в плену и должны были выполнять различные задания. Французы не поддерживают англичан и обвиняют их в том, что они еще не положили конец войне. Я часто дарил им французские сигареты, за которые они были очень благодарны.

Теперь было объявлено, что каждый, у кого есть свинец, медь, латунь, цинковая фольга и т.д., должен привезти их в место сбора в деревне, где ему заплатят определенную сумму за килограмм. Вы не можете себе представить волну разрушения, предвещавшую это объявление! Все латунные дверные ручки и оконные замки были отвинчены или сколоты. Все медные кухонные принадлежности и все, что сделано из меди, также были удалены. Вся цинковая крыша была снята и перенесена на сборные столбы. Некоторым солдатам заплатили несколько сотен марок за кражу. Были даже люди, которые специализировались на поиске оккупированных территорий, разграблении церковных колоколов. Я сказал лейтенанту Стромайеру, который стоял рядом со мной и наблюдал за процессом: "Я думаю, что неправильно присваивать церковное имущество, - сказал Стромайер, - что ты хочешь делать? Необходимость не знает закона". Да, необходимость не знает закона, это немецкое оправдание.

выкопать себя и подготовиться к стрельбе так, чтобы их не было видно с фронта. Когда мы были

готовы, новый командир роты, которого я еще не встречал, осмотрел оружие на фронте и пришел к выводу, что у моей команды есть все шансы спрятаться. Теперь вся компания должна была прийти и научиться на нашем примере хоронить себя. Командир роты дал мне две хорошие сигары, и с тех пор я с ним, так сказать.

Проведя десяток дней в Фрамервиль-Ренкуре, немецкие вахтовые войска прибыли и мы услышали: "Завтра вечером мы возвращаемся на свои позиции. Мы все боялись перспектив. Недалеко от деревни находился аэродром, на котором размещалось около четырех десятков самолетов. Они использовались в воздушных боях с англичанами и как ночные бомбардировщики. Во второй половине дня, перед тем как нам пришлось занять позицию, я пошел с младшим капралом Фрицем Кесслером в столовую эскадрильи, чтобы купить сигарет, которые можно было бы взять на фронт. По дороге мы увидели и услышали, как над нами взорвались два больших осколка. Это был первый раз, когда артиллерийский выстрел зашел так далеко. Фриц, - сказал я, - будь осторожен, они собираются ударить нас здесь. "Это вполне возможно, - сказал Фриц, - но мы уезжаем отсюда сегодня вечером, и нам все равно придется привыкнуть к чему-то совершенно другому". Мы купили сигареты и случайно вернулись в компанию. Это был великий майский день, воздух был настолько чистым, теплым и ароматным, что жить было приятно. Как прекрасен может быть мир сейчас, - сказал Фриц, - и мы, глупые люди, убиваем друг друга". Внезапно мы побежали на землю. Мы записали бульканье двух

больших снарядов и почти инстинктивно слышали страшные взрывы. Один из снарядов приземлился среди самолетов, в результате чего обломки взорвались во всех направлениях. Другой приземлился во дворе дома, в котором находился полк военной артиллерии. Затем мы узнали, что несколько человек были ранены и убиты. В безумной спешке все покинули деревню. Лошади уже были запряжены. Теперь мы поспешили из деревни. Позади нас мы слышали тяжелые снаряды. На затопленной дороге мы ждали до вечера.

Потом мы пошли на фронт.

Мы выбрали очень хорошую широкую дорогу в Амьенс, которая называлась римской дорогой. Когда стемнело, я заметил, что на расстоянии перед нами взорвалось много шрапнели. Значит, и здесь что-то происходило. Мы добрались до деревни Варфуза-Абанкур. Там мы должны были вытащить наши пулеметы и оборудование из вагонов и перевезти их. На фронте нас ждали два проводника. Мы избегали пробираться сквозь Свирепый Лагерь, который часто был мишенью английской артиллерии. Проводники провели нас через брешь перед деревней, где были размещены несколько немецких батарей. Поскольку было еще темно, некоторые из английских смотровых шаров все еще поднимались и оставались там до наступления ночи. Люди с батареями сердились на нас и клялись, что мы будем виновны, если британцы узнают, где находятся их батареи.

Было очень темно и нам было трудно держаться вместе. В этой незнакомой обстановке ты впервые

почувствовал себя глупым, как теленок, выходящий из коровы. Солдаты, вспотевшие при перевозке груза, стали плохо себя вести и жаловаться. Тебя часто ослепляли вспышки, летящие впереди. В ночном небе за британским фронтом вы увидели много дрожащих молний, за которыми последовал сначала шипящий звук, длившийся секунду, а затем взрыв осколков и артиллерийских снарядов. Это были местные нападения англичан, которых мы очень боялись, и они длились две-три минуты, после чего была пауза и нападение на другой район. Проехав деревню, мы вернулись на дорогу. Столь же быстро, как молния, мы все лежали в кювете на обочине дороги. Я прислонился к склону и держал две воды из резервуаров и большую лопату над головой, чтобы максимально защитить себя от осколков. Как она свистнула и бахнула вокруг нас! Ты чувствовал, что тебя ударят в любой момент. Чувство, которое вы получаете в такое время, может быть вообразено только теми, кто был в такой же ситуации. Несколько снарядов попали в дорогу, оторвав множество камней, которые также жужжали в воздухе и падали на нас. Внезапно, как бы это ни началось, стрельба прекратилась. Мы вздохнули с облегчением и спросили, не пострадал ли кто-нибудь. Чудесным образом, никто не пострадал.

Мы пошли на фронт, который мы защищали в наших сердцах. Глубина обороны означает, что вдоль линии фронта полоса шириной от шести до восьмисот метров удерживается солдатами, разбросанными по всему периметру - пехотой, легкими и тяжелыми пулеметами, занимающими пулеметные гнезда,

гранатометами, минометами и т.д. - и что солдаты должны уметь защищаться. Солдаты укрывались в ямах для снарядов или в ямах, которые они сами себе выкопали. Здесь практически невозможно будет поддерживать постоянный окоп, так как вскоре он будет обнаружен и обстрелян вражеской артиллерией до тех пор, пока ни один из них вряд ли выживет. Глубокая оборона означала, что вражеская артиллерия должна была бы рассеять все поле без цели и плана. Однако это, естественно, приводит к жертвам, поскольку нет ни подземных землянок, ни колючей проволоки, ни хорошего укрытия. Все солдаты в ямах спросили, из какого полка мы пришли, иначе они не смогут уйти и скоро вернуться. Все носили рюкзаки, чтобы они могли бежать домой как можно быстрее, когда их попросят. Нам часто приходилось лежать на земле, когда британцы подметали землю пулеметами, но нам удалось добраться до пулеметного гнезда совы, не теряя времени. Прежде чем мы смогли добраться туда, солдаты, которые взяли гнездо, выползли из ямы и исчезли во тьме. Мы были счастливы укрыться в норе.

было просто ямой, выкопанной, чтобы сделать квадрат, с пулемётной стойкой, выкопанной в передней части. В темноте было невозможно ориентироваться. Никто не сказал нам, находимся ли мы на краю фронта, как далеко английские солдаты, или что происходит. У тебя было чувство, что тебя бросили. Я выстрелил в небо. Но что я видел? Ничего, кроме поля ям от снарядов - как будто мы одни здесь, и все же вокруг нас тысячи солдат в ямах. Нам также не повезло, что в нашей норе появился новый

командир роты. Конечно, это делало вещи менее комфортными, потому что эти ребята всегда хотят командовать чем-то или смеяться над людьми. Другой пулемет во взводе под командованием сержанта Крамера находился всего в четырех ярдах от взвода и также принадлежал пулеметному гнезду совы. Утром несколько снарядов попало очень близко, что вызвало у нас некоторое беспокойство, потому что прямой огонь ничего не значит, кроме крошек. Перспектива быть разорванной на части, естественно, очень неприятна и тревожна.

Когда наступил день, я поднял голову на мгновение, чтобы сориентироваться. Я видел только расстрельный отряд и не мог определить, где находится край немецкого фронта или где англичане. Дорога была примерно в ста ярдах слева от нас, и примерно в восьмистах ярдах от города Виллер-Бретоннеу, который сейчас представляет собой груды развалин. Затем слева находится село Каччи, которое нам пришлось завоевать во время атаки 24 апреля. Я также видел несколько танков, лежащих поблизости. Позади нас я увидел деревню Варфуз-Абанккур, которая была разбомблена. Это все, что я видел. Несколько английских воздушных шаров, привязанных друг к другу, взлетели в небо; всего мы насчитали двадцать восемь.

Командир нашей роты решил, что мы должны откопать ему лучшее убежище. Он хотел, чтобы мы выкопали четыре или пять ступеней на дно ямы, а затем выкопали ему яму, как печь, куда он придет. Я бы очень хотел ударить этого ублюдка по голове большой лопатой. Он не возражал, если бы у нас было

укрытие, все, что имело значение, это то, что его драгоценная жизнь должна быть спасена. Я сказал: "Сэр, я не думаю, что можно копать днем, потому что если мы сбросим землю, нас обстреляют из английской артиллерии". Он думал, что в этом есть смысл. В яме было много новых мешков с песком, которые, вероятно, остались от предыдущей команды. Теперь лейтенант заставил нас днем наполнять мешки, а ночью опорожнять их в отверстия для раковин. Что нам делать? Мы просто должны были сделать то, что он хотел, чтобы мы сделали, поэтому мы наполнили мешки.

В течение дня часто происходили страшные воздушные бои, и смотреть их было ужасно и интересно. На поле было много грубых деревянных крестов, которые были воздвигнуты товарищами павших воинов. Прямо за нашей ямой было три таких креста. Если бы мы не были так закалены, было бы неприятно разбить лагерь так близко к мертвым. Следующей ночью мы пережили тот же самый обстрел и пулеметный обстрел, что и в предыдущую ночь.

По одному человеку из каждого пулемёта нужно было выходить за едой. Эти люди боялись рисковать своей жизнью ради собачьей еды. Во второй половине дня я заметил телефонный столб на обочине дороги. Я одолжил у соседей пилу и разрезал ее на куски длиной около полутора метров. Потом мы отвезли дерево к пулеметному гнезду. Там мы выкопали куски на глубину около полутора метров, образуя квадрат на дне ямы. Я взял несколько тонких кусочков гофрированного железа у англичан, положил их на

дерево, положил на них немного земли и укрылся от шрапнели и дождя. Мы также прикрепили один из гофрированных листов железа к отверстию лейтенанта. На следующий день мы закончили печь лейтенанта. Теперь этот парень проводил все свое время в своей норе. Он мало говорил. Он слишком гордился этим. Батальонные посыльные приносили ему приказы из батальона, полка и дивизии. Если бы мы могли избавиться от этого парня, я подумал...

С наступлением темноты, мы должны были следовать его приказам, чтобы больше пулеметов, задача, которая всегда ставит нас в смертельной опасности. На четвертую ночь в гнезде он позвал меня в свою нору. Ришерт, - сказал он, - приказ полка заключается в том, что каждую ночь между двенадцатью и двумя полуприцепами мы должны продвигаться вперед, отчитываться перед командиром пехотной роты и стрелять пятнадцать сотнями снарядов на перекрестке за английским фронтом, потому что люди подозревают, что ночью предстоит проделать большую работу. Было бы неплохо, Ришерт, если бы ты начал процесс сегодня вечером. Я сказал: "Это именно то, что мне нужно". Чтобы добраться до самой передовой немецкой пехоты, нужно пройти более четырехсот ярдов. Вы знаете, сэр, как и я, что мы находимся в постоянной смертельной опасности. Кроме того, в темноте можно легко сломать конечность в этих дырках раковины. Я просто хочу, чтобы тот, кто отдал приказ, сделал это сам! "Ришерт, не будь жестоким". "Приказ есть приказ. Я бы тоже предпочел, чтобы ты осталась здесь, но у нас нет выбора.

Мои стрелки, которые слышали разговор, были в ужасе. Каждый из них боялся, что я прикажу им пойти со мной. Я тихо им кое-что сказал. Они сразу же успокоились. "Хорошо, готовься! Я сказал громко, чтобы местные могли услышать ее в ее норе. "Мы оставим след здесь". Я возьму с собой пулемет, Кесслер возьмет стойку и ящик с боеприпасами. Томас, ты возьмешь две другие коробки с боеприпасами, чтобы забрать нужное количество. Точно! Тогда пошли, ради Бога! Мы выбрались из ямы и отправились в другую яму примерно в четырех метрах от нее, которая была занята пулеметной бригадой Крамера. Я сказала ему, каково это. "Ты бы сошла с ума, если бы сделала это! Эти свиньи могут поцеловать нас в задницу! Они должны пойти на это в одиночку, - сказал Крамер. Мы произвели 1500 выстрелов из ремней, я бросил их в дыру от снаряда и закопал. Затем я почернил передний ствол пистолета-ускорителя отдачи свечей зажигания, чтобы выглядело так, будто он был выстрелен. Мы пробыли в яме почти три часа с сержантом Крамером. "Завтра ночью моя очередь", - сказал Крамер. "Мы просто зайдём в любую старую дыру. "О, - сказал я, - не стесняйся оставаться в своей норе". Этот трусливый лейтенант не настолько храбр, чтобы выйти из своей норы на пять шагов, чтобы увидеть, действительно ли ты ушел или нет. Когда наступила минута молчания, я сказал: "Ладно, давайте вернемся в нашу яму и давайте я сделаю все остальное". Я позабочусь о лейтенанте".

Я взял пулемет, Кесслер и Томас забрали пустые ящики с боеприпасами, и мы прыгнули в свою яму; мы

задохнулись, как будто собирались бежать. Мы опустили пистолет. Тогда лейтенант подошел к нам и сказал: "Вы все вернулись?" "Да, - сказал я, - но, честно говоря, я больше никогда этого не сделаю". Чудо, что все трое из нас вернулись целыми и невредимыми, так как пулеметы часто свистят шириной волос за ушами, а в темноте мы легко можем заблудиться и оказаться среди английских войск. Я солгал. "Главное, что ты вернулся. Я боялся, что с тобой что-то случилось. Я сказал себе: "Если бы он только знал! Моя команда, которая всегда была верна мне, теперь думает еще больше обо мне, насколько это возможно, чтобы не подвергать мою жизнь - или мою - опасности.

Было очень скучно, все время сидеть в яме, и мы не могли говорить свободно. Однажды, когда я заметила, что убеждена, что... Германия собиралась проиграть войну, поэтому лейтенант позвал меня в свою нору. Ришерт, - твердо сказал он, - что ты сказал! Обычно ты слишком дружелюбен с экипажами. Вместо этого, вы должны показать свой авторитет в качестве лидера и ничего не говорить, что может помешать их уверенности в победе. "Я не могу говорить против своего убеждения, сэр", - ответил я. "Вы можете видеть не хуже других, сэр, что на каждые пятьдесят немецких снарядов, которые стреляют, триста британских снарядов приходят в ответ". Наши самолеты редко рискуют пересечь наш фронт, в то время как британские самолеты несут над нами большое количество снарядов. Наше нападение 24 апреля показало, что британский фронт достаточно силен. И, сэр, - продолжал я, - я был солдатом почти

три года, и я знаю, как я отношусь к строгому и безрассудному боссу; я убежден, что вы можете добиться большего прогресса с народом через товарищество и справедливость, и что вы будете делать лучше в чрезвычайной ситуации". И если бы, например, я был ранен, я был бы уверен, что мой народ не бросит меня. Это было бы гораздо более вероятно, если бы я относился к ним грубо и позволял им чувствовать мою силу слишком небрежно.

Может быть, вы и правы, - сказал мой лейтенант, - но вы не должны подрывать веру вашей команды в победу". Я ответил: "Скоро для всех нас будет то же самое, так как война закончилась, если мы сможем просто спасти наши жизни и как можно скорее вернуться домой". Теперь лейтенант чуть не паникнул: "Что ты имеешь в виду? Тебя не волнует, как закончится война? Просто подумай о последствиях нашего поражения". "Сэр, - сказал я, - война может закончиться так, как захочет". Если я доживу до конца войны, я, вероятно, буду среди победителей. "Почему?" сказал слишком удивленный лейтенант. "Это достаточно просто", - ответил я. "Я из АлСаса. Если победит Германия, Эльзас останется Германией, и мы будем в числе победителей. Если выиграют другие, то АльСасе будет французом, а мы будем с победителями. "Это правда", - сказал лейтенант. Я не думал об этом. Но, конечно, ты лучше победишь немцев, чем врагов!" Я ответил: "Сэр, я фермер, и мне придется как-то возделывать поля". Мне плевать, придется ли мне платить налоги с того или иного участка". Послушай, Ришерг, ты говоришь неподобающе. Прямо сейчас ты сержант алле-манд, и

твоя преданность должна быть Германии. Можешь идти! Я поднялся на четыре ступени и присоединился к своей команде в яме. Мои солдаты тихо спросили меня, что на самом деле произошло, и я спокойно рассказал им, что произошло в разговоре с лейтенантом. Они все должны были смеяться.

Так как днем ты не мог успокоиться за пределами ямы, у тебя не было выбора, кроме как успокоиться внизу. Для этого у нас была пустая жестяная банка, в которую мы могли писать. Потом мы просто выбросили мочу. Точно так же мы испражнялись на лопате, покрытой небольшим количеством почвы, а затем выбрасывали табуретку из ямы. В общем, это была уже не человеческая жизнь, но мы ничего не могли с этим поделать. Однажды лейтенант вышел из ямы, чтобы пописать. Как только он закончил, над нами внезапно взорвался осколочный снаряд. Пуля прошла сквозь тонкое волнистое железо и попала лейтенанту в лоб, выше левого глаза. Напуганный и ошеломленный, он упал с криком. Моча из консервной банки затем пролилась на его лицо и грудь. Я быстро набросился на него, потому что не знал, тяжело ли он ранен или нет. Вскоре он встал, бледный от страха. Кусок шрапнели стёр только круглую шишку на лбу, после чего он упал. Кровь текла по лицу лейтенанта. Я перевязал ему лоб двумя марлевыми бинтами. Когда наступил вечер, лейтенант побежал в тыл. Мои стрелки смеялись над ним и брызгали ему в лицо мочой, когда он упал задом наперёд. Для нас важно было избавиться от него.

В ночь после того, как командир роты был ранен, Гуннер Томас вышел из окопа, чтобы успокоиться.

Английский пулемет вдруг начал шуметь. Пуля прошла через сапог Томаса и отрезала ему мизинец, когда он согнулся в продольном направлении. С криком боли он вернулся в окоп так быстро, как только мог, так как его штаны были спущены, что мешало ему нормально ходить. Его подобрала. Он плакал. "Они поймали меня!" "Где они тебя поймали? Я спросил его. "На моей ноге, на моей ноге", - ответил он в большом замешательстве. Я взял свой фонарь и увидел в его поврежденном ботинке, где была рана. Я быстро с помощью карманного ножа отрезал обувь с его ноги, затем снял с него носок и перевязал рану, пока один из стрелявших показывал ему фонарик. Томасу было очень больно, потому что сухожилие на пальце ноги было перерезано, а кость на пальце разорвана. Он стонал всю ночь: "Если бы я только мог вернуться", но он не доверял себе, чтобы вернуться во тьму, потому что боялся упасть в одну из многочисленных дыр в оболочке. Мы вытащили его рубашку из рюкзака, обвязали ее вокруг ноги, как могли, и связали веревкой. С первыми лучами рассвета Томас блуждал как можно быстрее позади нас, где быстро исчезал в темноте и тумане утра, чтобы нас больше никогда не видели.

Мы все надеялись на облегчение, но казалось, что нас почти забыли. Во второй половине дня к нам поступили четыре тяжелых британских снаряда, которые взорвались примерно в ста ярдах от нас. Я боялся, что они ударят по нам, потому что наше пулеметное гнездо находилось на холме, едва заметном над окружающим ландшафтом. Англичане предполагали, что пулеметное гнездо будет здесь.

Через несколько минут прибыли еще четыре снаряда, которые взорвались на расстоянии менее тридцати ярдов от нас, в результате чего куски земли подбросили в воздух на нашем укрытии и в нашей дыре заурчали. Я надеялся, что батарея сможет прочесать землю по прямой. Вскоре, слишком рано, мы убедились, что снаряды направлены на нас. Следующие снаряды, вероятно, .21., пролетели прямо над нашими головами и взорвались ужасным ревом прямо за нашей норой. Следующий залп взорвался прямо перед нами. Батарея упала на нас. "Ричерт!" позвонил сержанту Крамеру из следующего колодца. "На этот раз с нас хватит!" "Еще нет", я перезвонил. "Может быть, скоро они снова остановятся! Но я ошибался. Салют после дождя в одном залпе, раз в пять минут. Снаряды разбились перед нами, рядом с нами и позади нас, и наша нора вскоре была заполнена четвертью кусочков земли, которые упали на нас. Бледный и мерцающий, мы плотно лежали в яме. Мы все зажигали сигареты, чтобы немного успокоить нервы. Каждый раз, когда мы не спали пять минут, мы слушали с напряжением. Затем мы услышали, к нашему неопишуемому ужасу, бум, бум, бум, бум удаленного огня, и ничего больше в течение нескольких секунд, пока снаряды не просочились внутрь. Невольно мы целовались с землей, сколько могли, потому что каждый раз были уверены, что нас ударят прямо. На этот раз мы почти добрались, - сказал мистер Крамер, - снаряд попал прямо в нашу дыру. После следующего залпа обезображенная нога приземлилась в нашу нору. Некоторые из морских пехотинцев, которые занимали яму рядом с нами,

были ранены прямо, разорвав их на куски. На нас также напал запах гниющих трупов. Я посмотрел вверх и быстро увидел, что вызвало запах. Один из снарядов попал в могилу позади нас и разорвал и выбросил тела, которые уже гнили. Это было почти невыносимо в нашей дыре. Рядом с нами были кусочки этой дурно пахнущей человеческой плоти. Следующий раунд приземлился очень близко к нам. Мы были почти сумасшедшими. У нас не было возможности сбежать, потому что к тому времени, как вы приехали, вас обрызгали пулеметным огнем. После следующего залпа мы услышали ужасные крики боли. В очередной раз снаряд попал в дыру, занятую морскими пехотинцами, убив одних и нанеся серьезные ранения другим. Несмотря на их стоны, никто не пришел им на помощь.

Наконец, примерно через два часа бомбардировка прекратилась. Мы вздохнули с облегчением.

Сигарета, которую я зажег после первого взрыва, быстро погасла, и я прожевал ее почти до конца, не замечая, что это было вызвано напряжением. Много немецких снарядов пролетело над нашими головами. Я схватил бинокль и увидел немецкий самолет, который вдалеке выглядел довольно маленьким. Затем немецкий самолет, окруженный небольшими облачками шрапнели, вернулся невредимым к немецким линиям.

Когда стемнело, мы сразу же начали работать, чтобы вернуть вонючие останки в могилу и поместить их в безопасное место. Так как мы не смогли найти ни одного креста, невозможно было отметить могилу. Рядом с нами мы слышали, как люди говорили и

работали. Они были пехотинцами, хоронящими своих павших товарищей. Они сказали нам, что три из ям, которые они занимали, были вырыты непосредственно, в результате чего двенадцать человек погибли и один тяжело ранен в их компании.

Назад вперёд В пулеметном гнезде сова мая 1918 года

Наконец-то снова в мире

Снова в мире - начало июня 1918 года.

Отдыхай в конце дня.

Вскоре мы достигли глубокого оврага. Компания была там - водители, лошади и все такое. Мы поужинали, потом вернулись в кусты, чтобы спокойно спать. Когда я проснулся, солнце уже было высоко в небе. Теперь ты можешь видеть, где мы находимся. Глубина ущелья, вероятно, составляла двадцать метров, а ширина - около тридцати метров, и два склона были частично покрыты толстым самшитом. В нижнем конце оврага, Сомме мягко текла. Рядом с ним находилась деревня Моркур, на холме слева была деревня Мерикур, а примерно в трех километрах позади нас находилась большая деревня Проуайар. Все эти села были частично зарезаны и опустошены их жителями. В ущелье были еще два пехотных лагерных батальона с багажом. До сих пор овраг не бомбили англичане. Несмотря на это, мы вырыли ямы на склоне, обращенном к фронту, чтобы мы могли сползти вниз и укрыться, если попадем под огонь или бомбардировку с воздуха. Поскольку был конец мая и мы воспользовались хорошей погодой, мы

чувствовали себя комфортно. Еще слишком рано, чтобы нам приказали вернуться на позиции.

На этот раз нам с командой пришлось взять "Орлиное пулемётное гнездо". Все пулеметные гнезда в нашей компании были названы в честь хищных птиц: совы, стервятники, орлы и соколы. Перед нами команда начала рыть тоннель в земле, вырытой досками. Мы продолжили эту работу. Днем мы вырыли и наполнили почвой множество мешков с песком, а вечером опустошили их в близлежащие раковины. Каждый вечер, когда мы заканчивали работу, мы разбрасывали белую, сухую землю по прохладной, влажной земле, чтобы скрыть тот факт, что мы работали здесь от британских пилотов. Дни были медленными, а ночи еще медленнее. Всегда было одно и то же: днем мы заполняли мешки с песком и сидели в яме, а вечером, в сопровождении пулемета и артиллерийского огня, везли еду и таскали доски через тоннель. Несколько раз британцы бомбили нас газовыми снарядами, содержащими видимый или невидимый газ, от которого пахло чесноком. Нам приходилось носить противогазы, часто вовремя.

Однажды ночью мне подробно рассказали, как отвезти людей, которые должны были собирать еду, на полевую кухню, которая ночью обошла деревню Абанкур. На обратном пути мы внезапно подверглись массированному артиллерийскому обстрелу. В темноте я увидел передо мной дыру. "Иди сюда! Я кричал. Мы все пошли прямо в яму. Потом я заметил, что диагональный проход спустился в землю из ямы. Я почувствовал свой путь через темный

проход и сказал остальным следовать за ним. Я почувствовал палатку, которая, казалось, блокировала проход. Я оттолкнул его назад и засиял своим факелом внутри. С одной стороны, я видел трех мужчин, завернутых в одеяла. "Как думаешь, что ты здесь делаешь?" Голос рычал на меня. "Почему мы голые? Скрытие, больше ничего", - ответил я. "Убирайся отсюда сейчас же!" "Как только бомбардировка прекратится", я ответил. "Ты знаешь, кто я?" Этот человек, завернутый в одеяла, накричал на меня. "Нет", - сказал я. "Я отвечаю за сборщики пищи для 332 Второй оружейной роты, и считаю своим долгом вернуть их в целостности и сохранности, если смогу, и поместить вас в безопасное место, где вы сможете их найти". Этот человек более дружелюбен. "Ты из батальона КТК." КТК70 означает "командир боя", а майор фон Путкаммер - "третий батальон". Когда стрельба прекратилась, мы вышли из ямы и бросились к своим пулеметным гнездам.

Когда наша рота снова ослабла, взводу из пулеметной роты Террористического полка, к которому принадлежал Иосиф Хофферт, было приказано предоставить подкрепление. Одному отряду очень не повезло. Когда они приблизились к назначенному гнезду, один человек попал под обстрел из пулемета. На следующий день прямой удар попал в их нору, убив всех, кроме одного - молодого человека из Берлина. Теперь, когда он был один, он присоединился к другой команде взвода. Два дня спустя их отпустил еще один взвод из своей роты. Два дня спустя солдату из Берлина было приказано вернуться на свой пост, хотя большинство отрядов его

роты еще не находятся на линии фронта, так как его территориальный полк базируется в деревнях за линией фронта. Он сказал своему сержанту, что еще не пришла его очередь, и что он не вернется до тех пор, пока это не случится. Действительно, он был прав, но, похоже, забыл, что от него ожидали покорного инструмента прусской воинственности. "Тогда ты не подчиняешься моим приказам", - сказал сержант. "Я пойду, когда придет моя очередь", - сказал солдат. Это то, что он сказал командиру компании. Так сказал командный состав. Окружной военный суд заседал и приговорил бедного молодого человека к смертной казни, расстреляв его за неподчинение приказам перед лицом врага. Приговор был приведен в исполнение на следующий день. Этот бедный молодой человек был использован властью имущими, чтобы предупредить других солдат, потому что они знали, что большинство из них только не хотят подчиняться их приказам.

Англичане начали стрелять из снарядов замедленного действия, чтобы они не взрывались при ударе о землю, а только при падении в землю, чтобы они могли вызвать обрушение всех близлежащих туннелей. Мы назвали эти опасные штуки туннельными предохранителями. Многие из этих снарядов ушли так глубоко в землю, что не были достаточно мощными, чтобы разорвать землю над ними, и они просто взорвали землю, как пузырь. Эти снаряды могут привести к обрушению туннелей, в которых захоронены кошки-землероида, что приведет к их ужасной смерти от удушья. Бедные солдаты были убиты самыми разными способами, и

все же они должны были продолжать идти, в противном случае они бы закончили как парень из Берлина. Постепенно у меня развилась смертельная ненависть ко всем тем, кому хорошо платили за то, чтобы бедные солдаты сопротивлялись условиям на фронте и погибали.

На следующую ночь мы снова почувствовали облегчение. Когда было тихо, я сказал: "Давай пойдем по улице через деревню". Это короче и легче, чем ходить по полю, и мне интересно посмотреть, как там у деревни дела. Мы все согласились пойти туда. Когда мы добрались до деревни, со сияющей луной, мы увидели ужас разрушения. Почти все дома были разорваны на куски тяжелыми английскими снарядами. Часто руины прямо перед ними. Только маленькая дорога была расчищена. В какой-то момент там была разрушенная загородная кухня с двумя мертвыми лошадьми, захваченными впереди. Через несколько шагов два солдата и две мертвые лошади были привязаны к повозке с досками для туннелей. Мы спешили покинуть деревню. На полпути в деревню внезапно вошло несколько очень тяжелых снарядов с головокружительным свистком. Сила их бывших заговоров была настолько сильна, что казалось, что их поднимут в воздух. Взрыв вызвал падение плитки и деревянных изделий из поврежденных домов. Мы вчетвером бежали так быстро, как только могли. Но снаряды были быстрее нас. Следующие взорвались недалеко от нас. Огромные осколки пролетали над нашими головами. Мы торопились! Мы почти перестали дышать бегом и волнением. Sch-sch-schr трещина - над нами

пролетели два монстра, которые взорвались перед нами, а некоторые из них взорвались сзади. Теперь мы были прямо посередине. Град кусочков земли, казалось, никогда не останавливался. Все больше и больше снарядов летало и взрывалось вокруг нас. Мы не знали, куда обратиться.

Мы, наконец, подошли к концу деревни и сразу же побежали налево через поле, так как поняли, что свет в основном направлен на дорогу. Когда рядом с нами больше не было снарядов, мы остановились; мы так устали и затаили дыхание, что нам пришлось немного прилечь, чтобы перевести дыхание. Британская артиллерия прорвала немецкие позиции. Немецкая артиллерия открыла ответный огонь снарядами всех калибров. В направлении линии фронта мы ничего не видели, кроме постоянной тряски и мигания взрывающихся артиллерийских и осколочных снарядов. Взорвались сотни осветительных ракет. Пулеметы начали стрелять. Мы подумали: "Там что-то есть!" и были очень рады облегчению. Мы видели много красных осветительных ракет, просящих барьеры для немецкой артиллерии. Это началось немедленно. Околдованные, мы смотрели и слушали эту мигающую вспышку и стучать и стучать до тех пор, пока огонь снаряда рядом с нами не сказал нам, что мы должны двигаться вперед так быстро, как мы можем. Мы приближались к оврагу, но не попали в него, потому что боялись, что нас насторожат, и нам придется двигаться вперед, чтобы обеспечить подкрепление. Постепенно огонь утих и затих. Потом мы вошли в компанию. Мы думали, что мы были последними, но мы были первой командой, которая

вернулась. На следующее утро мы узнали, что британцы начали ночную атаку, что они на месте прорвались на немецкие позиции и подняли тревогу, а затем снова отступили.

Начало июня 1918 года - снова в отпуске.

В первый день отдыха у нас произошла ужасная авиакатастрофа с 52 самолетами. Шесть из них разбились. Один из них, британский самолет, врезался в ущелье менее чем в пятидесяти ярдах от нас. Мы все думали, что он приземлится прямо над нами. В тот момент ты не знал, как сбежать. Воздействие на землю было ужасным.

Самолет разбился и сразу же загорелся. Никто не мог подойти к нему из-за пламени, вызванного топливом и взрывом нагретых боеприпасов. Когда все сгорело, обугленное тело пилота было выпущено из обломков и похоронено в поле.

На второй день отдыха английский самолет взлетел на большой скорости и, сделав всего несколько выстрелов, установил наблюдательный шар, который был очень близко к нам. Наблюдателю удалось бежать, выпрыгнув с парашютом и аккуратно покачиваясь, он благополучно спустился на землю. На следующий день новый смотровой шар уже заменил старый. Британский пилот пролетел над ним и бросил в меня что-то совершенно новое. Вы видели, как из самолета падает много маленьких полосок дыма. Вероятно, это был горящий ликвид, который должен был поджечь воздушный шар, но его тут же снесли.

Каждый день все сержанты роты в битве при Льоне отправлялись в Моркур, чтобы получить приказы и

пароль. Они стояли во дворе и ждали командира батальона, когда среди них внезапно упал снаряд. Все они были разорваны на части, за исключением сержанта нашей роты Лаугша, который выжил только после того. Как только он услышал звук снаряда, он бросился на землю. Нам всем было очень жаль потерять этого человека, потому что он была хорошей, справедливой и настоящей матерью. С того дня деревня Моркур ежедневно подвергалась бомбардировке.

Однажды около 40 английских самолетов окружили деревню. Только один добрался до нашего оврага. Пришел приказ: "В укрытие! Мы сидели перед трибунами, прятались в кустах и наблюдали за передвижениями пилотов. Один из летчиков внезапно выпустил сигнальную ракету, и в этот момент мы слышали свисток бомб, и их взрыв в селе Моркурк выглядел как шквал. Вскоре после этого деревня была окутана черным дымом. Внезапно мы услышали свист бомб, за которым последовало четыре взрыва. Мы все проползли через отверстия с молниеносной скоростью. Солдат, который разделил со мной дыру, сказал... "Меня ударили! Кусок шрапнели размером с никель проткнул его сзади. Я смог его вытащить. У него была только рана плоти, и врач батальона дал ему несколько дней, чтобы восстановиться. Водителю батальонного багажного поезда перерезали горло осколком. Ему все же удалось выйти из поезда, побежал с поднятыми руками и смертельным страхом в глазах в нескольких шагах от него, рухнул, восстановился, попал в руки нескольких солдат, которые пришли ему на помощь, и умер. Его пещера,

передняя часть которой была полностью покрыта кровью, выглядела ужасно, но мы были настолько тронуты нашим опытом, что не могли много чувствовать. Когда это убийство наконец закончится? Вскоре не было никакой перспективы мира. Я чувствовал, как будет грустно, если после всех ужасных вещей, в которых мне пришлось участвовать, меня убьют! Это неопределенное будущее было почти самым неприятным аспектом.

была немного лучше и содержательнее, чем в 1917 году. Мы получили дополнительное пособие на боевую еду, но несмотря на это, вы ели только раз в день, чего было достаточно, чтобы утолить ваш голод. Однажды я был очень удивлен, увидев, как Арти Конкель и младший капрал Кручен возвращаются в роту с двумя солдатами. Мы думали, что они упали около десяти дней назад, когда собирали еду. На самом деле, они дезертировали и сели в поезд в Пероне, который отвез их в Кельн. Конкель, который нигде не мог найти еды, был вынужден сдать власть, в то время как младший капрал Кручен был задержан в квартире своей жены. Теперь они вернулись в свою часть и были осуждены районным судом. Каждый из них был приговорен к пяти годам лишения свободы. Вместе с двумя солдатами мне приказали отвезти их в тюрьму Камбры. Мы прошли весь путь до Перонны, через опустошенную территорию. Английские самолеты кружили над станцией. Боясь, что нас разбомбят, мы все спрятались между рельсами под вагоном, заряженным реквизитом. Бомбы свистнули, но пропустили свои цели и приземлились недалеко от станции. Потом мы

сели на поезд, который вез солдат в Кэмбрей. Мы не видели ни одного занятого дома. Все было снесено, уничтожено или взорвано. К западу от Кэмбрея в полях находилось около 100 британских танков, сбитых в боях 1917 года. В Кембрае я должен был передать этих двоих офицеру, отвечающему за тюрьму. "Как дела на фронте?" спросил он меня. "Я не думаю, что у них все хорошо", - сказал я. Я сказал ему, что британцы намного превосходят меня в плане самолетов и артиллерии, и, конечно, в плане продовольствия, и что я думаю, что американцы склонят голову над равновесием. Да, - сказал офицер, - у вас такое же мнение, как и у меня". Это был первый раз, когда я нашел офицера, который хотел сказать, что Германия проиграет войну. Мы с двумя солдатами отправились в город. Он был избавлен от худшего из времён войны, и в результате бомбардировок были разрушены лишь несколько домов. Я был очень впечатлен ратушей (Hôtel de Ville), которую я никогда раньше не видел. Потом мы пошли в солдатский дом, где можно было выпить пива, что случалось нечасто. Несмотря на то, что это было просто дурацкое военное пиво, мы использовали его по максимуму. Мы провели ночь в казармах Кирассье. На следующее утро мы сели на поезд до Перонна, а оттуда вернулись в Компанию. Как повезло солдатам, служившим в тылу. Им никогда не приходилось рисковать своей жизнью! Когда я доложил в Компанию, я обнаружил, что половина из них приступила к исполнению своих обязанностей прошлой ночью. На этот раз наш полк был дальше на север.

Три дня спустя мне пришлось уйти со своей командой, чтобы освободить подразделение на фронте. Мы проехали через деревню Моркур, по дороге вдоль долины Сомме, проходя через разрушенные деревни Серизи Ла Сал и Шипий. Потом мы взяли фургоны по разрушенной войной дороге в сторону фронта. Маршрут проходил через коммуникационную траншею, которая днем и ночью обстреливалась британской артиллерией и вела к самой передовой части фронта. Мы проехали мимо леса, который был полностью вырублен. Только несколько стволов деревьев остались стоять, как телефонные столбы. Тактика здесь была оборонительная, и только один окоп - прямо на фронте - проходил через пшеничное поле. Поскольку видимость пшеницы была ограничена, войска в окопе топтали ее ночью, чтобы получить ясный обзор. Я не мог сказать, как далеко были английские войска. Остатки деревень Хамель и Ангар находились в оборонительных сооружениях и вокруг них. Рядом с ангаром был печально известный ангарный лес. Тысячи солдат с обеих сторон погибли, сражаясь за его контроль. Позиция постоянно находилась под тяжелым британским минометным обстрелом. Там, где они приземлились, трава перестала расти. У них была невероятная взрывная сила. Весь день мы смотрели на небо, чтобы увидеть, не приближаются ли какие-нибудь из этих снарядов, потому что их было легко разобрать. Если бы вы действительно обратили внимание, вы могли бы часто избегать их быстро. Британский самолет, освобожденный другими, постоянно пролетает над нашими позициями. Они

свели за каждым движением, и как только они что-то видели, они бросали четыре бомбы или били нас пулеметами. Мы использовали этих пилотов как инспекторов могил.

Ночью, после пяти дней без серьезных происшествий, мы почувствовали облегчение. Возвращаясь в разрушенную деревню Чериси, мы вдруг стали мишенью страшного снаряда и минометного обстрела из Англии. Мощные взрывы разбивались и грохотали безостановочно. Так же внезапно английские снаряды держали под огнем дорогу, ведущую на сторону Сомме. Мы бросились к туннелю, который был вырыт на близлежащей набережной. "Это звук будущего" было нашим общим мнением. С фронта мы вдруг слышали выстрел из винтовки и пулемета, но не очень хороший выстрел. "Смотрите, британские солдаты достигли наших позиций! Я сказал. Темные колонны пехоты идут по дороге в тридцати ярдах в качестве подкрепления. У этих жалких дьяволов тоже было бы сердцебиение, потому что они должны были пересечь линию фронта. Если бы англичане были на немецких позициях, им пришлось бы атаковать и попытаться изгнать их, чего бы никогда не случилось без больших потерь. Мы решили остаться в нашем туннеле, пока огонь на линии фронта не прекратится.

Утром было тише. Я видел, как тяжело раненые солдаты спешили обратно на дорогу. Я побежал узнать, что случилось. Моя команда тоже присоединилась ко мне, и мы вернулись с ранеными. Нам сказали, что они внезапно подверглись нападению британских минометов и артиллерийских

снарядов. Они лежали на дне земляной впадины. Внезапно британские снаряды пролетели еще дальше, и тогда британские войска прыгнули в их окоп и начали убивать всех. Им удалось выбраться из окопа, и они были ранены, когда им удалось бежать. Они не верили, что те, кто остался в окопе, все еще будут живы. Я внутренне поблагодарил Бога за то, что на полчаса раньше освободился, и выразил глубочайшую жалость к двум командам нашей пулеметной роты, которые находились в передней норе, потому что я очень переживал за них. Прибыв на ущелье, сержант роты "Букис" спросил нас, что произошло, и я рассказал ему то, что услышал.

тяжело раненых. Некоторые из них получили ужасные травмы, в основном штыковыми и ножевыми ранениями или ранениями от ручных гранат. Один из раненых - капрал Рейниш из моей роты. Ручная граната оторвала ему оба каблука, и у него была шрапнель в телячьих и бёдерных костях. Эти тяжело раненые были немедленно отправлены в тыл. Потом приехали двое мужчин из моей компании, без улик. Один из них, красавчик Ренан, был настолько трясущимся, что едва мог сказать ни слова. Другой, который также был Ренан по имени Панхаузен, сказал нам, что он был командиром взвода, и что он собирается сопровождать его в другой пулемет во время большей части минометного огня. Внезапно начали поступать минометные снаряды, и в это же время английские войска прыгнули в окоп перед ним. У одного из них был штык на груди. Панхаузен, который был хорошим католиком, наткнулся на него и поднял руки. Английский солдат заставил

Панхаузена снова пересечь границу, что он и сделал. Второй английский солдат позади первого попытался пройти перед ним штыком Панхаузена. Он ударил его в грудь. Штык прошел сквозь пиджак, брекеты и рубашку и вошел в его тело примерно на дюйм глубиной. Панхаузен, безусловно, был бы брошен, если бы англичанин, стоящий рядом с ним, не предотвратил бы удар. Двое англичан тогда спорили, что один хотел убить Панхаузена, а другой не позволил бы этого. Панхаузен воспользовался этим моментом, чтобы выбраться из траншеи и исчезнуть в тыл среди пшеницы. Командир взвода немедленно ушел. Панхаузен также думал, что в окопе много мертвых, так как он слышал много смертельных воплей. Я уверен, - заключил он, - что крестное знамение спасло мне жизнь". Другой Рейнландский мужчина до сих пор восстановился в достаточной степени, чтобы рассказать нам о том, что он пережил. Во время артиллерийско-минометного обстрела он ложился в небольшое отверстие в окопе для укрытия. Английские войска внезапно прыгнули в окоп и штыком забили трех морских пехотинцев, находившихся рядом с ним в окопе, несмотря на то, что они хотели сдаться. Их ужасные крики боли и смертельные крики чуть не свели его с ума. Он ожидал, что его найдут и толкнут в любой момент. "Это худшие моменты моей жизни", продолжил он. Убив всех немцев, которых они могли достать, английские войска какое-то время ходили туда-сюда в окопе и не находили меня. Наконец, они снова покинули окоп и вернулись на свои позиции.

Поскольку атака была настолько невероятной, что немцы едва выдержали, англичане были едва ранены.

На следующую ночь три вагона батальонного транспорта должны были прибыть на фронт, чтобы забрать тела. Они должны были быть похоронены на большом солдатском кладбище в Прояре. На следующее утро в овраге были повозки с мертвыми. Какое зрелище! Высоко и настолько взаимосвязаны, что они стояли там со смертельным страхом, который все еще носил на некоторых из их лиц. Однажды я прочитал: "Наши воины умирают за Отечество с улыбкой на лице". Какая вопиющая ложь! Кто бы захотел улыбнуться, если бы столкнулся с такой ужасной смертью! Любой, кто изобретает и пишет такие вещи, заслуживает того, чтобы быть посланным прямо на фронт. Там они могут увидеть для себя и других, какую позорную ложь они принесли общественности. Погребение несчастных жертв должно было состояться во второй половине дня. Около двадцати человек из моей компании получили приказ идти на похороны. Группами по три мы прошли от оврага до Прояра через сельскую местность. За день до того, как Проуар был обстрелян британской артиллерией, поэтому мы только самоустранились, чтобы уйти в небольшом количестве, чтобы не попасть в цель. Мы прибыли на кладбище до того, как приехали фургоны с мертвыми. Массовое кладбище уже было выкопано. Многие солдаты уже нашли свое последнее пристанище здесь, вдали от дома. Я просмотрел ряды могил и прочитал имена на крестах. На одном из них был "Резерв Карла Краффта 5-й роты 3-го пехотного полка". Он был

хорошим парнем, но слишком патриотичным. У него дома была жена и четверо маленьких детей, как он мне говорил. Мне было очень жаль бедного Краффа и его семью. Многие из его летчиков были похоронены в том же ряду, где был похоронен Крюффт. Их можно было узнать по разбитым пропеллерам, застрявшим на земле рядом с крестами. Тем временем приехали вагоны с телами. Их сняли с вагона и погрузили в груду из трех глубоких вагонов. Сначала с них снимали сапоги и пиджаки, а затем их покрывали так называемой морговой бумагой - тонкой оберточной бумагой. Затем нынешний капеллан помолился о погребении. У офицера была короткая беседа, которая содержала только патриотическую ложь. Потом могила была заполнена. Эти бедные солдаты сейчас отдыхают, а как же их родители, сестры, жены и дети? Мы ушли в небольшом количестве, вернувшись в нашу компанию в ущелье.

Вечером мне пришлось вернуться на свой пост, освободив команду сержанта Питерса. Пулеметное гнездо находилось не в крайнем окопе, а примерно в трехстах ярдах от него, на углу леса, который был полностью вырублен. Это был идеальный момент, чтобы получить хороший обзор немецкой и английской позиции. Сержант Питерс сказал мне, что ночью это самое опасное место в мире, потому что можно ожидать пять или шесть ужасных артиллерийских атак каждую ночь. К счастью для нас, инженеры построили туннель глубиной около шести метров в меловых скалах, где вы можете быть в безопасности. Сначала туннель прошел прямо в землю, а затем по пути вниз сделал изгиб, чтобы

предотвратить попадание осколков. Мы установили пулемет в верхней части туннеля, пока сидели на лестнице. Я принесла свечи, чтобы нам не приходилось все время сидеть в темноте. Один из солдат должен был оставаться под прикрытием у входа наверх, чтобы услышать, что происходит, если что-то начнется снаружи. До сих пор, несмотря на то, что артиллерия вела огонь с обеих сторон, ничего не шло по плану. Но внезапно, с ударом, это началось. Он выкатился вслух, разбился о нас и рухнул вокруг нас. Из-за давления от взрывов снарядов в непосредственной близости палатка, которую мы повесили у входа, сдулась, поэтому наша свеча несколько раз погасла. Он взорвался и рычал над нами, как будто наступил Судный день! У нас было несколько кирпичей и лопат в туннеле на случай, если вход был заблокирован и оставил нас похороненными заживо. Вдруг, как только это случилось, огонь снова прекратился. Несмотря на то, что мы не были в прямой опасности, мы вздохнули с облегчением. В первую ночь нам пришлось пережить еще четыре взрыва. Постепенно становилось легче. Все успокоилось. Мы вышли из туннеля к входу в окоп и осмотрелись с этой прекрасной точки зрения. Все вокруг было уничтожено или разрушено. Справа от нас была деревня Хамель, которая была полностью стерта с лица земли. С этой стороны были немцы, с другой - англичане. Если бы англичане напали на нас, мы могли бы уничтожить их навалом с помощью нашего полукруга, но в этом случае мы были бы под таким интенсивным артиллерийским обстрелом, что никто из нас не рискнул бы выйти из туннеля. Следующие

три дня прошли без ничего существенного. Почти каждый день мы бы видели маленькие и большие примеры воздушных сражений, которые почти всегда заканчивались авиакатастрофой. В некоторых случаях британские эскадрильи, действовавшие в тылу немецкого фронта, по пути домой атаковались небольшими аль-германскими самолетами. Они отделили последний самолет от его эскадрильи и сбили его. Иногда таким образом были сбиты до трех британских самолетов

На третью ночь мы были освобождены и присоединились к нашей компании в овраге. На обратном пути нам часто приходилось бросаться на землю, так как британцы часто стреляли по коммуникационным линиям. Подъезжая к Морруху, мы слышали, как над нашими головами на малой высоте приближался британский самолет, но мы шли спокойно, так как он нас не видел. Внезапно наше окружение загорелось. Пилот выпустил парашютную ракету, которая позволила ему увидеть нас, и его пулемет начал шуметь. На нас упало много пуль, и один из стрелков получил низкий выстрел в руку. Мы прыгнули в окоп на обочине дороги и не двигались. Самолет продолжил свой путь, и мы, наконец, прибыли в компанию. В один из следующих дней наш овраг попал под огонь газовой оболочки. Когда мы сразу же надели противогазы, газ нам не навредил, но девятнадцать пехотинцев, находившихся дальше по оврагу, были убиты газом.

Испанский грипп - в Меце - начало июля 1918 г.

В районе Бевиллерс

Подготовка к переполнению

Начало июля 1918 года - испанский грипп и
поездка в
Мец.

Некоторые солдаты чувствовали себя плохо несколько дней, и никто не знал, что с ними не так. Затем мы прочитали в газетах, что в Испании появилась новая болезнь под названием "испанский грипп". Теперь мы знали. Все больше и больше солдат заражались и погибали наполовину. Хотя они сообщили о болезни, вряд ли кто-то из них попадет в больницу, поскольку было объявлено, что классифицировать людей как страдающих от незначительных болезней или травм уже невозможно - есть только серьезные травмы и смертельные случаи. Потому что наши недоедающие тела, ослабленные всеми усилиями, которые мы должны были сделать, не смогли выдержать болезнь, это заняло всего несколько дней, прежде чем половина команды заболела. Речь не шла об уходе за ними. Мы имели дело с паршивой личинкой из полевой кухни. До сих пор я не болел.

Однажды пришел сержант:: "Из батальона поступил приказ о том, что сержант пулеметной роты с солдатом из бй роты направляется в Мец, чтобы вернуть в свою часть солдата, дезертировавшего из б-й роты и находящегося там. Кого мне послать, потому что я знаю, что каждый из вас хотел бы пойти туда"? Я пошел вперед и сказал: "Сержант, так как я не выходил на улицу четыре года, я хотел бы подать

заявление на освобождение.". "О, да, но, конечно, Ришерт, тебе пора. Надеюсь, вы все согласны, не так ли? - он спросил остальных. Естественно, они все согласились. Я был очень рад уйти с фронта на несколько дней. Я тоже хотел измениться, потому что никогда раньше не спускался по этой дороге.

На следующее утро пехотинец, который должен был меня сопровождать, явился в роту, и мы оба прошли пешком. Перед тем, как мы уехали, сержант дал нам дорожный чек и чек на еду. Мы поехали на поезде в Перон. Молодой солдат продолжал официально хотеть, чтобы я был сержантом. Я сказал ему уйти, потому что мы были только товарищами. Он сказал мне, что он из МЗ. "Тогда, - сказал я, - у тебя будет возможность навестить родителей". "У меня больше нет родителей. Они мертвы. Только моя замужняя сестра живет в Метце.

"А ты как думаешь? Тебе не кажется, что ему повезло больше, чем нам? Я спросил его. Конечно, - ответил парень, - они не будут стрелять в него там, и все равно дадут ему лучшую еду.

Из Камбрая мы ехали в отпуске на поезде, полном соль-датов, через Нойфшато и Ретел до Седана. Между Ретелем и Седаном я почувствовал первые волны лихорадки, чередуя горячие и холодные дрожжи. Теперь меня тоже поразили грипп. Я очень хотел пить, и когда поезд остановился в Седане, я вышел и выпил много холодной воды со станции, выпив из фонтана. Путешествие продолжалось через МонаМеди, и мы пересекли границу из Лотарингии во Францию. Область была центром черной металлургии, с разнообразной смесью угольных шахт,

огромных доменных печей, рабочих жилых домов и заводов. Какое огромное богатство существовало здесь, как над, так и под землей! Мы проехали по главному индустриальному центру Хайдингена и повсюду увидели одну и ту же картину - огромные доменные печи, больше, чем я видел раньше. В Тьенвиле нам пришлось ждать два часа, прежде чем сесть на поезд до Меца. Мы оба поехали в город. Рядом со станцией стены нескольких домов были повреждены осколками бомб, так как французские самолеты часто атакуют город ночью. Мы вошли в ресторан и смогли заказать довольно разумное мозельское вино, но я не очень хорошо себя чувствовал, потому что у меня до сих пор была лихорадка. Когда мы сели на поезд до Меца, было уже темно. Прибыв на место, мы пошли в столовую вокзала и, предъявив ваучер на питание, каждый из нас получил помощь с едой. День был указан на ваучере, так что вы не могли есть два раза в день. После еды мы пошли навестить солдатскую сестру. Весь город погрузился в темноту, чтобы спрятать ее от французских самолетов. Солдатская сестра уже ложилась спать, когда мы постучали в дверь. Она спросила: "Кто это?", и я был удивлен и счастлив услышать, как он скажет: "Только я, твой брат и мой товарищ".. Она сразу открыла его, и они обнялись. Потом она сделала нам черный кофе. Мы немного поговорили о том, почему мы здесь, и так далее, и так далее. Потом мы пошли спать. Боже мой, как приятно снимать одежду и спать в постели! И опять же, я раздевалась и спала в настоящей кровати три четверти года.

Сержант дал мне три дня в дороге: один день там, один день в Меце и один день назад. Нас повсюду встречали, и люди служили то малое, что у них было для нас. Двое итальянских заключенных были заняты уборкой посуды и столов. Они оба выглядели ужасно несчастными. Когда один из них вынимал посуду, я видел, как он вытирал ее изнутри пальцем, а затем лизал палец. О, Боже, я тут подумала. Эти бедные люди здесь, в столовой, наполовину голодают. Я позвонил им, дал еду, и они сразу же ее съели. Они кивали головой в знак благодарности. Во второй половине дня я объехал город, а вечером отправился в Синему на эспланаде. Потом я выпил несколько бокалов пива и вернулся, чтобы присоединиться к своим товарищам. Утром я пошла в быструю фотостудию, но фото было не так хорошо, как обычно, потому что из-за гриппа я выглядела еще хуже, чем обычно.

Во второй половине дня мы оба пошли в тюремный офис и показали разрешение. Тогда сержант дал нам разрешение взять пленника. Я забрала его на следующий день, потому что хотела еще одну ночь поспать в своей постели. Потом я вернулся в столовую. Два заключённых узнали меня сразу же и дружески кивнули. Я принесла еще два блюда. Так как я потерял всякое желание от гриппа, я взял только одну пропорцию колбасы, а остальное отдал итальянцам. . Теперь я пошел к писсуару. Пришел еще один итальянский заключенный и наклонился. Я смотрел и был очень удивлен. Итальянец поднял из канавы сигаретный окурок, лежавший в моче, вероятно, потому, что он намеревался высушить его и

выкурить. Как низко люди могут опускаться! Так как у меня еще были сигареты в кармане, я отдал их ему. Как он снова меня поблагодарил - как будто я сделал ему самый большой подарок!

На следующий день мы ушли от дамы, которая дала нам хижину и поехали за заключенным-тюремщиком. Ему было всего девятнадцать лет, и он тоже был из Меца. Я спросил его, не хочет ли он попрощаться со своими родственниками. Он ответил: "Здесь живет только моя мама, и я не хочу ее видеть, потому что она старая сумка". Какая идеальная семейная ситуация! Мы поехали в участок. По дороге я увидел вишни, большие черные вишни, которые продавались в магазине. Я сразу же купил шесть фунтов, и мы съели все три в поезде. Мне очень понравилась эта еда, которую я так скучала! Ровно четыре года прошло с тех пор, как я в последний раз ел вишни. Мы спускаемся в прекрасную долину Мозеля, которую мы пересекали ночью по пути. Потом мы пошли тем же путем на север Франции. Я спросил, что случилось. Наша дивизия была освобождена от линии фронта и оказалась во временных помещениях. Я пошел в информационное бюро и мне сказали, что второй батальон 332-го пехотного полка находится в каютах в селе Бевилье. Я, должно быть, прошел около шести километров. В полях мы видели много французских девушек, которые были вынуждены работать под присмотром немецких солдат. Приехав в Бевилье, я передал пленного в батальонный штаб и отправился в свою роту.

Спасены, все дальше и дальше от фронта.

жизнь во флавиньине, с 24 июля по 3 августа 1918 года dqs

В районе Бевиля.

Меня отправили в каюту, где уже жили трое других сержантов. Это был мой первый контакт с французскими гражданскими лицами, потому что все деревни Фронта были опустошены их жителями. Семья, с которой я жил сейчас, была очень дружелюбной. Отец, мать и их девятнадцатилетняя дочь Лейда - симпатичная девушка, которая уже хорошо научилась говорить по-немецки.

Я сразу же пошла сообщить о болезни, потому что грипп становился все сильнее, и у меня началось хрипение. Рядом с домом, где врач осматривал людей, было около сотни человек. Не думаю, что это называется обследованием. Они спросили тебя, что случилось. Когда я ответил, сержант-медик дал мне мятную таблетку размером с пенни, и медик сказал..... "Приготовь себе чай". Следующий, пожалуйста! Так что я могу идти. Завари себе чай! Это примерно то же самое, что сказать "умри или умри"! Я был так зол внутри, что едва знал, что делать. Заварите чай! Я даже сахара не ела, вообще ничего! Хотя я не мог их понять, я видел, что они говорили обо мне. Потом наверх поднялась девушка, отвела меня в комнату и сказала, что я должен идти спать. Через некоторое время она подошла ко мне с горячим чаем с сахаром и убедилась, что я его выпил. Потом она заставила меня выпить еще одну чашку. Теперь я начал потеть. Все мое тело капало от пота. Сержант Питерс пришел посмотреть, как я. Я попросил его принести другую

рубашку из моего рюкзака. Он так и сделал, и когда я устал потеть, я надел новую рубашку и встал. Потом подошла женщина; она быстро поменяла простыни и заставила меня вернуться в постель. Как я был благодарен этим хорошим людям! Так хорошо, что кто-то снова обо мне заботится! Через некоторое время женщина принесла мне маленький кусочек мяса, обжаренный с соусом, и кусок белого хлеба, за которым последовала чашка какао. После этого я больше не чувствовала себя в постели. Я встал и заснул.

Вечером семья пригласила нас всех выпить чашечку какао. Люди в оккупированной немцами части Франции и Бельгии получали продовольствие из Америки, чтобы не дать им умереть с голоду. Немцы должны были пообещать раздавать еду и не брать ее с собой. В результате у этих людей появился сахар, какао, мясо и белый хлеб - словом, все необходимое для достойной жизни. Если бы мы только могли остаться здесь подольше! Это было мое самое дорогое желание. Но потом нам сказали: "Завтра езжайте на вокзал и садитесь на поезд; пункт назначения неизвестен". Так что на следующее утро мы должны были попрощаться. Я предложил хорошей женщине десять Марксов за ее усилия, но она категорически отказалась от денег. Я обменялся адресами с ее дочерью, чтобы мы могли рассказать друг другу, как у нас дела. Потом я еще раз поблагодарил ее мать и ушел.

Чувствуя слабость и несчастье, я сидел на пулеметной тележке, пока мы не добрались до станции. Мы вернулись на ту же линию, что и я двумя

днями ранее. Я надеялся, что меня переведут на фронт в Эльзасе, потому что там тише, чем на севере, и я хотел бы снова увидеть свою родину - но я ошибался. Поезд остановился в Конфлане, недалеко от границы с Лотарингой. Мы вышли из поезда и направились на юг, к Фронту. На Марс-ла-Тур меня оставили, потому что мое состояние ухудшилось во время путешествия. Там я пошла в лечебное отделение и сообщила о своей болезни. После моего осмотра доктор сказал мне: "Грипп действительно добрался до тебя". Конечно, я так думаю", - ответил я. Ты должен был остаться здесь на некоторое время, - сказал мне доктор. Меня отвели в хижину, которую уже заняли восемь человек, сидящих и скучающих. У нас были металлические кровати, на которых можно было спать, с соломенными матрасами, полными вшей, и еда была чистой бедностью для больных. Утром мы пили черный кофе, который был натуральным заменителем кофе без сахара, и кусок военного хлеба с вареньем. Даже свинья отказалась от сушёного овощного супа, который нам дали на обед. Вечером у нас было то, что было утром. Я очень устала. Чтобы отвлечься, я попросила разрешения у врача, и он разрешил мне. Во второй половине дня я пошел в кинотеатр, созданный армией на Марс-ла-Тур. Там были показаны два хороших фильма, за которыми последовал комедийный фильм, который, несмотря на мое жалкое состояние, заставил меня громко посмеяться и забыть о войне, солдатах и гриппе. Как только шоу закончилось, оно вернулось в ужасную реальность. На следующее утро я спросил врача, можно ли меня

перевести в военный госпиталь, но он ничего не смог сделать - все было занято.

На следующий день я вышел на прогулку и наткнулся на огромный памятник. Именно на поле битвы на Марсе ла Туре во время войны 1870 . Французские военные остановили их, а другие немецкие кавалеристы были отбиты. Вырезанный в камне мемориал изображал с одной стороны противостояние французской и немецкой кавалерии, а с другой стороны - линию французской пехоты под огнем. С другой стороны, были надписи на французском языке, которые я не понимал. Под мемориалом можно спуститься в комнату, похожую на подвал без двери. В нем были человеческие черепа и кости - вероятно, останки, взятые с полей. Поднявшись на небольшой холм, я смог получить прекрасный вид на огромную равнину, усеянную деревьями и окруженную с юга и запада серией холмов apparent голубого цвета. Издалека, едва заметно, раздался бум, артиллерийский бум - на Верден и на крепость Тул, которая лежала дальше на юг.

Так как питание в центре снабжения не улучшилось, я сообщила, что становлюсь лучше, потому что хочу вернуться в свой бизнес, а не оставаться там. Ну, мой мальчик, - сказал доктор, - нет никаких сомнений в том, что ты снова выздоровел. Почему ты говоришь, что с тобой все в порядке? Потому что мне здесь не нравится, а еды слишком мало. Думаю, с Компанией будет лучше. Когда я доберусь туда, я смогу остаться с фургонами за линией фронта, пока не оправлюсь. "Ну, если ты

действительно хочешь!" - сказал доктор, и он подписал мое освобождение. Я пристегнул рюкзак вещами на спине и пошел в сторону своего полка. Фронт все еще был в тридцати-пяти километрах отсюда. Конечно, я не знал, где мой полк, но мне было все равно. Это был хороший летний день, не слишком жаркий, около 10 июля 1918 года. За спиной я услышал звук копыт и увидел приближающийся с солдатом взвод измученных лошадей. Я подождал и спросил солдата, не разрешит ли он мне покататься на одной из лошадей, потому что у меня был грипп и я не мог хорошо ходить. Только у двух лошадей были седла. Я ездил на лошади, новый опыт. В любом случае, лошадь была удивлена моими навыками верховой езды. Постепенно я привыкла к этому и смогла адаптировать свои движения к ритму лошади. Пока я шел вперед, я разговаривал с солдатом, идущим рядом со мной. Я, наверное, выглядел бizzare, потому что никогда не видел солдата на лошади с рюкзаком на спине. По дороге майор сказал мне, по какому праву я должен ехать. Я объяснил, что у меня грипп и что я собираюсь получить свой полк. Я ездил на своей лошади, потому что чувствовал себя слабым. Мне разрешили продолжить путешествие. Я не хотел, чтобы лошадь рыскала, если я упаду. Лошадь, похоже, была счастлива ходить. Вечером мы прибыли в деревню Джонвилль, куда направлялась лошадь. Я продолжил путь пешком и добрался до города Тиокур-Реневиль, где провел ночь.

На следующее утро я встретил нескольких солдат из моего батальона, которые сказали мне, что мой полк находится на переходном этапе.

Поинтересовавшись, я, наконец, нашел свою компанию примерно в трех километрах от Тиокура Реневиля, расположенного в лагере в лесу из хижин и каное. Команды были на месте. Было всего несколько запасных артиллеристов, водителей, лошадей, сержант роты, клерк роты и ротные торговцы. Я доложил об этом сержанту роты Букису, который был моим хорошим другом. "Ну, Ришерт, - сказал он, - ты плохо выглядишь". "Я плохо выгляжу, но я не мог вынести этого в том жалком лечебном учреждении, где я был". "Не волнуйся, - сказал сержант, - ты можешь остаться здесь, пока не вылечишься". Поэтому я остался и нашел место в приюте, где я лежал, а командир роты позаботился о том, чтобы у меня была еда получше, чем у других. Перед нами, на краю леса, они построили дорогу, используя итальянских заключенных. Так как эти бедняки, желтые, серо, выглядели плохо, жизнь рухнула, словом: наполовину голодные. Это было жалко. Они продолжали сканировать кусты на ягоды или что-то в этом роде. Как только они что-то видели, они бросались, хватали и ели. Эти люди не были на передовой, но им было ужасно больно.

Проведя в лагере около шести дней, ко мне подошел сержант и сказал: "Ну, Ришерт, как ты? Сержант Питерс должен идти. Ты сможешь взять это на себя? Хочу также сказать, что в скором времени вас повысят до звания старшего сержанта. Заявка уже подана. "Я сказал, я попробую, там довольно тихо. Так что я поехал туда утром по Ленде-Майн. Сержант показал мне путь на карте. На холме я прошел через развалины деревни Вьювиль ан Ай. Хорошо

спрятанная в руинах последних домов немецкая батарея. Мне было противно снова увидеть эту чертову военную игру. За французским фронтом я видел французские смотровые шары, висящие в небе. Я прошел мимо угла дерева и наткнулся на две батареи довольно близко друг к другу. Потом я нашёл траншею связи, застрявшую на линии фронта. Когда я наткнулся на пулемет моей компании, я спросил сержанта Питерса; мне сказали, что я могу найти его примерно в 200 метрах слева. Глядя на французскую позицию, я почувствовал сильное желание. Если бы я только мог туда поехать, меня бы спасли, я бы связался с домом, и, конечно, скоро я смог бы снова увидеться со своими близкими! В тот момент я решил, что если возможно, я дезертирую. Я шел вдоль траншеи, которая была очень прочной и имела подземные бомбоубежища. Вскоре я нашел Питерса. В тот момент я подумал, что, возможно, увижу Питерса, который был моим хорошим и верным другом, в последний раз. Прощаясь с ним, я пожал ему руку сильнее, чем обычно, и посмотрел ему прямо в глаза. Никки, будь осторожна, там много колючей проволоки. Кстати, желаю тебе удачи! Я очень беспокоился, что Питерс, который был умным парнем, сможет читать мои мысли. Несмотря на то, что я знал, что могу доверять ему неявно, я больше никогда не говорил о своих намерениях.

"Еще кое-что, Никки", продолжил он. "У нас отвратительный командир взвода." Я встречал его раньше. Не позволяй этому гринхорну разгуливать по тебе! Мы снова пожали друг другу руки. "Прощай и

удачи! Потом Питерс исчез вокруг следующей перекладины.

Теперь мне было любопытно познакомиться с новым командиром взвода и спуститься по лестнице в приют. Мне пришлось спуститься вниз по тридцати ступеням до траншеи, которая была освещена электричеством. Каждый день, когда собирали еду, также носили с собой батарею, которой хватало на 24 часа. Новый сержант, парень моложе 20 лет, сидел за маленьким столиком. Я медленно выбросил рюкзак, расстегнул веревку и сказал ему, что я здесь, чтобы заменить сержанта. Я сразу увидел, что мой расслабленный подход не подходит этому молодому человеку. Он предпочитает, чтобы я встал и сделал ему официальный отчет. Он спросил меня, как меня зовут, а потом сказал: "Кажется, здесь не так уж и много дисциплины". Я просто сказал: "В этом тоже нет необходимости". За некоторыми исключениями, мы живем в Компании как можно полюбовнее. По моему мнению, ответственный человек не должен заставлять своих подчиненных чувствовать себя здоровым. "Я не привык к этому", - говорит сержант. "Если ты главный, к тебе всегда нужно относиться с уважением! Если ты это сделаешь, то вскоре тебя возненавидят твои подчиненные, проявят неуважение, а в некоторых обстоятельствах твоя жизнь может зависеть от любви или ненависти, которые люди испытывают к тебе! - он спросил врасплох. "Представьте, что вы тяжело ранены в бою и не можете пошевелиться. Если вы популярны, вряд ли ваши подчиненные оставят вас в покое, но если вас возненавидят, никто не рискнет вас спасти, и вам

придется умереть несчастной смертью. Ты никогда не был на фронте? Я спросил. Нет, - сказал он, - я был добровольцем год, и до сих пор я всегда был в гарнизоне. Я должен провести полгода на фронте, а затем вернуться в строй офицера. После этого я стану лейтенантом. "Видите ли, сержант, на мой взгляд, самая большая несправедливость в немецкой армии заключается в том, что одного года достаточно, чтобы стать лейтенантом, даже если соответствующий человек почти не имеет представления о военных вещах. Другими словами, если отец может позволить себе обучать сына, он может стать офицером после всего лишь одного года или меньше службы. С другой стороны, дверь закрыта для других солдат, которые активно служили и работали в полевых условиях в течение четырех лет. Они не могут стать офицерами, хотя они лучше подготовлены к тому, чтобы возглавить компанию, чем все волонтеры, собранные вместе на год. Молодой сержант должен был согласиться со мной, но я видел, что он обиделся.

Потом я подошел к своей команде. Они стояли в окопе, курили и наслаждались солнцем. Они все были в моей команде и раньше, и я знал, что они хорошие парни. Мы всегда говорили вне очереди. Команда сержанта Густава Бека базировалась в той же землянке, что и моя. Он был из Лорейн. В 1916 году он служил в 44-м полку, затем в 260-м, а теперь служит в 332-м - так же, как и я. Мы тоже были хорошими друзьями. Я посмотрел сквозь одеяло, чтобы увидеть, каково это - видеть ужас разрушения повсюду. Фронт был там с конца сентября 1914 года. Все было вырыто - ямы, полные ям и заросшие

чертополохом, шипами и колючей старой травой с пятнами зелени между ними. Старые ржавые препятствия из колючей проволоки натянута повсюду - я насчитал двенадцать колючей проволоки между линиями. Было нелегко сделать перерыв! Однако я был полон решимости уйти и просто ждал подходящей возможности. Земля нежно согнута от положения, и после этого она показалась свежей для того чтобы спуститься. Из деревни Реньевиль можно было видеть, где за горизонтом была вершина церкви, поврежденная ракушками, но деревня не была видна. Тем не менее, он был сбит. Я взял карту сержанта, чтобы лучше ориентироваться. Справа были развалины деревни Лиронвиль, а дальше - деревни Флёр и Эсс, где я в сентябре 1914 года упорно сражался со 112-м полком. Я больше ничего не мог знать, потому что деревни и лес, короче говоря, все было уничтожено огнем. За деревней Ренеувиль земля слегка наклонена вверх. Там были вражеские позиции. Он был полон окопов и заграждений из колючей проволоки, поэтому невозможно было определить, какую позицию действительно занял противник. Часовой, служивший ночью шпионом, считал, что передовые позиции противника находятся в деревне Рейневиль, потому что он часто видел огненное сияние, когда кто-то зажигал сигарету или трубку. Все это было очень интересно для меня, потому что эти детали были бы мне полезны, если бы я мог благополучно пережить это. Если бы я только знал, кто стоит перед нами! Некоторые говорили, что это были французы, некоторые говорили, что это были черные войска, некоторые говорили, что это были

американцы. Каждый день я часами смотрел в бинокль, но не видел ни французских, ни черных, ни американских войск; все казалось пустым и безлюдным. Только время от времени можно было услышать, как артиллерия стреляет с дерева за их позициями. В этот момент над нами пролетали снаряды и выходили в лес позади нас, где-то рядом с немецкими батареями. Иногда, особенно ночью, снаряды приземлялись рядом с нами. Тогда все были бы в траншее, где мы были бы в полной безопасности.

Я все думал, если бы я только мог сделать это! Но с чего начать? И попробовать самому казалось слишком опрометчивым, тем более, что я не говорил ни слова по-французски. На четвертое утро я заметил, что три французских мяча для наблюдения поднялись в нужное положение, где обычно они имели только один. Мы скоро поняли, почему. Немецкая позиция внезапно подверглась страшному граду из снарядов, который длился почти час. Затем огонь утих, и мы узнали, что французы проникли в немецкий окоп и взяли пленных, прежде чем отступить в собственные окопы.

Во второй половине дня мы услышали слух о том, что французы и американцы начали наступление на Марну и продвигаются вперед. Мы должны были быстро выбраться и устроиться там. Все сухопутные войска были более чем немного напуганы перспективой высадки в такой адской дыре. Моя решимость сделать попытку дезертирства быстро выросла.

Подготовка к дезертирству

В следующую среду, 23 июля 1918 года, у нас был еще один жалкий обед . Сержант Бек и я остались одни в окопе. Внезапно, в приступе ярости, Бек взял свою столовую и ее содержимое и бросил их перед перекладной по соседству. "Черт!" Он разозлился. "С меня хватит! Я указал на французский лоб, как бы говоря: "А ты как думаешь, Гастав? Он вдруг посмотрел на меня и сказал: "Ты пойдешь со мной? Я согласился, и теперь Густав сказал мне, что в течение нескольких дней он мог думать только о дезертирстве. Но как - это был другой вопрос. Если бы мы пошли на север, у нас была бы приятная перспектива быть убитыми. Если бы мы благополучно добрались сюда, нас бы спасли. Если бы нас убили во время дезертирства, тогда все наши страдания были бы позади. Точно так же, как мы проезжали мимо, капрал из нижнеэльзасской пехоты по имени Пфафф, которого мы оба хорошо знали. Он был довольно энергичным парнем, который упрямо культивировал бороду , что очень раздражало офицеров, хотя ему часто приказывали сбрить ее. Проходя мимо, он вдруг остановился рядом с нами и тихо спросил: "Ты пойдешь со мной сегодня вечером?" "Ты пойдешь со мной сегодня вечером?" - Я спросил. "Напротив", - терпеливо сказал он. "Как ты собираешься это сделать, Пфафф? Я сказал. "Сегодня вечером я на дежурстве . Есть большой шанс, что я исчезну оттуда. "Послушай, Пфафф, мы только что договорились о дезертирстве. "Мы не знали как. "Давайте сделаем это, - сказал Пфафф, - как только стемнеет, приходите на аванпост и мы придумаем, как выбраться". Мы обещали уйти, а

Пфафф нас бросил. Смотри, Никель, - сказал Бек, - как мы выходим из нашего пулемета, не привлекая к себе внимания. Нам приказали не оставлять пулеметы. Ты знаешь, что командир нашего взвода - ревнивый дурак.

Я немного подумал об этом и, убедившись, что никто не заметил, взял несколько ящиков с боеприпасами и бросил их на вершину траншеи в длинной траве. "Что ты делаешь, Никель?" спрашивает Бек. Я сказал: "Сегодня вечером я скажу сержанту, что у нас украли несколько коробок с боеприпасами - возможно, пехотой с легкими пулеметами". Я вызвался, чтобы меня заменили." "Это может сработать", - сказал Бек.

Постепенно стало темно. Что принесет ночь - жизнь или смерть? Когда солнце зашло на горизонт за дальними оборонительными рубежами Тульской крепости, я подумал: если мы встретимся завтра снова, я буду спасен. Если нет, то все кончено. Я почувствовала очень неприятное ощущение в груди, потому что неуверенность в нашей идее была для меня пыткой.

Я спустился в окоп. Я навязчиво положил носовой платок и мыло в один из задних карманов куртки, а в другой - кусок армейского хлеба, после чего сообщил сержанту о "краже" наших боеприпасов. "О, Боже!" Он вспыхнул. "Что нам теперь делать? Мы не должны информировать командира роты. Я сказал: "Сержант, я знаю способ, который не предполагает сообщения об этом командиру роты". Мы просто пойдем и украдем недостающие коробки из легких пулеметов. "Сможешь ли ты это сделать?" спросил сержант. "Это

должно быть легко, но мне понадобится помощь". Я не могу носить с собой четыре коробки. "Хорошо, возьми с собой кого-нибудь другого. Я сказал: "Я бы хотел взять сержанта Бека с собой. Он умный парень. , - сказал сержант. Я сказал: "Вице-капралы могут взять на себя пулеметы, когда придет время; в любом случае, там тихо, и мы вернемся через полчаса". "Ну, иди, если хочешь.

Так как нам не разрешили двигаться в окопе без оружия, я поставил штык и винтовку Маузера, заряженную девятью выстрелами. Я уже положил два девять клипов в карман пиджака и положить новую газету в рукаве пиджака, чтобы иметь что-то белое, чтобы трястись. Затем каждый из нас повесил по паре ручных гранат на свой холст и покинул окоп. Был сделан первый шаг навстречу нашей опасности или нашему пути к жизни и свободе. Я сожалею, что мне пришлось покинуть свою команду и всех моих товарищей, не попрощавшись.

Ночь с 23 на 24 июля 1918 года. - Дезертирство.

Мы шли вдоль траншеи: так как было уже темно, караулы были повешены на расстоянии нескольких метров друг от друга. Достигнув траншеи связи, ведущей к аванпосту, мы превратились в нее и быстро туда добрались. Длина траншеи была около двухсот метров. Фронтон был занят группой из восьми веерных пакетов и сержантом и имел крепкую землянку. Мы немного поговорили с сержантом, а затем отправились на подслушивающие посты, которые находились примерно в тридцати шагах от нас. Пфафф последовал, не привлекая внимания. Мы

никогда с ним не разговаривали. Слуховые посты, которые не были заняты, были окружены хаотичным переплетением колючей проволоки. Когда я услышал шаги в окопе, Бек и Пфафф собирались поднять ноги, чтобы пройти проволоку. Псс", - прошел я тихо, потом сказал вслух, - "никто не может дозвониться до людей, которые здесь слушают", и я вернулся вниз, за ним последовали Бек и Пфафф. Мы еще раз побеседовали с сержантом и вернулись на аванпост. Двое мужчин заняли позиции на прослушивающих постах. К нему поднялся первый лейтенант 5-й роты, который отвечал за форпост. Когда он увидел нас с Беком, он вежливо спросил: "Кто это? Я встал и сказал: "Мы - два сержанта с тяжелыми пулеметами, и мы хотели посмотреть, где находится аванпост, чтобы, если враг нападет, мы не расстреливали людей на аванпосте сзади". "Молодец", сказал первый лейтенант. "Если бы у всех воинов был такой же интерес, как у вас, мы бы уже выиграли. Я сказал себе: "Если бы ты только знал и понимал наши намерения!

Теперь мы с Беком снова в канаве связи.

Мы оба были убеждены, что сегодня мы ничего не можем сделать. Пфафф побежал позади нас и пробормотал: "Пошли! Не успели мы оглянуться, как он вышел из окопа и исчез в высокой траве. Мы поднялись позади него. Мы были между двумя линиями колючей проволоки. Тот, что позади нас, спрятал часовых в главных траншеях. Мы проползли по линиям колючей проволоки спереди и нашли отверстие, образованное двумя снарядами, которые приземлились один за другим. Там мы проползли сквозь колючую проволоку, слегка порвав одежду.

Мы проползли на четвереньках через старую глубокую траншею, а затем остановились за курганом земли. Здесь мы тихо пообещали себе, что никого не оставим, что бы ни случилось. Я сдержанно сказал Пфаффу, что мы примерно в 30 шагах справа от места. Мы должны подойти ближе к станции подслушивания, - сказал он, - потому что там есть проход через широкое переплетение колючей проволоки, где верхние провода перерезаны, чтобы патрули могли пробиться". О, Боже, я думала, с нами что-то случится? Итак, мы проползли несколько ярдов дальше слева к пункту прослушивания. Верно, мы нашли проход в переплетении. Пфафф встал и прополз через проволоку. Когда он чуть не прошел мимо, я услышал, как часовой разговаривал менее чем в двадцати метрах впереди меня, и произвел два выстрела. Нас заметили! Пфафф исчез на другой стороне провода. Теперь Бек встал и преодолел препятствие так быстро, как только смог. Они произвели четыре выстрела в него. Он также исчез на другой стороне препятствия.е

Затем я заполз в прорезь, но так как были перерезаны только верхние провода, я попался и должен был освободить руки. Когда я добрался до середины провода, я схватил его очень сильно. Как только я пошевелился, проволока тёрлась вокруг меня. Что мне тогда делать? Я не мог ползти. Если я встану, меня могут подстрелить, потому что часовые уже знали мою позицию. Я очень волновался, поэтому как можно быстрее освободился от провода и встал. Рип, у меня были дырки в штанах и куртке. Я едва встал перед двумя выстрелами. Я бросился так

быстро, как только мог, и когда я побежал на землю по другую сторону провода, был сделан еще один выстрел. Я побежал на четвереньках так быстро, как только мог, следуя за травой, на которой топтали, затем остановился на мгновение и тихо закричал: "Бек! Пфафф! Я ускользнул так быстро, как только смог. Мы быстро подтвердили, что никто из нас не пострадал. Мы все были целы, но у всех было несколько царапин на проволоке. Пфафф сказал: "Мы должны уехать как можно быстрее, потому что первый помощник, безусловно, позаботится о том, чтобы люди на заставе попытались нас поймать". Мы не могли рисковать быть пойманными, потому что тогда нас бы преследовали и стреляли. В таком случае, мы должны будем защитить наши жизни от наших собственных солдат. Мы проползли еще три переплетенных провода. До сих пор наша форма была ужасно порвана, и царапины на коже, вызванные ржавой колючей проволокой, были болезненными.

ый привел к французам. Оно становилось все глубже и глубже, а затем резко прекращалось; мы как будто были в мешке. Я прижал спину к стене. Я сложил руки, и Пфафф перелез через него, а оттуда на плечах, и тогда он крепко прислонился к траве и вышел. Бек сделал то же самое. Потом я поднял руки в воздух. Они вдвоем, лежа на животе, схватили меня за руки и подтянули вверх, пока я толкал ноги, чтобы помочь. Потом мы снова начали. Мы преодолели еще два узких проволочных препятствия и увидели под нами разрушенную деревню Рейневиль. На пути в деревню больше не было никаких препятствий. Мы пережили опасность сзади; теперь нас ждет опасность.

Когда Бек и Пфафф говорили по-французски, я предложил призвать людей на французский форпост в руинах. Мы не можем этого сделать, иначе первый лейтенант, следующий за нами, узнает, где мы находимся. Так что мы побежали по склону к развалинам. Я боялся, что в любой момент мы увидим молнию в руинах и будем ранены. Ничего подобного не случилось. Мы приехали на развалины, все было тихо, ничего не двигалось. Какое-то время мы продолжали слушать, ничего, совсем ничего. Пфафф прыгнул в старый окоп вокруг церкви. Он приземлился на кусок волнистого железа, лежащего в окопе, вызвав громкий шум. Мы снова слушали, было как можно тише. Затем французская артиллерия начала стрелять. Снаряды пролетели над нами по дуге и попали в немецкие позиции. Из-за стресса и бега мы все вспотели. Это был мягкий летний вечер, а луна была почти такой же яркой, как и дневной свет. Мы осторожно шли вдоль траншеи, ведущей к французской позиции, и постепенно поднялись на гору. Время от времени мы останавливались, чтобы послушать. Ничего не было слышно, кроме нескольких выстрелов из винтовки, странного звука пулемета и звука нескольких изолированных выстрелов артиллерии, близко и далеко. Было очень неприятно не знать, кто перед нами и где они находятся. Поэтому мы шли осторожно, так часто останавливаясь, чтобы послушать. Мы прошли мимо старых туннелей и подземных укрытий, которые, казалось, звали в темноте. Мы достигли позиции, которая пересекла коммуникационную траншею. К столбу была прикреплена доска, но она была

недостаточно яркой, чтобы читать то, что на ней написано. Я зажег свой факел в окопе. Из множества следов, которые мы видели, что траншею использовали часто. Мы перешли на другую позицию, которая, как и предыдущая, пересекала окоп связи. Пфафф сказал: "Я уверен, что мы прошли через позиции французской пехоты и не встретили часового". "Не верьте! Я ответил спокойно. Я попросил их позвонить французам или кому-нибудь в окопы, но они все равно не доверяли им из страха перед немецкими гонениями. Когда оружие было готово, мы осторожно двигались вперед. Мы подошли к портативным деревянным препятствиям, покрытым колючей проволокой. Теперь я был убежден, что мы должны быть ближе к французам. Мы преодолели препятствие. На несколько шагов дальше была конструкция, похожая на трубу в траншее, окруженную простой проволокой. Мы ползли на четвереньках, одна за другой. Наши спины касались пустых консервных банок, которые били друг друга, вызывая шум в ушах. Несомненно, это была тревога для французских дозорных. Я снова сказал своему товарищу, что они должны, ради Бога, позвонить французам. Они все равно не хотели, и продолжали, останавливаясь и слушая за следующей траверсой.

Я был в нескольких шагах позади них и заметил, как французский солдат прыгнул в окоп по ту сторону перекладки; он вышел из окопа и побежал обратно. Я тут же подумал: это человек с поста прослушивания, который сейчас пошел предупредить аванпост. Я пошел к остальным и закричал низким голосом: "Позвони мне! Я только что видел француза, бегущего

задом наперёд! Мы втроем были очень напряжены в тот момент. Они собирались позвонить, когда услышали выстрелы впереди, и пули попали в окоп позади нас. Теперь французы кричали, пока продолжали стрелять. Теперь Бек и Пфафф кричали: "Мы - три эльзатийца, которые хотят присоединиться к вам! Vive la France", но в начале съемок французы не поняли, что они сказали. Пфафф, проявивший невероятное мужество, обошел переправу к французам. Бек хотел пойти за ним. В тот момент я услышал маленький щелчок. Этот щелчок был вызван пружиной ручной гранаты, которая отвалилась, когда ее бросили. "Бек! Я позвонил: "Не двигайся! Они бросили ручную гранату!" . Тогда у него и появился новый. На секунду граната выстрелила. Потом мы услышали крики Пфаффа. В любом случае, его ударили. Теперь дым от ручных гранат попал в рукоятку и полностью окутал нас. Когда я повернулся, Бек ушел. Должно быть, он повернул назад.

Я шел, когда кто-то на платформе назвал меня по-французски.. Я посмотрел наверх. Там стоял француз, держащий ручную гранату в угрожающем жесте. Я тут же уронил оружие, вытащил бумагу из рукава и поднял руки, крича: "Эльзас, дезертир!". Француз закричал: "Сколько? " Я сказал "три"

Однако, когда он не увидел никого, кроме меня, в окопе, он снова закричал "сколько" я поднял три пальца на него. Он протянул ко мне руку; я быстро расстегнул ремень; затем француз протянул ко мне руку и вытащил меня из траншеи. Слава Богу! Я сказал себе. Теперь я выжил и опустил руки. Француз, который, похоже, не очень мне доверял, ушел от меня

и снова поднял ручную гранату в моем стиле. Я снова поднял руки и повторил: "Эльзас, дезертир. Затем француз пожал мне руку и постучал по плечу. Я не могу описать, как я был счастлив в тот момент.

Я сразу подумал о Пфаффе, когда услышал, как он тихо стонет. Я сказал французам "Kamerad blessé" и указал на окоп и на себя. Француз сказал мне, что я должен уйти. Я прыгнул туда же, откуда вышел, и прогулялся по перекрестку с намерением попасть на Пфафф. Многие французы разговаривали друг с другом в полном замешательстве. Как молния, один из них приставил пистолет к моему лбу, и я почувствовал холод от его ствола. Так же быстро, другой направил свой штык мне в грудь. Как ветер, мои руки взлетели в воздух, и я сказал: "Эльзас, дезертир!" Они сразу же отпустили, и я услышал, как кто-то сказал: "Это третий". Бек уже сказал им, что в траншее был третий человек. Все это заняло меньше трех минут с момента первого выстрела.

Я пошел прямо к Пфаффу - он лежал без сознания у подножия окопа и стонал с каждым вздохом. Я уволил французов, которые присматривали за ним, и я не мог его видеть, потому что лунный свет не доходил до подножия траншеи, так что не было никаких признаков того, где Пфафф был ранен. Когда я почувствовала его левое бедро, я заметила, что оно мокрое, и в то же время я почувствовала, как из моей руки вытекает теплая кровь. Выстрел в бедро, артерия прошла через голову. Лучше перевязать бедренную кость, чтобы предотвратить кровотечение до смерти. Я быстро расстегнул ремень, держа штаны, и открыл штаны и шорты. Бек помог мне немного поднять его

тело. Потом мы спустили ему штаны. Я пошел снимать галстук и использовал его, чтобы завязать ему ногу. Крэк, старая пушистая тряпка разорвана пополам. Один из французов, стоявший там, чтобы посмотреть, подарил мне кусок такой веревки, которую я потом свободно обвязал вокруг его бедра над раной. Потом я сломал кусок дерева с окопной доски. Я положил его на верхнюю часть бедра, между веревкой и ногой, и повернул его с силой. Так что веревка была натянута так сильно, что перерезала плоть с бедра и заблокировала артерию. Кровотечение немедленно прекратилось. Французы постучали меня по плечу и сказали, что я хорошо справился. Пфаффу все еще был без сознания. Бек хотел дать ему кусок сахара во рту.

Французы взяли в руку кусок сахара, залили в него жидкость, от которой пахло спиртом, а затем положили в рот Пфаффу. Он немедленно пришел в сознание. Первые слова, которые он сказал, были "Moi mourir pour la France", которые я не понял, но Бек перевел их для меня. Потом я сказал Пфаффу, что он не так уж сильно ранен, и что у него связали ногу. Французы были очень дружелюбны к нам. Они все хотели пожать нам руки. Одни давали нам сигареты, другие - кусочек шоколада или предлагали вино из своей столовой. Я выпил пару ртов, потому что от стресса меня мучила жажда. Этот напиток показался мне очень странным, потому что, когда мы подавали его пруссакам, мы получали только заменитель кофе. Потом один из французов зажег мне сигарету, которую я едва мог выкурить, потому что она была очень крепкой.

На французской позиции нас сопровождали молодой офицер и два солдата. Так как все люди в окопах были в боевой готовности, они стояли один за другим на своих огневых позициях. Когда мы проходили мимо них, они все говорили дружеские слова, которые я, естественно, не понимал. Пока мы шли назад через траншею связи, две машины скорой помощи с носилками проехали мимо Пфаффа по дороге. Бек говорил с солдатом перед ним. Молодой офицер, идущий позади меня, вдруг заговорил со мной на эльзасском диалекте с сильным французским акцентом: "Откуда вы? Без колебаний я ответил по-немецки. "Ты немец, ты не говоришь на диалекте", на что я ответил на диалекте: "Нет, я из Сент-Ульриха около Данмари. "Тогда вы оттуда", - сказал офицер. "Скажите мне, кто мэр Даннемари?" " С лучшей волей в мире, я не знал. Я сказала ему, что не знаю, что была вдали от дома пять лет и забыла об этом. "Тогда кто переплетчик, который живет на Криз Стрит?" спросил он. "Это был Хартманн", - сказал я. "Это верно, - сказал лейтенант, - я проходил через Сент-Ульрих, когда мы ездили в Сепуа-ле-Ба". Я спросил его, Я спросил его, уничтожен ли Святой Ульрих., но точно не помнил ситуацию.

Мы говорили об этом, пока не прибыли в лагерь в лесу. Он сказал мне, что приехал из Рошейма в Эльзасе. В лагере было много солдат, которые хотели нас видеть. Бек не мог следить за всеми вопросами, которые мы ему задавали. Они бросили меня, потому что увидели, что я ничего не понимаю. Больше всего меня поразило то, что солдаты были живы и имели толстые круглые лица - не похожие на костлявых

полуголодных немцев, которые были наполовину голодны, и почти у всех из них были желтоватые лица. В землянке Беку пришлось идти к командиру роты. Они забрали мой противогаз. Несколько солдат принесли мне вино и сигареты. Я выпил два полных стакана и ожидал, что выпью еще, но решил этого не делать, потому что это прошло через мою голову. Я больше не привыкла пить вино. Спина тоже была холодной, потому что моя рубашка была мокрая от пота. Некоторые принесли мне белый хлеб с сыром. Я положил руку в карман пиджака и дал им мой армейский хлеб. Они почувствовали запах и сказали "бррррр", как будто мы не могли ничего подобного съесть, хотя нам не хватало уже два года. Я сразу же начал есть белый хлеб и накачал свой желудок, чтобы показать им, как сильно он мне нравится. Они все смеялись, и хотя мы не могли понять друг друга одним словом, мы были лучшими друзьями. Затем пришел француз и спросил меня по-немецки: "Что думают люди из Гинденбурга и Людендорфа?". Я сказал ему, что люди любят Гинденбург и ненавидят Лудендорф. Затем он спросил, знаем ли мы, что немцы потерпели поражение на Марне 19 и 20 июля и что началось великое англо-франко-американское наступление. Я подарил ему новую немецкую газету, за что он был очень благодарен. Тем временем допрос Бека был закончен, и нас отвезли в тыл два солдата. Когда мы дошли до дороги в лесу, которая пересекала другую дорогу возле железнодорожного моста, Они объяснили Беку, что это место часто бомбили ночью немцы. Естественно, мы бежали так быстро, как только могли, потому что в тот момент мы не хотели

пострадать. Потом два француза сказали нам, что опасности больше нет.

Спасён! Все дальше и дальше от фронта.

Я не могу описать, как я была счастлива, когда узнала, что моя жизнь в безопасности и что я оставила свою жалкую жизнь на переднем крае и свой голод позади. Я верю, что как бы я ни наслаждался чем-то другим в своей жизни, я никогда не смогу снова почувствовать это глубокое чувство благополучия. Когда я думал о своих родителях, и о своей матери в частности, я знал, как они будут счастливы, когда я узнал, что я в безопасности и что я могу писать им. Я хотел, чтобы они знали как можно скорее. сказал Бек. "Наш командир взвода, брат, должен будет долго ждать своих ящиков с боеприпасами". У него точно будут неприятности. Мы оба, должно быть, смеялись над тем, как мы представляли себе его бывшее давление, когда узнали, что мы оба ушли навсегда. Мы шли по дороге, которая проходила через лес с одной стороны линии фронта. Там было установлено много батареек. В дальнейшем сотни солдат были заняты постройкой новых вагонов с оружием. "Послушай, Густав, - сказал я Беку, - скоро здесь все станет безумно."

. Нас отвезли в большую хижину в лесу, которая была занята штабом полка. Было около 3 часов ночи, и еще темно. Сначала Бек должен был войти, а потом была моя очередь. Был только один клерк, но он очень хорошо говорил по-немецки. Он сказал: "Очевидно, что ты выпил достаточно черного хлеба и хотел попробовать белый". Я засмеялся и сказал: "Ты не

совсем прав, потому что я едва ли ел черный хлеб за последние два года, потому что мне его не дали". Он тоже засмеялся, и в дружеской беседе спросил меня: "Не будешь ли ты так добр, если положишь все, что у тебя есть в карманах, на стол? Я начал копать и класть все свои вещи на стол. Бумажник, карандаш, карманный нож, носовой платок, часы, карманное зеркало, расческа, полотенце, фонарик и компас. Клерк забрал мой бумажник и вернул мне 30 марок, которые в нем были. Он оставил бумажник и компас. Он позволил мне забрать все остальное, а потом они отпустили меня. Два солдата, которые забрали велосипеды, увезли нас подальше. На рассвете мы проехали через деревню. Все двери сарая были открыты, и в каждом сарае был бак.

К тому времени, когда было очень светло, мы добрались до другой деревни, где базировался штаб бригады. Поскольку джентльмены все еще спали, нам пришлось подождать час. Полк марокканцев вошел в деревню в боевом порядке. Я сказал себе: "Это не кажется очень практичным с французской стороны, если вы идете так рано утром". Марокканцы разбежались по сараям. Офицер проклял их и поклялся им, и когда два марокканца прибыли к колодцу с чайником, он подошел к одному из них и ударил его два раза подряд. Я был ошеломлен. Я видел что-то подобное только один раз на немецкой стороне. К нам приезжали многие марокканцы, а также французы из марокканского полка. Они все были очень дружелюбны и давали нам сигареты. Один из французов, потянув за рукав, сказал мне на довольно аутентичном эльзасском диалекте из Мюлуза: "Эй,

послушайте". Какова ситуация - осталось что-нибудь? "Осталось не так уж много", - сказал я. Потом он спросил: "Чувак, как долго они могут продержаться?" Ненадолго. Солдаты больше не хотят этого, - сказал я. Потом он сказал мне, что он из Мюлуза, и что он тоже почти там, потому что марокканцы всегда были в центре битвы. Они прибыли из Уилер-Бретонна, близ Амьена, 24 и 25 апреля, и с тех пор были вынуждены участвовать в страшных событиях. Так что мы были напротив друг друга в Виллер-Бретонне, какое совпадение. Вдруг сердитый офицер поспешил и отругал нас по-французски. Я был там, я не знал, что он говорил.

Ну, мы двигаемся дальше. На этот раз нас сопровождали два старых солдата. По дороге мы проехали мимо нескольких марокканцев, которые обрушились на обочину дороги. Мы прибыли в гостиницу, где находился штаб дивизиона. Это было то же самое, что и на немецкой стороне - чем выше твоя зарплата, тем дальше позади тебя и тем безопаснее. Кабинет генерала, возглавлявшего дивизию, располагался в большой каюте. Сначала Бек должен был войти. Это продолжалось по крайней мере полчаса, пока он не вышел. Тогда была моя очередь.

Я вошёл в кабинку и встал перед генералом, отвечающим за дивизию. Он позвал меня вперед и спросил на сломанном немецком языке: "Почему ты пришел к нам сейчас? Вопрос был немного запутанным. Я ответил: "Потому что в прошлом либо у меня не хватало смелости, либо у меня не было возможности, потому что я умирал с голоду, потому

что я не хотел стрелять во французов, и потому что у меня было достаточно войны в целом".

Теперь он спрашивает: "Почему ты не хотел стрелять.

Французский? Я ответил: "Потому что я предпочитаю их немцам и потому что мои родители, которые жили в той части Эльзаса, которая была оккупирована французами, имели о них только положительные отзывы. Это правда, - сказал генерал, - теперь иди сюда. Он привел меня к карте, которая занимала всю длину стены хижины, которая была частью фронта, покрытого его дивизии. Эта карта действительно поразила меня. Я никогда не видел ничего подобного: каждая деталь, каждое укрытие, каждая батарея, каждый пешеходный мост, все было записано. Затем генерал-майор спросил меня, где я перешёл. Я сказал ему, что иду прямо в церковь в деревне Рейневиль. Он спросил меня: "Ты из пулеметной компании?" Я ответила "да". Затем он показал мне землянку на немецкой позиции, где я жил, и это было абсолютно верно. Теперь он сказал, что я должен рассказать ему, что я знаю о немецкой позиции, где батареи, где автомобили пулеметной компании и т.д. Он сказал: "Вы из пулеметной компании". Я сказала да. Когда я дезертировал, чтобы спасти свою жизнь и не предать своих товарищей, я сказал ему, что после того, как я заболел гриппом, в ту ночь я возвращаюсь в свою компанию в лесу, где-то за немецкой линией, и что в ту же ночь дирижер отвез меня на станцию. Я не мог видеть в темноте, и, как я был во главе своего пистолета, мне было приказано не оставлять его, так что с лучшей волей в мире, я не знал

больше. Генерал посмотрел на меня в поисках и сказал: "Ты не хочешь предавать своих старых товарищей". Мы уже знаем все это из всего этого". Затем он показал мне все батареи, которые я видел, когда я переехал на позицию, где командир батальона был размещен, кафетерий батальона, дорога, по которой собирали еду -, . Я подумал про себя: "Почему бы французам не разорвать все на куски", если они знают, где это. Генерал увидел, о чем я думаю, сказал мне, о чем я думаю, и сказал: "Подожди! Скоро будет".

Они меня отпустили. Они отвели нас на кухню и дали нам кофе, белый хлеб, вареную ветчину и масло. Кофе был вкусным! Это был кофе, как я помню, крепкий и сладкий. Я не пил такой кофе уже много лет. Потом на кухню въехала машина. Мы должны были войти и выйти. Мы с Бекком были самыми счастливыми людьми в мире. Эта прекрасная поездка в роскошном летнем матинеуме уносила нас все дальше и дальше от фронта, и каждый из нас съел кусок хлеба и вареную ветчину! Что еще ты можешь пожелать? Вскоре мы прибыли в Тульскую крепость. Мы остановились снаружи перед большим зданием. Мне пришлось сидеть снаружи под охраной солдата. Ко мне приходило много любопытных гражданских. Моя куртка и панталоны были порваны. Я не очень хорошо выглядела, особенно с тех пор, как только переболела гриппом. Я заснул. Солдат сказал людям, что я приехал из Эльзаса и что я дезертировал. Отношение зрителей немедленно изменилось. Некоторые пожали мне руку и сказали вещи, которые я не понимал. Некоторые дали мне сигареты. Они громко засмеялись, когда увидели, что я держу в руках

кусок белого хлеба, как сокровище. Потом мне пришлось самому сесть в машину. Когда я ушла, я помахала людям на прощанье, и они помахали мне в ответе

Мы пересекли долину реки Мёз до села Флавины, где находилось генеральное командование армии. Они отвели меня в большой сарай. У двери был жандарм. Мне пришлось взбираться по ступенькам пустого сеновала. Там было несколько немецких заключенных. С одной стороны были эльзатийцы и жители Познани, а с другой - немцы, запертые в своеобразной металлической клетке. Эльзатийцы хотели задать мне всевозможные вопросы, но я был слишком устал. Я легла на двухъярусную кровать и тут же заснула. Они сразу же разбудили меня снова. Когда я проснулся, я понятия не имел, где я. Повар принес мне завтрак. Небеса, как я был поражен: я взял миску мясного супа с хлебом, другую с картошкой и соусом, и сверху отбивная, с салатом на крышке, и четверть белого хлеба и четверть литра вина. Это было похоже на пребывание в раю. С немецкой стороны у вас был мясной суп с хлебом, но никогда не было картофеля с соусом, ничего жареного или салата, не говоря уже о белом хлебе или вине. Несмотря на то, что я совсем не был голоден, я застрял в этих больших штуках и почти все испортил. Нормальный человек не может представить мое душевное состояние в то время. Я был как голодный, брошенный пёс, который думал, что должен съесть всё на своём пути. Когда я был полон посуды, я отдавал ее повару, который улыбался мне, а потом ложился на кровать и сразу же засыпал. Я быстро проснулся, жандарм позвал меня

пойти с ним. Я встала и пошла с ним. Он отвез меня в замок, где меня допрашивал офицер, который очень хорошо говорил по-немецки. Он говорил со мной в знакомой манере. Я сразу подумал, что вы не можете застать меня за таким разговором, потому что я решил ничего не рассказывать о нашей ситуации, потому что я не хотел, чтобы мои бывшие товарищи погибли из-за меня. Я ответил на его вопросы, так же, как я ответил на вопросы, заданные генералом богословия. Он спросил меня, как долго я пролежал на земле. Я сказал ему, что служу с 16 октября 1913 года. Итак, он сказал, что ты все еще на действительной службе.

Вы были в полку, когда шли на войну? Я сказал ему, что я в первой роте 112-го полка. Он сразу же спросил меня: "Вы тоже участвовали 26 августа 1914 года?". "Да", - сказал я. Затем он спросил меня, что я знаю о событиях 26 августа. Я сказал ему в тот день, что генерал Штенгер отдал приказ не брать пленных и убивать всех французов, которых мы захватили, независимо от того, были ли они ранены или нет. Я сказал, что своими глазами видел, как несколько раненых мужчин, лежавших на земле, были застрелены или заколоты, как свиньи. Я лично защищал француза и спас ему жизнь. "Готовы ли вы поклясться тем, что сказали мне?" "Да, сэр", - ответил я. Затем офицер подробно рассказал мне, где я служил после войны и через что я прошел. Примерно через два часа меня отправили обратно в сарай. Я показал констеблям царапины на коже, которые я получил от колючей проволоки, когда меня выписывали, и указал, что они болезненные. Он отвез меня в лазарет, где медсестра раскрасила все царапины йодом, чтобы

дезинфицировать раны и предотвратить их заражение. Йод ужалил меня некоторое время, но он быстро отступил.

24 июля - 3 августа 1918 г. - Жизнь во Флавины.

Вернувшись в сарай, я был очень рад встрече с Густавом Бекком, который приехал, пока меня не было. Нас отвезли в центр, чтобы избавиться от вшей. Ты чувствовал, что переродился. Это было что-то совершенно новое для нас обоих - спать всю ночь, плавать, хорошо питаться и избавляться от вшей. Теперь Бек был поставлен во главе десяти немецких заключенных, и ему была поручена работа по уборке улиц деревни. Меня поместили в служебную кухню, чтобы помочь. Я был очень удивлен, когда увидел обилие хорошей еды. Это была кухня гвардейской роты, которая должна была обеспечивать безопасность высшего командования армии. Трех поварам было больше сорока лет, у них были красные головы, которые могли лопнуть из-за хорошей еды и питья, и они были так же взволнованы, как и призывники. Они все были очень дружелюбны ко мне - все указывали на мои костлявые щёки, затем надували свои собственные щёки и говорили мне, что у меня должны быть эти щёки, пока я был там. "Это неплохо", - подумал я сам. За завтраком мне дали полфунта вареной ветчины, сыра, варенья и хлеба, и разрешили выпить с ним кофе или вино, что бы я ни чувствовал. Утром мне пришлось резать хлеб и класть его в миски Компании. Потом они налили бульон. Перед тем, как компания принесла свою еду, шеф-повар позвал меня в кастрюлю, взял тарелку супа,

наполнил ее бульоном, который был наполовину полон, а затем добавил бокал красного вина. Это было для меня. Очень вкусно! Эти повара всегда делали что-то лучшее для себя. Мне всегда приходилось есть с ними, и они предпочитали, когда это было очень приправлено. Я не привыкла к этому, и иногда мне казалось, что острый предмет рвет мне в рот и в горло. Во второй половине дня мы помыли посуду. Затем, перед вечерней трапезой, я должен был почистить лук и чеснок, приготовить и вымыть салат. За четыре часа я мог легко выполнять работу весь день. Одному из солдат больше нечего было делать, кроме как распиливать дрова и резать их для кухни. Иногда я помогал ему, хотя и не должен был. Он отвел меня на кухню, где каждый день доставлялась бочка свежего вина. Солдат дал мне чашку. Потом мне пришлось положить его под кран, наполнить вином и выпить. Он сказал, что если я хочу пить, я должен помочь себе сам, но он помахал рукой перед моим лбом, а затем указал пальцем на меня со смеху, чтобы сказать мне, что я должен быть осторожен, чтобы не напиться.

Через несколько дней после моего прибытия в Мец со мной приехал молодой солдат примерно за три недели до этого. Это было тогда, когда мы остались с его сестрой на три дня. "Ты тоже сбежал? Я спросил. Конечно, я сбежал! Я сказал себе, что если Ришерт уйдет, я тоже уйду!" - Он ответил. В том месте, где мы жили, французская пехота была временно размещена в лачугах. Случайно он встретил своего брата, который вступил во французскую армию, так что он тоже вступил и смог остаться с ним. Он сказал мне, что эльзасских солдат нашей дивизии больше не

пускают в фронтовой окоп, потому что никому нельзя доверять, и что был зачитан дивизионный приказ, в котором Ришерт, Бек и Пфафф были приговорены дивизионным военным судом к смертной казни за дезертирство. Так, так, так, в военное время дела идут не очень хорошо. Потому что мы не хотели быть убитыми, нас приговорили к смерти. Но есть старая поговорка: "В Нюрнберге никого не вешают, пока не поймаете", и я чувствовал себя довольно расслабленным, несмотря на то, что меня приговорили к смертной казни. Я думал, что несколько хорошо оплачиваемых старших офицеров, которые, возможно, сами никогда не были под огнем, имели право приговорить к смерти бедных солдат, которые пережили ужасы войны в течение почти четырех лет и хотели спасти только то, что осталось от их жизней. В самом деле, такие люди, которые привели солдат остаться на фронте и заставили их принимать участие в нападениях с большими потерями, заслуживают того, чтобы умереть больше, чем я? Это были люди, которые всегда говорили о дорогой Родине, которые получили деньги на комфортную жизнь на рынке, которые наполнили свои сундуки медалями, которые они не заработали, и которые позволили бедным солдатам погибать без причины, абсолютно ниче

го. Но главное, что они не могли мне навредить.

Во Флавиныи я встретил людей всех рас.

Здесь проходили американские войска с черными, арабами, марокканцами, индокитайцами и итальянцами; я не переставал на них смотреть. В сарае, где я спал, также находились несколько французов, несколько марокканцев, два негритянина и

четыре китайских рабочих, которые были заключены в тюрьму за различные преступления и ожидали приговора. Все они были заперты в маленьких камерах по обе стороны пола сарая. Четверо китайцев подозревались в изнасиловании и убийстве молодой девушки. Когда они ели на полу в сарае, они все встали на колени вокруг миски с едой и оставались там до тех пор, пока не закончили.

Постепенно я почувствовал, как моя сила возвращается. Я просто хотела остаться здесь надолго, но через девять дней мне сказали: "Завтра утром мы должны идти дальше! На следующее утро я попрощался с поварами, которые дали мне немного мяса и хлеба на вынос, и тринадцать из нас - половина из Эльзаса и половина из Познани - были доставлены на ближайшую железнодорожную станцию. Мы сели на поезд и поехали в замок Нойф. Куда бы мы ни смотрели, везде кипели американские солдаты - молодые люди, полные радостей жизни, лица и глаза которых до сих пор не тронуты следами войны. Нас вывели на высокий холм за городом и внезапно упали на вход в крепость. Над воротами было имя: Форт Бурглемонт.

Жизнь в Форт Бурглемонте

Мы пересекли ров у разводного моста и прибыли в офис внутри форта. Мы должны были войти один за другим. Я был последним. Офицер из Эльзасатии, который казался эльзасским евреем, задавал вопросы о моем полку, моем доме и т.д., и он сказал, что я последний. Тогда мне пришлось отдать ему свои деньги. Он сказал мне, что я получу его обратно, когда

приеду в эльзасский мужской лагерь в Сент-Рамберте. Потом они меня отпустили. Нас поместили в дотовую ячейку форта. По обе стороны от нас жил гарнизон крепости - все солдаты старше сорока лет. Многие немецкие пленные жили на другой стороне крепости. Нам, эльзасским и познаньским солдатам, давали такую же еду, как и французским, а немцам приходилось довольствоваться плохой едой. Жизнь здесь была ленивой и скучной. В течение четырех недель я был там, помогал разгружать четыре грузовика с хлебом с восемью другими мужчинами и дважды ездил в лес за кустами. Мы проводили время, занимаясь гимнастикой, борьбой и так далее. Однажды нас спросили, не хочет ли кто-нибудь из нас добровольно принести еду офицерам, заключенным в крепости. Бек вызвался добровольцем. Каждый день он приносил еду в нашу комнату. Там мы соскребали жир из мясного супа офицеров и клали его в свой, а их лучшие куски мяса смешивали с нашими самыми бедными кусками. Мы опустошили половину их вина в наш графин и сделали разницу с водой. Потом, - сказали мы, - они ели лучшее достаточно долго. Теперь мы меняем вещи. Немецкие офицеры должны были получить ту же еду, что и французские солдаты, и мы это сделали.

После четырех недель там, мы должны были двигаться дальше. Мы сели на поезд через Лангре в Дижон. Мы прогулялись по красивому городу и продержались около получаса, пока не добрались до крепости, где размещались многие немецкие пленные. Почти все они были в плену с начала войны и носили яркую довоенную форму, присланную им из

Швейцарии. Существовали все виды форменной одежды: легкая пехота, улан, гусары, драгуны, артиллерия, словом, почти все обмундирование, которое носила немецкая армия до войны. Многие заключенные восстанавливаются после серьезных травм и ожидают репатриации Швейцарией.

На второй день моего пребывания там было размещено объявление на немецком языке, в котором говорилось, что немецкие заключенные больше не будут обмениваться и что они вернутся домой, поскольку французы знали, что многие из тех, кто был обменян, были направлены в Румынию в качестве оккупационных сил для освобождения солдат, которые, по всей вероятности, будут осуществлять наступление на аминьцев. Заключенные, ожидающие обмена, которые уже вернулись домой в мыслях, были очень подавлены. В этом форте нам дали такую же еду, как и немецким заключенным. Рис утром, рис в полдень и рис вечером. То же самое и на следующий день, и на третий и четвертый день. Конечно, мы могли есть столько, сколько хотели, но это всегда было одно и то же - это было довольно круто! Рис варили до тех пор, пока он не стал достаточно густым, а сверху посыпали американским беконом. Хлеб был черным, как уголь, старым и плесневелым. Немцы сказали нам, что в течение четырнадцати дней у вас не будет ничего, кроме риса, затем четырнадцать дней не будет ничего, кроме бобов, а затем четырнадцать дней с горохом или чечевицей - но никаких других изменений.

Мы вернулись на станцию Дижон, сели на поезд и постепенно двинулись на юг. Мы пересекли красивую

долину Сан, где можно было увидеть много виноградников. Там висел прекрасный виноград, который уже начал посинеть. Мне очень понравилось это место. Вечером нам пришлось сойти с поезда в городе Мэйкон и нас заперли в темном подвале. Это было нехорошо для нас. Было уже очень темно, когда нас отвели в подвал. Мы были недовольны, лежа на доске вдоль стен. Потом я услышал, как кто-то говорил в Эльзасе, на другой стороне. Там был голос, говорящий на диалекте моего родного города. Я встал, подошел и спросил, нет ли кого-то из них из Данмари. Да, - сказал один из них, - я из Фюллерена". Я быстро зажег зажигалку и сразу же узнал его. Это был Эмиль Шарер из Фюллерена! Он не узнал меня, хотя мы зажгли несколько спичек. Я сказала ему, кто я, кто я, как он сказал, сильно изменилась. Мы долго и упорно говорили о нашем доме, пока, наконец, не заснули. На следующее утро мы с удовольствием отправились в путешествие и оставили эту темную и сырую дыру. Нам не давали ничего поесть ни утром, ни днем. На вокзале, где приходилось менять поезда, рядом с платформой стояли большие куски американского хлеба, которые, вероятно. Я хотел быстро получить один из лучших кусочков хлеба. Тогда сопровождающий нас жандарм выкинул его из моих рук, сказав, что я должен спросить его разрешения, хочу ли я взять хлеб! Я был очень зол и предпочёл бы умереть с голоду, чем почтить этого плохого парня за то, что он попросил у него разрешения. В конце концов, мы могли бы вернуться на борт, и рядом с нашим остановился поезд, полный людей в отпуске. Бек слышал, как солдаты говорили: "Им повезло

больше, чем нам - их больше не расстреляют!" Один из них, который знал несколько слов по-немецки, пытался поговорить с нами. Бек ответил ему по-французски, а затем сказал ему, что нам нечего было есть весь день. Один солдат подарил нам большой кусок хлеба, а несколько солдат подарили нам свои столовые, наполненные вином.

Мы отправились и через несколько часов прибыли в Лион. Этот город расположен в красивом месте, где встречаются Рона и Сан. По обе стороны реки, даже вдали от города, холмы покрыты красивыми виллами и домами. Мы долго оставались на центральном вокзале Лиона. Они никогда не давали нам ничего поесть. Чтобы избавиться от голода, мы пили воду из фонтана на станции. Через станцию прошло несколько поездов, возможно, везли солдат с итальянского фронта. Все солдаты выглядели хорошо. Бек услышал, как две молодые девушки проходили мимо и говорили: "Эти солдаты не похожи на фрицев, но они (они говорили о Беке, который был прекрасен) были бы хороши для меня как для мужа". Бек не мог не улыбаться, и он сказал им по-французски, что тоже их любит. Молодая девушка покраснела! Бек попросил у нее адрес, она записала его на листке бумаги и отдала ему. Потом приехал наш поезд и нам пришлось уехать. Это было в ту ночь, когда поезд прибыл на станцию Сент-Этьен. Нам пришлось заснуть, и они отвели нас в казармы. По пути мы прошли мимо многих ресторанов, многие из посетителей которых сидели на стульях на тротуарах, весело пили пиво или вино. Глядя на них, я почувствовал огромное желание быть свободным. Мы надеялись перекусить в бараке - но

нам не повезло! Мы просто были заперты в изолированной комнате. Мы были в ярости и забыли все хорошее, что французы сделали для нас. Сочувствие к Франции, которое мы все так сильно чувствовали, упало ниже нуля, и вы могли слышать все, кроме "Vive la France". Наверное, наши предшественники были гораздо злее нас, потому что плиты в изоляторе были сломаны, а плиты были по всему помещению. Также по углам были человеческие экскременты. Они были черными. Со спичками я наконец-то нашел место, где мы с Бекем, Шахрером, могли бы посидеть. На следующее утро мы продолжили, ничего не ели и не пили. Наконец, мы добрались до пункта назначения, станции Сент-Джуд. Оттуда нам пришлось идти пешком двадцать минут, чтобы добраться до эльзасского лагеря для военнопленных в Сен-Рамберте. Дорога пересекла Луару на подвесном мосту. Наконец-то мы прибыли в лагерь.

В эльзасском лагере для военнопленных

в Сен-Рамбер-сюр-Луаре.

Лагерь военнопленных располагался в бывшем монастыре на невысоком холме недалеко от деревни Сен-Рамбер-сюр-Луар. С одной стороны лагеря находится большое здание, похожее на казарму. На стороне, обращенной к дороге, высокая стена отделяет монастырь от мира. С другой стороны есть конюшни и хозяйственные постройки. Монастырская церковь построена рядом с большим монастырским зданием. У входа всегда дежурил французский солдат - но он был безоружен. Нам не разрешали выходить без

разрешения. Здания и двор были полны альсакийских солдат, некоторые из которых были захвачены в плен, но большинство из них были безлюдны. Нас разместили в старом конюшне со столами, скамейками и койками. Мы сразу можем сказать, что вы были с эльзатийцами из-за их ужасной привычки кричать очень громко. Там, где когда-то молитвы монахов несли на небо, теперь они превращаются в сильные слова!

Сразу после нашего прибытия нам дали говядину и рис, а также большой кусок хлеба и четверть литра вина. Пока мы, новички, голодали, мы быстро полировали еду. Я бы хотел писать дома, но у меня не было ни гроша в кармане, чтобы купить бумагу. Я прошел через большой двор и встретил друга домаХугу из Манспаша. "Послушай, Хут, теперь я должен сделать то, чего никогда в жизни не делал. Я попрошу тебя одолжить мне немного денег." Он засмеялся и сказал: "Это бессмыслица, потому что у меня всего пять монет!". Я сказала ему, что хочу писать дома, но у меня нет денег на канцелярские принадлежности. Он дал мне немного денег, которых было достаточно, чтобы купить газету. Я сразу же написал домой и попросил денег. Несмотря на то, что я писал домой более двадцати раз, у меня до сих пор не было ответа, и я должен был предположить, что ни одно из моих писем не пришло. Во второй половине дня нам пришлось идти к офицеру на допрос. Мы остались в коридоре и ждали. Он вышел и спросил, живем ли мы в Дэн-Мари. Мы с Эмилем Шахрером сказали ему, что один из нас из Фюллеррена, а другой из Сент-Ульриха. Агент решил, что я должен прийти

к нему в офис в 2 часа. Я пошла к нему в офис. Он заказал бутылку вина. Теперь агент сказал мне, что хорошо знаком с моими родителями, и в изумлении спросил меня, где мы купили кожаные туфли в прошлом. Я сказал ему: "У Клёзлена в Данмари! Теперь он сказал: "Я сын Клетслена, но здесь я известен как Тухарт". Мы говорили о стране, и когда я сказал ему, что я пошел на войну со 112-м полком, он подробно спросил меня о событиях 26 августа 1914 года и, в частности, о приказе генерала Стэна Жера, который призвал наших солдат убить всех французских солдат, попавших к нам в руки. Я повторил то, что сказал во время предыдущих допросов. В конце Клёклен сказал, что если я захочу стать жандармом, он организует перевод меня в офис Gen-Darmerie в Люре. Я поблагодарил его за помощь, но я не хотел идти, потому что слишком долго был в форме. Однако я попросил его написать моим родственникам, так как казалось, что из меня ничего не выходит. Он обещал, что я получу ответ из дома в течение семи дней. Я попрощалась с ним и вернулась в конюшню. Мне не нравилась эта жизнь. Мне стало скучно ничего не делать.

На второй день мы получили еще одну форму и стали французскими солдатами. Мне подарили красные брюки, синие шорты, короткую темно-синюю куртку и большую темно-синюю кепку с подсветкой, похожей на рога спереди и сзади. Когда я смотрел на себя в зеркало, я, должно быть, смеялся. Я подумал: "В этой одежде ты будешь отлично смотреться на обезьяньей тележке! На шестой день я был в конюшне с Шахрером, Бекон и несколькими

другими операторами, наслаждаясь солнцем, когда появился клерк и сказал, что ему нужно шесть человек для работы на ферме. Я вызвался первым, а Бек и Шахрер были вторым и третьим. Вскоре целая куча людей вызвалась добровольцем. Они все хотели выбраться из лагеря. Клерк подумал: "Раз, два, три, четыре, пять, шесть". Первые шесть были отправлены забрать наши вещи. Это не заняло много времени, чтобы собрать наши вещи. Все, что у меня было, это то, что было на мне и одеяло. Прибыл поезд. Шестеро из нас поднялись на борт и покинули монастырь. Мы ехали около трех часов в горах. Человек, который собрал нас вместе, был военнопленным из Лотарингии по имени Бар-бьер, который командовал отрядом из примерно тридцати пяти эльзасских мужчин, которые работали в маленьком городке Сен-Ханд и его окрестностях - в основном на крестьян. Барбье рассказал нам, что у него была хорошая жизнь; он жил в гостинице "Тавенон" в Сен-Хане, и его единственной обязанностью было отправиться в лагерь на поиски зарплаты, одежды и обуви эльзасцев. Если кому-то не нравилось, где он работает, он нашел ему другую работу. Мы остановились на холмах и Барбер сказал: "Этой ферме нужно три человека". Кто хочет пойти?" Я сразу же вызвался добровольцем. Бек и Шахрер хотели пойти на отдельную ферму, а не на трио, поэтому я поехал с Джозефом Майером из Оберсааша и парнем по имени Альфонс д'Эрштейн. Там уже было три эльзатийца. Они сказали нам, что мы сделали хороший выбор. Ферма, которая называлась Пуасат, принадлежала мэру Сен-Гента, который жил во дворце примерно в получасе езды от

нас и был мультимиллионером. Фермой руководили директор и его жена; ему было около сорока восьми лет, а ей - сорок. Они оба оказали нам дружеский прием и сказали несколько слов, которые мы не поняли.

На ферме Poissyat, недалеко от Saint-Haix (Луар).

Три эльзасских мужчины на ферме уже полтора года, из того, что я вижу, хорошо говорят по-французски. Они все любили его и надеялись остаться там, пока не вернутся домой. Мы были хорошо накормлены, и это было сутью для нас. Мы приехали на ферму в субботу днем. Большую часть дня мы провели в саду с прекрасным видом на прекрасную долину Луары. Луар выглядела как широкая серебряная полоса. Многие деревни и небольшие городки были разбросаны по всей ширине долины, на заднем плане - горы Центрального массива. Сотни ферм в горах, немного похожих на кубики, можно было увидеть невооруженным глазом. Слева, на расстоянии около семи километров, в пустоте находился крупный промышленный город Сент-Этьен. Было много угольных шахт. Особенно красиво было смотреть на Сент-Этьен ночью, когда были включены тысячи электрических огней. Вечером хозяин приехал из своего замка на встречу с тремя новоприбывшими. Он спросил нас, где мы находимся с деньгами, и кто-то перевел для нас, чтобы мы сказали ему, что ни у кого из нас их нет. Он тут же протянул руку помощи и дал каждому из нас по двадцать франков. "Это хорошо, - сказал я себе, - еще до того, как мы сделали какую-нибудь работу." Потом

он спросил нас, как мы ладим с одеждой. Мы сказали ему, что одежда, в которой мы были, это все, что у нас было. В тот же вечер эльзасец, работавший в замке, принес нам одежду, чтобы мы могли выбросить нашу плохо сидящую униформу. В конце концов, мы были одеты как гражданские. В последующие дни нам пришлось косить второй урожай травы, растущей на лугах оврагов. Это было что-то совершенно другое. Мы больше не привыкли к такой работе, и поначалу у нас был холодный пот. Но вскоре мы попали в неприятности. Владелец был очень доволен нашей работой.

В конце концов, я услышал кое-что от своей семьи. Они были очень рады услышать, что меня больше нет на фронте, и немедленно прислали мне деньги. Как только они получили "Laisser-passer" (билет), они пришли ко мне и принесли мою одежду. Я был очень рад думать, что увижу их снова. Я вернул свои деньги, которые должен был отдать крепости Нойф Шато. По текущему курсу мне дали девятнадцать франков за тридцать марок. После того, как я принесла траву, мне пришлось поехать с товарищем Джозефом Мейером на соседнюю ферму, чтобы собрать картофель, потому что вся семья, кроме моего отца, болела гриппом в постели. Затем нам пришлось провести еще несколько дней, собирая картофель на ферме недалеко от замка. Мне очень понравилось это место. Хозяин фермы потерял ногу во время войны. Я научился доить корову. Потом мы вернулись на ферму в Пуасате. Пятерым моим товарищам было поручено делать пучки палочек для еды в лесу, и мне пришлось остаться на ферме, чтобы помочь прибраться и

работать в большом саду. Я хорошо ладил с менеджером и его женой, и это было в мою пользу. Когда я работал в саду, жена менеджера часто звала меня на кухню, где давала мне бокал вина или, если было прохладно и холодно, кофе и бренди с куском пирога. Мне также часто давали шоколад. Мне становилось все удобнее, и если бы я был бездомным, то, конечно, остался бы там. Когда работа в саду и на ферме была закончена, мне пришлось присоединиться к остальным в лесу, чтобы сделать пучки палочек для отбивных. Каждый из нас получал бы по 60 пучков в день. Менеджер и владелец были очень довольны нашей работой. В конце первого месяца каждый из нас получил по сто франков, в то время как нашему хозяину приходилось платить нам всего сорок в месяц. Кроме того, они дали мне лишние восемь франков, потому что я был унтер-офицером.

Как я уже сказал, еда была очень вкусной. Утром, как только мы встали, нам дали чашку крепкого черного кофе и кусок пирога. Потом каждый из нас пошел заправлять кровать и убрался в комнате. Завтрак состоял из супов из ветчины, варенья, сыра, хлеба и вина. Каждый день после обеда мы ели два блюда, за которыми всегда следовали сыр или джем на десерт, а часто и кусочек шоколада. Вечером мы обычно подаем суп, картошку, мясо или колбаски, а вечером снова сыр и варенье. На нашей ферме было тридцать два ореховых дерева и несколько каштанов. У каждого из нас был пакет с грецкими орехами и каштанами у кровати. Короче говоря, у нас была очень комфортная жизнь!

В конце сентября ко мне приехали отец и сестра. Я забивал живую изгородь, когда мои камарейды сказали мне, что они приехали. Мы были очень рады снова увидеться, но я сразу увидел, что мои отец и сестра стареют - в конце концов, четыре с половиной года - это довольно долгий срок. Они также видели, что я сильно изменился. Мы провели час на ферме, а потом поехали в отель.

Л'Авенон в Сент-Гейне, где мы останавливались и ели следующие три дня. Это были три прекрасных дня. Мы пригласили моих одноклассников и Эмиля Шахрера провести с нами вечера, и они были в восторге. Мои отец и сестра принесли мою одежду, и мы купили все, что мне было нужно. Это заставило меня снова почувствовать себя человеком. Слишком рано, эти три дня прошли, и мои отец и сестра вернулись домой. Несмотря на то, что у меня все было хорошо, я действительно пошла с ними. Теперь я бы хорошо справился, потому что мой отец действительно наполнил мой бумажник. Каждое воскресенье мы ездили в St. Geand и проводили большую часть дня в ресторанах и кафе. Почти каждое воскресенье в отеле Thevenon собирались тридцать пять эльзасских мужчин из команды, и это часто становилось оживленным.

В начале ноября мы услышали, что вот-вот наступит мир. 10 ноября ходили слухи, что до перемирия оставалось всего два-три дня. 11 ноября мы были заняты в лесу, перевязывая палки, когда внезапно услышали, как под нами в маленьком городке Ла Фунос грохотал дымоход, а в Сент-Этьене можно было услышать артиллерийский огонь. Тут и

там мы слышали звон колоколов и выстрелы, а потом из Ла Фуюза мы услышали шум, в котором невозможно было сказать, смеялись люди или плакали. Мир пришел", - сказали мы сами себе, и мы все плакали, потому что представляли себе, что в ближайшие дни нам будет позволено вернуться домой. Мы собрались вместе и трижды закричали "Vive la France!", что перекликалось с холмами. Сегодня мы больше не будем работать", - сказали мы, направляясь на ферму. Мы все были счастливы, что французы выиграли войну, потому что, если бы немцы победили, Эльзас остался бы частью Германии, а мы, как дезертиры, никогда бы не смогли вернуться домой. Когда мы приехали на ферму, управляющий и его жена поцеловали нас дважды и сказали, что мы теперь такие же французы, как и они. Жена менеджера приготовила очень хороший завтрак, чтобы отпраздновать этот день, и мы все были в очень хорошем настроении. Во второй половине дня мы все отправились в Сен-Мен, где пили, праздновали и танцевали всю ночь до рассвета следующего дня. Затем мы вернулись на ферму с похмельем и провели целый день в отпуске, чтобы поправиться. Мы узнали, что Кайзер сбежал в Голландию. Как только такой негодяй, как он, сталкивается с небольшой опасностью, он оставляет все и точит, в то время как мы должны были провести четыре года в беде, окруженный смертью, абсолютно не по добром делу. Если ты хочешь спасти свою маленькую жизнь, ты приговорен к смерти. Они даже прислали ему кучу денег, хотя он, безусловно, один из тех, кто ответственен за эту ужасную бойню. Да, как гласит

старая поговорка: "Маленьких повесили, а больших отпустили!"

Раньше мы каждый день ездили в Сент-Гианд. Иногда утром мы ходили в церковь. Мы бы собрали деньги, чтобы купить аккордеон. Мы ходили из паба в паб и танцевали как сумасшедшие. Многие девушки из Сен-Жерана, которые любили танцевать, шли за нами из одного паба в другой. Мы редко возвращались домой до двух часов ночи.

Единственной проблемой был язык, мы часто застредали, и иногда мы говорили то, что всем было наплевать, но люди были настолько порядочны, что никогда не заботились о нас, даже если мы говорили совершенно неправильные вещи. Он сказал: Такие вещи случаются каждый день, и мы никогда не перестаем смеяться. Каждый из нас купил словарь и с энтузиазмом начал изучать французский язык. Постепенно мы стали понимать друг друга приблизительно по-французски.

Несколько эльзасских мужчин, которые говорили по-французски, нашли подружек. Это было не так сложно, потому что не было мужчин в возрасте от семнадцати до сорока пяти лет, и многие девушки хотели иметь парня. Мы с Эмилем Шахрером часто ездили по узкоколейной железной дороге в Сент-Стефанс, где встретили Петера Кеглера и Йозефа Хубера из Фюллеррена, чтобы насладиться воскресными послеобеденными днями.

Когда мы еще не получили приказа вернуться домой до Нового года, мы начали верить, что если мы не вернемся в лагерь в Сен-Рам-Берт, то, возможно, нам придется долго ждать, прежде чем возвращаться

домой. Поэтому мы решили покинуть ферму и поехать в лагерь. Жена режиссера приготовила нам хороший прощальный ужин, а потом мои товарищи попрощались с ними. Я ждал, пока они уйдут, а потом снова поблагодарил пару. В последний раз, когда я пожала им руки, они оба начали плакать, потому что действительно любили меня. Мы поехали в Сент-Генд, загрузили чемоданы и сундуки в заказанную нами тележку и попрощались с друзьями. Похоже, существует обычай, что люди целуют друг друга на прощанье, так что поцелуи продолжаются до тех пор, пока это не покажется слишком глупым. Пока мы пели, мы покинули это место, где у нас было так много всего. Все люди бросились на улицу, чтобы поприветствовать нас. Затем мы направились в Сент-Рамберт.

Там мы не получили гостеприимства, потому что вернулись в лагерь, не получив приказа. Лагерь был переполнен. Все было занято - коридоры, мансарды, все комнаты и залы, конюшни, навесы - словом, все место занимали Эльзас и Лотарингия. Еда была не очень вкусной, но у нас у всех были деньги, так что мы могли защищаться. Каждую неделю нам разрешали выходить на два дня. В пабах было много народу. Люди, у которых были деньги, покупали себе еду, чтобы вернуться в лагерь. Нам повезло, что у нас была комната с хорошим отоплением и центральным отоплением. Нам не нужно было работать, кроме как чистить картошку несколько часов в неделю. Мы проводили время, танцуя, рассказывая истории и всевозможные трюки. Я встретил много людей из дома - более двадцати, которые не могли дожждаться

освобождения. Я встретил Альберта Дитца де Мерзена, который только что вернулся из Салоник и у которого не было денег, поэтому я одолжил ему двадцать франков. Однажды было объявлено, что в монастырской часовне пройдет служба Розария, и все католики будут рады прийти. Я пошел туда и был очень удивлен, что на службу пришло менее двадцати человек. Значит, война "улучшила" народ.

25 января мы все получили французскую форму. Нас было около 1200 человек. "Завтра, - сказали они, - транспорт отвезет тебя домой." Мы были счастливы наконец-то вернуться домой и повидаться с нашими семьями. Утром 26 января мы отправились на вокзал в Сент-Джонсе. Мы все были так счастливы, как только могли. Три больших французских флага были парализованы на фронте. Мы двигались дальше, мы пели. В конце линии несколько вагонов остановились с коробками и багажниками, доставленными на станцию. Теперь мы разделились на секции, поднялись на борт и ушли. Клянусь Богом, мы ехали домой. Путешествие прошло через Лион, Дижон, Люр и Эпиналь. Было темно, когда мы прибыли в Эпиналь. Мы проехали через Луневиль. Между Луневилем и границей с ЛорРеном, я выглянул в окно. Мы просто проезжали через Фронт. Я оторвался, когда увидел пустые снежные траншеи, колючую проволоку и подземные укрытия. Я с трудом мог представить, что проведу годы своей жизни в этом окружении.

Наконец-то мы добрались до Англемона, затем до Саверна, Страсбурга и Кольмара через Сарребург, где четыре с половиной года назад я был вынужден принять участие в большой битве. Рано утром мы

прибыли в Кольмар и были доставлены в хижины возле армейских казарм, где нас ждали демобилизационные документы. Наконец, в десять утра я был свободен. Когда было холодно, мы с Эмилом Шахрером пошли поесть в ресторан. Мы не привыкли слышать, как женщины и девочки говорят на языке нашего дома. Потом мы вернулись в участок и проверили наш багаж. Мы опоздали на поезд и должны были подождать до вечера, прежде чем отправиться в Мюлуз. Оттуда поезд отправился в Альт-кирш, поэтому нам пришлось провести ночь в зале ожидания. На следующее утро мы сели на первый поезд в Данмари. Я был очень удивлен, когда увидел, что Альт-Кирш, который был так близко к линии фронта, больше не был уничтожен, потому что это было бы возможно при использовании малокалиберной полевой артиллерии. Теперь мы прошли через траншеи, пулевые отверстия, колючую проволоку и упавшие деревья. В Данмарии железнодорожная ветка была отклонена вокруг частично разрушенного виадука (мост Бараваега). Наконец-то мы прибыли в Данмари. Мы проехали через Миттельфельд по направлению к дому. Я попрощался с Эмилом Шахрером в черном сарае.

На вершине холма, в лесу Алтенаша, я наконец-то увидел свою родную деревню, которую покинул в октябре 1913 года, почти пятью с половиной годами ранее. Внезапно мои глаза наполнились слезами. Я поспешил домой. Я был удивлен, увидев, как растут молодые люди деревни. Я не могу описать, на что это было похоже, когда я снова увидел свою мать. Мы были так счастливы, что не смогли поговорить. В

конец концов, я снова был дома. Несмотря на то, что я часто сомневался, что это случится, я понял единственное, на что я надеялся на протяжении всей войны.

Ende der erwählung!

Список городов, которые пересекает Доминик Ришерт

1	Akobstadt	Екабпилс
2	Altenach	Альтенаш
3	Altkirch	Альткирш
4	Amiens	Амьен
5	Anglemont	Англемон
6	Arricourt	Арракур

7	Azoudange	Азуданж
8	Baccarat	Баккара
9	Barmen	Вупперталь-Бармен
10	Basle	Базель
11	Berlin	Берлин
12	Bern	Берн
13	Brandenburg	Бранденбург
14	Braunsberg	Бранево
15	Brest-Litovsk	Вреста
16	Brie-Comte-Robert	Бри-Комт-Робер
17	Brünn	Брно
18	Bruxelles	Брюссель
19	Brzezany	Бережаны
20	București	Бухарест
21	Budapest	Будапешт
22	Bühl	Бюль
23	Cachy	Каши
24	Calais	Кале
25	Cambrai	Камбре
26	Carspach	Карспаш
27	Cerisy	Карспаш
28	Charlottenburg	Шарлоттенбург
29	Chelm	Хелм

30	Chipilly	Шипийи
31	Colmar	Кольмар
32	Cologne	Кёльн
33	Danemark	Дания
34	Dannemarie	Данмари
35	Daugavpils	Даугавпилс
36	Debrecen	Дебрецен
37	Deutsches kaiserreich	Германская империя
38	Diedenhofen	Тьенвиль
39	Dijon	Дижон
40	Dirschau	Тчев
41	Dniestr	Днестр
42	Donaueschingen	Донауэшинген
43	Donon	Донон
44	Dorpat	Тарту
45	Douai	Дуэ
46	Düna	река Западная Двина
47	Dünaburg	Даугавпилс
48	Dürlingsdorf	Дюрленсдорф
49	Düsseldorf, Allemagne	Дюссельдорф Германия
50	Eberbach	Эстония
51	Eimeldingen	Eimeldingen
52	Eisenach	Айзенах

53	Elberfeld	Elberfeld
54	Elbing	Эльблонг
55	Erfurt	Эрфурт
56	Erms	Эрм
57	Eydtkuhnen	Eydtkuhnen
58	Fentsch	Фенш
59	Fentsch	Фенш
60	Flirey	Флире
61	Framerville	Фрамервиль-Ренкур
62	France	Франция
63	Frankfurt am Main	Франкфурт-на-Майне
64	Fraustadt	Всхова
65	Fulda	Фульда
66	Gauja	Гауя
67	Givenchy-lès-la-Bassée	Живанши-ле-ла-Басе
68	Gorlice	Горлице
69	Gotha	Гота
70	Grubeschow	Грубешов
71	Gumbinnen	Гусев
72	Habsheim	Абсхейм
73	Hagenbach	Хагенбах
74	Halberstadt	Хальберштадт
75	Halle	Галле

76	Hamburg	Германия
77	Hanau	Ханау
78	Hangard	Ангар
79	Hardwald	Hardwald
80	Hayingen	Хайинген
81	Hénin-Beaumont	Энен-Бомон
82	Heydekrug	Шилуте
83	Hindlingen	Индленжан
84	Hinzenberg	Хайнценберг
85	Hulluch	Юлюш
86	Illuxt	Илуксте
87	Insterburg	Черняховск
88	Italia	Италия
89	Jakobstadt	Екабпилс
90	Janischki	Janoschka
91	Jaroslau	Ярослав
92	Jēkabpils	Латвия
93	Jelowka	Еловка
94	Jonville	Жонвиль
95	Karlsruhe	Карлсруэ
96	Kaunas pour Kowno	Каунас
97	Köln	Кёльн
98	Königsberg	Калининград

99	Kovno	Каунас
100	Kraków	Краков
101	Kurland	Kurland
102	Küstrin ou Küstein	Куфштайн
103	Laarburg	Саарбург
104	Langres	Лангр
105	Laon	Лан
106	Lemberg	Лемберг
107	Libau	Лиепая
108	Lironville	Лиронвиль
109	Litovsk	Брест
110	Livländische Aa	Livländische Aa
111	Lörchingen	Лоркен
112	Luckenwalde	Луккенвальде
113	Lunéville	Люневиль
114	Magdeburg	Магдебург
115	Mainz	Майнц
116	Mannheim	Мангейм
117	Manspach	Манспаш
118	Marcelcave	Марселкав
119	Mars-la-Tour	Марс-ла-Тур
120	Maubeuge	Мобёж
121	Memel	Клайпеда

122	Ménil sur Belvitte	Мениль-Сюр-Бельвит
123	Méricourt-sur-Somme	Мерикур-Сюр-Сомма
124	Merseburg	Мерзебург
125	Metz	Мец
126	Mitau	Елгава
127	Mörchingen	Моранж
128	Morcourt	Моркур
129	Mülhausen	Мюлуз
130	Munkács	Мукачево
131	Naumburg	Наумбург
132	Nedlitz	Недлиц
133	Netherlands	Нидерланды
134	Neuenburg	Нойенбург-на-Рейне
135	Niederwald Memorial	Нидервальдский памятник
136	Njemen	Неман
137	Novo-Alexandrovsk	Ново-Александровск
138	Oberdorf	Обердорф
139	Obermodern	Обермодерн- Цюцендорф
140	Obersaasheim	Оберсаашем
141	Obersept	Obersept
142	Obersept ou seppois le haut	Сепуа-ле-О

143	Orava	Орава
144	Paderborn	Падерборн
145	Paris	Париж
146	Pfalzburg	Фальсбург
147	Pillau	Балтийск
148	Pinsk	Пинск
149	Polska pour pologne	Польша
150	Posen	Познань
151	Poznań pour Posen	Познань
152	Praha ou prague	Прага
153	Pressburg	Братислава
154	Proyart	Пруайар
155	Przemysl	Пшемысль
156	Radsiwilischki	Радвилишкис
157	Rakishki	Рокишкис
158	Rava-Ruska	Рава-Русская
159	Reichweiler	Райхвайлер
160	Rethel	Ретель
161	Richebourg	Ришбург
162	Rieding	Rieding
163	Riga	Рига
164	Rixheim	Риксхейм
165	Rodenpois	Ропажы

166	Rohatyn	Рогатин
167	România	Румыния
168	Rosheim	Рошем
169	Rosières	Розьер
170	Russie	РУССКИЙ
171	Saint-Héand	Сент-Эан
172	Saint-Rambert-sur-Loire	Сен-Жуст-Сен-Рамбер
173	Sausheim	Сошем
174	Schaulen	Шяуляй
175	Schladern	Шладерн
176	Schneidemühl	Пи́ла
177	Schweinitz	Швайниц
178	Seppois-le-Bas	Сепуа-ле-Ба
179	Skole	Сколе
180	Souchez	Суше
181	St. Etienne	Сент-Этьен
182	St. Heand	Сент-Эан
183	St. Just	Сен-Жуст-Сен-Рамбер
184	St. Rambert	Сен-Рамбер-д'Альбон
185	St.Petersbure	Санкт-Петербург
186	St.Ulrich	Сент-Улриш
187	St-Étienne	Сент-Этьен
188	Strasbourg	Страсбург

189	Stryi	Стрый
190	Sunzel	Сунтажи
191	Thiaucourt	Тьокур-Реньевиль
192	Thiaville	Тьявиль-сюр-Мёрт
193	Thiess	р. Тиса
194	Thorn	Нидерланды
195	Tilsit	Советск
196	Tokaj	Токай
197	Tucholka	Тухоля
198	Ungarisch	Венгрия
199	Üxküll ou Ikskile	Икшкиле
200	Valka	Валка
201	Vendin-le-Vieil	Ванден-ле-Вьей
202	Vermelles	Вермель
203	Villers-Bretonneux	Виллер-Бретоннё
204	Violaines	Вьолен
205	Volodawa	Висла
206	Walk	Поликлиника
207	Weichsel	Висла
208	Weimar	Веймар
209	Wenden	Венден
210	Wermelskirchen	Вермельскирхен
211	Wetzlar	Вецлар

212	Wittenberg	Лютерштадт Виттенберг
213	Wolmar valmiera	Валмиера
214	Wschowa pour fraustadt	Всхова
215	Würzburg	Бюрцбург
216	Zabern	Саверн
217	Zlota lipa	р. Золотая Липа
218	Zurawno	Журавно
219	Zwinin	Dzhvynuv
220	Brest-Litovsky	Брест
221	Львовская область	Львов
222	Россия	Jelowka
223	Сербия	Белград
224	Хардвальд	Хардвальд

Главный пулеметчик Ришера (Русский фронт),
последний ряд в середине.

Конец 1914 года: казарма Доминика Ришера в нынешней казарме Лефевра в Мюлузе (112-й пехотный полк). Будущий фельдмаршал Геринг служил там в звании лейтенанта. В то время он жил в Алткирхе). В январе 1915 года Доминик был последним оставшимся в живых в казарме. Кроме товарища, который потерял рассудок в бою).

Последний ряд 1 слева